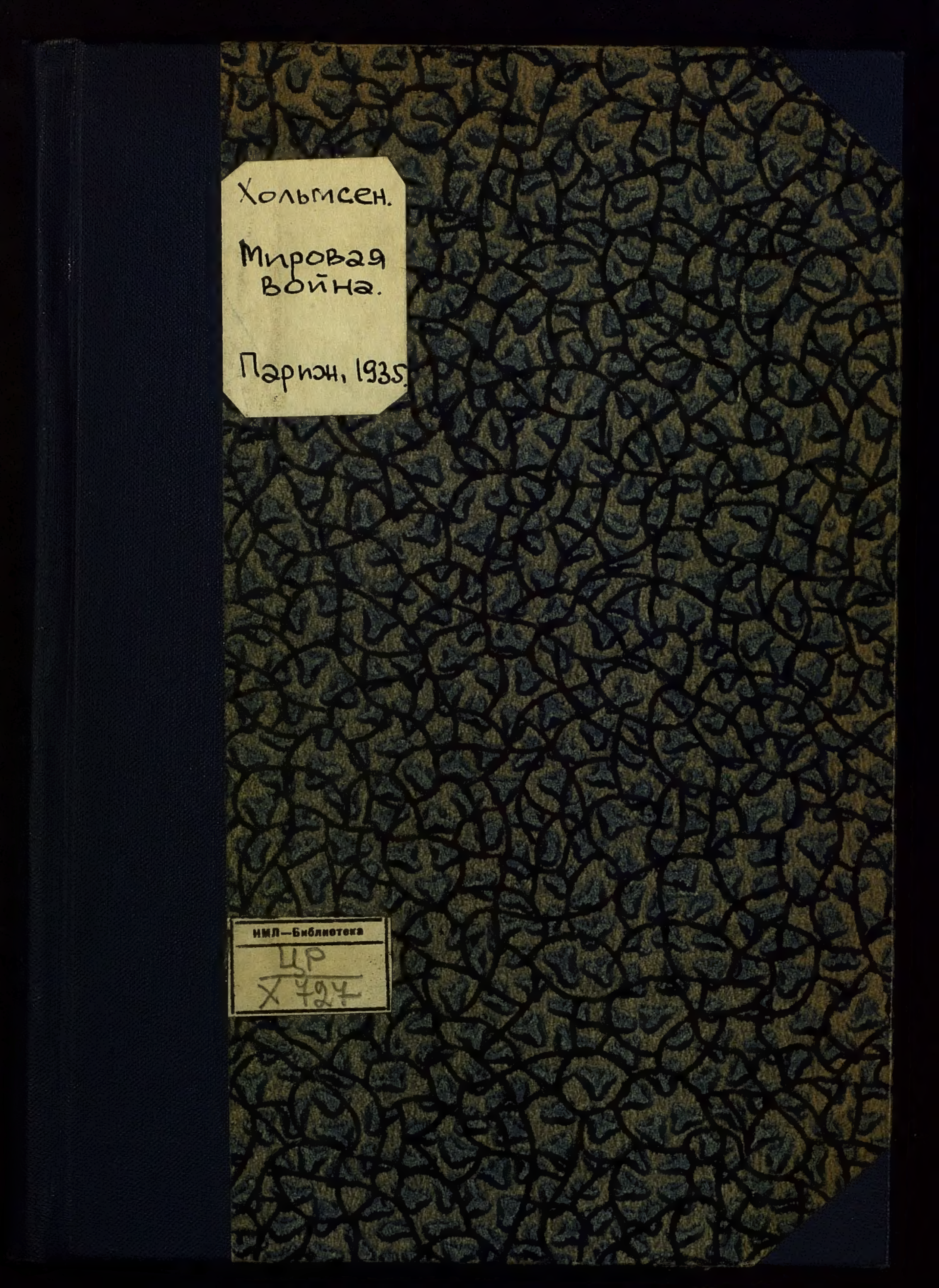
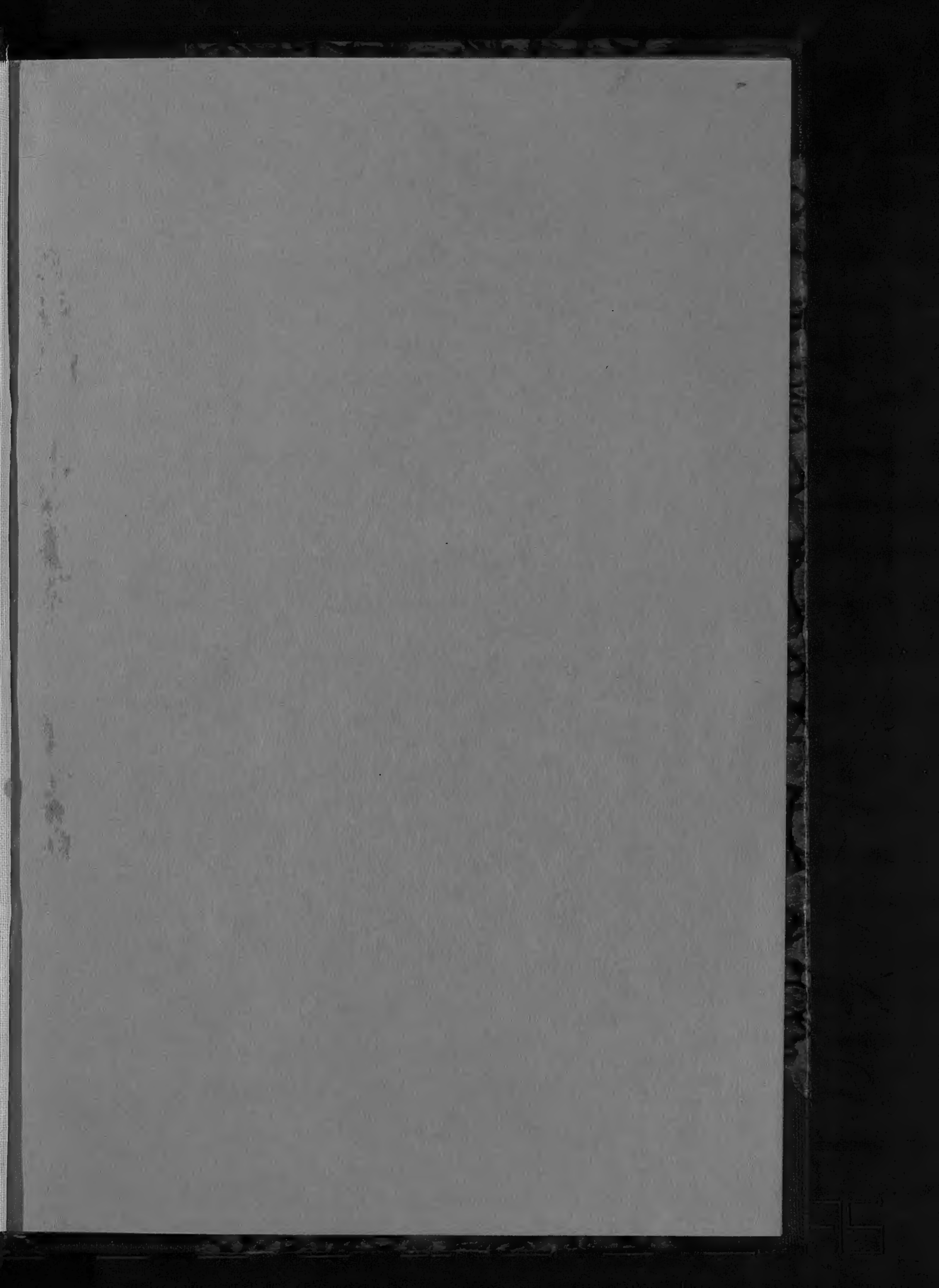

Хольмсен.
Мировая война.
Париж, 1935.

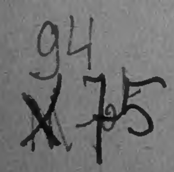

Генералъ-Лейтенантъ ХОЛЬМСЕНЪ.

МІРОВАЯ ВОЙНА

НАШИ ОПЕРАЦІИ
на Восточно-Прусскомъ фронтѣ зимою 1915 г.

Воспоминанія и мысли

ПАРИЖЪ
1935.

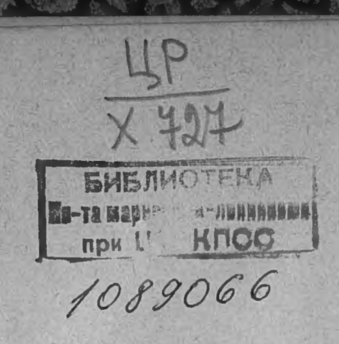
Генералъ-Лейтенантъ ХОЛЬМСЕНЪ.

МІРОВАЯ ВОЙНА

НАШИ ОПЕРАЦІИ на Восточно-Прусскомъ фронтѣ зимою 1915г.

Воспоминанія и мысли

ПАРИЖЪ
1935.

Типографія В. Бейлинсона Таллиннъ (Эстонія) 1935.

Посвящается

Моимъ соратникамъ

по XX-му Корпусу.

Всѣ даты переведены на новый стиль.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Однимъ изъ наиболѣе трагическихъ событій Великой Войны 1914—1918 г.г. является гибель 21-го февраля 1915 г. XX-го Армейскаго Корпуса въ Августовскомъ лѣсу, гдѣ онъ, истекая кровью, атаковалъ занятую нѣмцами нашу передовую позицію у Сопоцкина, подъ верками нашей же крѣпости Гродны, въ которую наканунѣ прибыли два нашихъ корпуса. Надъ причинами этой трагедіи стоитъ призадуматься.

Состоя въ рядахъ XX-го корпуса командиромъ бригады въ 53-ей пѣхотной дивизіи и раздѣливъ его участь, я сразу послѣ катастрофы задался цѣлью всесторонне выяснить всѣ обстоятельства, при которыхъ это глубоко печальное событіе могло имѣть мѣсто. Дневникъ мой я дополнилъ еще свѣжими въ памяти впечатлѣніями о дѣйствіяхъ не только 53-ей дивизіи, но и прочихъ частей корпуса.

На основаніи собранныхъ данныхъ я сдѣлалъ, уже находясь въ плѣну, нѣсколько докладовъ въ присутствіи старшихъ чиновъ корпуса и существенныхъ возраженій не услышалъ.

Подлинныхъ документальныхъ данныхъ, однако, нельзя было достать; онѣ погибли въ обозахъ корпуса. Тѣмъ не менѣе, эти провѣренныя личныя воспоминанія въ дальнѣйшемъ являлись твердымъ основаніемъ для работы и передачи настроеній и взглядовъ на обстановку въ разные фазисы операціи. Безъ нихъ будущимъ изслѣдователямъ было бы трудно разобраться въ причинахъ многихъ дѣйствій корпуса, особенно послѣ 15 февраля, когда корпусъ очутился въ Августовскихъ лѣсахъ безъ связи съ окружающимъ міромъ.

Крайне важно было также добыть данныя всей обстановки не только въ 10-ой арміи, но и на всемъ Сѣв.-Зап. фронтѣ для полученія ясной картины всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ разыгрались описываемыя нами дѣйствія. Только послѣ заклю-

ченія мира удалось мало по малу разобраться въ общемъ ходѣ всей операціи 10-ой арміи, главнымъ образомъ, по изданнымъ во время войны нѣмецкимъ трудамъ. Составленные для восхваленія собственныхъ дѣйствій, они содержатъ правду, но не всю правду. Считаю излишнимъ характеризовать нѣмецкіе и вообще иностранные труды, а также распространяться о всѣхъ трудностяхъ собирать въ эмигрантской жизни по кусочкамъ матеріалы и данныя. О доступѣ эмигранта къ подлиннымъ русскимъ документамъ, конечно, и рѣчи быть не могло, но, все же, въ трудахъ, изданныхъ на русскомъ языкѣ: А. Незнамова, генерала Ю. Н. Данилова и М. Н. Каменскаго *), встрѣчаются ссылки на таковые. Точно такъ же авторъ воспользовался любезными указаніями и воспоминаніями нѣкоторыхъ своихъ соратниковъ по операціи. Особенно цѣнными оказались воспоминанія бывшаго начальника Вержболовской группы ген. Н. А. Епанчина. Глубоко жалѣю, что не удалось добыть детальныя данныя для подробнаго описанія блестящихъ дѣйствій III-го Сибирскаго корпуса.

Эта работа была почти закончена въ концѣ 1930 года, но я остался ею неудовлетворенъ, такъ какъ всѣ германскіе труды, использованные мною, все же страдали недоговоренностью.

Когда, затѣмъ, въ началѣ 1931-го года вышла VII часть официальной германской исторіи Міровой Войны 1914—1918 г.г., всѣ мои сомнѣнія по поводу дѣйствій противника почти разсѣялись, и я могъ приступить къ окончательной редакціи своего труда.

За время моихъ продолжительныхъ поисковъ за источниками, я убѣдился въ почти полномъ отсутствіи въ эмиграціи матеріаловъ о кровопролитныхъ операціяхъ и бояхъ, имѣвшихъ мѣсто на Сѣверо-Западномъ фронтѣ послѣ конца февраля и до конца апрѣля 1915 года.

Единственное пособіе, которое еще даетъ ясный, хотя краткій очеркъ общаго хода этихъ событій, есть официальная германская исторія Міровой Войны 1914—1918 г.г.

Полагая, что переводъ этого труда на русскій языкъ состоится, можетъ быть, не скоро, я рѣшилъ составить краткое описаніе конца этой зимней операціи, главнымъ образомъ, на основаніи изложенія официальной германской исторіи, съ добавле-

---

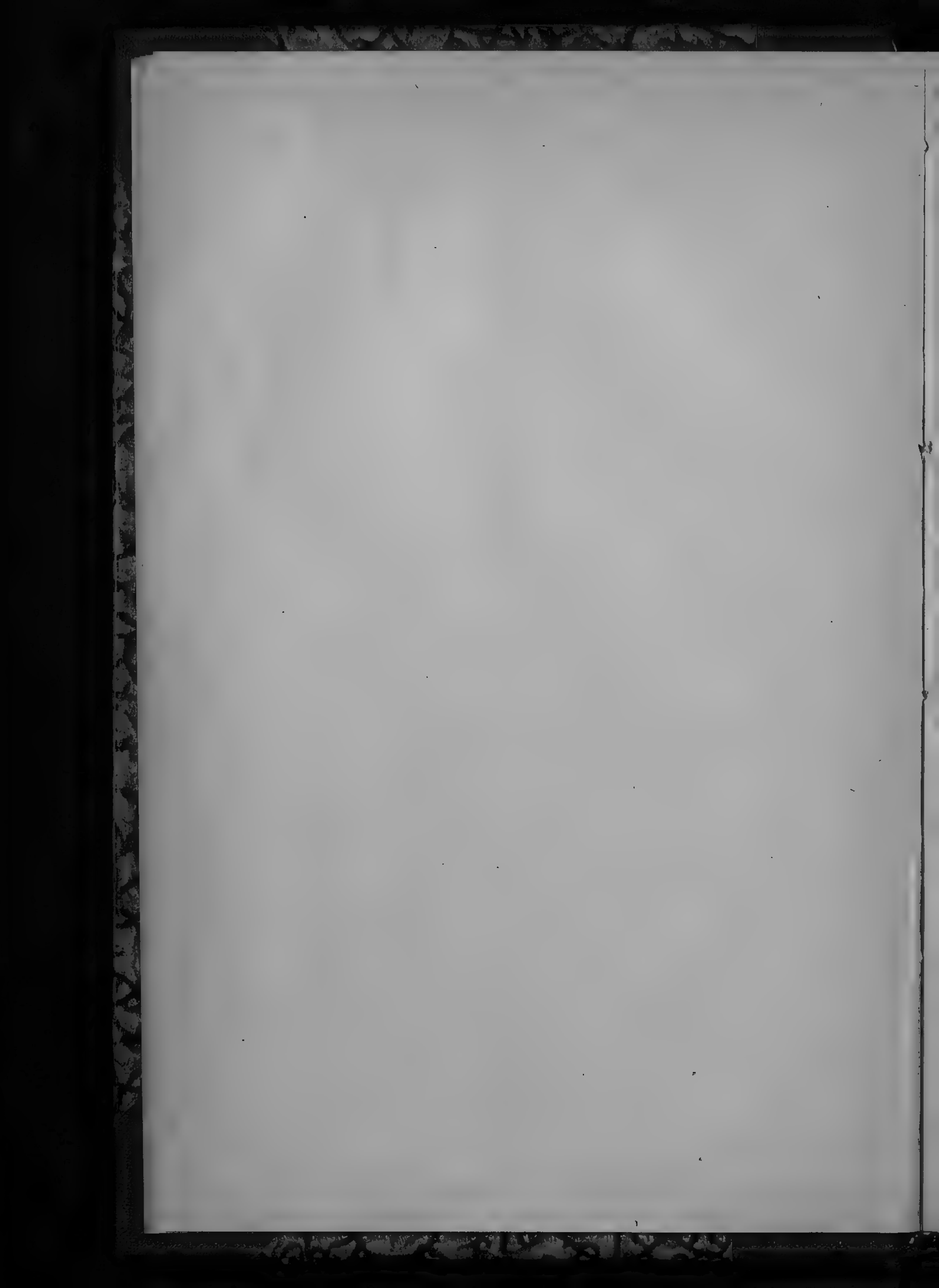
*) Трудъ М. Н. Каменскаго особенно богатъ ссылками на документы архивовъ Штаба 10-ой арміи и слѣдственной комиссіи по дѣлу о гибели XX-го корпуса. Какъ членъ Военно-Исторической Комиссіи въ Петроградѣ, онъ имѣлъ къ этимъ архивамъ доступъ.

ніемъ имѣющихся въ трудѣ Незнамова русскихъ данныхъ объ этихъ операціяхъ.

Стройность изложенія моего труда вслѣдствіе этого нѣсколько страдаетъ, но полагаю, что моимъ соратникамъ, можетъ быть, будетъ интересно прослѣдить, хотя бы вкратцѣ, и эти дальнѣйшія дѣйствія на этомъ фронтѣ, оперативно тѣсно связанныя съ ходомъ событій до 21-го февраля.

Для приданія настоящему изложенію операцій большей ясности и выпуклости мнѣ, мѣстами, пришлось выдѣлить нѣкоторые факты и положенія и разобрать дѣйствія того или иного изъ начальниковъ. Эти сужденія я высказываю на основаніи пока имѣющихся данныхъ и моего личнаго мнѣнія. Въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ описаніе военныхъ дѣйствій, много лѣтъ послѣ событій и при отсутствіи исчерпывающихъ документальныхъ данныхъ, полагаю лучшимъ воздержаться отъ критики и строгихъ сужденій. Арабская поговорка гласитъ: «Если даже всѣ показанія говорятъ не въ пользу твоего ближняго, допускай все же, что существуетъ одна, пока неизвѣстная тебѣ причина, которая объясняетъ его образъ дѣйствія.»

Парижъ.

ГЛАВА I.

Состояніе нашихъ войскъ на западномъ фронтѣ послѣ 5 мѣсяцевъ наступательной войны. Планы дѣйствій — наши и нашихъ противниковъ. Расположеніе нашихъ и германскихъ войскъ на Сѣв.-Зап. фронтѣ къ серединѣ января 1915-го года. Оцѣнка силъ и возможностей русской 10-ой арміи въ предстоявшей борьбѣ. Инженерная подготовка района дѣйствій на Восточно-Прусскомъ театрѣ.

Схемы 1 и 2.

Первый фазисъ гигантской борьбы на русскомъ фронтѣ къ концу 1914-го года окончился безъ достиженія рѣшительнаго успѣха той или другой стороною.

Наши планы наступленія въ Силезію не дали положительнаго результата. Наши союзники перешли къ оборонѣ поспѣшно возведенной укрѣпленной линіи. Затяжной характеръ войны сдѣлался очевиднымъ.

На русскомъ фронтѣ борьба въ теченіе 4—5 мѣсяцевъ носила маневренный характеръ и велась почти одинаковыми по численности силами съ той и съ другой стороны. Лишь къ началу 1915-го года она отчасти приняла тѣ же формы, что и на Западѣ, причемъ установилось временное равновѣсіе силъ.

Возможно, что русская армія временно имѣла нѣкоторый перевѣсъ въ численности, въ особенности, по отношенію къ германцамъ, но зато послѣдніе имѣли подавляющее превосходство въ техническихъ средствахъ, въ числѣ батарей и пулеметовъ, а равно и въ калибрахъ орудій. Въ то же время у насъ, даже въ столь ранній періодъ войны, уже чувствовался недостатокъ въ артиллерійскихъ и ружейныхъ патронахъ; кромѣ того, укомплектованіе арміи не было на высотѣ. Ряды наши сильно порѣдѣли; процентъ потерь доходилъ до 40.

Организація мирнаго времени, дислокація и выгодная съ самаго начала войны политическая обстановка позволили намъ сосредоточить на нашей западной границѣ достаточныя силы для

достиженія существенныхъ результатовъ въ бояхъ, въ частности, противъ австрійцевъ. Но зато борьба противъ нѣмцевъ показала, что условія дальнѣйшихъ дѣйствій противъ нихъ могли бы насъ поставить въ крайне затруднительное положеніе, въ особенности, если германцы считали бы возможнымъ перевезти съ запада на нашъ фронтъ еще большее количество войскъ, или же подвезти вновь сформированныя части изъ Германіи. О такихъ возможностяхъ не должно было существовать никакого сомнѣнія, особенно, послѣ того какъ борьба на Западномъ фронтѣ приняла характеръ мало подвижной окопной войны. Новыя формированія нѣмцевъ уже были замѣчены на Ипрскомъ участкѣ французскаго фронта; вновь созданныя изъ еще болѣе сильныхъ кадровъ части появились и противъ насъ подъ Лодзью и показали, что онѣ мало чѣмъ уступаютъ полевымъ войскамъ. Организаціонная работа внутри Германіи по формированію новыхъ частей и пополненій, очевидно, была въ полномъ ходу съ самаго начала войны.

Если ближе разсмотрѣть плотность занятія нашего фронта, то слѣдуетъ замѣтить, что онъ въ общемъ былъ занятъ довольно слабо. Весьма примитивные окопы были полевого типа и далеко не непрерывны по всему фронту, въ то время какъ наши противники, обладавшіе болѣе развитою и заблаговременно мобилизованною промышленностью, усиливали свои окопы даже бетонными сооруженіями и подвозили крупную артиллерію, большое количество пулеметовъ и снарядовъ, равно какъ и разнообразныя техническія средства для окопной борьбы. Сильнѣе другихъ въ численномъ отношеніи нами былъ занятъ участокъ на лѣвомъ берегу Вислы, гдѣ мы къ 1915 году могли насчитать 51 дивизію на 230 верстъ фронта. На Карпатскомъ участкѣ у насъ стояло 29 дивизій на фронтѣ въ 400 верстъ, между тѣмъ какъ на Восточно-Прусскомъ фронтѣ насчитывалось на 400-верстномъ фронтѣ всего 17½ дивизій, изъ коихъ четыре были на Млавскомъ направленіи, а 13½ дивизій на фронтѣ Арисъ-Куссенъ противъ Мазурскихъ озеръ. Въ тылу, въ распоряженіи Главковерха, находились 4½ див. (Гвардейскій и IV Сибирскій корпуса).

Къ тому же между 1-ою и 10-ою арміями оставалось большое открытое, лишь слабо наблюдаемое пространство, а правый флангъ 10-ой арміи оставался на вѣсу до Балтійскаго моря даже не примкнутымъ къ нижнему теченію р. Нѣмана.

Къ Новому Году противъ нашихъ 102 дивизій дѣйствовали 83 австро-венгерскія и германскія дивизіи, не считая германскаго ландштурма. Принимая во вниманіе сильную герман-

скую артиллерію, надо считать, что превосходство въ силахъ опредѣленно перешло на сторону нашихъ противниковъ.

Большія же, слабо занятыя нами пространства на Восточно-Прусскомъ участкѣ пока еще предоставляли германцамъ возможность достигнуть въ полѣ большихъ и для насъ чувствительныхъ результатовъ.

Вопросъ сводился къ тому, какая изъ сторонъ окажется въ состояніи застать другую врасплохъ неожиданнымъ подвозомъ необходимаго количества свѣжихъ войскъ и матеріальной части.

Германцы, безъ всякаго сомнѣнія, обладали большими возможностями въ силу ихъ сильно развитой, мощной желѣзно-дорожной сѣти и энергично ведомой организаціонной работы по выставленію новыхъ формированій.

При операціяхъ, веденныхъ въ первые четыре мѣсяца войны, исподволь прибывавшіе изъ нашихъ дальнихъ военныхъ округовъ корпуса послужили стратегическими резервами и не разъ давали намъ возможность захватить въ наши руки инициативу, но со времени окончанія полнаго сосредоточенія всѣхъ нашихъ силъ это положеніе измѣнилось. Стратегическіе резервы могли быть образованы почти исключительно лишь путемъ выхватыванія войскъ изъ участковъ фронта. Однако, слабо развитая желѣзно-дорожная и дорожная сѣти не давали возможности развивать желательную быстроту переброски. Недохватъ войскъ для образованія стратегическихъ резервовъ, такимъ образомъ, къ концу 1914 года поставилъ насъ въ трудное положеніе, давая намъ мало шансовъ для новаго захвата инициативы.

Между тѣмъ, отдѣльныя группы стратегическихъ резервовъ были бы необходимымъ дополненіемъ для приданія устойчивости длинному и въ общемъ слабо занятому фронту. Эти группы резервовъ, кромѣ того, могли бы играть важную роль для временнаго отдыха наиболѣе пострадавшихъ въ бояхъ войскъ.

Русская армія съ самаго начала войны почти безъ отдыха пять мѣсяцевъ выносила тяжелую борьбу въ непрерывныхъ маршахъ и въ кровопролитныхъ бояхъ, которые продолжались до Новаго Года съ почти неослабной силою при предъявленіи войскамъ требованій все новыхъ усилій и жертвъ. Цвѣтъ русской арміи уже погибъ; силы арміи были измотаны и, къ сожалѣнію, автоматически не возстанавливались надлежащей организацией укомплектованія и снабженія, хромавшихъ по причинѣ многихъ недочетовъ глубокаго тыла, находившагося въ вѣдѣніи не Верховнаго Главнокомандующаго, а военнаго министра.

Получалось впечатлѣніе, что военный министръ не сознавалъ необходимости съ начала войны приступить къ широкому развитію мѣръ по поддержанію въ постоянной и полной силѣ полевой арміи.

О необходимости уже съ самаго начала войны формировать новыя части полевыхъ войскъ не было и рѣчи, видимо, вслѣдствіе недостатка вооруженія. Эти недочеты дали себя сильно чувствовать къ Новому Году, когда недостатокъ въ полевой и тяжелой артиллеріи, а въ особенности въ снабженіи патронами и комплектованіи, у насъ ощущался особенно сильно. Уже въ ту пору укомплектованіе нашей пѣхоты прибывало безъ винтовокъ, вслѣдствіе недохвата ихъ даже для обученія въ запасныхъ частяхъ.

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе причинъ этихъ печальныхъ явленій, ограничимся лишь указаніемъ на главнѣйшія — отсутствіе политической дальновидности у военнаго министра Сухомлинова въ довоенный періодъ и заблужденіе его въ оцѣнкѣ вѣроятной продолжительности войны и соотношенія силъ воюющихъ сторонъ.*) Этимъ объясняется, что нашихъ матеріальныхъ средствъ хватило всего на первые мѣсяцы Міровой войны.

Вмѣсто того чтобы руководствоваться мнѣніемъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, считавшаго, что, при недостаточномъ развитіи промышленности въ Россіи и невозможности опредѣлить продолжительность войны, необходимо исходить изъ разсчета въ 3.000 снарядовъ на орудіе, генералъ Сухомлиновъ взялъ въ основаніе своихъ разсчетовъ опытъ Русско-Японской войны и количество орудійныхъ снарядовъ до 900 на орудіе.

Ружейнымъ же заводамъ генералъ Сухомлиновъ до войны съ легкимъ сердцемъ прекратилъ заказы на винтовки, считая, что мы очень скоро вынуждены будемъ перевооружиться автоматическими ружьями.

Несмотря на сильное увеличеніе въ германской арміи числа пулеметовъ и артиллеріи, въ особенности тяжелой, онъ по разнымъ причинамъ задерживалъ принятіе соотвѣтствующихъ мѣръ въ нашей арміи и отклонялъ заказы заграницей. Наши западные союзники уже послѣ Марнскаго сраженія постепенно переходили къ оборонѣ и возвели цѣлую систему окоповъ, постепенно усовершенствовавшихся и доходившихъ до крѣпостного типа. Въ на-

---

*) Однако, слѣдуетъ констатировать фактъ, что не онъ одинъ заблуждался. Только фельдмаршалъ Китченеръ и германское командованіе сразу послѣ отступленія французовъ изъ Бельгіи и Марнскаго сраженія поняли, что война затянется на нѣсколько лѣтъ.

шемъ положеніи было, можетъ быть, не менѣе причинъ поступить такъ же, чтобы успѣть собраться съ силами и заняться вопросами усиленія нашей артиллеріи, снабженія патронами, укомплектованіемъ и реорганизацией арміи и тыла.

Однако, такой образъ дѣйствій не отвѣчалъ взглядамъ на обстановку Верховнаго Главнокомандующаго, усматривавшаго въ активности дѣйствій вѣрнѣйшій способъ для побѣды.

Отмѣтимъ еще, что наша армія къ Новому Году занимала какъ разъ ту оборонительную линію, отъ укрѣпленія которой генералъ Сухомлиновъ въ 1910 году отказался, приступивъ даже къ частичному уничтоженію и разоруженію тѣхъ фортификаціонныхъ сооруженій, которыя до того времени существовали.

Имѣя въ виду недостатокъ силъ и средствъ для одновременнаго веденія наступательныхъ дѣйствій на всемъ протяженіи нашего фронта, Ставка рѣшила временно перейти къ стратегической оборонѣ на всемъ фронтѣ армій, съ тѣмъ чтобы при первой возможности перейти въ наступленіе, хотя бы съ одного изъ участковъ растянутаго фронта.

Восточно-Прусскія провинціи составляли прекрасно оборудованный плацдармъ для ударовъ во флангъ, а при нѣкоторыхъ условіяхъ, даже въ тылъ нашихъ армій. Онѣ занимали угрожающее положеніе не только по отношенію къ устойчивости всего нашего фронта, но въ особенности къ нашимъ намѣченнымъ для будущаго времени наступательнымъ планамъ противъ Германіи. Этотъ пока слабо занятый участокъ нашего фронта являлся Ахиллесовою пятою нашего общаго расположенія, вслѣдствіе чего нельзя не подчеркнуть своевременность обращенія Ставкою вниманія на этотъ участокъ. Однако, вмѣсто простого усиленія нашего положенія на этомъ участкѣ, было признано возможнымъ, при существовавшей около Новаго Года (1915-го) обстановкѣ, задаться цѣлью захватить всю Восточную Пруссію, вплоть до Вислы. Это неуклонное намѣреніе Ставки могло быть поставлено на очередь лишь около Новаго Года.

Къ этому времени нѣмецкихъ войскъ въ Восточной Пруссіи было мало. Линію Мазурскихъ озеръ и Даркеменскую позицію занимала 8-ая армія генерала Отто фонъ Белова въ составѣ 1 полевой, 1 резервной, 4 ландверныхъ и 1 кав. дивизій и нѣкотораго числа ландштурменныхъ частей. Всего не болѣе 100.000 штыковъ. На Торнскомъ и Млавскомъ направленіяхъ дѣйствовали два ландверные корпуса *) съ одною кавалерійской дивизіей. Осталь-

---

*) Корпусъ «Торнъ», генерала Дикхута въ 20 бат., 7 эск. и 12 бтр. и

ное пространство до Іоганнисбурга оборонялось ландштурменными частями, такъ называемою «пограничною охраною».

Уже въ мирное время вся трудность веденія операцій въ Восточной Пруссіи живо сознавалась въ нашихъ штабахъ пограничныхъ военныхъ округовъ. Пораженіе армій генераловъ Самсонова и Ренненкампфа какъ бы подтверждало правильность такого взгляда. По выраженію генерала Алексѣева, Восточная Пруссія — «осиное гнѣздо».

Однако, Ставка считала, что завладѣніе этими провинціями до Нижней Вислы разъ навсегда обезпечитъ нашъ правый флангъ и тылъ нашего стратегическаго фронта отъ германскихъ ударовъ и дастъ намъ возможность подумать о перенесеніи военныхъ дѣйствій вглубь Германіи въ направленіи на Берлинъ. Этотъ вопросъ былъ поднятъ въ очень осторожной формѣ на совѣщаніи въ Сѣдлецѣ 29-го ноября 1914 г. съ главнокомандующими фронтами. Было предложено образовать особую группу войскъ, не менѣе трехъ корпусовъ, на Млавскомъ направленіи съ цѣлью наступать на Сольдау и этимъ способствовать продвиженію впередъ 10-ой арміи, въ цѣляхъ овладѣнія Восточной Пруссіей.

Это предложеніе, однако, оказалось въ глубокомъ противорѣчіи съ тѣми настроеніями, съ которыми прибыли на совѣщаніе оба Главнокомандующіе фронтами послѣ Лодзинскихъ событій. Верховный Главнокомандующій поэтому, считаясь съ мнѣніями обоихъ ближайшихъ своихъ подчиненныхъ, призналъ болѣе соотвѣтственнымъ разрѣшить арміямъ отойти нѣсколько назадъ на заранѣе подготовленныя позиціи съ цѣлью такимъ образомъ получить возможность образовать столь необходимые резервы. Но, уже черезъ нѣсколько дней послѣ совѣщанія 29-го ноября, генералъ Янушкевичъ, въ своей телеграммѣ генералу Рузскому, призналъ необходимымъ вновь возвратиться къ этому больному вопросу. «Трудность и сложность рѣшенія вопроса объ обезпеченіи успѣха въ Восточной Пруссіи», говорилъ онъ въ своемъ заключеніи, «не могутъ, казалось бы, явиться основаніемъ для отказа отъ рѣшенія этой задачи, такъ какъ это, повидимому, было бы равносильно отказу отъ перенесенія войны въ предѣлы Германіи.»

корпусъ «Грауденцъ» генерала Сурена (ранѣе Цастрова), въ 32 бат., 9 эск. и 16 бтр. Эти корпуса были выдѣлены изъ гарнизоновъ одноименныхъ крѣпостей и состояли преимущественно изъ ландвера, ландштурма и эрзацрезерва.

Главнокомандующій арміями С.-З. фронта, генералъ Рузскій въ общемъ поддерживалъ точку зрѣнія Ставки и признавалъ также необходимымъ стремиться къ овладѣнію Восточной Пруссіей, считая таковое подготовительнымъ этапомъ для перехода въ наступленіе на лѣвомъ берегу Вислы. Однако, во взглядахъ генерала Рузскаго можно было обнаружить нѣкоторыя «колебанія», которыя очень рельефно отразились въ одной изъ его телеграммъ въ Ставку. Въ ней, подъ вліяніемъ донесеній изъ 10-ой арміи, генералъ Рузскій говоритъ:

«Приходится придти къ заключенію, что соотвѣтственнѣе было бы на Восточно-Прусскомъ театрѣ войны отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ форсировать озерную систему, а перейти къ оборонѣ, оставивъ для сего минимальное число войскъ, достаточное для надежнаго обезпеченія сообщеній фронта».

Обстановка складывалась такъ, что Восточно-Прусская проблема пока еще оставалась въ неопредѣленномъ положеніи.

Но въ срединѣ января 1915 г. Генералъ Квартирмейстеръ Ставки, генералъ Даниловъ, составилъ записку по Восточно-Прусскому вопросу. Эта записка представляетъ большой интересъ въ томъ отношеніи, что она 1) наглядно рисуетъ, какъ представлялось въ Ставкѣ наше положеніе на западномъ фронтѣ къ указанному выше времени и 2) излагаетъ ея планы относительно дѣйствій въ ближайшемъ будущемъ. Мы поэтому приводимъ ее ниже полностью.

«I. *Обстановка.* а) Въ Восточной Пруссіи 10-ая армія — силою въ 15 дивизій — ведя наступательную операцію противъ 8-ми германскихъ дивизій, остановилась передъ сильно укрѣпленными позиціями противника на фронтѣ Мазурскихъ озеръ. Не находя въ арміи достаточныхъ силъ и средствъ для маневра и ограниченный въ расходованіи артиллерійскихъ припасовъ, командующій этой арміей (генералъ Сиверсъ) видѣлъ единственный для себя способъ дѣйствія въ медленномъ продвиженіи впередъ при помощи сапныхъ и минныхъ работъ.

б) На Млавскомъ направленіи войска укрѣпленнаго района *) (4 дивизіи) ведутъ довольно успѣшную борьбу противъ относительно слабыхъ силъ нѣмцевъ (двѣ дивизіи). «Чувствуется, что при энергичномъ нажимѣ противникъ могъ бы быть отброшенъ здѣсь на свою территорію.»

в) На лѣвомъ берегу Вислы на участкѣ до Пилицы, 1, 2 и 5 арміи (33½ дивизіи), послѣ упорныхъ ноябрьскихъ боевъ, за-

*) Новогеоргіевскаго (Примѣчаніе автора).

няли позиціи за рѣками Бзурой и Равкою, которыя имѣли возможность укрѣпить и совершенствовать въ теченіе почти мѣсяца.

Противъ этихъ армій дѣйствують около 25 нѣмецкихъ дивизій, которыя въ безпрерывныхъ атакахъ, *повидимому, исчерпали свои силы настолько*, что, если имъ не удастся перебросить съ Запада на Востокъ еще новыя силы, можно предполагать, что 1, 2 и 5 арміи будутъ въ состояніи въ теченіе ближайшаго времени сохранить свое нынѣшнее положеніе

г) Къ югу отъ Пилицы до Верхней Вислы 4-ая и 9-ая арміи (17½ дивизій) имѣютъ передъ собою противника (17 дивизій), повидимому, неспособнаго къ развитію широкихъ наступательныхъ дѣйствій, но опирающагося на ранѣе подготовленныя въ тылу весьма крѣпкія позиціи, успѣвшаго также прикрыть укрѣпленіями свой фронтъ. Въ частности, 4-ая армія своимъ положеніемъ обезпечиваетъ какъ лѣвый флангъ армій С.-З. фронта, такъ и общее положеніе армій Ю.-З. фронта, прикрывая кратчайшіе пути на Ивангородъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, располагаясь уступомъ впередъ въ отношеніи общаго фронта арміи С.-З., она занимаетъ весьма выгодное положеніе для перехода въ наступленіе противъ нѣмцевъ, но силы ея для сего недостаточны (8½ дивизій), а противостоящій ей противникъ весьма прочно укрѣпился, пользуясь оборонительною линіею рѣки Пилицы.

д) Наконецъ, въ Галиціи 3-ья, 8-ая и 11-ая арміи (29 дивизій), успѣшно отразивъ третье наступленіе австрійцевъ (31 дивизія), своимъ положеніемъ закрѣпляютъ завоеванную часть Галиціи и Буковины. Тѣмъ не менѣе, едва ли можно разсчитывать, чтобы эти арміи своими силами могли въ ближайшее время нанести рѣшительныя пораженія австрійскимъ войскамъ, кои могутъ уйти за Карпаты.*)

Въ общемъ, въ перечисленныхъ выше арміяхъ мы имѣемъ 99 дивизій противъ 41 нѣмецкой и 42 австрійскихъ дивизій.

Независимо того въ тылу, въ распоряженіи главковерха мы имѣемъ два корпуса, гвардейскій и IV Сибирскій (4½ див.), кои въ случаѣ нужды въ нѣсколько дней могутъ подкрѣпить любой участокъ сѣверной половины нашего общаго фронта.

По совокупности всего изложеннаго наше стратегическое положеніе на западномъ фронтѣ слѣдуетъ признать прочнымъ и,

---

*) Нынѣ, пользуясь наступившимъ затишьемъ, австрійцы, видимо, приступили къ новой перегруппировкѣ своихъ силъ. Едва ли, однако, новый планъ ихъ нарушитъ выводы настоящей записки. (Примѣчаніе подлинника).

повидимому, вполнѣ обезпечивающимъ достигнутые за первые 5 мѣсяцевъ войны успѣхи.

Однако, положеніе это не заключаетъ въ себѣ данныхъ, чтобы расчитывать на возможность достигнуть въ ближайшее время рѣшающаго успѣха надъ нашимъ противникомъ.

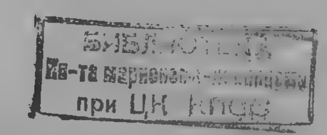
Причины, по которымъ мы должны придерживаться такого положенія, заключаются во внутреннемъ состояніи нашихъ армій. Арміи эти, имѣя некомплектъ, доходящій до полумилліона людей, требуютъ прежде всего значительныхъ укомплектованій для доведенія войсковыхъ единицъ до полныхъ составовъ.

Не менѣе существеннымъ является вопросъ о пополненіи артиллерійскихъ патроновъ, которыхъ для доведенія подвижныхъ запасовъ до нормы не хватаетъ свыше 200.000, и въ дальнѣйшемъ снабженіи таковыми. Параллельно требуется исправленіе другихъ недочетовъ болѣе мелкаго значенія.

По совокупности имѣющихся данныхъ приходится предполагать, что положеніе нашихъ армій рѣзко измѣнится къ лучшему *лишь къ апрѣлю сего года,* къ какому сроку будетъ закончено даже обученіе новобранцевъ 1915 года. Къ этому же сроку ожидается массовое поступленіе съ заграничныхъ заводовъ артиллерійскихъ припасовъ, а также, надо надѣяться, закончатся испытываемыя нынѣ затрудненія по снабженію укомплектованій винтовками. Однако, если наши противники въ теченіе ближайшаго мѣсяца не вынудятъ насъ къ веденію боевыхъ дѣйствій въ широкихъ размѣрахъ, то уже въ февралѣ мѣсяцѣ положеніе нашихъ армій нѣсколько улучшится.

Къ этому времени, т. е. къ февралю должна закончиться интенсивная перевозка обученныхъ новобранцевъ 1914 года, а также формированіе XV-го Корпуса и бригада XIII Корпуса (2½ див.); наконецъ, и число изготовляемыхъ артиллерійскихъ парковъ поднимется до 12 въ мѣсяцъ, что, при экономіи въ расходѣ, можетъ привести къ нѣкоторому накопленію огнестрѣльныхъ припасовъ, чѣмъ, быть можетъ, удастся довести до нормы всѣ подвижные запасы.

Трудно, конечно, предусмотрѣть, предоставитъ ли намъ противникъ срокъ, необходимый для полнаго приведенія арміи въ боевую готовность, но съ нѣкоторой долей вѣроятности можно думать, что крупныя операціи едва ли разовьются въ ближайшее время. Австрійцы для этого слишкомъ разстроены, и армія ихъ, несомнѣнно, несетъ въ себѣ зародыши внутренняго разложенія. Что касается нѣмцевъ, то ихъ дѣйствія на нашемъ фронтѣ, вѣ-

роятно, будутъ находиться въ прямой зависимости отъ событій на ихъ Западномъ фронтѣ, гдѣ началось наступленіе нашихъ союзниковъ, завѣряющихъ насъ, что это наступленіе будетъ вестись съ возрастающей энергіей и упорствомъ.»

Планы будущихъ дѣйствій. Переходя ко взгляду на ближайшее будущее, докладъ говоритъ:

«Во всякомъ случаѣ, для успѣха подготовки, требующей времени, мы уже теперь должны поставить себѣ вопросъ о тѣхъ цѣляхъ, кои будутъ положены въ основу будущихъ нашихъ дѣйствій, если противники дадутъ намъ время привести наши арміи въ порядокъ.

Развивать рѣшительный ударъ одновременно на всемъ фронтѣ, противъ обоихъ нашихъ противниковъ, мы, конечно, не можемъ — для этого необходимо имѣть огромныя силы и средства. Слѣдовательно, намъ нужно намѣтить одного изъ двухъ противниковъ для нанесенія главнаго удара, иначе говоря — мы должны избрать одно изъ двухъ направленій — на Вѣну (Будапештъ) или на Берлинъ. Каждое изъ этихъ операціонныхъ направленій имѣетъ свои особенности, каковыя необходимо имѣть въ виду при разрѣшеніи поставленнаго вопроса.

Операціонное направленіе на Вѣну (Будапештъ) короче по разстоянію (375 верстъ противъ 450 верстъ) и менѣе подготовлено въ оборонительномъ отношеніи. Оно ведетъ къ разъединенію обоихъ нашихъ противниковъ, причемъ мы будемъ имѣть передъ собою противника, уже надломленнаго предыдущими пораженіями, и, слѣдовательно, не дадимъ ему оправиться. Развитіе дѣйствій на этомъ операціонномъ направленіи, несомнѣнно, должно повліять на колеблющіяся нейтральныя государства: Румынію и Италію и болѣе опредѣленно склонить ихъ на нашу сторону. Какъ результатъ выступленія этихъ государствъ возможенъ даже полный внутренній распадъ всей австро-венгерской монархіи.

Однако, операціонное направленіе на Вѣну (Будапештъ) имѣетъ нѣсколько весьма крупныхъ отрицательныхъ сторонъ, а именно:

1) Оно бьетъ по второстепенному противнику.

2) Оно невыгодно съ точки зрѣнія общихъ интересовъ нашихъ союзниковъ, требующихъ сконцентрированнаго удара противъ главнѣйшаго противника — нѣмцевъ; и

3) Сосредоточеніе на этомъ операціонномъ направленіи значительныхъ силъ ведетъ къ ослабленію нашего положенія на важнѣйшихъ путяхъ къ центру нашего собственнаго государства.

Углубившись въ Австро-Венгрію, мы будемъ безсильны остановить ударъ нѣмцевъ на собственную страну, каковой ударъ для нихъ возможенъ цѣною переброски достаточныхъ силъ съ французскаго фронта на нашу границу.

Операціонное направленіе на Вѣну было бы особенно заманчивымъ, если можно было бы разсчитывать нанести австрійцамъ громовой ударъ въ короткій срокъ. Однако, вѣроятность выполненія такого удара едва ли чѣмъ-либо можетъ быть доказана; вѣрнѣе предположить, что операція на Вѣну потребуетъ также нѣсколько мѣсяцевъ войны.

Наконецъ — завершеніе этой операціи не знаменуетъ собою окончанія войны, если главный противникъ — нѣмцы не будутъ къ этому времени сломлены.

Всѣ эти соображенія приводили къ тому, что нанесеніе рѣшительнаго удара Германіи всегда считалось конечною цѣлью противъ державъ противнаго намъ союза. Повидимому, нѣтъ достаточныхъ основаній отказываться отъ нанесенія этого удара и нынѣ.

Однако, необходимо имѣть въ виду, что при вторженіи вглубь Германіи намъ придется считаться съ рядомъ затрудненій и прежде всего съ тѣмъ обстоятельствомъ, что пограничная съ нами полоса Германіи опоясана весьма мощными желѣзнодорожными линіями, кои даютъ нашему противнику свободу переброски силъ съ одного участка общаго фронта на другой, связывая этимъ развитіе нашихъ наступательныхъ дѣйствій и угрожая ударомъ во флангъ нашимъ арміямъ при наступленіи ихъ по лѣвому берегу Вислы. Особенно выгодно для нѣмцевъ положеніе, занимаемое по отношенію къ операціоннымъ путямъ на Берлинъ Восточной Пруссіею, изъ которой ударъ можетъ быть нанесенъ намъ не только во флангъ, но, при нѣкоторыхъ условіяхъ, глубоко въ тылъ.

Это обстоятельство притягивало наше вниманіе къ Восточной Пруссіи съ начала войны и только нѣкоторыя частныя неудачи въ Восточной Пруссіи, а равно необходимость не допустить противника къ Варшавѣ, а также и другія обстоятельства препятствовали намъ въ овладѣніи Восточной Пруссіей, что сразу бы стѣснило свободу маневрированія нѣмецкихъ силъ и обезпечило насъ отъ многихъ тяжелыхъ возможностей.

Такимъ образомъ вопросъ о Восточной Пруссіи считается открытымъ до нынѣ, а между тѣмъ при выборѣ операціоннаго направленія на Берлинъ онъ требуетъ категорическаго рѣшенія. *)

*** Курсивъ автора.**

Едва ли возможно рѣшиться на вторженіе вглубь Германіи, оставляя у себя на флангѣ и даже въ тылу незанятый нами Восточно-Прусскій районъ съ рядомъ желѣзнодорожныхъ переправъ через нижнюю Вислу, находящихся въ рукахъ нѣмцевъ. Такое рѣшеніе могло бы поставить всю нашу наступательную операцію вглубь Германіи въ очень рискованное положеніе.

Къ изложенному необходимо еще добавить, что овладѣніе Восточной Пруссіею уже само по себѣ составляетъ предметъ чрезвычайной важности: война переносится въ предѣлы Германіи, неизбѣжное бѣгство населенія отразится паникой въ глубинѣ германской Имперіи и, наконецъ, овладѣніе Восточной Пруссіей явится компенсаціей за занятіе нѣмцами части нашего Привислинскаго края.

Итакъ, въ интересахъ подготовки къ будущимъ наступательнымъ дѣйствіямъ намъ необходимо теперь же рѣшить вопросъ о томъ, продолжаемъ ли мы попрежнему считать главной нашей цѣлью развитіе рѣшительныхъ дѣйствій противъ Германіи и, въ утвердительномъ случаѣ, не слѣдуетъ ли намъ ближайшей, по пути выполненія поставленной цѣлью считать овладѣніе Пруссіею.

При рѣшеніи сего послѣдняго вопроса необходимо имѣть въ виду, что, въ сущности, Восточно-Прусскій районъ является единственнымъ на всемъ С.-З. фронтѣ, гдѣ возможно ожидать тактическаго успѣха надъ германцами, такъ какъ весь остальной фронтъ укрѣпленъ и непосредственно занятъ войсками столь сильно, что расчитывать на успѣхъ фронтальнаго удара крайне трудно.

Если на оба поставленные вопроса будетъ данъ утвердительный отвѣтъ, то слѣдующими вопросами слѣдуетъ поставить вопросъ о силахъ и наилучшихъ способахъ выполненія первоначальной задачи по овладѣнію Восточной Пруссіей.

Съ нашей стороны для развитія наступленія имѣются корпуса: Гвардейскій, IV Сибирскій и XV (считая, что наступленіе не можетъ начаться ранѣе 14 февраля). Затѣмъ, могутъ быть притянуты: 63 дивизія, бриг. 2 пѣх. дивизіи и бригада XIII А. К., т.-е. всего 8½ дивизій. На переброску нѣмецкихъ войскъ съ рѣкъ Бзуры и Равки мы, естественно, должны отвѣчать такою же переброскою нашихъ войскъ, затрудняя вмѣстѣ съ тѣмъ контръманевръ противника демонстративными дѣйствіями 1, 2 и 5-ой арміями.

Что касается направленія для удара, то наиболѣе выгоднымъ считается ударъ съ фронта Пултускъ-Остроленка на фронтъ

Сольдау-Ортельсбургъ при обезпеченіи лѣваго фланга наступленія крѣпостью Новогеоргіевскъ, сильной кавалерійскою массою вдоль Вислы *) и I Турк. Корпусомъ, а праваго — частями 10-ой арміи, причемъ 10-ая армія должна развить энергичныя активныя дѣйствія на томъ или иномъ изъ своихъ фланговъ, выдѣливъ изъ себя для этой цѣли достаточныя силы, дабы обезпечить успѣхъ одновременностью комбинированнаго удара.

Возможно еще развить наступленіе со стороны праваго фланга 10-ой арміи въ направленіи отъ Ковны. Такая операція потребуетъ даже меньше силъ, но успѣхъ ея приведетъ лишь къ частному результату, такъ какъ противнику будетъ дана возможность свободнаго отхода въ западномъ направленіи».

Въ заключеніе «слѣдуетъ отмѣтить, что для выполненія операціи по овладѣнію Восточной Пруссіею, повидимому, нѣтъ необходимости ожидать полнаго возстановленія боевой готовности всѣхъ нашихъ армій, что можетъ быть достигнуто лишь къ апрѣлю. Казалось бы достаточнымъ выждать прибытія всѣхъ новобранцевъ 1914 г. (конецъ января) и нѣкотораго улучшенія условій питанія нашихъ армій боевыми припасами, помня, что вся августовская Галицкая операція Ю.-З. фронта потребовала на кругъ по 550 снарядовъ на орудіе и при томъ при безумной интенсивности нашего артиллерійскаго огня. Такимъ образомъ, доведеніе нашихъ подвижныхъ запасовъ только до нормы (432 снаряда на орудіе) уже дастъ увѣренность въ возможности довести намѣченную операцію до конца». На этомъ кончается докладъ.

Мнѣніе генералъ-адъютанта Иванова и генерала Алексѣева изложено въ одобренномъ генераломъ Ивановымъ докладѣ отъ 12 января на предметъ общаго положенія дѣлъ и видовъ на будущее, которое оцѣнивается иначе. Его взгляды сводятся къ слѣдующему: Пополненіе войскъ, даже тѣми маршевыми ротами, которыя уже назначены арміямъ, обнимаетъ періодъ, примѣрно, до 15-го февраля. Пополненіе противника производится болѣе успѣшно. Если придавать вѣру различнымъ свѣдѣніямъ, получаемымъ Главнымъ Управленіемъ Генштаба изъ различныхъ источниковъ, то около 23 — 28-го января 1915-го года можно ожидать рѣшительныхъ предпріятій со стороны противника.

По условіямъ общей обстановки и условіямъ нанесенія намъ удара противника ранѣе нашей готовности къ наступательнымъ

*) Желательно начать операцію, когда Висла будетъ представлять разъединяющую преграду, что затруднитъ противнику переброску силъ. (Примѣчаніе подлинника).

дѣйствіямъ, наиболѣе опаснымъ для насъ и выгоднымъ для противника признается направленіе на Радомъ или Сандомиръ, съ одновременнымъ предпріятіемъ для помощи Перемышля и для возвращенія Львова. Разобравъ далѣе нашу группировку, генералъ Алексѣевъ находитъ ее «не отвѣчающею требованіямъ достаточной нашей готовности къ встрѣчѣ сильнаго удара въ важнѣйшихъ для насъ направленіяхъ.»

Разсматривая вопросъ о «нашемъ наступленіи, когда мы укомплектуемся и когда переходъ къ активнымъ дѣйствіямъ явится для насъ обязательнымъ», онъ указываетъ недопустимость вести одновременно двѣ операціи, одну противъ нѣмцевъ, а другую противъ австрійцевъ и указываетъ на необходимость сосредоточить гдѣ-либо на одномъ направленіи наши усилія. Важнѣйшимъ, въ данное время для насъ, участкомъ, по его мнѣнію, является лѣвобережный, даже при сравненіи съ Галиційскимъ. Относительно Восточной Пруссіи онъ высказываетъ мысль, что «мы тамъ держимъ силы значительно большія того, что слѣдуетъ, въ ущербъ главному направленію, и что мы ихъ втянули въ безнадежную борьбу, которой слѣдовало бы избѣжать». Онъ даже считалъ бы возможнымъ на короткое время «перебросить часть силъ на лѣвый берегъ Вислы, гдѣ рѣшается участь даннаго періода кампаніи, а можетъ быть и болѣе». Переброскѣ германскихъ войскъ на Млавское направленіе онъ не вѣритъ, считая такое предпріятіе «сложнымъ и длительнымъ», при чемъ на нашей сторонѣ «выгоды болѣе короткихъ разстояній».

Въ концѣ концовъ, онъ указываетъ на наиболѣе, по его мнѣнію, выгодное для нашего удара направленіе на участокъ Томашевъ-Петроковъ-Ново-Радомъ, гдѣ положеніе противника болѣе всего растянуто. При успѣхѣ разрывается фронтъ непріятельскаго положенія, и мы сразу выходимъ во флангъ германской арміи.

На слѣдующій день послѣ представленія записки, а именно 17-го января, генералъ Даниловъ выѣхалъ въ Сѣдлецъ, такъ какъ Верховный Главнокомандующій, ранѣе своего утвержденія плана, хотѣлъ получить заключеніе генералъ-адъютанта Рузскаго о немъ. Кромѣ генерала Рузскаго, въ обсужденіи приняли участіе его ближайшіе сотрудники по штабу — генералы Орановскій и Бончъ-Бруевичъ.

Офиціальный, по возвращеніи изъ Сѣдлеца, докладъ генерала Данилова особенно интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ обрисовываетъ взгляды генерала Рузскаго на обстановку въ то время. Въ докладѣ говорится:

«I. Выяснилось, что генералъ-адъютантъ Рузскій высказалъ категорическое убѣжденіе въ томъ, что свѣдѣнія объ усиленіи германскихъ войскъ на Млавскомъ направленіи «являются еще не провѣренными», что эти свѣдѣнія, во всякомъ случаѣ, не могутъ служить основаніемъ къ выводу о начавшейся переброскѣ нѣмецкихъ силъ на правый берегъ Вислы для развитія въ ближайшемъ будущемъ широкой наступательной операціи на Млавскомъ направленіи. «По мнѣнію генерала Рузскаго, поддержанному его ближайшими сотрудниками, нѣмцы упорно продолжаютъ добиваться успѣховъ на лѣвомъ берегу Вислы настойчивыми атаками въ районѣ Болимова, имѣя предметомъ дѣйствія Варшаву». Тѣмъ не менѣе, не отрицается возможность переноса нѣмцами операцій въ будущемъ на правый берегъ Вислы, каковыя операціи представляютъ для насъ серьезныя опасенія, требующія съ нашей стороны полнаго вниманія на Млавскомъ направленіи.

II. Генералъ Рузскій и его сотрудники признаютъ *безусловно необходимымъ*, какъ только улучшатся условія укомплектованія и снабженія запасами патроновъ, перейти къ развитію активныхъ дѣйствій. Длительное сидѣніе въ окопахъ приводитъ къ упадку духа. Предоставленнымъ же противнику временемъ онъ воспользуется для окапыванія и закрѣпленія своего положенія, что можетъ сильно затруднять наши наступательныя дѣйствія.

III. Перейдя къ вопросу о тѣхъ направленіяхъ, по коимъ могло бы быть развито намѣченное въ будущемъ наступленіе, совѣщаніе остановилось на разсмотрѣніи слѣдующихъ трехъ направленій:

1) — изъ района Конскъ-Опочно въ направленіи на Петроковъ;

2) — наступленіе правымъ флангомъ 1-ой арміи съ охватомъ лѣваго фланга противника со стороны праваго берега Вислы, и

3) — направленіе въ Восточную Пруссію.

Генералъ-адъютантъ Рузскій высказалъ, что первое направленіе съ фронта Конскъ-Опочно на Петроковъ представляется ему чрезвычайно выгоднымъ, но развитіе наступленія въ этомъ направленіи могло бы быть произведено лишь при условіи полной боевой готовности всѣхъ армій и широкаго снабженія ихъ огнестрѣльными припасами.

Въ то же время это направленіе обѣщаетъ привести къ выгоднымъ результатамъ лишь въ случаѣ полнаго пораженія противника и возможности широкаго использованія побѣды путемъ общаго перехода въ наступленіе. Если же противникъ отойдетъ и наши арміи не будутъ способны къ немедленному переходу

всѣмъ фронтомъ въ наступленіе, то ударъ выйдетъ впустую. Наступленіе въ этомъ направленіи въ теченіе ближайшаго времени, по мнѣнію генерала Рузскаго, не будетъ отвѣчать степени готовности нашихъ армій.

Развитіе наступательныхъ дѣйствій правымъ флангомъ 1-ой арміи, съ обходомъ лѣваго фланга нѣмцевъ со стороны праваго берега Вислы совсѣмъ не отвѣчаетъ обстановкѣ.

IV. Важное значеніе Млавскаго направленія, какъ при наступательной операціи, такъ и на случай необходимости держаться въ этомъ районѣ оборонительно, если бы противникъ предупредилъ насъ здѣсь въ наступленіи, требуетъ соединенія всѣхъ силъ, предназначенныхъ для дѣйствія на правомъ берегу Вислы на указанномъ направленіи въ особую армію (12-ую), къ формированію которой надлежитъ приступить немедленно.

V. Генералъ-отъ-кавалеріи Орановскій заявилъ, что всѣ укрѣпленныя позиціи отъ Остроленки внизъ по Нареву слѣдуетъ считать законченными и что укрѣпленная позиція имѣется также въ районѣ Цѣханова и Прасныша. Въ районѣ Плонска на путяхъ отъ Плоцка и Серпца укрѣпленій пока не имѣется.

VI. Усиленіе позицій на рр. Бзурѣ и Равкѣ и вооруженіе ихъ крѣпостными орудіями уже исполнено и окончательно развитіе состоится въ теченіе ближайшихъ дней.

Для удара въ первую очередь предполагается назначить 1-ый Туркестанскій корпусъ, IV-ый Сибирскій корпусъ, XV-ый и XX-ый корпуса, 76-ую и 77-ую пѣх. дивизію. *Всего 10 дивизій.* Кромѣ того 4-ая, 6-ая, 8-ая, 14-ая и 15-ая кав. див., 4-ая Донская Казачья див., 4-ая отд. кав. див. и Уссурійская конная бригада. Всего 7 кав. дивизій *).

Независимо сего въ непосредственномъ распоряженіи Сѣверо-Западнаго фронта останутся VI-ой Сиб. корпусъ, 59-ая и 63-ья пѣх. дивизіи.»

18-го января послѣдовало одобреніе плана Верховнымъ Главнокомандующимъ. Начальникъ Штаба, генералъ Янушкевичъ по Юзу сообщилъ въ Сѣдлецъ какъ объ этомъ, такъ и о томъ, что Верховный Главнокомандующій подписалъ приказъ о формированіи новой 12-ой арміи генерала Плеве.

Этотъ замыселъ, на который возлагались столь большія надежды Ставкою и особенно Главнокомандующимъ и Штабомъ С.-З. фронта, удалось исполнить лишь въ небольшой его части. Генералъ Рузскій уже 19-го января положилъ резолюцію на до-

*) Изъ нихъ 4½ кав. дивизіи уже находились на правомъ берегу Вислы.

кладѣ Начальника Штаба объ указаніяхъ для генерала Плеве.. Ближайшею цѣлью его дѣйствій ставилось «вызвать перегруппировку германскихъ силъ въ Восточной Пруссіи въ надеждѣ на то, что при такой группировкѣ, можно будетъ обнаружить ослабленіе германцевъ въ нѣкоторыхъ районахъ, куда и можно будетъ направить наши усилія для прорыва непріятельскаго расположенія и дальнѣйшаго развитія успѣха въ этомъ направленіи».

Средствомъ вызвать эту перегруппировку считалось наше наступленіе на Восточную Пруссію на Ортельсбургъ-Виленбергъ-Нейденбургъ-Сольдау и затѣмъ прямо на сѣверъ, такъ какъ вторженіе въ предѣлы Пруссіи и въ этомъ направленіи, несомнѣнно, болѣзненно отзовется въ Германіи и по всѣмъ вѣроятіямъ можетъ вызвать оттяжку силъ съ лѣваго берега Вислы, а, можетъ быть, также изъ района 10-ой арміи.

Отъ нижней Вислы до Мазурскихъ озеръ мы пока считались съ германскою конницею, поддержанною пѣхотою, корпусомъ Сурена (б. Цастрова) около Млавы, и далѣе на востокъ были обнаружены лишь мелкія ландштурменныя части.

Начало операціи намѣчалось къ 23 февраля, такъ какъ XV-ый корпусъ заканчивалъ свое формированіе лишь 14-го февраля, послѣ чего предстояла еще перевозка изъ района Гомеля.

До этого въ 10-ой арміи предусматривалось очищеніе отъ противника лѣсовъ на ея правомъ флангѣ.

Для полноты картины общей обстановки, приходится коснуться, хотя бы вскользь, операцій на Юго-Западномъ фронтѣ.

По ходу здѣсь событій, съ нѣкоторыхъ мѣстъ фронта войска въ Карпатахъ были оттянуты назадъ для поддержки операцій на другихъ участкахъ, вслѣдствіе чего участокъ Самборъ-Стрый-Долина оказался недостаточно сильно занятымъ послѣ усиленія австрійцевъ въ направленіи отъ Ужгорода и Мункачи и, особенно, послѣ обнаруженнаго появленія нѣмецкихъ войскъ въ этомъ районѣ.

Это были какъ разъ тѣ три дивизіи изъ 9-ой германской арміи на лѣвомъ берегу Вислы, о которыхъ будетъ упомянуто ниже. Не имѣя свободныхъ силъ послѣ израсходованія всѣхъ своихъ резервовъ, генералъ-адъютантъ Ивановъ просилъ помощи въ Ставкѣ.

Генералъ Даниловъ пишетъ, что тогда же выяснилось, что генералъ Ивановъ, помимо Ставки, уже нѣкоторое время занимался дѣятельною разработкою проекта о вторженіи въ Венгрію черезъ Карпаты.

Такъ какъ въ это время оказалось невыполнимымъ совершить перегруппировку въ предѣлахъ Юго-Западнаго фронта, пришлось усилить этотъ фронтъ за счетъ Сѣверо-Западнаго, какъ разъ наканунѣ рѣшительныхъ операцій.

Главковерхъ приказалъ изъ 10-ой арміи выдѣлить XXII Корпусъ, который 26-го января и долженъ былъ приступить къ перевозкѣ изъ Ломжи въ Карпаты.

Далѣе генералъ Даниловъ пишетъ, что генералъ-адъютантъ Ивановъ этимъ, однако, не ограничился, а продолжалъ носиться съ идеею о пользѣ для общаго дѣла вторженія въ Венгрію черезъ Карпаты. Онъ даже, вскорѣ послѣ этого, хлопоталъ передъ Ставкою объ усиленіи своего фронта еще двумя корпусами, но получилъ отказъ.

Планъ нашей Ставки являлся по идеѣ почти повтореніемъ нашего вторженія въ Восточную Пруссію въ августѣ 1914 года, но въ еще большей степени, чѣмъ въ августѣ, надъ задуманною операціею, какъ Дамокловъ мечъ, висѣло вѣроятіе неожиданнаго появленія свободныхъ германскихъ резервовъ и подкрѣпленій. Достиженіе нами успѣха, поэтому, требовало глубочайшей тайны всей подготовки. Также нужно было учесть быстроту германскихъ перевозокъ при принятіи контръ-мѣръ. Учитывая значеніе дорогой сердцу Прусскихъ монарховъ Восточной Пруссіи въ стратегическомъ отношеніи для возможности будущихъ германскихъ операцій противъ Россіи, должно было быть вполнѣ яснымъ, что германцы приложатъ всѣ усилія къ тому, чтобы не только не отдавать этой провинціи, но даже помѣшать всякой возможности для насъ вторгнуться глубже въ ея предѣлы. Болѣе чѣмъ вѣроятнымъ было, что здѣсь намъ предстоитъ упорная борьба, которая можетъ потребовать гораздо больше войскъ, чѣмъ по плану Ставки считалось достаточнымъ.

* * *

Одновременно съ тѣмъ, что наша Ставка принимала мѣры къ захвату въ свои руки иниціативы дѣйствій въ Восточной Пруссіи наши противники обсуждали тотъ же вопросъ. Сознавая несбыточность надеждъ путемъ дальнѣйшихъ лобовыхъ атакъ оттѣснить наши арміи за Вислу, Австро-Германское Командованіе на восточномъ фронтѣ передъ Новымъ Годомъ обсуждало иные способы дѣйствія для болѣе производительнаго употребленія тѣхъ силъ, которыя послѣ перехода къ позиціонной войнѣ сдѣлались свободными для операцій въ районахъ, гдѣ маневрирова-

ніе еще было возможно. По этому поводу велась весьма интересная переписка германской Главной Квартиры съ австрійскимъ Генеральнымъ Штабомъ и съ фельдмаршаломъ Гинденбургомъ. Выяснившаяся длительность войны побудила Нач. Пол. Генеральнаго Штаба, генерала Фалькенгайна относиться крайне бережно къ расходованію боевого и людского матеріала. Признавая Западный фронтъ главнымъ, онъ считалъ, что большая часть войскъ и средствъ должна направляться на этотъ фронтъ. Поэтому онъ принципіально отказывалъ въ подкрѣпленіяхъ для прочихъ фронтовъ. Въ частности, онъ считалъ взгляды генераловъ Конрада и Гинденбурга о возможности достиженія рѣшительныхъ успѣховъ противъ русскихъ несбыточными, такъ какъ послѣдніе имѣли возможность уходить вглубь своей территоріи и затягивать операціи, что само собою привело бы къ потерѣ дорогого времени и вызвало бы застой операцій на главномъ, западномъ театрѣ.*) Операціи на второстепенныхъ театрахъ войны, по его мнѣнію, должны были вестись короткими, но сильными ударами для достиженія «ограниченныхъ цѣлей», но съ изматываніемъ кадровъ и матеріальныхъ средствъ противника. Онъ оставался глухимъ ко всѣмъ представленіямъ въ октябрѣ начальника австрійскаго Генеральнаго Штаба генерала Конрада о необходимости усилить австрійскую армію, въ виду успѣховъ русскихъ, угрожавшихъ, по мнѣнію генерала Конрада, въ худшемъ случаѣ, отходомъ австрійцевъ на линію Дунай-Будапештъ-Вѣна. Въ ноябрѣ, генералъ Фалькенгайнъ все же призналъ необходимымъ поддержать Восточный фронтъ, но только исподволь, 8-мью пѣхотными и 1 кавалерійской дивизіями во время Лодзинской операціи, на которую онъ возлагалъ нѣкоторыя надежды. Тѣмъ временемъ австрійская армія переживала кризисъ за кризисомъ, потерпѣвши въ послѣдній разъ полное пораженіе въ Сербіи, которая была ею очищена. Австрійская дипломатія опасалась присоединенія Румыніи и Балканскихъ государствъ къ числу враговъ. Фалькенштейнъ, поэтому, считалъ нужнымъ подумать о возобновленіи военныхъ дѣйствій противъ Сербіи при содѣйствіи нѣсколькихъ германскихъ дивизій. Конечною цѣлью этой операціи онъ ставилъ открытіе пути въ Константинополь и

---

*) Генералъ Фалькенгайнъ пишетъ, что даже самые блестящіе успѣхи на второстепенныхъ фронтахъ, въ итогѣ, не исключали неизбѣжности добиться окончательнаго рѣшенія на главномъ, т. е. западномъ театрѣ войны. Этимъ своимъ взглядомъ онъ руководствовался неуклонно въ вопросахъ, касающихся усиленія второстепенныхъ фронтовъ.

оказаніе мощнаго политическаго давленія на Балканскія государства. Возобновленіе атакъ на французскомъ фронтѣ и начало дѣйствій противъ Сербіи онъ пріурочилъ ко времени готовности вновь формируемыхъ 9 дивизій, т.-е. къ концу января — началу февраля.

Генералъ Конрадъ и фельдмаршалъ Гинденбургъ оспаривали точку зрѣнія генерала Фалькенгайна и отстаивали необходимость усиленія именно Восточнаго фронта, гдѣ, по ихъ мнѣнію, еще можно было надѣяться на достиженіе рѣшительныхъ успѣховъ, несмотря на крайнее разстройство австрійскихъ вооруженныхъ силъ, констатированное также и Людендорфомъ въ бытность его короткое время Начальникомъ Штаба Южной арміи генерала Линзингена. Генералъ Людендорфъ считалъ, что только при непосредственной германской помощи союзная армія будетъ въ состояніи дальше вести операціи. Они же отстаивали точку зрѣнія, что не Сербскою кампаніею, а лишь рѣшительнымъ успѣхомъ противъ русскихъ можно было бы вернуть вѣру народа и арміи союзницы въ окончательную побѣду и заставить Балканскія государства соблюдать нейтралитетъ. Эти доводы мало по малу убѣждали генерала Фалькенгайна въ необходимости усилить Восточный фронтъ, главнымъ образомъ, для поддержанія Австро-Венгріи. Онъ, поэтому, согласился подкрѣпить австрійскій фронтъ германскими войсками, но не изъ состава войскъ, бывшихъ въ распоряженіи Главной Квартиры, а изъ состава 9-ой арміи, т.-е. за счетъ войскъ фельдмаршала Гинденбурга, для образованія въ Карпатахъ такъ называемой Южной Арміи генерала Линзингена изъ австрійскихъ и германскихъ войскъ. Три пѣхотныя и одна кавалерійская дивизіи, такимъ образомъ, 9-го января были взяты изъ подъ Варшавы. Съ цѣлью одновременно, вторично, удалить изъ Штаба фельдмаршала неугоднаго ему — Фалькенгайну — генерала Людендорфа, онъ добился его назначенія Начальникомъ Штаба этой новой арміи. Однако, о какихъ-либо дальнѣйшихъ намѣреніяхъ усилить Восточный фронтъ генералъ Фалькенгайнъ хранилъ молчаніе вплоть до 19-го января. 20-го января онъ неожиданно для фельдмаршала сдѣлалъ докладъ Императору Вильгельму о передачѣ на Восточный фронтъ подкрѣпленій въ размѣрѣ 4 корпусовъ: XXI. A., XXXIII, XXXIX и XL P. Корпуса.

Сопоставленіе времени отправки генераломъ Янушкевичемъ телеграммы отъ 19-го января генералу Рузскому (о послѣдовавшемъ приказѣ Главковерха о формированіи 12-ой арміи) съ резолюціей Императора Вильгельма отъ 20-го января о переводѣ

4 корпусовъ въ видѣ подкрѣпленія на Восточный фронтъ, конечно, наводитъ на размышленія — не была ли телеграмма Янушкевича, какъ и остальныя наши радіотелеграммы, перехвачена и расшифрована?

Хотя въ недавно вышедшемъ изъ печати VII томѣ германской офиціальной исторіи «Міровая Война» весьма часто упоминается о перехваченныхъ нашихъ радіотелеграммахъ, но указанія о перехватѣ также и упомянутой телеграммы генерала Янушкевича, не имѣется. Въ этомъ томѣ говорится, что фельдмаршалъ Гинденбургъ, впервые, съ достовѣрностью узналъ о нашихъ планахъ лишь 4-го февраля. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ», генералъ Гофманъ упоминаетъ о фактѣ перехвата и расшифровыванія нашихъ телеграммъ, чѣмъ во многомъ, конечно, объясняются неудачи нашихъ операцій и начинаній въ теченіе войны.

Помимо этого печальнаго для насъ явленія, нашему противнику представлялась еще возможность узнавать черезъ своихъ тайныхъ агентовъ и многое другое, вслѣдствіе крайней «болтливости» нашего общества и недостаточной осторожности чиновъ тыла нашей арміи при выборѣ мѣста и собесѣдниковъ при разговорахъ на оперативныя темы *). Въ то же время Германія драконовскими мѣрами преслѣдовала всякую «болтовню» о военныхъ

*) Такъ напримѣръ, англійскій военный агентъ Ноксъ пишетъ, что въ бытность свою при одномъ изъ корпусовъ 5 арміи онъ узналъ, что ген. Плеве получилъ другое назначеніе и замѣненъ въ командованіи арміею ген. Чуринымъ. Несмотря на то, что полковникъ Ноксъ принадлежалъ къ союзной арміи, русскіе офицеры на фронтѣ хранили полное молчаніе относительно характера этого новаго назначенія ген. Плеве, но его слуга, Максимъ, слышалъ отъ жандарма, что генералъ уѣхалъ для формированія новой арміи. Отъ сербскаго офицера онъ затѣмъ узналъ, что эта армія назначена для операціи на Млаву и къ сѣверу отъ этого города для поддержки вторженія большихъ кавалерійскихъ массъ въ Восточную Пруссію.

Когда онъ — полковникъ Ноксъ — затѣмъ 26 января пріѣхалъ въ Варшаву, то ему сказали, что извѣстіе о формированіи новой 12-ой арміи уже является достояніемъ «всѣхъ», какъ въ Варшавѣ, такъ и въ Петроградѣ.

А французскій генералъ Бюа пишетъ, что одинъ изъ военныхъ агентовъ «нейтральнаго» государства, узнавъ о крайнемъ недостаткѣ въ снарядахъ въ нашей арміи, сообщилъ объ этомъ своему посланнику, который въ тотъ же день протелеграфировалъ это свѣдѣніе министру иностранныхъ дѣлъ своей страны. Послѣдній немедленно счелъ нужнымъ объ этомъ дать знать въ Берлинъ.

Несомнѣнно, съ фронта также поступали свѣдѣнія такого же характера, ибо недостатка патроновъ отъ врага не утаить. Такимъ образомъ создалось положеніе, когда противнику важно было не упустить времени для нанесенія Россіи удара.

операціяхъ не только среди должностныхъ лицъ, но и въ обществѣ. Работа агентуры враждующихъ сторонъ, поэтому, происходила при весьма неравныхъ условіяхъ, не говоря о прочихъ обстоятельствахъ крайне деликатнаго дѣла развѣдки, давно уже въ мирное время организованнаго нѣмцами у насъ, но слишкомъ поздно начатаго нами при крайне скудныхъ денежныхъ ассигнованіяхъ. Тѣ свѣдѣнія, которыя намъ во время войны доставлялись отъ союзниковъ, обыкновенно сильно запаздывали.

Планъ противниковъ сводился къ одновременному наступленію австрійцевъ въ Галиціи для выручки осажденнаго Перемышля и нѣмцевъ въ Восточную Пруссію для разгрома нашего праваго фланга.

Въ первую очередь готовился сокрушительный ударъ противъ нашей 10-ой арміи. Послѣ пораженія этой арміи, въ чемъ фельдмаршалъ Гинденбургъ не сомнѣвался, онъ намѣревался продолжать наступленіе на Бѣлостокъ и въ тылъ Осовца, для открытія дороги Граево-Осовецъ, и въ связи съ одновременными операціями отъ Плоцка-Прасныша другою арміею, отбросить насъ за Наревъ и,давленіемъ на сообщенія, заставить насъ не только очистить лѣвый берегъ Вислы, но и нанести намъ рѣшительное пораженіе.

Генералъ Фалькенгайнъ не раздѣлялъ оптимизма Гинденбурга. Онъ считалъ необходимымъ дать подкрѣпленія лишь въ разсчетѣ — на значительное время освободиться отъ русской опасности, и онъ былъ бы вполнѣ удовлетворенъ достиженіемъ болѣе скромныхъ цѣлей — очищенія Восточной Пруссіи и, можетъ быть, западнаго берега Вислы. Передача 4 корпусовъ восточному фронту считалась имъ лишь временнымъ подкрѣпленіемъ, которое онъ затѣмъ намѣревался употребить на Западѣ.

Въ назначеніи для усиленія восточнаго фронта еще 2 корпусовъ генералъ Фалькенгайнъ отказалъ, несмотря на то, что фельдмаршалъ Гинденбургъ указалъ на всю рискованность операціи со стороны праваго фланга наступленія, которой нужно было прочно обезпечить отъ всякихъ покушеній русскихъ бросить-ся на сообщенія. Испрашиваемые имъ 2 лишнихъ корпуса предназначались для образованія уступа за правымъ флангомъ 8-ой арміи въ направленіи на Остроленку и Ломжу.

Вслѣдствіе отказа генерала Фалькенгайна, онъ былъ вынужденъ для этой цѣли, а также для формированія арміи на фронтѣ Торнъ-Млава, обратиться къ силамъ Восточнаго фронта, главнымъ образомъ, изъ состава 9-ой арміи, на которую, вдобавокъ, была возложена отвѣтственная задача произвести внушительную

демонстрацію для отвлеченія вниманія русскихъ отъ намѣченной противъ ихъ праваго фланга операціи.

* * *

Послѣ вышеизложеннаго обзора общей обстановки и плановъ сторонъ, перейдемъ къ болѣе подробному описанію положенія на Сѣверо-Западномъ фронтѣ съ нѣкоторыми поясненіями для полученія возможно ясной картины.

Непосредственная охрана праваго фланга находившейся на лѣвомъ берегу Вислы главной массы нашихъ войскъ была поручена Новогеоргіевскому гарнизону (2 дивизіи) и I Турк. Корпусу съ 4½ кавалерійскими дивизіями.

Уже до начала германскаго наступленія были притянуты съ лѣваго берега Вислы еще 2½ кав. дивизіи. Кавалеріи была поставлена задача оттѣснить противника за государственную границу и вести развѣдку вглубь Пруссіи.

Далѣе, къ востоку отъ рѣки Шквы до нижняго теченія Нѣмана тянулся участокъ 10-ой арміи генерала Сиверса, которой, согласно основной задачи, было поручено «обезпеченіе связи съ глубокимъ тыломъ и прикрытіе подвоза армій Сѣверо-Западнаго фронта». На участкѣ же отъ р. Шквы до р. Писсы дѣйствовала 1-ая отд. кав. бригада генерала Бендерева.

10-ая армія генерала Сиверса должна была, не выжидая наступленія 12-ой арміи, продвинуть свой правый флангъ для захвата Ласдененской лѣсной группы до рѣки Инстеръ и направить развѣдку кавалеріи на правый берегъ рѣки.

Стремленіе нашей 10-ой арміи осенью 1914 года активно рѣшить поставленную задачу путемъ оттѣсненія 8-ой германской арміи за нижнюю Вислу не удалось. Попытка захватить иниціативу дѣйствій въ наши руки не увѣнчалась, въ общемъ, успѣхомъ. Германская 8-ая армія активностью своихъ дѣйствій сильно задерживала темпъ нашего наступленія и этимъ выиграла время для окончанія работъ по укрѣпленію линій: Мазурскія озера и ихъ продолженія — Даркеменской позиціи.

Въ октябрѣ — ноябрѣ мы лишь медленно продвигались впередъ боями за постепенно отходившимъ назадъ противникомъ, который мало по малу оттягивалъ, для отправки на Варшавскій фронтъ, все, что только возможно было изъ полевыхъ войскъ. Наконецъ, оставшись лишь въ составѣ 2-ой пѣх., 3-ей рез., Кенигсбергской ландв. дивизій, шести ландв. бригадъ и многочисленнаго ландштурма, новый командующій германской 8-ой арміи

долженъ былъ отказаться отъ широко практиковавшейся нѣмцами активной обороны, и рѣшилъ отойти назадъ для чисто пассивной обороны Мазурскихъ озеръ и Даркеменской заблаговременно и сильно укрѣпленной позиціи.

19-го ноября наша 10-ая армія, въ составѣ 8 пол. дивизій, 6 стр. бриг. и 6 второочередныхъ и 2½ кав. див. подошла вплотную къ этой позиціи, преодолѣть которую, атакою въ лобъ, она была не въ состояніи, какъ вслѣдствіе силы укрѣпленій и огневой обороны, такъ и по причинѣ отсутствія въ 10-ой арміи техническихъ средствъ и достаточнаго количества тяжелой артиллеріи.

Вопреки намѣреніямъ генерала Сиверса, съ самаго начала наступленія не было сдѣлано ничего, чтобы маневрированіемъ на лѣвомъ флангѣ добиться выгодъ для дальнѣйшихъ дѣйствій. Не было даже захвачено Іоганнисбургское лѣсное пространство, которое могло бы дать арміи преимущество охватывающаго флангъ противника положенія.

Наступившій затѣмъ для насъ кризисъ на лѣвомъ берегу Вислы вызвалъ постепенную переброску туда силъ также изъ нашей 10-ой арміи, которая, однако, въ концѣ января 1915 года все же имѣла на фронтѣ 5 пол., 6 второочередныхъ и 2½ кав. дивизій, распредѣленныя слѣдующимъ образомъ:

Отъ Куссена, а съ середины января 1915 года, отъ Ласденена до Динглайкена тянулся участокъ *Вержболовской группы генерала Епанчина* въ составѣ 27-ой, 56-ой и 73-ей дивизій. Послѣднія двѣ дивизіи составляли гарнизонъ крѣпости Ковны и лишь временно были выдвинуты впередъ въ составъ группы.

Группѣ съ середины января подчинялась армейская конница — *кавалерійская группа генерала Леонтовича* въ составѣ 1-ой и ¾ 3-ей кав. дивизій, развѣдывавшихъ по лѣвому берегу р. Нѣмана и по обѣимъ сторонамъ р. Шешупы.

Далѣе (по порядку съ сѣвера на югъ) тянулся участокъ XX-го *корпуса генерала Булгакова:* 29-ая пѣх. див., 53-я пѣх. див. и 28-ая пѣх. див.

Противъ крѣпости Летценъ стоялъ XXVI *корпусъ ген. Гернгросса:* 84-ая и 64-ая пѣх. дивизіи.

Лѣвый флангъ составляли III Сиб. Корпусъ генерала *Радкевича:* 8-ая и 7-ая Сиб. стр. див. и 57-ая пѣх. див. (3 полка).

57-ая дивизія являлась гарнизономъ крѣпости Осовца, но была выведена въ поле съ подчиненіемъ III Сиб. корпусу. Она охраняла лѣвый флангъ арміи, образуя у Щучина особую группу.

Корпусамъ были приданы по одному казачьему второочередному или третьеочередному полку для исполненія роли не только корпусной, но и дивизіонной конницы.

Послѣ подхода къ позиціи Вержболовской группѣ былъ приданъ Ковенскій осадный артиллерійскій дивизіонъ, XX Корпусу мортирный дивизіонъ 3-ей Сиб. тяжелой арт. бригады, а XXVI Корпусу — дивизіонъ осадной артиллеріи крѣпости Гродна. Корпусамъ, кромѣ того, были приданы нѣкоторыя дальнобойныя 42-хъ лин. и нѣсколько незапряженныхъ полевыхъ поршневыхъ батарей.

Противъ Летцена былъ направленъ осадный артиллерійскій паркъ въ 18 орудій изъ крѣпостей Осовца и Гродны.

Гарнизонами въ крѣпостяхъ Нѣмана, послѣ вывода изъ нихъ въ самомъ началѣ войны ранѣе назначенныхъ туда второочередныхъ дивизій, являлись: по ополченской бригадѣ въ 4 батальона въ Гроднѣ и въ Осовцѣ съ приданными 6-ью второочередными Оренбургскими отд. казачьими сотнями.

Далѣе на сѣверъ, у м. Таурогенъ противъ города Тильзита находилась *1-ая бригада 68-ой пѣх. дивизіи* (2-я бригада этой дивизіи была придана Минскому Военному Округу).

Входившій въ составъ 10-ой арміи XXII корпусъ въ серединѣ января былъ оттянутъ изъ передовыхъ линій къ Ломжѣ, имѣя назначеніе на Юго-Западный фронтъ.

Съ достиженіемъ въ ноябрѣ Даркеменской позиціи дальнѣйшія активныя дѣйствія 10-ой арміи были пріостановлены, не столько вслѣдствіе необходимости перебросить войска на Варшавскій фронтъ, сколько въ виду наступившаго кризиса въ снабженіи огнестрѣльными припасами. Некомплектъ же людей въ пѣхотныхъ частяхъ доходилъ до 40%, такъ что на фронтѣ въ 11 дивизіяхъ состояло всего около 120.000 штыковъ.

Противостоявшіе имъ 6½ герм. дивизій и многочисленные батальоны ландштурма были въ полномъ комплектѣ, насчитывая около 100.000 бойцовъ. Техническихъ средствъ, не только для атаки германскихъ укрѣпленій, но и для обнесенія, какъ слѣдуетъ, собственныхъ укрѣпленій хотя бы колючею проволокою — было весьма мало. Ножницъ для рѣзки проволоки въ нѣкоторыхъ дивизіяхъ долгое время вовсе не было. Недостатокъ въ пулеметахъ, по сравненію съ числомъ таковыхъ у нѣмцевъ, былъ настолько чувствителенъ, что были случаи пріобрѣтенія ихъ (устарѣвшихъ системъ) за счетъ экономическихъ суммъ частей войскъ.

Плотно прижавшись къ германскимъ укрѣпленіямъ на протяженіи 150 верстъ, отъ Куссена до Іоганнисбурга, 10-ая армія влила съ самаго подхода въ первую линію все что только можно было, оставаясь не только безъ армейскаго, но и безъ корпусныхъ резервовъ.

Такое положеніе плохо отвѣчало какъ оборонѣ, такъ и переходу въ наступленіе. Какъ бы вынужденная насыщенность за счетъ резервовъ боевой части, занимавшей тонкую линію земляныхъ окоповъ (часто по свойству мѣстности, полугоризонтнаго типа) никоимъ образомъ не гарантировала чрезмѣрно длиннаго фронта отъ прорыва въ любомъ почти мѣстѣ. Необходимость развитія обороны въ глубину мало гдѣ была принята во вниманіе. Лозунгомъ въ арміи было «все вниманіе должно быть обращено впередъ». Осторожное оглядываніе даже старшихъ начальниковъ назадъ въ тылъ считалось чуть ли не малодушіемъ.

Генералъ Рузскій въ телеграммѣ Ставкѣ отъ 31 декабря 1915 г. № 7368 передаетъ взгляды генерала Сиверса на способъ дѣйствія для возможно быстраго выхода на западную сторону Мазурскихъ озеръ. Въ концѣ этой телеграммы онъ отъ себя прибавляетъ: «Въ общемъ съ предположеніями генерала Сиверса я согласенъ, причемъ подтверждаю ему необходимость обратить особенное вниманіе на развитіе тыловыхъ позицій съ цѣлью, при вынужденномъ отходѣ, имѣть возможность производить таковой медленно, дабы отдалить возможность подхода противника къ нашимъ границамъ».

Въ 18 верстахъ въ тылу позиціи, на меридіанѣ гор. Гольдапа, была возведена тыловая позиція полевого типа. Вслѣдствіе своей близости отъ главной позиціи, она могла имѣть лишь тактическое, но врядъ ли маневренное значеніе. На нашей сторонѣ границы находилась, кромѣ того, 1) — болотистая долина рѣки Шешупы въ верхнемъ ея теченіи, но ея проходимость зависѣла отъ температуры и времени года, и 2) — возведенная нами въ сентябрѣ, такъ называемая Вержболовская позиція, по меридіану нѣсколько впереди Вилковишекъ. Какъ являвшаяся усиленіемъ не мѣстнаго рубежа, а лишь линіею полевыхъ окоповъ безъ опорныхъ пунктовъ, Вержболовская позиція, съ уже заплывшими окопами, при другой обстановкѣ чѣмъ сентябрьской, могла имѣть лишь случайное значеніе. Зато въ тылу нашего лѣваго фланга находился рядъ дефилэ, которые затѣмъ упирались въ сильную оборонительную линію Августовскаго канала отъ Августова до Бобра, съ прилегающими болотами и малымъ числомъ переправъ. Лѣвый же флангъ и тылъ отъ Граева до

Августовскаго канала прикрывался обширными болотами и рѣкою Бобромъ. Проходъ по этимъ болотамъ отъ Райгродъ въ обходъ фланга былъ всего одинъ — черезъ д. Тайпо и то лишь въ очень сухую или морозную погоду.

Такимъ образомъ, пространство за правымъ флангомъ 10-ой арміи до Нѣмана представляло мало возможности зацѣпиться за мѣстность въ случаѣ отхода, въ то время какъ за лѣвымъ флангомъ таковыхъ возможностей было много. Однако, въ районѣ Августовъ-Сувалки-Сейны-Олита находилась группа озеръ, которая могла бы способствовать активной оборонѣ рѣкъ Нѣмана и Бобра, но, къ сожалѣнію, для образованія хотя бы нѣсколькихъ опорныхъ пунктовъ въ этомъ районѣ не было сдѣлано ничего.

Весьма серьезная невыгода положенія 10-ой арміи на этой позиціи заключалась въ томъ, что Ласдененское и Іоганнисбургское лѣсныя пространства на флангахъ находились въ рукахъ противника, который могъ ими воспользоваться для скрытнаго выхода намъ во флангъ, а отъ Ласденена даже въ тылъ нашего фронта.

Эти лѣса были сильно укрѣплены и заняты противникомъ. Хотя это опасное положеніе нами давно сознавалось, тѣмъ не менѣе Командующій арміей съ подходомъ къ Даркеменской позиціи не призналъ возможнымъ заняться захватомъ этихъ лѣсовъ по той причинѣ, что съ . ноября 1914 г. предстояло выдѣленіе значительныхъ силъ изъ состава арміи для отправки въ Варшаву.

Правофланговая Вержболовская группа генерала Епанчина и безъ того должна была занять длинный фронтъ въ 50 верстъ отъ Куссена до Динглайкена на югѣ. Генералъ Епанчинъ сразу принялся за укрѣпленіе своего участка не только по фронту, но и въ глубину для парированія невыгодъ положенія и опасности въ случаѣ наступленія противника изъ лѣсовъ во флангъ.

Бывшія противъ Гумбинена 56-ая и 73-ья дивизіи заняли маневренное положеніе, имѣя на фронтѣ лишь половину силъ, а другую въ общемъ резервѣ, нѣсколько впереди Шталюпенена.

Наблюденіе за выходами изъ лѣсовъ на югъ и востокъ Командующимъ арміей было возложено на кавалерійскую группу генерала Леонтовича съ приданнымъ батальономъ въ Пилькаленѣ.

Распредѣленіе войскъ арміи кордономъ на чрезмѣрно длинной, случайной и неудовлетворительно укрѣпленной позиціи

преслѣдовало цѣль — держать противника подъ постоянной угрозой нашихъ атакъ и продвиженія впередъ сапными и минными работами, и не дать ему возможности дальше выдѣлять войска изъ 8-ой арміи для усиленія Варшавскаго фронта.

Въ случаѣ перехода противника въ наступленіе превосходными силами выдвинутое на западъ отъ р. Нѣмана положеніе арміи и, въ особенности, кордонная система, представлялись весьма опасными. Правый флангъ оставался откинутымъ верстъ на 35-40 назадъ отъ общаго протяженія остального фронта. Нажимъ противника на этотъ флангъ, поэтому, былъ бы особенно для насъ опаснымъ, такъ какъ энергичное, веденное большими силами наступленіе противника весьма скоро выводило его во флангъ и тылъ расположенія 10-ой арміи. Противникъ могъ обойти и нашъ лѣвый флангъ въ разрѣзъ между 10-ой арміей и остальными войсками С.-З. фронта. Въ случаѣ удачи такое наступленіе противника, надежно прикрытое со стороны Нарева, могло бы привести къ разрыву путей подвоза фронта. Однако, веденіе такой операціи на узкомъ здѣсь, озерномъ, лѣсисто-болотистомъ пространствѣ съ многочисленными дефилэ въ Лыкской озерной группѣ и далѣе на каналѣ къ югу отъ г. Августова, могло и не дать быстраго результата и было рисковано въ случаѣ наличія и активности внѣшнихъ резервовъ С.-Зап. фронта.

Судя по письму Главнокомандующему фронтомъ отъ 23-го января 1915 года, генералъ Сиверсъ самъ сознавалъ всю опасность своего положенія. Онъ писалъ генералу Рузскому:

«Нельзя забывать, что никто не гарантируетъ 10-ую армію отъ возможности повторенія съ нею того же маневра, что былъ сдѣланъ нѣмцами противъ Ренненкампфа, т.-е. переброски противъ него нѣсколькихъ корпусовъ и нанесенія ей короткаго, но рѣшительнаго удара.»

Аналогія положенія армій Ренненкампфа и Сиверса дѣйствительно существовала, съ тою лишь разницею, что у Ренненкампфа въ сентябрѣ 1914 года былъ откинутъ назадъ лѣвый флангъ, а у генерала Сиверса въ январѣ 1915 года — правый.

Какъ уже сказано, Ставка рѣшилась на вторженіе въ Восточную Пруссію во второй половинѣ февраля нов. стиля.

Въ Ставкѣ считалось, «что вопросъ о направленіи этого очередного удара въ сторону Восточной Пруссіи, поскольку рѣшеніе его вообще зависитъ отъ насъ, былъ поставленъ на реальную почву.»

Противъ этого стратегическаго замысла, его направленія и своевременности возражать не приходится. Вся трудность заключалась въ его исполненіи, особенно по той причинѣ, что приведеніе плана въ исполненіе было назначено черезъ мѣсяцъ, за каковое время многое могло бы измѣниться.

Генералъ Рузскій не скрывалъ отъ себя возможности развитія противникомъ широкихъ операцій на правомъ берегу Вислы, но, какъ мы выше уже видѣли, онъ относилъ эту возможность къ болѣе позднему времени. Какъ онъ, такъ и его ближайшіе сотрудники по Штабу фронта были того мнѣнія, что противникъ попрежнему добивается захвата Варшавы путемъ упорныхъ атакъ въ районѣ Болимова; они были еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ бывшихъ яростныхъ атакъ. Возможно, конечно, что существовали еще и другія причины и данныя для еще большаго укрѣпленія такого ихъ мнѣнія *).

При менѣе твердомъ убѣжденіи о намѣреніяхъ противника, назначенныя для формированія 12-ой арміи войска, вѣроятно, были бы въ срочномъ порядкѣ собраны съ тѣмъ, чтобы быть подъ рукой на случай неожиданнаго парированія врагомъ нашихъ намѣреній. Между тѣмъ, въ 12-ую армію предполагалось включить XX-ый корпусъ изъ состава 10-ой арміи. Разсчитывать на этотъ корпусъ было трудно, особенно, послѣ послѣдовавшаго рѣшенія выдѣлить изъ послѣдней арміи XXII корпусъ для отправки на усиленіе Ю.-Зап. фронта. XV-ый же корпусъ еще формировался въ Гомелѣ и могъ быть готовымъ для отправки на сѣверъ только 14-го февраля. Прочія войска или долго еще оставались на лѣвомъ берегу Вислы, или уже ввязались въ дѣйствія на правомъ берегу Вислы, какъ I Турк. корпусъ, кавалерійскія дивизіи и 76-ая и 77-ая второочередныя дивизіи. Послѣдними нашими дѣйствіями мы, вдобавокъ, лишь выявили свое усиленіе на Прусскомъ фронтѣ. IV Сиб. Корпусъ находился въ готовности около Варшавы; туда направлялся еще и

---

*) Разсуждая о пройденномъ за эту операцію пути, генералъ Людендорфъ въ своихъ «Военныхъ Воспоминаніяхъ», между прочимъ, пишетъ, что германская агентурная сѣть по распространенію ложныхъ свѣдѣній «хорошо работала». Относится ли это сужденіе къ данному случаю, или ко всей операціи, не сказано. Во всякомъ случаѣ, казалось бы, что именно въ данномъ случаѣ противнику было сугубо важно укрѣпить наше мнѣніе о намѣреніяхъ германцевъ продолжать свои атаки противъ Варшавы. Пути агентуры и контръ-развѣдки неисповѣдимы. Если слѣды и были изъ этой темной области, то они могли быть уничтожены или же зарыты въ архивахъ, такъ, что мы скоро не узнаемъ, что было въ дѣйствительности.

Гв. Корпусъ, переданный ставкою въ распоряженіе С.-Зап. фронта въ компенсацію за XXII-ой корпусъ.

По поводу изъятія XXII-го корпуса въ данную минуту изъ состава 10-ой арміи остается сказать, что по плану Ставки, правый флангъ 12-ой арміи былъ указанъ въ Остроленкѣ; лѣвый же флангъ 10-ой арміи былъ въ 60 верстахъ около Ариса.

Образованіе хотя бы временной группы войскъ для прикрытія фланга 10-ой арміи въ этомъ мѣстѣ, поэтому, напрашивалось, тѣмъ болѣе, что Штабъ фронта придавалъ особое значеніе именно Ломжинскому направленію при оборонѣ р. Нарева. 10-ая армія для этой цѣли расположила гарнизонъ крѣпости Осовца — 57-ую пѣх. дивизію — въ районѣ Щучинъ-Кольно, но этой дивизіи было мало. Штабъ фронта, такимъ образомъ, имѣлъ бы реальное основаніе отклонить отправку XXII-го корпуса въ Карпаты и просить о назначеніи для этой цѣли другого корпуса. Гвардейскій корпусъ не могъ считаться компенсаціей. Онъ еще не былъ на мѣстѣ для немедленной смѣны XXII-го корпуса.

Не выясненнымъ остается вопросъ, были ли предстоящія дѣйствія 10-ой и 12-ой армій обсуждены при участіи командующихъ этихъ армій, хотя бы для того, чтобы установить основанія согласованности дѣйствій на разные возможные и вѣроятные случаи обстановки.

На нашъ взглядъ, нужно было установить твердо, что таковое взаимодѣйствіе было дѣломъ первостепенной важности. Нельзя было допустить принятіе серьезнаго боя одною изъ нашихъ армій до готовности вступить въ дѣло другой.

Вышеизложенныя опасенія генерала Сиверса о возможности охвата противникомъ фланга 10-ой арміи были оставлены безъ вниманія Штабомъ фронта на томъ основаніи, что, какъ выразился Генералъ-Квартирмейстеръ Штаба фронта, ген. Бончъ-Бруевичъ: «противникъ врядъ ли на это рѣшится, имѣя на флангѣ 12-ую армію».

Но, вѣдь, эта армія до середины февраля еще не могла быть сосредоточенною для удара. Наступленіе германцевъ противъ нашей 10-ой арміи, конечно, могло казаться очень рискованнымъ, хотя при надежномъ прикрытіи со стороны праваго фланга, оно могло считаться дѣломъ вполнѣ возможнымъ. Послѣ отправки XXII-го корпуса *) въ Карпаты лѣвый флангъ 10-ой арміи, та-

*) Въ подтвержденіе замѣчательно точной освѣдомленности нѣмцевъ о всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ для интереса приводимъ фактъ, что при прибытіи на свои позиціи въ Карпаты части XXII корпуса находили привѣтственные плакаты — «XXII-му Финляндскому корпусу — привѣтъ отъ противостоящихъ германцевъ».

кимъ образомъ, прикрывался лишь 57-ою пѣх. дивизіею и 1-ою отд. кавалерійскою бригадою генерала Бендерева. Но 57-ая дивизія по основному своему заданію являлась гарнизономъ крѣпости Осовца, а потому районъ и характеръ ея дѣйствій были ограничены.

Означенныя явленія и, въ особенности, взгляды Штаба фронта могутъ быть объяснены, главнымъ образомъ, увѣренностью въ томъ, что главныя стремленія противника пока были направлены съ лѣваго берега р. Вислы противъ Варшавы. Это мнѣніе оставалось непоколебимымъ даже послѣ того, какъ стало извѣстнымъ о появленіи на австрійскомъ фронтѣ новой, такъ называемой Южной арміи изъ германскихъ войскъ, взятыхъ изъ состава 9-ой арміи, дѣйствовавшей противъ Варшавы.

Вышеуказанное опасное положеніе 10-ой арміи, съ открытыми флангами, должно было внушить серьезныя опасенія. Малая устойчивость вообще второочередныхъ дивизій, занимавшихъ фланги нашего расположенія, была хорошо извѣстна и намъ и противнику по предыдущимъ операціямъ. При такихъ условіяхъ повтореніе излюбленной нѣмцами операціи двойного охвата и обхода фланговъ представлялось вполнѣ исполнимымъ, ибо эти дивизіи легко было сбить съ выходомъ во флангъ остальныхъ войскъ.

Какъ мы уже видѣли, генералъ-адъютантъ Рузскій въ первые же дни послѣ Сѣдлецкаго совѣщанія приступилъ къ исполненію нѣкоторыхъ намѣченныхъ по плану наступленія мѣръ. Такъ, письмомъ отъ 20 января 1915 года № 138, генералъ Рузскій увѣдомилъ генерала Сиверса о предстоящемъ переходѣ въ наступленіе совмѣстно съ 12-ой арміей. Онъ воспользовался этимъ же случамъ для выраженія генералу Сиверсу своего порицанія за проявленную имъ съ начала ноября 1914 года до послѣдняго времени малую активность дѣйствій и за упущеніе случая овладѣть Ласдененскимъ лѣснымъ пространствомъ и настаивалъ на исправленіи этого упущенія. Считая это лѣсное пространство, какъ охватывавшее флангъ противника, весьма важнымъ, онъ этимъ же письмомъ предписывалъ 10-ой арміи захватить его въ свои руки и «теперь же выдвинуть правый флангъ арміи на р. Инстеръ конницею и пѣхотою.» Мимоходомъ отмѣтимъ, что генералъ Рузскій въ этомъ письмѣ не возражаетъ противъ кордоннаго расположенія арміи и отсутствія резервовъ.

Въ виду большого расхода силъ и растяжки фронта еще на добрыя 25 верстъ генералъ Сиверсъ былъ противъ этого мѣропріятія и 1-го февраля за № 563 донесъ, что «такая обстановка

ослабить и безъ того жидкое расположеніе пѣхоты и лишить ее возможности имѣть хотя какой-нибудь резервъ, между тѣмъ какъ общій резервъ ему необходимъ какъ на случай перехода нѣмцевъ въ наступленіе, такъ и при атакѣ передовыхъ позицій у Летцена». Отвѣта онъ не получилъ изъ штаба фронта. Въ армейскомъ резервѣ къ 28-му января оставался всего 1 полкъ.

* * *

Такъ какъ Восточно-Прусскій театръ военныхъ дѣйствій неоднократно описанъ въ нашей военной литературѣ и уже извѣстенъ большинству читателей, авторъ считаетъ лишнимъ его описывать. Считаемъ лишь нужнымъ отмѣтить, что важные мѣстные рубежи на Восточно-Прусскомъ участкѣ фронта, которые могли играть серьезную роль въ случаѣ неудачи, нами были оставлены безъ должнаго вниманія. Такъ, Бобръ-Наревская оборонительная линія была слабо укрѣплена какъ для пассивной, такъ и для активной обороны.

Построенныя въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія предмостныя укрѣпленія утратили свое значеніе, какъ слишкомъ близко отстоявшія отъ мостовъ. Возведенныя же въ первые мѣсяцы войны линіи окоповъ впереди переправъ у Визны, Ломжи, Остроленки, Рожанъ, Пултуска и Сероцка отвѣчали требованіямъ обороны лишь въ слабой мѣрѣ.*)

На Нѣманской и Наревской линіяхъ переправы охранялись ополченскими, еще необученными, 4-хъ батальонными бригадами: 8-ю у Визны и Ломжи, 4-ю у Остроленки и Рожанъ и 18-ю у Пултуска и Сероцка. На Нѣманѣ и на Бобрѣ у насъ были только крѣпости Ковна и Гродна и тетъ-де-понъ у Олиты. За время войны ничего не было сдѣлано для активной обороны этихъ двухъ рѣкъ на впереди лежащей мѣстности.

Въ противоположность намъ противникъ съ самаго начала войны приступилъ къ возведенію цѣлой системы укрѣпленныхъ линій вдоль своей границы. Отъ Торна до Страсбурга эта линія тянулась вдоль рѣки Древенцъ, а затѣмъ дальше на востокъ на Сольдау-Нейденбургъ, къ югу отъ Виленберга вдоль границы и опушки Іоганнисбургскаго лѣса. По началу укрѣплялись под-

---

*) Однако, въ германскихъ военно-историческихъ сочиненіяхъ вездѣ упорно говорится объ этихъ «крѣпостяхъ», между тѣмъ какъ «форты» у этихъ пунктовъ были расположены особенно близко отъ переправы, а потому нами и въ расчетъ не принимались при обсужденіи вопроса объ оборонѣ.

ступы къ названнымъ пунктамъ и лишь главныя дороги, а въ Іоганнисбургскомъ лѣсу были протянуты сѣти изъ колючей проволоки. По окончаніи этихъ работъ возводилась сплошная линія окоповъ вдоль всей границы. Для работъ были притянуты всѣ тѣ военно-обязанные элементы, которые почему либо не могли служить въ войскахъ, но имѣли возможность работать. Они сводились въ особыя рабочія команды, называемыя Armierungstruppen, которыя работали подъ руководствомъ саперъ.

Мазурская озерная линія и р. Ангераппъ также была сильно укрѣплена послѣ перваго нашего вторженія въ августѣ 1914 года. Крѣпость Летценъ съ укрѣпленною линіею (на восточномъ берегу Левентинскаго озера, вокругъ горы Пропоткенъ, а затѣмъ къ Спирдинскому озеру и городу Николайкенъ и далѣе отъ г. Рейнъ до Мазурскаго озера) образовали цѣлый укрѣпленный плацдармъ. Кромѣ того, уже въ мирное время около Николайкена, Руджанъ и въ нѣкоторыхъ другихъ важныхъ проходахъ были возведены особые оборонительные блокгаузы. На всѣхъ пограничныхъ переходахъ черезъ границу имѣлись ландштурменныя части для обороны.

Предшествовавшіе началу главной операціи 10—12 дней ознаменовались холодами и снѣжными бурями, свирѣпствовавшими съ необыкновенной силой. Дороги были занесены глубокимъ снѣгомъ, кое-гдѣ сугробами толщиною до 2 метровъ. Желѣзныя дороги стали; автомобильная тяга сдѣлалась невозможною; а колесный обозъ передвигался лишь при помощи рабочихъ командъ для расчистки дорогъ отъ сугробовъ.

Германцы приспособили свой колесный обозъ къ передвиженію на возимыхъ на повозкахъ полозьяхъ. Морозы затѣмъ смѣнились оттепелью; снова упавшая температура превратила дороги на подъемахъ и скатахъ въ ледяныя горы. Движеніе обозовъ и артиллеріи могло совершаться лишь съ крайней медленностью и при усиленной тягѣ. Обозы иногда часами застревали на дорогахъ въ ожиданіи расчистки отъ снѣга. Нѣсколько дней воздушная развѣдка не могла производиться.

Въ связи съ этими тяжелыми атмосферными явленіями нельзя не подчеркнуть трудности при передачѣ приказаній и поддержанія связи. Эти вопросы могли налаживаться, главнымъ образомъ, по летучей почтѣ, но строить какіе-либо точные расчеты о времени для доставки приказанія или донесенія было болѣе чѣмъ трудно. Отъ лошадей и всадниковъ требовалось громадное физическое напряженіе для доставки пакетовъ до назначенія въ срокъ. Дороги иногда и не видать изъ-за снѣга, вслѣдствіе чего

всадники часто, особенно ночью, бродили, не зная, гдѣ они находятся. Телеграфныя и телефонныя линіи отъ бури рвались; телефонной проволоки у насъ было очень мало.

Всѣ эти обстоятельства сыграли немаловажную роль, и крайне затрудняли управленіе войсками и связь для старшихъ начальниковъ.

* * *

Резюмируя всѣ вышеизложенныя обстоятельства, а въ особенности принимая во вниманіе сильно ощущавшійся недостатокъ укомплектованія, оружія и патроновъ, приходится признать, что русская армія послѣ первыхъ пяти мѣсяцевъ войны оказалась въ опасномъ положеніи.

Серьезность этого положенія усугублялась еще и тѣмъ невыгоднымъ для насъ фактомъ, что наши западные союзники перешли къ оборонѣ.

Германцы, такимъ образомъ, получили возможность оттянуть съ западнаго фронта часть своихъ силъ, которыя, вмѣстѣ съ новыми формированіями, могли быть направлены противъ насъ для использованія предстоявшаго для насъ критическаго положенія.

ГЛАВА II.

Начало формированія 12-ой арміи и дѣйствія нашей кавалеріи на Торнскомъ направленіи. Наша попытка захватить Ласдененское лѣсное пространство съ цѣлью продвинуть нашу кавалерію впередъ къ р. Интерсъ. Развертываніе 8-ой и 10-ой германскихъ армій противъ нашей 10-ой арміи и планъ операцій. Демонстрація 9-ой германской арміи противъ Варшавы. Переходъ германской 8-ой арміи въ наступленіе съ обходомъ лѣваго фланга нашей 10-ой арміи. Мѣры противодѣйствія III-го Сибирскаго корпуса по 10-ое февраля. Наступленіе германской 10-ой арміи противъ Вержболовской группы и въ обходъ праваго фланга; дѣйствія Вержболовской группы по 10-ое февраля. Рѣшеніе командующаго нашей 10-ой арміей начать 10-го февраля вечеромъ отходъ центромъ арміи. Разсмотрѣніе этихъ событій.

Схема 2 и 3.

26-го января командующій вновь формируемой 12-ой арміей, генералъ отъ кавалеріи Плеве, съ начальникомъ штаба, генераломъ Миллеромъ, получили возможность выѣхать въ Насельскъ, гдѣ формировался штабъ арміи. Въ командованіе 5-ой арміей вступилъ генералъ Чурины. Къ концу января въ составъ 12-ой арміи на правомъ берегу Вислы вошли: 76-ая и 77-ая пѣх. дивизіи, гарнизонъ и крѣпость Новогеоргіевскъ и вновь сформированные: I-ый кавалерійскій корпусъ генерала Орановскаго (6-ая, 8-ая и 15-ая кав. див.) и конная группа генерала Эрдели (14-ая кав. и 4-ая Донская каз. дивизіи), каковыя войска отчасти уже дѣйствовали на Торнскомъ направленіи. На Млавскомъ же участкѣ находились также включенные въ эту армію I-ый Турк. корпусъ и 63-ья пѣх. дивизія У Цѣханова и Прасныша, 4-ая отд. кав. и Уссурійская конная бригады, расположенныя къ сѣверо-востоку отъ Цѣханова.

Этимъ войскамъ 12-ой арміи была поставлена задача дальше оттѣснить противника къ государственной границѣ для полученія возможности вести развѣдку за этой чертой, какъ уже выше сказано.

Въ составъ 12-ой арміи, кромѣ того, должны были войти IV-ый Сибирскій корпусъ, находившійся у Варшавы, XV-ый кор-

пусъ въ Гомелѣ и XX-ый корпусъ изъ состава 10-ой арміи. Но, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, 12-ая армія еще оставалась не вполнѣ сформированной.

Противъ насъ находившіяся войска противника въ это время состояли изъ:

1) Войскъ Торнской крѣпости — корпусъ генерала Дикгута, (11 бат., 3 эск., 12 пол. и 7 тяж. батар.). Въ началѣ февраля корпусъ былъ усиленъ 75-ой пѣх. бригадой (6 бат. и 3 батар.) изъ 37-ой дивизіи герм. XX-го корпуса, которая удлинила расположеніе корпуса Дикгута на сѣверномъ его флангѣ около Скемпэ. 3-ья Австрійская кав. дивизія была притянута къ Влоцлавску. Теченіе рѣки Вислы отъ Влоцлавска до Плоцка охранялось на лѣвомъ берегу 21-ою ландв. бригадою, которая, однако, такъ же какъ австр. кав. див., генералу Дикгуту пока не были подчинены.

2) Войскъ крѣпости Грауденца, такъ называемый корпусъ Цастрова, подъ начальствомъ генерала Сурена, состоявшихъ изъ дивизій: генерала Верница въ 11 бат., 3 эск., 6 пол. и 4 тяж. батар. и генерала Брейгеля въ 14 бат., 2 эск., 3 пол. и 5 тяж. батар., а равно изъ отдѣльной бригады полковника графа фонъ Пфейля въ 5 бат., 4 эск., 3 пол. и 1 тяж. батар.. Участокъ корпуса тянулся на сѣверо-востокъ отъ Торнскаго корпуса по линіи Серпецъ—Велунь—Радзаново, а затѣмъ въ полупереходѣ впереди Млавы и Янова. Впереди праваго фланга около Раціондза была выдвинута 2-ая кав. дивизія (9 бат. ландш., 31 эск., 3 пол. и 5 тяж. батар.). Эти батальоны ландштурма для усиленія кав. дивизіи были расположены отъ Серпца до Радзанова. По обѣ стороны большой дороги Млава-Цѣхановъ были расположены обѣ дивизіи корпуса Цастрова, имѣя на правомъ своемъ флангѣ бригаду 2-ой кав. дивизіи. На самомъ лѣвомъ флангѣ корпуса находились батальоны ландштурма.

Мы здѣсь привели составъ силъ нашего противника, чтобы подчеркнуть его артиллерійское превосходство съ большимъ количествомъ тяжелыхъ батарей.

Уже раньше, въ началѣ января, намъ удалось оттѣснить противника и къ 12 января захватить Серпецъ. Противникъ отошелъ на Рыпинъ. Мы находились въ тѣсномъ соприкосновеніи съ противникомъ. Новое наступленіе войскъ уже нашей 12-ой арміи заставило противника отойти еще болѣе назадъ. Согласно донесенія генерала Плеве, «энергичными дѣйствіями генералы Орановскій и Эрдели быстро оттѣснили германскія конныя части. Наша кавалерія проявила много доблести и искусства въ бояхъ

полковъ и бригадъ. Ихъ дѣйствія дали возможность установить отсутствіе противника тамъ, гдѣ донынѣ, по свѣдѣніямъ, можно было предполагать довольно значительныя силы противника».

4-го февраля наша конница работала уже на линіи Рыпинъ—Нешава *). Однако, исполненіе задачи развѣдывать за пограничною чертою удалось лишь группѣ Эрдели, но безъ большихъ результатовъ. Развѣдывательные эскадроны встрѣтили сильный отпоръ на самой укрѣплявшейся въ спѣшномъ порядкѣ границѣ, которая бдительно охранялась ландштурмомъ.

Вышеуказанное положеніе и соотношеніе силъ оставалось безъ большихъ измѣненій до 7-го февраля, когда германское наступленіе обозначилось по всему Восточно-Прусскому фронту.

* * *

Упомянутое въ главѣ I предписаніе Главнокомандующаго Сѣв.-Зап. фронтомъ генерала Рузскаго о выдвиженіи праваго фланга къ рѣкѣ Инстеръ должно было начаться 25-го января.

Вопросъ о невыгодахъ имѣть на правомъ флангѣ занятыя противникомъ лѣсныя пространства около Ласденена неоднократно обсуждался генераломъ Сиверсомъ со старшими начальниками въ декабрѣ 1914 г. За неимѣніемъ армейскаго резерва, онъ каждый разъ долженъ былъ соглашаться съ мнѣніемъ начальника Вержболовской группы, генераломъ Епанчинымъ, что, какъ бы желателенъ захватъ этихъ лѣсовъ ни былъ, выполненіе этой задачи однѣми войсками группы, представляется невозможнымъ. Такой операціей фронтъ группы растянулся бы еще на 30 версты, доходя до общей длины въ 86 верстъ. Для этого предпріятія пришлось бы израсходовать, по меньшей мѣрѣ, весь общій резервъ группы въ 12 батальоновъ, такъ что всѣ силы группы вытянулись бы въ длинную тонкую линію безъ резервовъ, что, по мнѣнію генерала Епанчина, было бы крайне неосмотрительно. А главное, генералъ Епанчинъ указалъ на выяснившуюся за предыдущее время войны малую способность этихъ второочередныхъ войскъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Онъ, поэтому, признавалъ болѣе цѣлесообразнымъ мириться съ невыгодами имѣть на флангѣ занятыя противникомъ лѣсныя пространства, сохраняя 56-ую и 73 дивизіи въ сосредоточенномъ положеніи для маневрированія **). Попытку же захватить эти лѣса войсками группы онъ признавалъ опасною.

---

*) Нешава — къ западу отъ Рыпина.

**) Восточные выходы изъ этихъ лѣсовъ можно было обстрѣливать съ укрѣпленныхъ позицій отъ Шиленена черезъ Грумбковейчена и Шварбаленъ.

Когда затѣмъ было получено приказаніе генерала Рузскаго о захватѣ лѣсовъ, генералъ Епанчинъ напомнилъ о бывшихъ обсужденіяхъ этого вопроса. Генералъ Сиверсъ указалъ на категоричность полученнаго приказанія, которое-де исходитъ изъ Ставки. Онъ также припомнилъ сдѣланный упрекъ въ малодѣятельности. Дѣлать было нечего. Былъ составленъ планъ наступленія: прикрываясь со стороны Ласденена и Лебегалена, въ первую голову захватить Дроцвальдскій и Шорелленскій лѣса.

Лѣса оказались сильно занятыми. Выяснилось, что оборона была поручена 1-ой германской кавалерійской дивизіи, усиленной батальонами*) Кенигсбергской ландв. дивизіи съ сильной артиллеріей (Передъ началомъ сосредоточенія германскихъ армій эти батальоны большею частію были смѣнены 5-ой гвардейской пѣхотной бригадой, въ скоромъ времени усиленной 137 пѣхотнымъ полкомъ).

Генералу Епанчину пришлось употребить въ дѣло гораздо больше войскъ, чѣмъ предполагалось. Операція велась подъ конецъ половиною 56-ой и 73-ей пѣх. дивизій и двумя кав. дивизіями и поглотила еще всѣ тѣ шесть батальоновъ, которые могли быть выдѣлены изъ сосѣдней 27-ой дивизіи, 225-ый полкъ и нѣсколько весьма ненадежныхъ въ боевомъ отношеніи батальоновъ ополченія и пограничныхъ сотенъ.

Къ началу перехода нѣмцевъ въ наступленіе у генерала Епанчина остался въ резервѣ всего одинъ батальонъ.

Въ Шорелленскомъ лѣсу, дальше западнаго и сѣвернаго выходовъ изъ лѣса противъ Рагупенена, Лебегалена и Ласденена, не удалось продвинуться, такъ какъ противъ опушки лѣсныхъ пространствъ войска наткнулись на заблаговременно сильно укрѣпленныя позиціи, которыя занять не удалось. Самъ генералъ Сиверсъ, за неимѣніемъ армейскаго резерва, отказалъ въ поддержкѣ для дальнѣйшихъ дѣйствій. Такимъ образомъ, лѣсныя пространства, которыя лежали дальше на сѣверо-западъ и за которыми развертывались германскія подкрѣпленія, остались за противникомъ и не могли быть освѣщены развѣдкой нашей конницы.

Эта операція сильно утомила войска группы, которыя въ теченіе двухъ недѣль сильной зимней стужи, должны были жить подъ открытымъ небомъ въ лѣсу; число больныхъ (обмороженныхъ) достигло 600 чел., а неуспѣхъ морально сильно повліялъ на войска къ моменту общаго наступленія нѣмцевъ. Это наше

---

*) Въ числѣ 11-ти, какъ впослѣдствіи выяснилось. (Примѣчаніе автора).

наступленіе все же сыграло роль усиленной рекогносцировки въ моментъ, непосредственно предшествовавшій переходу германцевъ въ общее наступленіе противъ праваго фланга арміи.

Однако, къ сожалѣнію, какъ мы увидимъ ниже, результаты этой рекогносцировки не были учтены, какъ слѣдуетъ.

5-го февраля обозначилось наступленіе нѣмцевъ противъ нашей конницы на крайнемъ правомъ флангѣ 10-ой арміи съ цѣлью вовсе вытѣснить ее изъ лѣсисто-болотистаго пространства между Нѣманомъ и р. Шешупой, и въ обходъ сильно утомленной предыдущими боями нашей пѣхоты. Германскій полкъ кавалеріи съ пѣхотой и пулеметами и съ батареей двинулись со стороны Трапенена вдоль лѣваго берега Нѣмана. Состоялся бой. Взятые плѣнные показали, что въ районѣ боя дѣйствовали 5-ый Гвард. полкъ и Гвард. полкъ тяжелой артиллеріи. Словомъ, выяснилось, что Гвардн. пѣх. бригада налицо въ этомъ районѣ. Далѣе, плѣнные показали, что около Ласденена дѣйствовалъ также и 137-ой пѣх. полкъ и что ожидается прибытіе изъ подъ Варшавы и съ французскаго фронта подкрѣпленій для вытѣсненія насъ изъ Восточной Пруссіи.

По любому германскому справочнику можно было установить, что 137-ой пѣх. полкъ входилъ въ составъ XXI германскаго корпуса. Если нѣсколько обобщить всѣ сдѣланные при этихъ боевыхъ дѣйствіяхъ наблюденія и факты и вникнуть въ ихъ значеніе и смыслъ, не трудно было бы составить себѣ довольно ясную картину совершавшихся явленій на крайнемъ сѣверномъ флангѣ, гдѣ до середины января еще не было замѣчено присутствіе полевыхъ германскихъ войскъ, за исключеніемъ конницы, въ составѣ которой, кромѣ того, были обнаружены еще два новыхъ для насъ полка. Не выяснено, были ли эти свѣдѣнія доставлены полностью въ штабы арміи и фронта. Вмѣсто этого получилась столь примитивная и блѣдная ихъ обработка, какъ та, которую мы видимъ въ письмѣ генерала Сиверса Начальнику Штаба фронта отъ 5-го февраля, въ которомъ онъ пишетъ: «Изъ поступившихъ свѣдѣній видно, что нѣмцы дѣйствительно усиливаютъ свои войска въ Восточной Пруссіи. Несомнѣнно, на фронтѣ генерала Епанчина появилось отъ 9 до 12 новыхъ батальоновъ. Развѣдкою у Вейсунена *) обнаружено усиленіе нѣмецкой пѣхоты, и появились 6 орудій, чего прежде не было».

На бѣду, работа армейской конницы, развѣдки и наблюденія Штаба Вержболовской группы не пользовались довѣріемъ Штаба

*) На картахъ не найденъ. (Примѣчаніе автора).

арміи. Самъ же Штабъ арміи упустилъ изъ виду важность при такихъ условіяхъ имѣть свой глазъ при группѣ. До начала германскаго наступленія противъ 10-ой арміи, Главнокомандующій генералъ Рузскій, видимо, не учелъ возможности захвата иниціативы противникомъ въ свои руки. Какъ сказано выше, формированіе 12-ой арміи почти не было начато. Онъ, видимо, и не сознавалъ желательности заблаговременно собрать и расположить хотя бы часть этой арміи въ тактической связи съ лѣвымъ флангомъ 10-ой арміи, обхода которой, какъ изъ дальнѣйшихъ событій видно, нужно было опасаться. — Придавая мало значенія опасеніямъ генерала Сиверса за малую устойчивость положенія 10-ой арміи, генералъ Рузскій продолжалъ настаивать на наступательныхъ дѣйствіяхъ 10-ой арміи на флангахъ.

Между тѣмъ, основная задача Вержболовской группы была поставлена такая: 1) обезпечивать правый флангъ арміи и, 2) имѣть въ виду, что 56-ая и 73-ья дивизіи, составляя гарнизонъ крѣпости Ковны, въ случаѣ вынужденнаго отхода, должны быть направлены въ Ковну.

Двойственность задачи, возложенной на эту группу, весьма затрудняла ея операціи. Для обезпеченія праваго фланга арміи требовалось упорное задержаніе непріятеля и маневрированіе, а для того, чтобы своевременно привести въ Ковну ея гарнизонъ въ возможно большей сохранности, нельзя было долго задерживаться, особенно въ случаѣ глубокаго обхода праваго фланга превосходными силами, что могло привести къ потерѣ путей на Ковну, или угрожало даже катастрофою.

Вскорѣ послѣ подхода арміи къ Мазурскимъ озерамъ, генералъ Сиверсъ писалъ генералу Епанчину: «Опытъ многихъ боевыхъ столкновеній указалъ, что наши второочередныя дивизіи мало способны къ наступательнымъ дѣйствіямъ»..... «и я прошу Васъ всегда имѣть это въ виду, такъ какъ, по обширности возложенныхъ на армію задачъ, пришлось обезпеченіе праваго фланга арміи и Ковенскаго направленія возложить на Вашъ отрядъ, составленный изъ второочередныхъ дивизій.

Я еще разъ подтверждаю, что въ случаѣ напора на Васъ превосходныхъ силъ, Вашъ отрядъ долженъ расчитывать только на себя, такъ какъ никакой помощи со стороны ген. Смирнова *) Вамъ оказано быть не можетъ. Это обстоятельство, въ связи съ необходимостью прикрыть Ковенское направленіе и съ невозможностью допустить непріятеля одержать надъ Вами рѣшительный

*) Въ то время генералъ Смирновъ еще командовалъ XX-мъ корпусомъ.

успѣхъ, должно быть положено въ основаніе всѣхъ Вашихъ плановъ и распоряженій».*)

Генералъ Сиверсъ затѣмъ неоднократно повторялъ ту же инструкцію и словесно и письменно.

* * *

Приказъ генерала Фалькенгайна о перевозкѣ подкрѣпленій въ районы сосредоточенія на флангахъ 8-ой арміи былъ отданъ 26-го января. Развертываніе было закончено до 6-го февраля. Штабъ фельдмаршала Гинденбурга 4-го февраля былъ перенесенъ изъ Познани въ Инстербургъ. Тамъ же, съ 3-го февраля, расположился и Штабъ 10-ой арміи генералъ-полковника Эйхорна.

Уже въ концѣ января германское сосредоточеніе было въ полномъ ходу. Въ районъ Инстербургъ-Тильзитъ подвозились XXI-ый Арм. корпусъ, XXXVIII-ой и XXXIX-ый Рез. корпуса; имъ были приданы 16-ая (Кенигсбергская) Ландв. дивизія, 5-ая Гв. пѣх. бригада (изъ 9-ой арміи), мѣстная Ландв. команда «Тильзитъ» и 1-ая кав. дивизія. Всего 8 пѣх. и 1 кав. дивизій. Сосредоточеніе прикрывалось уже ранѣе прибывшей изъ 9-ой арміи гвардейскою пѣхотною бригадою, частями 16-ой Кенигсбергской Ландверной дивизіей и 1-ою кавалерійскою дивизіею. Перевозка по желѣзной дорогѣ 4 корпусовъ потребовала всего только 6 дней. Эти войска составили 10-ую армію генерала Эйхорна. Къ Іоганнисбургу подвозились XL рез. корпусъ и 4-ая кав. дивизія для усиленія праваго фланга 8-ой арміи генерала Отто фонъ Белова, въ которую еще входили I А. К. (2-ая пѣх. и 11 ландв. див.), 5-ая пѣх. бриг., 3-ья див., 1-ая рез. див. и 10 ландв. див., 4-ая кав. дивизія и 3-ья кав. бригада. Всего: 7½ пѣх. и 1⅓ кав. дивизій. Для прикрытія праваго фланга всей операціи, фронтомъ противъ Остроленки и Ломжи и для усиленія «пограничной охраны», силою въ 9 ландш. бат. и I батр. на участкѣ Вилленбергъ—р. Писса, одновременно къ 8-му февраля изъ состава 9-ой арміи съ лѣваго берега Вислы былъ перевезенъ къ юго-востоку отъ Ортельсбурга XX-ый корпусъ. Непосредственное руководство операціей принялъ на себя самъ фельдмаршалъ Гинденбургъ съ начальникомъ штаба генераломъ Людендорфомъ.

Планъ дѣйствій противъ нашей 10-ой арміи былъ слѣдующій: быстрымъ налетомъ опрокинуть нашъ правый флангъ и подъ прикрытіемъ 1-ой кав. дивизіи двинуть 10-ую армію ея лѣ-

*) Предписаніе ген. Сиверса отъ 6-го ноября 1914 г. за № 4106.

вымъ крыломъ въ направленіи вдоль р. Шешупы *) на Вильковишки для глубокаго обхода праваго нашего крыла. Въ Тильзитѣ была оставлена мѣстная Ландверная войсковая команда (8-го февраля усиленная эрзацъ-бригадою генерала барона Эзебека), заслономъ противъ дѣйствовавшей въ этомъ районѣ нашей 1-ой бригады 68-ой пѣх. дивизіи.

Стянутые къ правому флангу 8-ой арміи XL корпусъ генерала Литцмана съ 2-ой пѣх. дивизіей генерала Фалька и съ 5-ой пѣх. бригадою, 4-ою кав. див. и 3-ею кав. бригадою должны были атаковать лѣвый флангъ арміи генерала Сиверса, сбить его и дальнѣйшимъ движеніемъ вдоль Бобра отрѣзать нашъ лѣвый флангъ отъ Бобра и Нѣмана. На центръ общаго фронта, составленный изъ Кенигсбергской дивизіи и лѣвофланговыхъ частей 8-ой арміи (3-ей рез., 1-ой и 10-ой ландв. дивизій) была возложена задача сковать стоявшіе противъ нихъ лѣвый флангъ Вержболовской группы, равно какъ русскіе XX-ый и XXVI-ой корпуса. Хотя Гинденбургомъ, для участія въ Восточно-Прусской операціи, уже были оттянуты назадъ въ резервъ изъ подъ Варшавы въ свое распоряженіе нѣсколько дивизій, ихъ отправка на Наревскій фронтъ, по отзыву Людендорфа, задерживалась «изъ опасенія, что столь значительныя перевозки войскъ изъ Польши могли не остаться секретомъ и могли обнаружить ударъ изъ Восточной Пруссіи». Вѣроятнѣе, что рѣшающими были другія причины или намѣренія.

Нѣмцы подвезли эти дивизіи лишь къ 18-20 февраля; 1-ый рез. корпусъ съ 6-ой кав. дивизіей къ Вилленбергу, а раньше 3-ю пѣх. дивизію (безъ 5 пѣх. бр.) къ Нейденбургу, а 1-ая Гв. Рез. дивизія была направлена на Сольдау, но, какъ мы увидимъ, была высажена у Страсбурга для усиленія Торнскаго корпуса. Всѣ войска отъ р. Вислы до рѣки Оржица были подчинены ген. Гальвицу, которому было приказано наступать на югъ черезъ Наревъ въ Польшу. Этимъ шахматнымъ ходомъ Гинденбургъ надѣялся парировать возможныя атаки нашей арміи на его южный флангъ.

Такъ какъ, по мѣрѣ вторженія въ Сувалкскую губернію, нужно было обезпечивать длинные фланги, и со стороны Нѣмана и со стороны Нарева и Бобра, то имѣлось въ виду выдѣлить для этой цѣли тѣ войска изъ 8-ой и 10-ой армій, безъ которыхъ мож-

*) Фельдмаршалъ Гинденбургъ даже допускалъ возможность вести обходъ вдоль теченія р. Нѣмана, но генералъ Эйхорнъ предпочелъ двинуться по обоимъ берегамъ р. Шешупы.

но было обойтись по мѣрѣ сокращенія длины фронта концентрически наступавшихъ армій.

Обѣимъ арміямъ, по признанію генерала Людендорфа, «была предоставлена полная свобода дѣйствій. Однообразные взгляды всѣхъ командныхъ инстанцій обезпечивали успѣхъ дѣйствій. Даже во время сраженій фельдмаршалу Гинденбургу вмѣшиваться приходилось весьма рѣдко. Ему, такимъ образомъ, возможно было заниматься связью и держаніемъ всей операціи на ходу, равно какъ вопросомъ о прикрытіи ея фланговъ».

Всѣ перевозки и подготовка къ этимъ операціямъ совершались при соблюденіи глубочайшей тайны, чтобы застигнуть насъ врасплохъ до начала намѣченнаго общаго наступленія.

Какъ мы увидимъ ниже, всѣ планы для быстраго развертыванія противника сбылись, какъ нельзя болѣе для него удачно. Ему снова посчастливилось вырвать изъ нашихъ рукъ иниціативу дѣйствій и застичь насъ въ періодъ сосредоточенія 12-ой арміи и до пополненія некомплекта въ людяхъ и огнестрѣльныхъ припасахъ, т.-е. въ періодъ нашей еще не полной готовности къ дѣйствіямъ.

Чтобы окончательно ввести насъ въ заблужденіе о намѣченномъ главномъ ударѣ въ Восточную Пруссію, фельдмаршалъ Гинденбургъ приказалъ 9-ой арміи произвести энергичное наступленіе въ послѣднихъ числахъ января на Бзурѣ въ районѣ Болимова.

29-го и 30-го января обозначилась германская усиленная рекогносцировка, послѣ которой послѣдовало трехдневное, крайне энергично ведшееся наступленіе семью дивизіями на десятиверстномъ фронтѣ противъ стыка между нашими 1-ою и 2-ю арміями. Послѣ артиллерійской подготовки огнемъ до 100 батарей, изъ которыхъ около 40 большихъ калибровъ, съ примѣненіемъ, впервые въ эту войну, удушливыхъ газовъ, дѣйствующихъ также и на глаза (такъ назыв. слезоточивые газы) — противникъ былъ вполнѣ увѣренъ въ своемъ успѣхѣ. Однако, эти газы еще не были достаточно испытаны при различныхъ атмосферическихъ условіяхъ. Оказалось, что ихъ дѣйствіе въ холодное, сырое время, какъ въ данномъ случаѣ, далеко не отвѣчало ожиданіямъ. Помимо выпущеннаго большого количества (до 8000) таковыхъ гранатъ еще было пущено въ дѣло и другое новое изобрѣтеніе — такъ называемые огнеметы. Хотя первое впечатлѣніе было ошеломляющимъ и даже вызвало частичныя паники въ 1-омъ Сиб. и VI-омъ корпусахъ, тѣмъ не менѣе эти отличные корпуса весьма скоро оправились и въ теченіе всего этого дня сдерживали на-

поръ увѣреннаго въ крупной побѣдѣ противника. Мы потеряли пространство глубиною въ 3-4 версты. Въ послѣдующіе дни мы успѣли подвезти резервы, и бой былъ локализированъ около Господскаго Двора Воля-Шидловска.

Наше Высшее командованіе, увѣренное въ томъ, что оно имѣетъ дѣло съ главною атакою въ стремленіи противника дойти до Варшавы, бросаетъ противъ Воли-Шидловской дивизію за дивизіею безъ успѣха, но съ громадными потерями. Начальникъ участка, Командиръ VI корпуса, генералъ Гурко донесъ о полномъ уничтоженіи двухъ изъ посланныхъ въ атаку дивизій. Только послѣ подвоза тяжелой артиллеріи удалось сравнять съ землею главный опорный пунктъ противника — винокуренный заводъ Господскаго Двора — и оттѣснить нѣмцевъ нѣсколько назадъ. Но брошенныя по требованію свыше въ дѣло безъ основательной подготовки артиллеріею 8 дивизій потеряли 353 офицера и 39.720 нижнихъ чиновъ, т.-е. 50% своего состава. Уже 5-го февраля атаки противника сильно ослабѣли, и обѣ стороны закрѣпили свои позиціи.

При разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ этого германскаго наступленія противъ Варшавы, невольно возникаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ его цѣли. Употребленіе новыхъ боевыхъ средствъ— газовъ и огнеметовъ, сосредоточеніе невиданнаго до того времени количества артиллеріи и наступленіе семи дивизій на узкомъ десятиверстномъ фронтѣ — носили всѣ признаки прорыва. Онъ не удался лишь по случайности — отъ неожиданно слабаго дѣйствія газовъ. Противникъ до атаки, очевидно, возлагалъ большія надежды на эфектъ отъ газовъ. Если прорывъ увѣнчался бы успѣхомъ, то противникъ навѣрно использовалъ бы выгодное положеніе, ибо резервы еще имѣлись наготовѣ; они лишь позже поступили на формированіе группы генерала Гальвица.

Наступленіе, поэтому, фактически сыграло роль лишь сильнѣйшей демонстраціи. Оно такъ и характеризуется въ германской военной исторіи. Прорывъ, въ случаѣ удачи, по своимъ возможнымъ послѣдствіямъ, былъ бы намъ куда опаснѣе, чѣмъ лишь позже послѣдовавшее наступленіе армейской группы генерала Гальвица на правомъ берегу Вислы. Правый флангъ наступленія фельдмаршала Гинденбурга, вѣроятно, былъ бы куда лучше обезпеченъ отъ ударовъ съ нашей стороны въ случаѣ нашего пораженія подъ Варшавой.

* * *

Впечатлѣніе отъ этого наступленія противника, несомнѣнно, всецѣло привлекало вниманіе генерала Рузскаго на Завислянскій

участокъ, а Ставка 3-го февраля даже рекомендовала задержать отправку IV Сиб. корпуса, назначеннаго для включенія въ составъ 12-ой арміи.

5-го февраля въ сводкѣ Штаба фронта было сообщено о найденномъ на убитомъ германскомъ офицерѣ письмѣ, въ которомъ упоминалось о сборѣ значительныхъ подкрѣпленій въ Восточной Пруссіи. До этого времени наше Высшее командованіе оставалось въ полномъ невѣдѣніи о совершавшихся германскихъ перевозкахъ по сосредоточенію противъ нашей 10-ой арміи.

Подтвержденіе точности содержимаго въ письмѣ свѣдѣнія получилось при первыхъ орудійныхъ выстрѣлахъ противъ нашей 10-ой арміи 7-го февраля.

Въ день начала германскаго наступленія 7-го февраля противъ лѣваго фланга арміи, наша 57-ая пѣх. дивизія приступала къ частичному наступленію съ развѣдочной цѣлью въ Іоганнисбургскій лѣсъ. Нашъ переходъ въ наступленіе на обоихъ флангахъ какъ нельзя удачнѣе способствовалъ точному выясненію истиннаго намѣренія противника съ первыхъ же шаговъ его осуществленія. Нужно было лишь смотрѣть фактамъ прямо въ глаза и дать имъ надлежащую оцѣнку для принятія быстраго, отвѣчающаго всѣмъ даннымъ обстановки рѣшенія.

7 и 8-ое февраля.

Германское наступленіе противъ нашего лѣваго фланга было назначено на 7-ое февраля, т.-е. днемъ раньше, чѣмъ противъ праваго фланга. Противъ Іоганнисбурга-Снопкена и далѣе на Бялу наступалъ генералъ Фалькъ съ 2-ю пѣх. див. (5-я пѣх. бриг. нѣсколько задерживалась). Южнѣе наступалъ XL-ый корпусъ генерала Лицмана: 80-ю рез. дивизіею на Врубельнъ—Бяла, а еще южнѣе, верстъ на 15,—79-ю дивизіею на Кумельнъ—Щучинъ. Германское наступленіе состоялось наканунѣ назначеннаго перехода въ частичное наступленіе нашей 57-ой пѣх. дивизіи (226-ой и 228-ой пѣх. полки, 2 бат. сиб. стрѣлковъ и 2 сотни казаковъ), разбросанной на переправахъ р. Писсека на протяженіи 20 километровъ.

Передовые наши отряды и развѣдывательныя партіи на Іоганнисбургскомъ направленіи были сбиты. Къ вечеру начальникъ Щучинскаго отряда оттянулъ свои бывшія въ лѣсу войска на главныя позиціи за рѣкою.

Какъ въ Штабѣ фронта, такъ и въ Штабѣ 10-ой арміи, наступленіе германцевъ явилось полной неожиданностью. Узнавъ о наступленіи на Снопкенъ (у Іоганнисбурга), ген. Сиверсъ вече-

ромъ 7-го февраля приказалъ начальнику Щучинскаго отряда, генералу Омельяновичу — «развить энергичныя дѣйствія для нанесенія рѣшительнаго удара наступавшему сегодня противнику».

Ночью нѣмцы переправились черезъ р. Писсекъ въ трехъ мѣстахъ и съ разсвѣтомъ возобновили наступленіе, охватывая съ юга флангъ нашихъ войскъ. Подходившій утромъ 8-го февраля изъ Кольно на присоединеніе къ дивизіи 227-ой полкъ съ батареею, узнавъ о подходѣ съ запада къ Длстовену германской колонны войскъ, рѣшилъ ее атаковать во флангъ. 79-ая герм. рез. дивизія перешла въ контръ-наступленіе и скоро справилась съ 227-мъ полкомъ, который отошелъ черезъ Ломжу къ Осовцу. Къ вечеру обозначилось общее направленіе германцевъ на Бялу съ обходомъ съ юга. Войска 57-ой дивизіи оказывали сильное сопротивленіе, при чемъ дѣло доходило до штыковъ.

Начальникъ Іоганнисбургскаго отряда, поэтому, рѣшилъ отойти къ Бялѣ, но тамъ не удержался передъ превосходнымъ въ силахъ противникомъ. Его два полка послѣ штыковыхъ схватокъ и неуспѣха пришли въ разстройство, потерявъ за два дня 50% своего состава и двѣ батареи *).

Войска отошли дальше черезъ Щучинъ къ отнынѣ угрожаемой крѣпости — Осовцу. Такимъ образомъ, лѣвый флангъ арміи былъ совершенно обнаженъ; но фактъ германскаго наступленія въ превосходныхъ силахъ (до 3 дивизій) на нашъ лѣвый флангъ былъ установленъ боемъ съ перваго шага его начала.

Изъ осторожности, по полученіи этихъ свѣдѣній, осадный паркъ противъ Летцена былъ снятъ для перевозки въ Осовецъ, куда онъ, благодаря энергіи генерала Бржозовскаго, былъ доставленъ 10-го февраля. Серьезно обезпокоенный германскимъ обходомъ лѣваго фланга арміи, генералъ Сиверсъ еще съ вечера 7-го февраля приказалъ командиру III Сиб. корпуса принять мѣры для прикрытія фланга арміи. Генералъ Радкевичъ двинулъ отрядъ генерала Мясникова (32-ой Сиб. стр. п., 2 бат. 7-ой Сиб. див. и 2 батареи) на Арисъ-Іоганнисбургъ для непосредственнаго прикрытія обнаженнаго лѣваго фланга корпуса и для дѣйствій во флангъ противника въ случаѣ его продвиженія на Дрыгаленъ. 30-ый Сиб. стр. полкъ съ батареею былъ направленъ прямо на Дрыгаленъ, гдѣ онъ составилъ ядро тѣхъ подкрѣпленій, которыя постепенно и спѣшно прибывали и образовали отрядъ началь-

*) Противникъ занялъ Бялу 8-го февраля, къ 12 часамъ ночи послѣ отхода нашихъ войскъ.

ника Штаба Корпуса генерала Братанова. 8-го февраля въ этихъ цѣляхъ въ XX-мъ корпусѣ были сформированы 2 сводные полка, по одному отъ 28-ой и 53-ей пѣхотной дивизіи *), которые составили бригаду генерала Россійскаго. Отрядъ генерала Братанова затѣмъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ арміи принялъ на себя главные удары германскаго обхода.

Генералъ Сиверсъ попытался вернуть въ 57-ую дивизію 225-ый Ливенскій полкъ изъ Вержболовской группы, а равно привлечь и армейскій резервъ — Новоторжскій полкъ 29-ой дивизіи для подкрѣпленія, но ни тотъ ни другой полкъ, по причинѣ большихъ снѣговъ, не могли быть привлечены во время, а потому остались, гдѣ были. 1-ой отд. кав. бригадѣ было приказано сосредоточиться около Лемана и дѣйствовать въ тылъ противника въ направленіи на Пржеросль (у южной опушки сильно укрѣпленнаго Іоганнисбургскаго лѣса).

* *

Германское наступленіе противъ нашего праваго фланга должно было начаться днемъ позже, т.-е. 8-го февраля, но, по мѣрѣ приближенія къ нашимъ линіямъ: Ласдененъ, ю.-зап. уголъ Шорелленскаго лѣса и Спулленъ, нѣкоторые частные начальники рѣшили, тѣмъ не менѣе, начать боевыя дѣйствія уже 7-го февраля подъ вечеръ, чтобы удостовѣриться въ наличіи нашихъ войскъ на случай ихъ отхода уже ночью. До серьезнаго боя не дошло, и наши войска провели ночь на занятыхъ позиціяхъ.

При личномъ свиданіи съ генераломъ Епанчинымъ 7-го февраля въ Пилькаленѣ генералъ Сиверсъ сообщилъ генералу Епанчину, что требованіе наступательныхъ дѣйствій исходитъ не только отъ генерала Рузскаго, но и изъ Ставки, что поэтому и разговора не можетъ быть объ отходѣ. Тутъ-же онъ сообщилъ о началѣ германскаго наступленія противъ лѣваго фланга арміи. Армейскій резервъ — Новоторжскій полкъ, двинутый уже въ распоряженіе генерала Епанчина, приказано было вернуть, а затѣмъ, при первой возможности, и 2 батальона 105-го полка и весь 107-ой полкъ въ составъ своей 27-ой дивизіи.

На докладъ генерала Епанчина о необходимости хотя бы вывести войска изъ Ласдененскаго лѣса для занятія болѣе сосредоточеннаго положенія къ югу-востоку на заранѣе подготовленныхъ позиціяхъ также послѣдовалъ рѣшительный отказъ генерала Си-

---

*) Нѣсколько позже былъ приданъ еще 1 батальонъ изъ 29-ой пѣхотной дивизіи.

верса, мотивировавшаго отказъ вопросомъ «самолюбія», очевидно, послѣ полученія отъ генерала Рузскаго упрековъ за бездѣйствіе и категорическаго требованія наступать.

Съ утра 8-го февраля атака противника была возобновлена густыми колоннами противъ Шорелленскаго лѣса. Въ районѣ Мальвишкена (въ 15 километрахъ къ сѣверу отъ Гумбинена) нашими летчиками было установлено движеніе въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ Драгупенена двухъ значительныхъ германскихъ колоннъ. Еще южнѣе ночью былъ сбитъ 221-ый Ливенскій полкъ 57-ой дивизіи. Пѣхота противника продолжала тѣснить кавалерію генерала Леонтовича, отступавшаго вдоль Нѣмана. Атаки противъ Шорелленскаго лѣса по началу успѣха не имѣли. На этомъ направленіи было установлено присутствіе 254-го пѣх. полка, т.-е. войскъ XXXVIII германскаго рез. корпуса. Такимъ образомъ, уже 8-го февраля опредѣлился глубокій обходъ большими силами противника праваго фланга арміи.

9 февраля.

При создавшейся обстановкѣ генералъ Епанчинъ рѣшилъ дѣйстовать самостоятельно. Подъ угрозой обозначившагося наступленія противъ его праваго фланга и въ обходъ, онъ, для занятія болѣе сосредоточеннаго положенія, въ 4 часа утра 9-го февраля приказалъ группѣ Левицкаго въ 17 батальоновъ, 42 оруд. и гаубицъ отойти на позицію южнѣе Шорелленскаго лѣса *), а группѣ генерала Іозефовича въ 5 бат. и 28 орудій и гаубицъ собраться у Куссена. Лѣвому флангу — группѣ генерала князя Макаева, въ 13 бат. 56-ой и 73-ей дивизій и 24 орудій было приказано пока оставаться на мѣстѣ. Отходъ совершался безъ напора со стороны нѣмцевъ, которые, видимо, подтягивали хвосты своихъ растянувшихся колоннъ.

Въ штабѣ арміи 8-го февраля сложилось слѣдующее представленіе объ обстановкѣ:

«Противъ лѣваго фланга арміи наступалъ одинъ корпусъ на Лыкъ: одною дивизіею — на Бялу, другою — въ обходъ, отъ Кумельна. Въ центрѣ, считая отъ Николайкена до Даркемена, считались съ присутствіемъ 1-го армейскаго германскаго корпуса, одной Ландверной дивизіи и войскъ Летценскаго гарнизона; въ районѣ Гумбинена — 3-ья рез. дивизія. Эти силы центра не проявляли вовсе дѣятельности противъ нашихъ войскъ».

---

*) За время бывшихъ въ Шорелленскомъ лѣсу боевъ, войска уже ранѣе потеряли убитыми и ранеными 1.800 чел. и 600 больными (обмороженными).

9-го февраля генералъ Епанчинъ по прямому проводу докладывалъ генералу Сиверсу «о крайне уже тревожномъ положенiи въ его войскахъ, которымъ лишь съ трудомъ удалось выбраться изъ Шорелленскаго лѣса. Въ отрядѣ генерала Iозефовича не все благополучно. Противъ конницы наступаетъ не менѣе бригады пѣхоты». Начальникъ группы далѣе докладывалъ, что онъ въ предвидѣнiи неизбѣжности дальнѣйшаго отхода назадъ, прикажетъ войскамъ, въ случаѣ невозможности держаться, занять такъ называемую Вержболовскую позицiю, чтобы на ней дать отпоръ, и что онъ уже предупредилъ войска о такомъ возможномъ отходѣ.

На вышеприведенныя и ранѣе полученныя свѣдѣнiя о дѣйствiяхъ противника противъ Вержболовской группы обращалось мало вниманiя въ штабѣ 10-ой армiи. Этому наступленiю противника придавалось значенiе лишь демонстрацiи, даже послѣ того, какъ 9-го февраля штабу 10-ой армiи изъ показанiй плѣнныхъ стало извѣстно, что изъ Берлина черезъ Кенигсбергъ къ Инстербургу былъ перевезенъ еще и XXXIX-ый рез. корпусъ.

Если бы штабъ армiи внимательнѣе относился къ этимъ свѣдѣнiямъ о противникѣ и къ ранѣе полученнымъ изъ Вержболовской группы, то обстановка была бы вполнѣ правильно схвачена и, конечно, была бы избѣгнута ошибка — считать наступленiе противъ этой группы простою демонстрацiею. Главное вниманiе штаба армiи почему-то обращалось на наступленiе противъ лѣваго фланга, ближайшаго къ сообщенiямъ фронта.

Все же бездѣйствiе противника противъ нашего центра должно было напомнить высшему командованiю объ излюбленномъ прiемѣ нѣмцевъ при двойномъ обходѣ фланговъ — особенно не напирать на центръ. Первостепенной важности былъ фактъ, что наши войска на обоихъ флангахъ армiи были въ полномъ отступленiи и уже потеряли сердце. Расположенныя на флангахъ второочередныя дивизiи, подъ натискомъ превосходныхъ силъ противника, почти сразу были скинуты со счетовъ при подсчетѣ боеспособныхъ силъ 10-ой армiи, а что важнѣе, оба фланга армiи, черезъ этотъ фактъ, оказались подъ ударами противника.

Несмотря на событiя 7-го и 8-го февраля и, въ особенности, вышеуказанный докладъ генерала Епанчина отъ 9-го февраля, генералъ Сиверсъ какъ будто еще не составилъ себѣ ясной картины положенiя армiи и, во всякомъ случаѣ, не принялъ рѣшенiя о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствiй. Онъ не протестовалъ энергично противъ ухода генерала Епанчина на Вержболовскую по-

зицію, а лишь мимоходомъ указывалъ ему на выгоды Шталюпененской позиціи.

Вмѣсто опредѣленнаго приказанія, генералъ Епанчинъ, такимъ образомъ, получилъ какъ бы свободу дѣйствій. Единственное ему данное опредѣленное указаніе заключалось въ приказаніи, на случай отхода, передать 27-ую пѣх. дивизію въ XX-ый корпусъ.

Генералъ Сиверсъ, зная объ уходѣ назадъ Вержболовской группы, однако, не отвелъ нѣсколько назадъ правый флангъ XX-го корпуса, который, такимъ образомъ, оставался открытымъ.

Уже 8-го февраля до полуночи генералъ Сиверсъ связался со штабомъ фронта, который онъ оріентировалъ о положеніи. Ссылаясь, попрежнему, на опасность въ районѣ лѣваго фланга и на угрозу сообщеніямъ, онъ указывалъ на отсутствіе въ арміи свободныхъ резервовъ послѣ того, какъ онъ уже взялъ съ фронта все, что считалъ возможнымъ. Онъ, поэтому, усматривалъ необходимость ввести въ дѣло не менѣе корпуса изъ войскъ 12-ой арміи.

Въ отвѣтъ на такое его заявленіе вновь назначенный Начальникъ Штаба фронта, генералъ Гулевичъ, рекомендуетъ ему стянуть съ фронта арміи все, что только возможно, оставивъ только заслоны, и собрать войска для главной задачи — т. е. прикрытія сообщеній армій всего фронта. Соображенія генерала Сиверса о привлеченіи войскъ 12-ой арміи обходились замѣчаніемъ генерала Гулевича: «Главнокомандующій не имѣетъ резервовъ».

Генералъ Сиверсъ, такимъ образомъ, былъ предоставленъ исключительно собственнымъ силамъ, и, вслѣдствіе невозможности для штаба фронта пока ввести въ дѣло войска 12-ой арміи, надъ 10-ою арміею повисла угроза отдѣльнаго пораженія, если бы она не была немедленно выведена изъ боя и быстрымъ отступленіемъ изъята изъ соприкосновенія съ противникомъ. Но такого приказа генералъ Рузскій не отдалъ, а генералъ Сиверсъ не находилъ возможнымъ принять такое рѣшеніе на свою личную отвѣтственность, несмотря на условность отдаваемыхъ командованіемъ фронта распоряженій.

Въ самомъ дѣлѣ, утромъ 9-го февраля генералъ Сиверсъ получилъ телеграмму Главнокомандующаго фронтомъ, за №-омъ 7545, которая гласила: «Для рѣшительной атаки нѣмцевъ, наступающихъ на Іоганнисбургъ, 10-ой арміи собрать въ наикратчайшій срокъ возможно большее количество войскъ, оставивъ заслоны на укрѣпленныхъ позиціяхъ». Одновременно, начальникомъ штаба 10-ой арміи была получена телеграмма штаба

фронта: «Необходимо при отходѣ основательно разрушать желѣзныя дороги, дабы нѣмцы не открыли своихъ сообщеній по кратчайшему направленію черезъ промежутокъ между Мазурскими озерами».

Въ отвѣтъ на телеграмму генерала Рузскаго, ген. Сиверсъ вновь подтвердилъ неимѣніе резервовъ, указалъ на невозможность своими силами парировать обходъ германцами лѣваго фланга арміи и сообщилъ о своемъ рѣшеніи оттянуть нѣсколько назадъ XX-ый и XXVI-ой корпуса. Вержболовскую группу онъ, почему-то, считалъ возможнымъ оставить на мѣстѣ, несмотря на тревожныя донесенія генерала Епанчина.

Генералъ Сиверсъ, однако, затѣмъ отказался отъ своего намѣренія оставить эту группу на мѣстѣ. Въ 9 час. утра, 9-го февраля онъ принялъ рѣшеніе отойти всею арміею въ теченіе ночей съ 9-го на 10-ое и съ 10-го на 11-ое на малый переходъ назадъ: Вержболовская группа, противъ праваго фланга которой 9-го февраля обнаружено, якобы, «наступленіе нѣмцевъ силою до дивизіи», должна была уже ночью съ 9-го на 10-го стать къ западу отъ Шталюпенена; XX-ый корпусъ на Гольденъ-Грабовенской позиціи; XXVI-ой корпусъ на линію Орловенъ-Ней-Юха, а III Сиб. корпусъ занять позицію на фронтѣ Ней—Юха—Лыкъ—оз. Зельментъ, имѣя особый отрядъ со стороны Нейендорфа и съ 57-ой дивизіей въ Осовцѣ. Указанія о тыловыхъ путяхъ оставались прежними, т.-е. на Нѣманъ: 56-ая и 73-ья див. въ Ковну, 27-ая див. въ Прены, 29-ая и 53-ья див. въ Олиту, 28-ая див. въ Меречь, XXVI-ой корпусъ въ Гожу и III-ій Сиб. корпусъ въ Гродну.

Одновременно вниманіе фронта было привлечено къ дѣйствіямъ противника къ югу отъ Ортельсбурга, куда имъ перебрасывались войска изъ Польши. А на Торнскомъ направленіи противникъ уже проявлялъ тенденцію къ наступленію. Въ Штабѣ сложилось впечатлѣніе, что противникъ по всему фронту до самой Вислы пороходитъ въ наступленіе. Поэтому, было рѣшено въ ближайшіе дни послать подкрѣпленіе 12-ой арміи, но не въ направленіи на Млаву, а на Наревскій участокъ. Переданный уже въ распоряженіе фронта Гвардейскій корпусъ былъ направленъ въ Ломжу. Туда же уже посылалась 1-ая Кавк. стр. бригада изъ 1-ой арміи. 63-ья дивизія заняла Праснышъ; II-ой корпусъ изъ I-ой арміи и 5-ая стр. бригада должны были прибыть въ Остроленку; отправка XV-го корпуса изъ Гомеля была ускорена; 2-ая кав. дивизія перешла въ Пултускъ. Вся намѣченная переброска войскъ, однако, требовала не мало времени.

10-ая армія была усилена лишь бригадою 68-ой див., которая была переброшена въ Ковну для составленія гарнизона; XIX-му корпусу съ лѣваго берега Вислы было приказано быть на готовѣ для отправки.

Генералъ-адъютантъ Рузскій оцѣнивалъ обстановку въ последующіе дни въ слѣдующемъ видѣ: противъ фланговъ 10-ой арміи противникъ двинулъ по корпусу. Со стороны Ортельсбурга наступаетъ одна дивизія. Около Млавы и къ юго-западу, по обѣимъ сторонамъ Вислы, сравнительно, спокойно. Поэтому, 10-ая армія должна была отойти до Маріамполя—Лыка съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи перейти въ наступленіе совмѣстно съ 12-ой арміею, къ сосредоточенію которой уже было приступлено. О такомъ своемъ намѣреніи онъ, однако, еще ничего не сообщилъ генералу Сиверсу.

На лѣвомъ нашемъ флангѣ нѣмцы, по опредѣленію Штаба арміи, силою не менѣе корпуса, двинулись послѣ занятія Бялы на Дригаленъ. Здѣсь генералъ Братановъ при помощи прибывшихъ подкрѣпленій 9-го февраля сдерживалъ напоръ вдвое превосходнаго въ силахъ противника до полученія въ 10 час. вечера приказанія отойти къ востоку на новую позицію: Андреасвальдъ — Шпейенъ — Мерховенъ. Подъ прикрытіемъ двинутыхъ къ Арису и Дригалену боковыхъ авангардовъ III Сиб. корпусъ отошелъ къ Лыку.

Между тѣмъ, нѣмцы своимъ обходнымъ движеніемъ противъ праваго фланга Вержболовской группы угрожали окончательно утвердиться въ тылу Вержболовской группы, отрѣзывая ее отъ тыловыхъ путей на Ковну. Кавалерія генерала Леонтовича вынуждена была въ теченіе 9-го февраля отойти на Словики, гдѣ она, однако, лишь временно могла удержаться.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ событій генералъ Епанчинъ, еще до полученія приказа по арміи, въ 10 час. утра 9-го февраля отдалъ приказъ правофланговымъ войскамъ группы въ этотъ день отойти къ границѣ съ тѣмъ, чтобы 10-го февраля занять Вержболовскую позицію, т.-е. онъ, вопреки приказа по арміи, не остановился со всѣми войсками на Шталюпененской позиціи. Событія развивались настолько быстро, что если бы генералъ Епанчинъ и хотѣлъ, то онъ врядъ ли былъ бы въ состояніи удержать группу у Шталюпенена, находящагося на одномъ меридіанѣ съ уже оставленнымъ Шорелленскимъ лѣсомъ. Войска отчасти уже были разстроены и вышли изъ рукъ своихъ начальниковъ.

Начальникъ 73-ей дивизіи — генералъ Левицкій — приказа командира корпуса до 12 часовъ дня не получилъ, а, тѣмъ не

менѣе, началъ отходъ черезъ Вилюненъ къ Ширвинту тремя колоннами: полковника Бискупскаго въ 9 эск., 2 бат., и 4 ор. на Ширвинтъ и колонною полковника Ушакова въ составѣ 290 и 292 пѣх. полковъ, и двухъ бат. 107 полка на Вилюненъ; третья колонна полковника Линденбаума шла болѣе южной дорогой. Объ этомъ генералъ Епанчинъ въ 1 ч. 15 мин. того же дня донесъ въ Штабъ арміи. Генералъ Іозефовичъ послѣ отхода генерала Левицкаго подался на своемъ участкѣ назадъ въ направленіи къ Бильдервейчену для выпрямленія нѣсколько фронта. Между тѣмъ генералъ Епанчинъ оставался въ увѣренности, что съ сѣвера противъ него въ обходъ дѣйствуютъ двѣ дивизіи, на лѣвомъ берегу р. Шешупы, какъ онъ и донесъ въ Штабъ арміи.

Генералъ Сиверсъ лично передалъ генералу Епанчину въ Шталюпененѣ по аппарату Юза, что 9-го февраля Вержболовской группѣ приказано не отходить, и что будетъ присланъ приказъ по арміи, изъ котораго будетъ видно какъ поступать. Этотъ приказъ былъ полученъ въ 2 ч. 30 мин. дня. Согласно этого приказа отходъ на Шталюпененскую позицію долженъ былъ начаться лишь 10-го февраля.

Сейчасъ же генералъ Епанчинъ донесъ о необходимости немедленнаго отхода въ виду продолжавшагося обхода праваго фланга, такъ какъ иначе войска центра и особенно лѣваго фланга его группы не въ состояніи будутъ во время занять Вержболовскую позицію. Одновременно онъ отдалъ приказъ—съ наступленіемъ темноты занять Шталюпененскую позицію занимавшими позицію противъ Гумбинена войсками генерала князя Макаева. Этотъ отходъ на Шталюпененскую позицію былъ санкціонированъ Штабомъ арміи въ 4 часа дня 9-го февраля съ требованіемъ, занять отрядомъ въ полкъ кавалеріи съ 2 батальонами и съ артиллеріею подходящій пунктъ для связи между Шталюпененской позиціей и 27-ой дивизіею, которая въ этотъ же день была изъята изъ состава группы генерала Епанчина и возвращена въ составъ XX-го корпуса. Вновь было приказано вернуть въ 27-ую дивизію 4 бат. Троицкаго полка и 2 бат. Оренбургскаго полка. Два батальона 291-го Трубчевскаго полка съ артиллеріею получили приказъ стать у Энцунена (у Тракенена). Кавалерійскій полкъ не могъ быть приданъ, такъ какъ вся кавалерія была на крайнемъ правомъ флангѣ группы. Тамъ же находились и эти 6 батальоновъ 27-ой дивизіи.

Въ 2 часа дня 9-го февраля воздушной развѣдкой было установлено, что наблюдается скопленіе значительныхъ непріятельскихъ силъ въ окрестностяхъ Ласденена и у Лебегалена, а на

участкѣ отъ Тулена до Драгучена — замѣчено движеніе въ направленіи на Куссенъ и Пилькаменъ густыхъ отдѣльныхъ колоннъ. Эти свѣдѣнія были сообщены въ Штабъ арміи. Если въ Штабѣ арміи до 9-го февраля и были сомнѣнія объ истинномъ значеніи донесеній, поступавшихъ изъ Штаба Вержболовской группы, то они въ этотъ день должны были раскрыть глаза всѣмъ до того времени не вѣрившимъ въ серьезную опасность положенія на правомъ флангѣ арміи. Въ самомъ дѣлѣ, 10-ая германская армія 9-го февраля направлялась прямо во флангъ группѣ. Одновременно, наша воздушная развѣдка установила наступленіе также съ сѣвера 4-хъ колоннъ, по бригадѣ въ каждой *), на участкѣ Шешупа-Пилькаленъ.

Къ вечеру того же дня авангарды противника заняли линію Мейшты- Вилюненъ-Пилькаменъ-Куссенъ, т.-е. противникъ оказался надъ флангомъ и тыломъ уже расшатанныхъ войскъ группы.

Войска генерала Левицкаго въ точности выполнили приказъ. Но одна изъ колоннъ — командира Валуйскаго полка полковника Ушакова, вслѣдствіе неполученія приказа изъ Штаба, дошла до Владиславова, куда уже прибыла кавалерія полковника Бискупскаго (9 эск., 2 бат. и 4 р.). Всѣ передвиженія въ этотъ день совершились отчасти съ потерею связи съ противникомъ, но не подъ непосредственнымъ его давленіемъ.

10 февраля.

Кавалерія генерала Леонтовича у Словики не удержалась, а отошла къ ночи на 10-ое февраля на востокъ къ дер. Синтовты въ направленіи на Гришка—Буда, оставивъ открытую дорогу на Владиславовъ, по которой наступала пѣхотная колонна, о чемъ онъ и донесъ.

Вслѣдствіе отсутствія связи кавалеріи генерала Леонтовича съ войсками, дѣйствовавшими около Владиславова, дороги, ведущія съ сѣвера на югъ по обоимъ берегамъ р. Шешупы, оставались также ненаблюдаемыми нашимъ сторожевымъ охраненіемъ. Поэтому, направленная усиленнымъ маршемъ уже 9-го февраля на Владиславовъ германская 65-ая пѣх. бригада (42 пѣх. дивизіи) ночью, незамѣтно для насъ, подошла къ городу Ширвинту и въ 5 час. утра 10-го февраля атаковала и захватила г. Владисла-

*) Такъ какъ германскія вновь сформированныя резервныя дивизіи состояли изъ 3-хъ полковъ по три батальона, что еще намъ было неизвѣстно, то наши летчики-наблюдатели очевидно ихъ принимали за бригады.

вовъ. Одновременно подошелъ и авангардъ 31-ой германской див. по правому берегу р. Шешупы для поддержки атаки. Застигнутыя врасплохъ наши войска бросились въ безпорядкѣ на востокъ. Но были части, которыя оказывали отчаянное сопротивленіе для прикрытія отхода.

Подъ впечатлѣніемъ этого событія и вслѣдствіе обнаруженнаго наступленія противника со стороны Виллюнена на войска третьей колонны полковника Линденбаума, генералъ Левицкій приказалъ полковнику Линденбауму отходить. О мѣстѣ нахожденія колонны полковника Ушакова у него не было свѣдѣній. Приказаніе генерала Епанчина о направленіи всѣхъ ближайшихъ войскъ для удержанія Владиславова не дошло. Туда же онъ двинулъ единственную, находившуюся подъ рукою часть—1 бат. 68-ой пѣх. дивизіи, прибывшій въ Вильковишки, первымъ эшелономъ отъ подходившей изъ Ковны 2-ой бриг. этой же дивизіи, куда она прибыла безъ патроновъ и артиллеріи. Посланное приказаніе генералу Леонтовичу задержать нѣмцевъ звучало такимъ же безсиліемъ.

Вслѣдъ за отходомъ группы генерала Левицкаго потянулась отъ Шталюпенена на востокъ и 56-ая пѣх. дивизія, т.-е. группы генераловъ Юзефовича и Макаева.

9-го числа колонны полковника Ушакова и полковника Бискупскаго прошли какъ бы на виду противника, по пути Виллюненъ — Владиславовъ, причемъ этотъ путь къ вечеру оказался въ рукахъ наступавшаго съ сѣвера противника; въ Штабѣ группы еще днемъ было получено извѣстіе отъ воздушной развѣдки о движеніи 4 колоннъ противника съ сѣвера на югъ.

Движеніе этихъ нашихъ двухъ колоннъ, очевидно, не было упущено германскою развѣдкою, въ результатѣ чего получился вышеупомянутый согласованный форсированный маршъ авангардовъ двухъ лѣвофланговыхъ дивизій противника на Владиславовъ по обоимъ берегамъ р. Шешупы. При относительной слабости этихъ авангардовъ, атака состоялась еще до разсвѣта; она увѣнчалась успѣхомъ вслѣдствіе своей неожиданности и нашей оплошности — размѣстить обѣ колонны цѣликомъ въ одномъ и томъ же населенномъ пунктѣ, вмѣсто того чтобы расположиться въ деревняхъ за близъ лежащимъ Норвейченскимъ участкомъ Вержболовской позиціи на сѣверномъ берегу р. Шешупы. Однако, наши войска оказали сильное сопротивленіе. Одинъ изъ ба-

тальоновъ потерялъ всѣхъ своихъ офицеровъ и пробился, въ составѣ лишь 200 чел., послѣ отхода главныхъ силъ.

События въ Вержболовской группѣ 9-го февраля должны были окончательно убѣдить Штабъ арміи въ томъ, что нужно было отойти назадъ центромъ арміи не на малый переходъ, а примѣрно до самой государственной границы, и что медлить началомъ этого передвиженія нельзя было. Оно, несомнѣнно, могло начаться уже вечеромъ 9-го февраля, если не раньше, хотя бы правымъ флангомъ XX-го корпуса, чтобы нѣсколько подравняться съ расположеніемъ войскъ генерала Епанчина. Одновременно съ рѣшеніемъ о моментѣ и линіи для отхода нужно было, конечно, призадуматься и о цѣлесообразности дальнѣйшаго сохраненія указанныхъ корпусамъ тыловыхъ путей прямо на востокъ, и считаться съ необходимостью, въ крайнемъ случаѣ, уклонить ихъ къ юго-востоку.

Ожидавшееся 10-го февраля наступленіе съ фронта на нашъ центръ, конечно, не состоялось. Мы потеряли дорогое время для ухода изъ весьма критическаго положенія. Эта безпричинная задержка съ началомъ отхода на 24 часа оказалась чреватой послѣдствіями, о чемъ будетъ сказано ниже въ связи съ подобными же явленіями при дальнѣйшемъ отступленіи.

Управленіе войсками Вержболовской группы, видимо, совсѣмъ ускользнуло изъ рукъ ея начальниковъ, вслѣдствіе разстройства службы связи. Въ телеграммѣ, полученной въ Штабѣ арміи въ 7 ч. 15 м. утра 10-го февраля, за неимѣніемъ данныхъ о положеніи прочихъ войскъ группы и свѣдѣній о противникѣ, генералъ Епанчинъ могъ сообщить лишь объ отходѣ кавалеріи генерала Леонтовича на Синтовты. 10-го февраля между 10 и 12 час. дня были получены депеши Штаба арміи: № 917 — держаться во что бы то ни стало; № 920 — не придавать значенія обходу и № 965 — подтверждено то же самое.

Того же дня послѣ полудня генералъ Епанчинъ получилъ свѣдѣніе, что со стороны Пилькалена и Виллюнена нѣмцы, силою около дивизіи, наступаютъ на югъ. Воздушная развѣдка донесла о наступленіи бригады пѣхоты со стороны Шиленена по западному берегу Шешупы. Около Владиславова было установлено присутствіе около дивизіи. Генералъ Леонтовичъ донесъ, что отъ Словики на Владиславовъ наступали три пѣхотныя бригады и 4 полка кавалеріи съ сильной артиллеріею, и что противникъ уже дошелъ до дер. Панова. Самъ же онъ, согласно много ранѣе данной инструкціи генерала Епанчина, на случай вынужденнаго отхода на Вержболовскую позицію, отошелъ къ дер. Гришка-

Буда. Одновременно стало извѣстно, что связь потеряна съ 2 бат. 291-го Трубчевскаго полка, выдвинутыми къ Энцунену для связи съ XX-мъ корпусомъ. Оказалось, что эти два батальона были атакованы и окружены противникомъ (Кенигсбергскою Ландв. дивизiею).

Генералъ Епанчинъ оставался при рѣшенiи отвести назадъ на Вержболовскую позицiю всѣ войска группы, въ томъ числѣ и оставленныя на Шталюпененской позицiи части генерала Макаева. О таковыхъ распоряженiяхъ въ 2 часа дня было донесено въ Штабъ армiи. Эта телеграмма скрестилась съ телеграммою генерала Сиверса, который указывалъ на необходимость оставить войска на Шталюпенской позицiи съ эшелонированiемъ праваго фланга группы уступомъ у Бильдервейчена и на сѣверной части Вержболовской позицiи около Владиславова. Командармъ снова счелъ долгомъ успокоить генерала Епанчина заявленiемъ, что движенiе германцевъ на Вержболовскую позицiю «носитъ характеръ лишь демонстрацiи» (Депеша № 923) — и что нужно держаться во что бы то ни стало. Къ вечеру онъ телеграфировалъ, что «онъ увѣренъ, что войска группы переночуютъ на германской территорiи».*).

Генералъ Iозефовичъ долженъ былъ выслать часть силъ къ Эйдкунену для обезпеченiя отхода частей генерала Макаева, но приказанiе было получено только тогда, когда войска генерала Iозефовича подходили уже къ Вержболову.

Войска полковника Ушакова и полковниковъ Бискупскаго и Билькмана въ теченiе 10-го февраля упорно сдерживали дебушированiе противника изъ Владиславова. Къ вечеру колонна полковника Линденбаума, тѣснимая противникомъ, отошла къ дер. Рудкишки, (въ 8 верстахъ къ сѣв.-востоку отъ Вержболова) и къ вечеру стала занимать свой участокъ Вержболовской позицiи.

Генералъ Макаевъ совершилъ свой отходъ отъ Шталюпенена почти безпрепятственно, но при подходѣ въ 8 час. вечера къ Кибартамъ врѣзался въ колонну генерала Iозефовича, выходившую въ то время на шоссе.

---

*) Депеша № 922. Въ 11 час. вечера 10-го февраля получена депеша Штаба армiи № 967 о необходимости удерживать Вержболовскую позицiю, но не ставя войска въ опасное положенiе, имѣя задачей прикрыть направленiе на Ковну и защищать Нѣманъ между Ковной и Пренами. Вмѣстѣ съ тѣмъ указано, что, принимая во вниманiе *ненадежность войскъ*, заранѣе обдумать отходъ.

Полковникъ Ушаковъ (около 8 бат. и 2 батареи) получилъ приказаніе о занятіи Вержболовской позиціи лишь въ 7 ч. 30 м. вечера. При исполненіи отхода онъ, однако, былъ атакованъ и охваченъ съ обоихъ фланговъ. При этомъ одинъ Валуйскій полкъ потерялъ 1.200 чел. убитыхъ и раненыхъ.

Мѣриломъ степени сопротивленія оказаннаго войсками 73-ей дивизіи и отряда полковника Линденбаума служитъ фактъ, что германская 31-ая дивизія за 10 и 11 февраля смогла продвинуться впередъ всего на 15 верстъ по своему пути слѣдованія. Всѣ эти колонны мало-по-малу потеряли связь не только съ противникомъ, но и между собою и со штабами дивизій и группы, которые поэтому знали еще меньше. Штабъ генерала Епанчина къ вечеру 10-го февраля перешелъ въ Вильковишки.

Результатъ потери штабами связи съ собственными войсками получился самый печальный. Въ силу всякихъ недоразумѣній и подъ впечатлѣніемъ присутствія даже слабыхъ партій противника или ухода сосѣда, колонны стали еще съ вечера или подъ утро отходить: конница полковника Бискупскаго — вдоль желѣзно-дорожнаго полотна на Козлова-Руда, полковникъ Ушаковъ — на Пильвишки, Линденбаумъ — на Вильковишки и Маріамполь. Нѣкоторыя части 56-ой дивизіи уже расположились въ Вержболовѣ на ночь. Двигавшіяся въ одной общей колоннѣ войска генераловъ Іозефовича и Макаева, пройдя Вержболово около 11 час. вечера, были атакованы значительными силами противника — 78-ою рез. дивизіею. Произошла паника. Часть уже расположившихся на ночь въ Вержболовѣ войскъ была взята въ плѣнъ. Тамъ же противникъ захватилъ два санитарныхъ и одинъ провіантскій поѣздъ. Войска отошли въ безпорядкѣ, часть на Маріамполь, часть на Кальварію. Призракъ противника сдѣлалъ остальное. Вержболовская группа пришла въ полное разстройство ко дню 11-го февраля.

Кавалерія генерала Леонтовича въ тотъ же день переходила изъ Гришки-Буды на Маріамполь, пересѣкая отходившія въ разстройствѣ части 73-ей и 56-ой дивизій. Казалось бы, это обстоятельство должно было служить убѣдительнымъ указаніемъ, что всей конницы на флангѣ не слѣдуетъ оставлять, и что ей слѣдовало бы поручить прикрытіе обнаженнаго тыла арміи, а во всякомъ случаѣ — выясненіе силы и направленія вторгавшагося противника. Однако, она пошла дальше въ Олиту, гдѣ и оставалась.

Штабъ генерала Епанчина изъ Вильковишекъ перешелъ къ 8 часамъ вечера 11-го февраля въ Прены *). Выяснилось, что на Козлово-Рудской позиціи и у Пренъ собрались остатки 73-ей див. и 207-го Троицкаго полка, всего нѣсколько болѣе 8-ми тысячъ человѣкъ, конница полковника Бискупскаго и бригада 68-ой пѣх. див. На слѣдующій день стало извѣстнымъ, что остатки 56-ой див. въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ съ 4 батареями, отошли на Симно, откуда они затѣмъ, по приказу изъ Штаба арміи, перешли въ Олиту. Къ этому пункту затѣмъ собрались прочія отъ этой дивизіи отколовшіяся группы.

Хотя Вержболовская группа понесла крупныя пораженія у Владиславова и Вoржболова, ей, тѣмъ не менѣе, удалось въ последнюю минуту вернуться къ исполненію своей прямой задачи — служить гарнизономъ крѣпости Ковны и теть-де-пона у Олиты. Войска группы понесли чувствительныя потери въ бояхъ. Однако, они спасли всю свою артиллерію, за исключеніемъ 3-хъ батарей — 17 легкихъ орудій.

Генералу Епанчину былъ поставленъ въ серьезную вину его отходъ. Войска были подчинены коменданту Ковенской крѣпости, которому была поставлена задача оборонять Ковну и участокъ Нѣмана къ югу отъ Пренъ включительно. Туда вскорѣ были собраны всѣ оставшіяся войска бывшей Вержболовской группы. 6 батальоновъ 27-ой дивизіи и 225 Ливенскій полкъ къ 17-му февраля были отправлены на южный берегъ Бобра въ Новый Дворъ.

Между тѣмъ, нельзя не указать на то обстоятельство, что если съ Вержболовской группой не случилась полная катастрофа, то это лишь благодаря разумному, самостоятельному рѣшенію генерала Епанчина, принятому вопреки требованію генерала Сиверса — безъ пользы положить голову на плаху.

Пусть тѣ, которые осуждали поведеніе генерала Епанчина,

---

*) Штабъ Вержболовской группы въ Пренахъ получилъ депешу Штаба арміи № 1000 объ удержаніи Козлово—Рудской позиціи, во исполненіе чего былъ отданъ приказъ № 62, чтобы сѣверный участокъ позиціи оборонялъ генералъ Левицкій, а южный отъ оз. Амальфи къ сѣверу — генералъ Іозефовичъ. Такъ какъ утромъ 12-го февраля выяснилось, что у генерала Іозефовича собралось очень мало войскъ, то, оставивъ его на позиціи въ районѣ Моргово, генералъ Епанчинъ, переговоривъ по телефону съ комендантомъ Ковны, генераломъ Григорьевымъ, для установленія единства дѣйствій, отправился въ Ковну, куда прибылъ 12-го февраля около 3-хъ часовъ дня, остановившись по пути въ дер. Годлево, для переговоровъ съ ген. Левицкимъ.

Въ Ковнѣ генералъ Епанчинъ узналъ, что онъ и его войска подчиняются коменданту крѣпости. 15-го февраля генералъ Сиверсъ приказалъ оставить на позиціи только конницу, а остальнымъ частямъ занять крѣпость.

только подумають о возможныхъ послѣдствіяхъ, если бы группа была отброшена отъ Ковны и крѣпость оказалась бы вовсе безъ гарнизона. Противникъ, конечно, могъ захватить беззащитную крѣпость хотя бы для полученія возможности перебросить на правый берегъ тѣ кавалерійскіе эскадроны, которые были снабжены разрывными средствами для спеціальной цѣли прервать движеніе по нашимъ желѣзно-дорожнымъ артеріямъ тыловыхъ сообщеній сѣв.-зап. фронта *).

Все это привело къ тому, что правый флангъ и тылъ 10-ой арміи на протяженіи трехъ переходовъ оставался совершенно открытымъ къ тому моменту, когда въ 9 час. вечера 10-го февраля XX-ый корпусъ долженъ былъ начать свой отходъ съ Даркеменской позиціи.

Въ тотъ же вечеръ германская 10-ая армія завершала свое захожденіе прямо на югъ и подходила своими передовыми частями къ желѣзной дорогѣ Ковна—Инстербургъ на участкѣ Шталюпененъ—Пильвишки, не имѣя передъ собой никакого противника.

Такимъ образомъ, пути, намѣченные нами для отхода нашей 10-ой арміи къ Нѣману, уже очутились подъ ударами противника. Случилось то, что могло быть яснымъ уже 8-го — 9-го февраля при условіи иного отношенія ген. Сиверса къ обстановкѣ и къ работѣ на картѣ. Прикидывая циркулемъ разстоянія противника и нашего до Нѣмана, было совершенно очевидно, какая серьезная опасность намъ угрожала при задержкѣ арміи съ отходомъ отъ Ангераппа въ случаѣ одновременнаго успѣха противника противъ Вержболовской группы.

Таковая возможность, какъ одинъ изъ вѣроятныхъ результатовъ обхода нашего праваго фланга, должна была быть взвѣшена уже въ самомъ началѣ. Подобное теченіе мысли, видимо, отсутствовало въ высшемъ управленіи, гдѣ даже упорно не желали считаться съ фактами и очевидными ихъ послѣдствіями. Этимъ, главнымъ образомъ, можно себѣ объяснить отсутствіе инструкціи командирамъ корпусовъ и армейской конницѣ генерала Леонтовича.

Кавалерія генерала Леонтовича и полковника Бискупскаго безъ пользы была оставлена на внѣшнемъ флангѣ наступавшей германской X-ой арміи. Противникъ, такимъ образомъ, черезъ сутки могъ уже выйти на тыловые пути ближайшаго правофлан-

*) Ледъ на р. Нѣманѣ былъ очень слабъ и не выдерживалъ тяжести лошади, такъ что переправа была возможна только по мостамъ.

товаго нашего XX-го корпуса. Стратегическое значеніе образовавшагося положенія очевидно безъ объясненія. Укажемъ еще на тяжелое положеніе въ продовольственномъ отношеніи, предстоявшее XX-му корпусу отъ неминуемой потери тыловыхъ учрежденій и обозовъ на путяхъ отхода. Эти продовольственные запасы достались противнику, въ значительной степени облегчая ему рѣшеніе весьма трудной, въ ту пору непогоды и бездорожья, задачи подвоза. По признанію самихъ нѣмцевъ, они безъ нашихъ богатыхъ запасовъ продовольствія, обуви и проч. врядъ ли были бы въ состояніи продолжать двигаться дальше форсированными маршами для замыканія намѣченнаго кольца окруженія нашей 10-ой арміи.

Столь блестящее стратегическое положеніе съ дальнѣйшими возможностями досталось нашему противнику почти безъ боя, вслѣдствіе предвзятости нашего высшаго командованія въ оцѣнкѣ обстановки на сѣверномъ фронтѣ. Намѣченный рутинный отходъ арміи назадъ по старымъ тыловымъ путямъ на Нѣманъ «съ позиціи на позицію», которыя противникъ и не собирался атаковать, и запоздалое, по меньшей мѣрѣ на сутки, начало общаго отхода центра арміи — являлись тѣми факторами, которые до нѣкоторой степени предрѣшали неуспѣхъ операціи нашей 10-ой арміи. Дальнѣйшее же пребываніе нашего командованія въ заблужденіи о значеніи операцій противника и преслѣдуемыхъ имъ цѣлей, могло лишь привести къ дальнѣйшимъ кризисамъ или даже къ катастрофамъ.

* * *

Какъ мы видѣли выше, ко времени начала германскаго наступленія противъ нашей 10-ой арміи, эта армія оказалась ослабленною на цѣлый корпусъ (XXII-ой), а фронтъ арміи былъ растянутъ еще на 36 верстъ, достигая почти 180 верстъ. Всѣ до того времени назначенныя въ составъ 12-ой арміи войска оказались втянутыми въ бои противъ начавшей уже 7-го февраля наступленіе армейской группы генерала Гальвица. До своего окончательнаго формированія эта армія не имѣла возможности вступить въ дѣло для совмѣстныхъ съ 10-ой арміей дѣйствій.

По плану Ставки предусматривались совмѣстныя дѣйствія 10-ою и 12-ою арміями. При таковыхъ дѣйствіяхъ на такъ называемыхъ внѣшнихъ операціонныхъ линіяхъ, теоріею рекомендуется не вступать въ бой одною изъ армій до готовности къ дѣйствіямъ другой или другихъ армій. Между тѣмъ, ни на р. Нѣманѣ, ни на р. Наревѣ у насъ не было резервовъ, которые могли

бы тормозить успѣшный обходъ противникомъ фланговъ 10-ой арміи, если таковая операція входила въ германскіе разсчеты, какъ въ данномъ случаѣ.

При такой крайне невыгодно для насъ создавшейся стратегической обстановкѣ главнокомандующій фронтомъ удерживаетъ 10-ую армію на мѣстѣ, несмотря на то, что генералъ Сиверсъ уже раньше указалъ на крайне шаткое положеніе арміи послѣ израсходованія всѣхъ резервовъ и въ случаѣ обхода противника.

Нетрудно заключить, что шансовъ для успѣха отъ этихъ боевъ было весьма мало.

Задержка съ отходомъ въ подобномъ положеніи лишь даетъ время обходу развиться и осложняетъ положеніе обороняющагося, если у него по сторонамъ нѣтъ войскъ для атакъ во внѣшній флангъ обхода.

Теорія такихъ операцій, поэтому, рекомендуетъ быстро уклониться отъ обхода съ цѣлью пріисканія новой, болѣе выгодной обстановки для боевыхъ рѣшеній. Это основное правило при обходѣ фланговъ, хотя, конечно, возможны и исключенія, въ зависимости отъ соотношенія силъ.

Имѣя въ тылу въ 3-4-хъ переходахъ сильную оборонительную линію рѣкъ Нѣмана и Бобра, казалось бы можно было быстрымъ планомѣрнымъ отходомъ за эти линіи уклониться отъ обходовъ и поставить противника въ положеніе совершенно новой обстановки съ потерею для него времени для оріентировки и перегруппировки. Намъ пришлось бы уступить, конечно, не только захваченную нами раньше полосу Прусской территоріи, но и Сувалкскую губернію. Зато коммуникаціонныя линіи противника растянулись бы далеко на востокъ, представляя благодарный объектъ для наступленія 12-ой арміи. 10-ая армія тогда сохранила бы свою полную боеспособность и могла бы перегруппироваться за оборонительною линіею для совмѣстныхъ дѣйствій съ 12-ой арміей и въ желательномъ для нея направленіи. Но такой маневръ привелъ бы къ временной, нежелательной въ Штабѣ фронта пассивности 10-ой арміи.

Были бы, конечно, возможны и другіе способы отхода, напримѣръ, съ цѣлью образовать активную группу впереди рѣки или въ тылу противника.

Попытки германцевъ обойти нашъ III-ій Сиб. корпусъ по началу рѣшительнаго успѣха не имѣли. Лыкскій озерный районъ и мѣстность представляли рядъ дефилэ, въ которыхъ мелкіе отряды прикрытія имѣли на своей сторонѣ большія возможности задержать даже многочисленнаго противника.

На правомъ флангѣ дѣло было гораздо труднѣе, такъ какъ противникъ направилъ противъ этого фланга втрое больше войскъ и такъ какъ мѣстность не представляла выгодныхъ для обороны рубежей.

Такъ какъ отходъ Вержболовской группы заблаговременно не былъ предусмотрѣнъ, то времени не было для организаціи планомѣрнаго движенія съ организаціею связи на опредѣленныхъ рубежахъ, да въ то время и матеріальныхъ средствъ для устройства связи было слишкомъ мало. Такимъ образомъ, при бывшей въ эти дни тяжелой зимней погодѣ, и безъ того трудныя условія при отступленіи для сношеній между начальниками и подчиненными крайне затрудняли управленіе войсками.

Когда начало ощущаться давленіе противника со стороны фланга, эти вопросы особенно сильно давали себя чувствовать, и весь отходъ весьма разношерстной Вержболовской группы *) окончательно разстроился. Этими обстоятельствами только и можно собѣ объяснить, что въ началѣ дѣйствій этой группы хорошо налаженный порядокъ связи и сбора свѣдѣній о противникѣ при отходѣ сильно разстроился. Вслѣдствіе этого въ штабѣ нашей 10-ой арміи въ концѣ-концовъ перестало быть въ точности извѣстнымъ, съ какими дивизіями и корпусами противника Вержболовская группа имѣла дѣло. Въ точности также не выяснилось, по какимъ дорогамъ противникъ наступалъ и какихъ линій фронта онъ въ разные дни достигалъ. Такъ какъ сосѣдній XX-ый корпусъ совсѣмъ не имѣлъ конницы для дальней развѣдки, то онъ оставался въ невѣдѣніи о событіяхъ въ тылу и на флангѣ. Связь также хромала. Возможно, что въ Штабѣ арміи подробныя свѣдѣнія имѣлись, но до XX-го корпуса онѣ не дошли. Какъ бы то ни было, но эта неосвѣдомленность штаба XX-го корпуса сильно сказалась при его отходѣ назадъ.

Обсуждая возможность отпора, нужно считаться со взглядомъ, что Вержболовской группѣ, можетъ быть, слѣдовало бы загибать назадъ свое наружное крыло для прикрытія фланга и тыла сосѣдняго, оставшагося на мѣстѣ XX-го корпуса. Вопреки требованію генерала Сиверса, генералъ Епанчинъ такъ и сдѣлалъ, выводя войска изъ лѣсовъ и приказавъ занять заранѣе приготовленныя позиціи впереди Пилькалена, въ общемъ напра-

---

*) 56-ая и 73-ья пѣх. дивизіи; части дивизій: 27 пѣх. (двухъ разныхъ бригадъ), 29 пѣх., 57 пѣх., 68 пѣх., 2 дружины ополченія, пѣшія сотни пограничниковъ, часть артиллеріи III-го Сиб. корпуса, Ковенская крѣпостная артиллерія, поршневыя батареи изъ Ковны (безъ лошадей), 1. Кав. див., ¾ 3 Кав. див., 51-ый Донск. каз. полкъ (изъ Ковны).

вленіи на сѣверо-востокъ. Но когда онъ 9-го февраля узналъ, что кавалерійскій корпусъ генерала Леонтовича былъ вынужденъ отступить дальше за р. Шешупою, то онъ понялъ, что это расположеніе тоже находилось подъ угрозою обхода противника. Онъ поэтому еще въ этотъ же день рѣшилъ направить группу генерала Левицкаго къ Владиславову съ принятіемъ уступнаго назадъ положенія отъ Шталюпенена. По настоянію генерала Сиверса, онъ оставилъ группу генерала Макаева въ 13 батальоновъ на Шталюпененской позиціи съ особымъ отрядомъ, для связи съ XX-мъ корпусомъ, у Энцунена.

Для упроченія положенія, группа генерала Іозефовича отошла къ Бильдервейчену. При этомъ генералъ Епанчинъ ставилъ себѣ окончательной цѣлью занять Вержболовскую позицію. Очевидно, онъ имѣлъ намѣреніе съ этой позиціи, прикрывавшей одновременно и крѣпость Ковну, дѣйствовать во флангъ обходившему противнику, или привлечь на себя часть войскъ непріятельскаго обхода съ цѣлью ослабить ударъ во флангъ XX-му корпусу.

Несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, исполненіе плана генерала Епанчина близилось къ благополучному концу. Но тутъ выявилось превосходство наступавшаго противника надъ войсками группы въ развѣдкѣ и управленіи.

Получились два весьма тяжелыя пораженія: на разсвѣтѣ 10-го февраля у Владиславова и вечеромъ того-же дня у Вержболова, послѣ которыхъ отходъ группы получилъ безпорядочный характеръ. Больше нельзя было и думать объ удержаніи за собою Вержболовской позиціи въ какой-либо ея части.

Если бы генералъ Епанчинъ слѣпо подчинился требованіямъ генерала Сиверса оставаться на мѣстѣ или служить подвижнымъ прикрытіемъ для фланга XX-го корпуса, можетъ быть, съ отходомъ на юго-востокъ, то крѣпость Ковна сдѣлалась бы легкою добычею противника. Въ чемъ тогда обвинили бы генерала Епанчина? Конечно, въ отсутствіи, именно, тѣхъ качествъ самостоятельности и твердости воли, которыя онъ при описанныхъ условіяхъ проявилъ, отходя на Вержболовскую позицію.

Таковы сужденія на войнѣ. Онѣ зависятъ отъ результатовъ. Успѣхъ иногда выдвигаетъ людей весьма посредственныхъ способностей; неудачи оставляютъ въ тѣни людей гораздо болѣе испытанныхъ и твердыхъ.

Интересно провести параллель съ тѣмъ, что происходило на лѣвомъ флангѣ при подобной же обстановкѣ. 57-ая дивизія на лѣвомъ флангѣ оказала противодѣйствіе при переправѣ войскъ

группы генерала Литцмана черезъ р. Писсекъ, но очень не надолго смогла задержать дальнѣйшее продвиженіе противника во флангъ III-го Сиб. корпуса. Послѣ своей неудачи, 57-ая дивизія сейчасъ-же отошла въ крѣпость Осовецъ.

Авторъ нигдѣ не слышалъ порицаній этихъ дѣйствій дивизіи, и «козломъ отпущенія» ея начальникъ не сдѣлался.

Всѣ выгоды отъ такихъ дѣйствіи этой дивизіи сказались нѣсколько дней позже, когда она своимъ наступленіемъ всего двумя полками къ Граеву на нѣсколько дней привлекла на себя изъ обходившихъ войскъ противника полторы пѣхотныя и 4-ую кавале-
флангъ III-го Сиб. корпуса. Послѣ своей неудачи, 57-ая дивизія
шемъ изложеніи событій.

Начальствовавшія лица свидѣтельствовали о прекрасномъ поведеніи войскъ.

Большинство частей Вержболовской группы сражались доблестно при крайне тяжелыхъ условіяхъ, съ превосходными силами противника и при обстановкѣ крайне сложной и неблагопріятной. Всѣ полки, въ томъ числѣ и Трубчевскій, окруженный нѣмцами на Гумбиненской позиціи, спасли знамена; изъ 152 орудій (въ томъ числѣ 16 тяжелыхъ) потеряно 17 легкихъ, и 10 пулеметовъ.

Войска были въ непрерывномъ бою въ теченіе 15 сутокъ. Вслѣдствіе отсутствія резервовъ, они все время находились въ работѣ, безъ смѣны. Они всюду встрѣчали сильно укрѣпленныя позиціи и имъ приходилось окапываться подъ огнемъ противника, въ снѣгу, въ мерзлой почвѣ, гдѣ часто подъ замерзшимъ верхнимъ слоемъ стояла вода. Люди почти все время проводили, и день и ночь, на морозѣ, причемъ со 2-го по 11-ое февраля, включительно, почти непрерывно была снѣжная мятель, съ жестокимъ восточнымъ вѣтромъ. Люди рѣдко могли имѣть горячую пищу. Всѣ отряды были сводные, импровизированные, безъ достаточныхъ техническихъ средствъ связи, не имѣли достаточнаго запаса артиллерійскихъ патроновъ, мало гранатъ и почти не имѣли бомбъ для тяжелой артиллеріи.

Значительныя силы противника, наступавшія съ фронта и глубоко обходившія правый флангъ, крайне затрудняли маневрированіе сборныхъ отрядовъ. 225-ый Ливенскій полкъ былъ въ бою впервые; дружины ополченія, пограничники были мало обучены въ тактическомъ отношеніи; остальная пѣхота, за ис-

ключеніемъ шести батальоновъ 105 и 107-го полковъ, была изъ второочередныхъ частей. Ковенская крѣпостная артиллерія, при прекрасныхъ боевыхъ качествахъ, не имѣла нужной подвижности, а поршневая артиллерія вовсе не имѣла упряжки и была вывезена, также какъ и 4 тяжелыхъ орудія, только благодаря необыкновенному усердію людей, везшихъ эти орудія на себѣ, а часть ихъ была вывезена лошадьми, взятыми изъ полевыхъ батарей, и все это было сдѣлано, несмотря на то, что поршневыя орудія было разрѣшено разрушить динамитомъ въ случаѣ отхода — но ихъ вывезли всѣ въ Ковну.

Силы человѣческія имѣютъ предѣлъ.

ГЛАВА III.

Отходъ XX-го корпуса 10-го февраля вечеромъ на линію Тольминкеменъ-Думбельнъ-Гольдапъ-Радзавенъ. Тревожныя свѣдѣнія изъ Вержболовской группы. Рѣшеніе командующаго 10-ой арміи продолжать отходъ 11-го февраля до государственной границы. Приказъ Главнокомандующаго — остановить наступленіе противника на линіи Козлова - Руда - Маріамполь — и далѣе назадъ не отходить. Переговоры по телеграфу генерала Сиверса по этому поводу со Штабомъ фронта и заключительная телеграмма генерала Рузскаго отъ 11-го февраля. Занятіе 27-ой дивизіею линіи отъ Нассавена до Выштинецкаго озера для обезпеченія отхода прочихъ войскъ XX-го корпуса. Бой 29-ой дивизіи около Рудки Тартака 13-го февраля. Отходъ всѣхъ частей XX-го корпуса къ Сувалкамъ 13-го февраля. Директивная телеграмма генерала Рузскаго отъ 13-го февраля и указаніе штаба фронта — спѣшить съ отходомъ. Разсмотрѣніе обстоятельствъ отхода XX-го корпуса.

Схема 2.

Къ началу описываемыхъ событій XX-ый корпусъ, въ составѣ 29-ой, 53-ей и 28-ой дивизій, былъ расположенъ противъ сильно укрѣпленной Ангераппской позиціи противника: 29-ая дивизія противъ тетъ-де-пона у г. Даркемена, 28-ая дивизія противъ Ангербурга, а 53-ья дивизія между ними для связи. Частная задача корпуса заключалась въ оттѣсненіи противника за р. Ангераппъ и захватѣ переправъ. Но такъ какъ у насъ не оказалось резервовъ для развитія успѣховъ, то эти бои являлись, въ общемъ, безцѣльными. Дѣйствія корпуса до Новаго Года заключались въ безуспѣшныхъ атакахъ непріятельскихъ позицій, какъ открытою силою, такъ и сапными и минными работами. Какъ единственный «территоріальный» успѣхъ, можно отмѣтить захватъ нашими войсками на участкѣ 53-ей дивизіи усадьбы Гроссъ-Медунишкенъ на непріятельскомъ берегу Ангераппа. Это имѣло мѣсто незадолго передъ общимъ отступленіемъ съ этой рѣки. Преобладаніе непріятельской артиллеріи и недостатокъ у насъ техническихъ средствъ и артиллеріи давали себя сильно чувствовать. Нѣмецкая тяжелая артиллерія обстрѣливала 21 снт. снарядами все наше расположеніе въ глубину. У насъ долго

почти нечѣмъ было отвѣчать, пока, наконецъ, не прибыли наши легкія гаубичныя батареи и нѣкоторыя 42-хъ линейныя дальнобойныя пушки. Приданныя также дивизіямъ незапряженныя батареи стараго образца разсматривались какъ лишняя обуза. Было разрѣшено, въ случаѣ отступленія, ихъ взорвать и бросить. Авіаціонныхъ средствъ у насъ въ корпусѣ не было. У противника, зато, ихъ было много. Наши потери были весьма чувствительны, и люди сильно утомлялись отъ безсмѣннаго сидѣнія въ окопахъ, частью полугоризонтнаго типа, вслѣдствіе высокой подпочвенной воды. При длинѣ фронта 28-ой и 29-ой дивизій въ 15 верстъ на каждую и при плотномъ занятіи передовыхъ линій оказалось возможнымъ имѣть лишь слабые резервы. Корпусный резервъ также былъ очень незначителенъ.

9-го февраля въ составъ XX-го корпуса была включена 27-ая дивизія, примыкавшая къ сѣверу отъ 29-ой див. Она занимала участокъ отъ Грюнвейчена до Дингляукена противъ тетъ-де-пона противника у Немерсдорфа.

Послѣ назначенія въ ноябрѣ 1914 года генерала Смирнова командующимъ 2-ой арміею въ командованіе XX-мъ корпусомъ вступилъ начальникъ 25-ой пѣх. дивизіи генералъ Булгаковъ.

Въ декабрѣ и въ январѣ 1915 г. настало постепенное ослабленіе дѣйствій съ той и другой стороны. 9 и 10 февраля артиллерійскій огонь противника нѣсколько оживился. Насъ безпокоила скудость патроновъ въ артиллеріи, доходившая, въ концѣ-концовъ, до того, что на участокъ фронта 53-ей дивизіи съ 50 орудіями отпускалось всего по 4 патрона на батарею въ день. Въ утѣшеніе говорилось, что еще въ февралѣ послѣдуетъ пополненіе возимыхъ запасовъ до нормы.

Первые дни начала германскаго наступленія противъ фланговъ ознаменовались выдѣленіемъ по сводному полку изъ 28-ой и 53-ей дивизій *) для отправки въ Лыкъ на усиленіе войскъ на лѣвомъ флангѣ арміи. 9-го февраля, невѣдомо какими путями, картина событій въ Вержболовской группѣ стала намъ**) извѣстною изъ тыла. Большія потери въ кавалеріи и нервность среди отходившей назадъ пѣхоты не обѣщали ничего добраго для тѣхъ, которые по опыту знали, насколько трудно остано-

*) Въ 28-ой дивизіи было выдѣлено по батальону отъ каждаго полка. Въ 53-ей дивизіи изъ 210-го полка были выдѣлены 2 батальона, а изъ 211 и 212 полковъ — по батальону.

**) Штабъ корпуса былъ освѣдомленъ генераломъ Епанчинымъ о положеніи въ Вержболовской группѣ, какъ намъ стало извѣстно впослѣдствіи.

вить уже начатый подъ давленіемъ противника отходъ въ второочередныхъ дивизіяхъ. Спѣшное выдергиваніе резервовъ изъ XX-го корпуса для отправленія противъ обхода нашего лѣваго фланга также производило тяжелое впечатлѣніе. Сознавалось, что оставленіемъ центра арміи на мѣстѣ, мы лишь играемъ въ руку противнику, явно повторявшему уже раньше съ успѣхомъ продѣланные противъ Самсоновской и Ренненкампфовской армій маневры обхода фланговъ.

Съ утра 9-го февраля было приказано быть готовыми къ отходу съ позиціи къ 9 часамъ вечера того же дня. Ко времени обѣда 9-го февраля командиръ корпуса ген. Булгаковъ прибылъ въ 53-ью дивизію для сообщенія, какъ онъ выразился, «радостнаго извѣстія, что по особому его ходатайству, командующій арміею разрѣшилъ отложить уже назначенный на 9-ое февраля отходъ на вечеръ 10 февраля, и что намъ будетъ данъ случай показать, что мы свои позиціи отстоять сумѣемъ.»

Послѣ этихъ словъ собранные начальники были отпущены. Они расходились молча, видимо, въ глубокомъ раздумьѣ. Уже сдѣланныя распоряженія по отходу были отложены на 24 часа. Взглядъ на карту послѣ возвращенія на командный пунктъ не давалъ повода къ оптимизму.

Отходъ XX-го корпуса на такъ называемую Гольдапъ-Грабовенскую позицію начался 10-го февраля, въ 9 час. вечера. Каждой дивизіи былъ указанъ путь отхода прямо на востокъ по отчаянно плохимъ проселкамъ. Между тѣмъ, всѣ главныя дороги отъ фронта отходили нѣсколько на юго-востокъ. Поэтому, отходя согласно приказа штаба корпуса, дивизіи открывали удобнѣйшіе для движенія пути противнику, вслѣдствіе чего примыкающія съ юга сосѣднія части подвергались серьезной опасности быть атакованными во флангъ съ момента отхода сѣвернаго сосѣда. Съ этими обстоятельствами приходилось считаться, совершая отходъ.

Въ день 10-го февраля, какъ и въ предшествовавшіе дни, свирѣпствовалъ сильный восточный вѣтеръ со снѣжной пургою и стоялъ лютый морозъ. Ночной переходъ всего въ 18 верстъ по плохимъ, еле замѣтнымъ въ темную ночь, проселкамъ прошелъ въ общемъ благополучно безъ особаго натиска со стороны противника. Но движеніе было крайне утомительно, вслѣдствіе необходимости проталкивать людьми артиллерію черезъ громадные снѣжные сугробы на дорогахъ.

27-ая дивизія должна была отойти на фронтъ Микунишкенъ—Тольминкеменъ—Воренъ. Но съ утра 10-го февраля ей пришлось

выдержать натискъ противника. Атаки были отбиты съ крупными для противника потерями. Тутъ дѣйствовала 10-ая германская ландв. дивизія.

29-ая дивизія уже въ 2 часа дня выдерживала сильный натискъ со стороны германской 3-ей рез. дивизіи изъ Даркемена на Ведернъ въ разрѣзъ между 113-мъ и 115-мъ пѣх. полками. Атака, однако, была отбита до сумерекъ, и дивизія могла начать отходъ къ опушкѣ Роминтенской пущи на фронтѣ Воренъ—Думбельнъ.

53-ья дивизія безпрепятственно къ 8 час. утра 11-го февраля уже подходила къ своей позиціи Думбельнъ—Соколленъ, длиною въ 25 верстъ, полукругомъ около Гольдапа.

28-ая дивизія уже занимала позицію нѣсколько уступомъ назадъ отъ Грабовена до Радзевена. Она также отошла сравнительно спокойно. Особенно утомительною для войскъ была необходимость сейчасъ же послѣ прихода на позицію разойтись по участкамъ и заняться расчисткою окоповъ отъ снѣга.

Сѣвернѣе XX-го корпуса — нашего центра — германцы направили Кенигсбергскую Ландв. дивизію на Гумбиненъ. Для преслѣдованія XX-го корпуса были направлены: 10-ая ландв. дивизія—на Роминтенъ, 3-ья рез. див. на Гольдапъ, а 1-ая ландв. дивизія — на Лакелленъ. Какъ мы видѣли, онѣ напирали не сильно, но и не теряли связи съ нашими арьергардами. Противъ XXVI-го корпуса вышли лишь слабыя части 1-го Арм. корпуса (часть 11-ой ландв. дивизіи) отъ Дунейкена въ направленіи на Маргграбово.

Зато, какъ уже раньше сказано, нажимъ на нашъ лѣвый флангъ противъ сводной дивизіи генерала Братанова III Сиб. корпуса продолжался съ неослабной энергіей XL-мъ корпусомъ въ направленіи на Нейендорфъ—Лыкъ съ юго-запада, съ одновременнымъ явнымъ стремленіемъ выиграть флангъ. Отъ Дрыгалена на Лыкъ сильно нажимала на фронтъ 2-ая пѣх. див. генерала Фалька съ догнавшею ее 5-ою пѣх. бригадою. На сѣверный участокъ противъ 8-ой Сиб. стр. дивизіи наступала другая часть 11-ой ландв. дивизіи I-го армейск. корпуса съ Летценскимъ гарнизономъ и съ сильной артиллеріей. 3-ья германская кав. бригада у Просткена прикрыла это наступленіе со стороны Осовца.

Вышеупомянутое донесеніе генерала Леонтовича о наступленіи 10-го февраля утромъ значительныхъ силъ пѣхоты и кавалеріи съ сѣвера на Владиславовъ было получено въ Штабѣ арміи поздно вечеромъ 10-го февраля. Штабъ арміи, видимо, только теперь отрезвился отъ своего предвзятаго представленія о характерѣ германскаго наступленія противъ Вержболовской группы.

Вѣроятно, только теперь вспомнили о ранѣе полученныхъ свѣдѣніяхъ и указаніяхъ на присутствіе на сѣверѣ XXXVIII, XXXIX и XXI корпусовъ, 5 Гв. пѣх. бриг. и ландвера и о 1-ой кав. дивизіи. Штабъ арміи испытывалъ свое первое разочарованіе послѣ разложенія Вержболовской группы и не имѣлъ никакой возможности задержать наступленіе противника на югъ и парировать захватъ тыловыхъ путей русской 10-ой арміи къ Нѣману. Тылъ былъ открытъ, и въ лучшемъ случаѣ генералъ Леонтовичъ съ кавалеріею могъ бы констатировать лишь степень прогрессивнаго наступленія нѣмцевъ на югъ. Въ Штабѣ арміи можно было бы съ нѣкоторымъ приближеніемъ опредѣлить вѣроятный фронтъ противника по днямъ, исходя отъ точныхъ показаній о появленіи его группъ 10-го вечеромъ на линіи Шталюпененъ—Вержболово—Вильковишки и верстъ на 10 къ юго-востоку отъ Владиславова.

Были ли всѣ эти детальныя свѣдѣнія о противникѣ переданы въ Штабъ фронта, намъ неизвѣстно. Событія слѣдующихъ дней даютъ право полагать, что и они оставались не переданными Штабомъ арміи.

Ночью на 11-ое февраля была получена новая, послѣдняя скорбная телеграмма генерала Епанчина, въ которой, между прочимъ, сообщалось, что прибывшая изъ Ковны въ Пильвишки бригада 68-ой дивизіи не имѣла патроновъ. Значитъ, противъ германскаго наступленія абсолютно нечѣмъ было реагировать со стороны Нѣмана.

Вся обстановка требовала немедленныхъ распоряженій о продолженіи отхода XX-го и XXVI-го корпусовъ назадъ еще съ утра 11-го февраля въ направленіи, которое подсказывалось всею совокупностью обстановки, т.-е. на юго-востокъ, въ частности, XX-мъ корпусомъ въ общемъ направленіи на Сувалки. Соотвѣтственно, конечно, нужно было откинуть къ югу и всѣ тыловыя учрежденія и уничтожить тѣ склады, которые не могли быть подняты мѣстными перевозочными средствами. Но нужно было дѣйствовать быстро. Мы уже потеряли однѣ сутки, откладывая отходъ съ 9-го веч. до вечера 10-го февраля. Мы, можетъ быть, имѣли бы еще шансъ опередить противника, такъ какъ половина нашего марша совершалась бы по сравнительно хорошимъ германскимъ дорогамъ, въ то время какъ противнику пришлось бы пользоваться извѣстными своею труднопроходимостью дорогами Сувалкской губерніи. Но непремѣннымъ успѣхомъ для развитія быстроты марша было дневное движеніе съ ночными отдыхами. Такая организація марша была особенно важна въ виду снѣжныхъ заносовъ на дорогахъ, мѣстами мѣнявшихся съ гололе-

лицею. Кромѣ того, въ ночную пору всѣ препятствія въ пути кажутся болѣе значительными, чѣмъ днемъ. Ночныя передвиженія очень утомляли войска.

Хотя генералъ Сиверсъ, какъ изъ послѣдующаго явствуетъ, и понималъ, что дѣло идетъ о возможной гибели его арміи, онъ тѣмъ не менѣе оглядывался на генерала Рузскаго и считался съ его уже до начала операціи предъявленнымъ требованіемъ отходить медленно съ боемъ съ позиціи на позицію *) и прямо на востокъ къ переправамъ на Нѣманѣ, т.-е. невольно дѣлалъ то, что германцамъ было на руку для замыканія кольца окруженія нашей 10-ой арміи. При большей самостоятельности онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, продолжать отходъ уже 11-го утромъ и тѣмъ избавить войска отъ расхожденія на десятки верстъ въ стороны для работъ съ утра по приведенію въ порядокъ «позицій», съ коихъ снова нужно было собраться къ пути дальнѣйшаго слѣдованія.

Подлинная телеграмма генерала Сиверса отъ 29-го января (11-го февраля) генералу Булгакову о дальнѣйшемъ отходѣ гласила: «Генералъ Епанчинъ донесъ: «Въ виду продолжающагося обхода его праваго фланга большими силами противника, части его корпуса продолжаютъ отходить: Левицкій **) черезъ Пильвишки на Ковну, остальныя силы на Маріамполь - Дерсунишки. 27-ую дивизію, или другія части, какія Вы признаете возможнымъ, направьте на фронтъ Кальвейченъ — Нассавенъ для прикрытія промежутка между Роминтенскимъ лѣсомъ и Выштинецкимъ озеромъ для обезпеченія Вашего праваго фланга. Части эти должны удерживать указанный фронтъ, пока корпусъ не достигнетъ южной опушки Роминтенской пущи. Отходъ съ нынѣ занимаемой Гольдапской позиціи 29-ою, 53-ею и 28-ою дивизіями начать вечеромъ 11-го февраля, если къ тому времени не будетъ получено иного распоряженія.»

Дополнительно къ этой телеграммѣ была послана генералу Булгакову вторая телеграмма того же дня, въ 12 ч. 45 м.

«Отходъ Вашего корпуса на линію Вижайны—Бакаларжево долженъ быть совершенъ въ теченіе двухъ дней въ виду значительнаго разстоянія и трудности пути. Линія Вижайны—Бакаларжево указана для главныхъ силъ.»

«Донесите какую линію назначите при отходѣ на первый

---

*) Телеграмма генерала Рузскаго въ Ставку отъ 13/21 декабря 1914 г. по вопросу о дѣйствіяхъ 10-ой арміи для прикрытія тыла и сообщеній армій фронта.

**) Начальникъ 73-ей пѣхотной дивизіи.

день. XXVI корпусъ ночью съ 29-ое на 30-ое сего января *) отойдетъ въ районъ Марграбова—Гонскенъ съ арьергардами на линіи Доливенъ-Радзавенъ.»

Дополнительною телеграммою генералъ Сиверсъ отдалъ распоряженіе о выдѣленіи одной, по возможности 28-ой дивизіи, въ армейскій резервъ.

Отношеніе генерала Рузскаго къ принятой генераломъ Сиверсомъ полумѣрѣ видно изъ телеграммы № 7564 Начальника Штаба фронта генерала Гулевича:

«Главнокомандующій приказалъ правому флангу 10-ой арміи задержать наступленіе непріятеля и остановить его на линіи Козлова Руда — Маріамполь и принять всѣ мѣры къ тому, чтобы дальнѣйшій отходъ не былъ допустимъ.»

Судя по этой телеграммѣ, Главнокомандующій фронтомъ все еще былъ весьма далекъ отъ знанія истиннаго положенія дѣлъ. Начались переговоры по телеграфу. Сперва Начальникъ Штаба арміи постарался убѣдить Генерала Бончъ-Бруевича въ невыполнимости отданнаго роспоряженія. Затѣмъ къ аппарату явился и самъ генералъ Сиверсъ. Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ этихъ разговоровъ 11-го февраля.

Генералъ Сиверсъ — генералу Гулевичу.

Генералъ Сиверсъ: «Прошу Васъ обратить вниманіе на то, что значительныя силы нѣмцевъ послѣ отхода Вержболовской группы угрожаютъ глубокимъ обходомъ моему правому флангу, почему я оставить XX-ый корпусъ впереди Роминтенской рощи не могу въ томъ положеніи, какое онъ занялъ сегодня ночью, а долженъ его отвести за Роминтенскую рощу, иначе я рискую путями сообщенія этого корпуса. Нѣмцы угрожаютъ путямъ сообшенія XX-го корпуса , почему я для спасенія арміи долженъ сегодня начать отходъ, дабы не испытать катастрофы подобно тому, какъ это было въ августѣ **). Изъ этого Вы можете видѣть, что наступать 10-ая армія въ настоящую минуту не можетъ, такъ какъ она скована на лѣвомъ флангѣ у Лыка, а равно нѣмцы вели атаки на фронтѣ XXVI-го корпуса.»

Дальше. Генералъ Сиверсъ — генералу Гулевичу. Генералъ Сиверсъ: «О томъ, что дѣлается въ районѣ ген. Епанчина, я не знаю. Если я рѣшилъ отходить, то только въ виду крайности. Если я буду упорствовать на настоящихъ позиціяхъ, то могу подвергнуть остальные три корпуса риску не только потерять свои

---

*) Съ 11-го на 12-ое февраля нов. стиля. (Примѣч. автора).

**) Подъ Таннебергомъ. (Замѣтка автора).

сообщенія, но и лишиться возможности перехода въ наступленіе совмѣстно съ 12-ой арміей.

Прошу сообщить, чѣмъ Вы руководствовались, настаивая на томъ, чтобы я атаковалъ противника и помогалъ разстроенному и уже отступившему Епанчину. Какая отъ этого будетъ польза, если и части XX-го корпуса будутъ разстроены? Я представляю себѣ обстановку такъ, что для общей пользы мнѣ нужно отойти отъ угрожающихъ обходовъ — дѣйствительныхъ, а не воображаемыхъ, и сохранить три корпуса для перехода въ наступленіе.»

Генералъ Гулевичъ: «Во всякомъ случаѣ, Главнокомандующій считаетъ, что дальше линіи Лыкъ—Бакаларжево—Кальварія—Козлова Руда части арміи отходить не должны. Передъ Вами нѣмцы—тоже второочередныя части. Отходъ на указанную линію онъ считаетъ возможнымъ только въ случаѣ крайности и послѣ боевъ, которые, во всякомъ случаѣ, должны задержать наступленіе нѣмцевъ.»

Генералъ Сиверсъ — генералу Гулевичу.

Генералъ Сиверсъ: «Въ дополненіе къ разговору долженъ добавить, что не могу занимать всю линію Лыкъ—Бакаларжево—Кальварія—Козлова Руда, такъ какъ эта линія протяженіемъ 140 верстъ и занять ее тремя корпусами, имѣющими къ тому же цѣлью переходъ въ наступленіе, — невозможно. Кромѣ того, Козлово-Рудская позиція, по донесеніямъ Епанчина, не занята, и Маріампольскій районъ частями III-го корпуса очищенъ».

Въ заключеніе бывшихъ разговоровъ по Юзу генералъ Рузскій 11-го февраля, въ 13 час. посылаетъ новую телеграмму № 7565 генералу Сиверсу слѣдующаго содержанія:

«Вслѣдствіе занятія нѣмцами района Простkенъ—Граево и возможности ихъ дальнѣйшаго движенія на Августовъ и въ виду неимѣнія свѣдѣній о положеніи генерала Епанчина *), предо-

---

*) Штабъ Вержболовской группы все время былъ въ связи со Штабомъ 10-ой арміи, что видно изъ слѣдующаго: *10-го февраля*, въ 5 ч. дня была получена изъ Штаба арміи депеша № 922; въ тотъ же день, въ 7 ч. 50 м. — депеша Штаба арміи № 927; въ 11 ч. вечера — депеша Штаба арміи № 967. *11-го февраля* Штабъ Вержболовской группы прибылъ въ Прены въ 8 час. вечера., гдѣ получилъ депешу Штаба арміи № 1000; *12-го февраля* около 3-хъ час. дня Штабъ Вержболовской группы прибылъ въ Ковну. Изъ всѣхъ пунктовъ остановки штаба группы посылались донесенія въ штабъ арміи; поэтому 11-го февраля, въ 13 час. генералъ Рузскій могъ имѣть свѣдѣнія о положеніи Вержболовской группы, если Штабъ арміи доносилъ ему своевременно.

ставляю Вамъ дѣйствовать по обстановкѣ, считая конечной цѣлью, во всякомъ случаѣ, — остановить наступленіе нѣмцевъ на линіи Осовецъ—Августовъ—Сейны—Ковна, опираясь флангами на крѣпости, удерживая во что бы то ни стало Августовъ и при малѣйшей возможности Сувалки, дабы имѣть выгодное исходное положеніе для рѣшительнаго перехода въ наступленіе одновременно съ войсками, сосредоточенными въ Ломжинскомъ районѣ».

Послѣдняя телеграма генерала Рузскаго интересна въ томъ отношеніи, что онъ впервые даетъ генералу Сиверсу «свободу дѣйствія», хотя съ оговоркою, и сообщаетъ генералу Сиверсу о возможности взаимодѣйствія 12-ой арміи со стороны Ломжинскаго района. Какъ мы выше видѣли, когда генералъ Сиверсъ 8-го февраля коснулся этого вопроса и высказалъ желательность быть поддержаннымъ по меньшей мѣрѣ однимъ корпусомъ изъ 12-ой арміи со стороны Ломжи, генералъ Рузскій даже приказалъ генералу Гулевичу не отвѣчать на этотъ вопросъ. Очевидно, генералъ Рузскій лишь очень поздно могъ приступить къ установленію тѣснаго взаимодѣйствія между обѣими арміями путемъ заблаговременной группировки частей 12-ой арміи у Ломжи. Когда затѣмъ это рѣшеніе было принято, оно оказалось «запоздалымъ» и вліянія на участь 10-ой арміи не возымѣло. Будь это передвиженіе сдѣлано раньше, то врядъ ли германцамъ удалось бы безнаказанно обойти нашъ лѣвый флангъ, а могла бы открыться благопріятная для насъ возможность наступленія противъ праваго фланга противника.

Чтобы закончить съ описаніемъ дѣйствій войскъ 11-го февраля, скажемъ еще, что, приказомъ Командующаго арміи, пути отхода по прежнему были направлены прямо на востокъ до Нѣмана въ расчетѣ вывести XX-ый корпусъ на Олиту-Меречь, XXVI-ой корпусъ черезъ Августовъ—Махарцы—Гибы къ Свентоянску-Гожа, а III-ій Сиб. корпусъ въ Гродну.

Естественно было, что при такихъ условіяхъ XX-ый корпусъ навѣрняка шелъ на столкновеніе съ противникомъ, вслѣдствіе чего было мало вѣроятія достигнуть цѣли марша. Для сѣверныхъ колоннъ предстояли совершенно безцѣльные бои съ задержками въ скорости движенія. Хорошо еще, если частнымъ начальникамъ удалось бы уклониться къ югу. При этомъ тыловые пути съ обозами и складами можно было впередъ считать добычею противника.

Командиръ XX-го корпуса назначилъ первый этапъ своего отхода въ районы: Нассавенъ—Шиткеменъ—Дубенинкенъ—Горбассенъ.

27-ая дивизія безпрепятственно заняла свой районъ съ вечера 11-го февраля 2-мя батальонами; остальные 8 батальоновъ подошли въ теченіе ночи и утра 12-го съ Тольминкеменской позиціи.

29-ая дивизія въ 6 час. вечера отошла отъ д. Гроссъ Роминтенъ черезъ Роминтенскій лѣсъ на Шиткеменъ, никѣмъ не обезпокоенной; за ней слѣдовали лишь кавалерійскіе разъѣзды противника.

28-ая дивизія также отошла послѣ испытаннаго слабаго до ночи нажима со стороны 1-ой дивизіи.

Изъ Дневника автора. «Въ 53-ей дивизіи отходъ, назначенный въ 7 часовъ вечера, совершался не такъ гладко, ибо въ 5-омъ часу дня германцы повели наступленіе на центръ расположенія дивизіи по шоссе отъ Даркемена на Гольдапъ. Такъ какъ 209-ый полкъ, занимавшій южный участокъ, вслѣдствіе поздняго полученія приказанія объ отходѣ, донесъ, что онъ втянется въ общую колонну у исходнаго пункта у Гольдапа лишь къ 10 час. вечера, то пришлось принять бой 212-ымъ полкомъ. Съ сѣвернаго участка благополучно удалось снять 211-ый полкъ, но 2 батальона 210-го полка пришлось оставить въ Гольдапѣ въ видѣ резерва. Наступленіе германцевъ велось энергично съ развертываніемъ сильной мортирной и полевой артиллеріи. Подъ вліяніемъ обозначившагося обхода лѣваго фланга, 212-ый полкъ къ 6 часамъ сталъ отходить, но во-время поведенною 2-мя батальонами 210-го полка контръ-атакою противъ обходившихъ нѣмцевъ удалось не только ликвидировать обходъ, но и вновь водворить 212-ый полкъ въ окопы. Нѣмцы ввели въ дѣло новые резервы, но безъ успѣха.

Послѣ 8 часовъ настало нѣкоторое затишье боя, но изъ головы колонны было сообщено, что рабочая партія для расчистки пути отъ громадныхъ сугробовъ снѣга въ лѣсу у д. Юркишкенъ еще не справилась со своею задачею, вслѣдствіе чего колонна обозовъ и артиллеріи стоитъ безъ возможности двигаться. 211-ый полкъ долженъ былъ остановиться у выхода изъ города. На счастье — непріятельскіе снаряды туда не долетали. На высотахъ къ западу отъ города горѣли зажженные нѣмецкими снарядами дома сѣв.-западной окраины города. Картина была жуткая. Чтобы придать больше энергіи работѣ очистки пути отъ снѣга въ лѣсу у Юркишкена, пришлось привлечь наиболѣе распоря-

дительныхъ штабъ-офицеровъ для руководства работою на участкахъ, а равно для разгрузки всего лишняго съ обозныхъ повозокъ и артиллерійскихъ ящиковъ; а лишняго было много. На наше счастіе, бой мало по малу стихалъ къ 11 часамъ вечера и авторъ получилъ увѣренность въ благополучномъ отходѣ послѣ подхода 209-го полка и послѣ уничтоженія мостовъ на р. Гольдапѣ. Зато предстояла трудная ночь — простоять лично у выхода изъ лѣса и безжалостно выранжировать изъ колонны всякую непредусмотрѣнную уставомъ повозку, чтобы такимъ образомъ располагать запасомъ лошадей для припряжки въ трудныхъ мѣстахъ дальнѣйшаго движенія. Къ разсвѣту 12-го февраля хвостъ дивизіи прошелъ лѣсъ. Далѣе нашъ путь пролегалъ по голому шоссе съ гололедицею до Дубенинкена, куда вся дивизія собралась къ 2-му часу дня. Такъ какъ при дивизіи не было вовсе казаковъ, приходилось пользоваться конными ординарцами полковъ и артиллерійскими развѣдчиками для посильной ближней развѣдки. Грустно было думать о томъ, что корпусъ не имѣетъ аэроплановъ».

XXVI-ой корпусъ сосредоточивался въ районѣ Маргграбовъ—Гонскенъ.

III-ій Сиб. корпусъ отошелъ нѣсколько назадъ и занялъ линію озера Ляшміаденъ—Вошелленъ—Шеласкенъ—Нейендорфъ. Въ Райгродъ былъ направленъ полкъ пѣхоты съ артиллеріею для прикрытія со стороны Просткена, куда уже обозначилось наступленіе противника.

Кавалеріи генерала Леонтовича было приказано перейти въ районъ Маріамполя — Кальварія и обезпечивать промежутокъ Шталюпененъ—Вильковишки. Однако, связь не была установлена между штабами арміи и генерала Леонтовича.

Ночью съ 11-го на 12-ое февраля наступила оттепель послѣ сильныхъ морозовъ, что увеличивало трудность движенія на нешоссированныхъ дорогахъ. Наши Сувалкскія дороги превратились въ бездонные потоки грязи; всякое по нимъ движеніе стало крайне медленнымъ.

Съ утра 12-го февраля 27-ая дивизія оставалась на мѣстѣ, прикрывая отходъ остальныхъ дивизій корпуса, какъ было приказано. Сѣверная колонна 29-ой дивизіи около 1 часу дня собралась на полуторачасовой отдыхъ въ Шиткеменѣ, послѣ чего она, простоявъ еще къ югу отъ мѣстечка часа три, подъ вечеръ продолжала движеніе на Скайсгиренъ-Мауда-Рогожайны (въ 5 верстахъ къ востоку отъ германской границы), куда она прибыла

13-го февраля, къ 10 час. утра, продѣлавъ 35 верстъ въ 36 часовъ почти безостановочно по лѣснымъ, занесеннымъ глубокимъ снѣгомъ дорогамъ. Въ виду выяснившейся близости противника 29-ая дивизія стала на выжидательной позиціи Рогожайны — Марьянка, фронтомъ къ сѣверу. Лѣвая ея колонна съ обозами дошла до Блингалена.

53-ья дивизія продолжала движеніе въ 2 часа дня на Пржерosль — Ольшанка — Лановиче, куда прибыла въ 8-мъ часу вечера 12-го февраля, продѣлавъ 32 версты въ 25 часовъ.

Авторъ, слѣдуя съ 53-ьей дивизіей отъ Дубенинкена, услышалъ сильную канонаду послѣ 2 часовъ дня. Вскорѣ отъ офицера для связи изъ Шиткемена послѣдовало донесеніе о происходившемъ въ районѣ расположенія 27-ой пѣх. дивизіи боѣ съ наступавшимъ съ сѣвера противникомъ. Это извѣстіе побудило меня по приходѣ вечеромъ къ темнотѣ въ Лановичи не занимать дивизіею участокъ позиціи, какъ было приказано командиромъ корпуса, а расположить дивизію квартиро-бивакомъ въ дд. Лановичи и Павловкѣ, имѣя 211-ый пѣх. полкъ съ батареею въ видѣ прикрытія у д. Ольшанки, фронтомъ на сѣверъ и сѣверо-западъ.

28-ая дивизія безпрепятственно дошла до Гарбассена (около Филиппово) — Бяла.

Съ утра этого дня обозначилось германское наступленіе по шоссе отъ Шталюпенена на правый флангъ и центръ расположенія 27-ой дивизіи у Выштинецкаго озера, но 108-ой Саратовскій полкъ,выдвинутый изъ резерва, удерживалъ противника у южнаго конца озера. Лѣвый флангъ находился у Нассавена въ 6-ти верстахъ къ западу. Бой начался до полудня. Наступленіе распространялось на слабый центръ растянутаго положенія дивизіи, и германцы стали обстрѣливать шоссе Мелькеменъ — Шиткеменъ — путь отхода лѣваго участка бригады генерала Беймельбурга. Противъ центра нѣмцы имѣли успѣхъ; они медленно продвигались впередъ до 3 час. дня, когда они при помощи подошедшихъ подкрѣпленій окончательно сбили слабый центръ. Генералъ Беймельбургъ, считая себя отрѣзаннымъ отъ движенія по шоссе къ Шиткемену, бросился съ 2 бат. Оренбуржцевъ и 4 бат. Уфимцевъ въ Роминтенскую рощу, чтобы черезъ нее присоединиться къ своимъ. Саратовскій полкъ отстоялъ Шиткеменское шоссе, несмотря на то, что ему пришлось имѣть дѣло и съ войсками противника, наступавшаго и по восточному берегу озера. Во время отступленія Уфимцы были сильно помяты у дер. Ашлаукенъ и у Грюнвальда. При такихъ условіяхъ начальнику

дивизіи къ вечеру оставалось только отходить со 108-мъ Саратовскимъ полкомъ и съ артиллеріею на д. Мауда и Оклины, гдѣ онъ пристроился къ лѣвому флангу 29-ой дивизіи.

Силы противника были значительны. Это была 75-ая дивизія XXXVIII Р. корпуса. По восточному берегу Выштинецкаго озера наступала 76-ая дивизія того же корпуса. Передовыя части нѣмцевъ уже утромъ 11-го февраля въ районѣ Выштинца захватили лазареты и перевязочные отряды 27-ой дивизіи. Командиръ XX-го корпуса узналъ объ этомъ боѣ такъ поздно, что онъ былъ увѣренъ въ томъ, что XX-ый корпусъ къ утру 13-го февраля будетъ занимать фронтъ Егленишкенъ — Вижайны — оз. Ганча — Павловка — Бакаржево, фронтомъ на западъ. Штабъ корпуса даже 12-го вечеромъ послалъ въ Штабъ арміи донесеніе о занятіи именно этой линіи. На фронтѣ Оклины-Рогожайны, такимъ образомъ, стали рядомъ 108-ой Саратовскій полкъ и 29-ая дивизія. Распоряженіями Командующаго арміи образовалось положеніе, что путь отхода 27-ой дивизіи оказался закрытымъ и правый флангъ XX-го корпуса оказался подставленнымъ подъ удары непріятельскаго корпуса, находящагося въ разстояніи всего какихъ-нибудь 10 верстъ.

Дороги въ Сувалкской губ. за эти дни были въ отчаянно плохомъ состояніи, вслѣдствіе чего передвиженіе даже конныхъ людей совершалось весьма медленно. Поддержаніе связи, поэтому, на походѣ было крайне затруднительно. Организація связи потребовала бы особыхъ заботъ со стороны старшихъ инстанцій, особенно въ предвидѣніи возможнаго столкновенія съ противникомъ.

При фланговой 27-ой дивизіи не было кавалерійской части, которой можно было бы поручить развѣдку пространства на сѣверъ отъ расположенія дивизіи. Поэтому она лишь поздно узнала о наступленіи противника прямо на ея правый флангъ.

При болѣе удачномъ рѣшеніи вопросовъ развѣдки и связи 12-го февраля можно было бы добиться болѣе выгоднаго исходнаго положенія для 27-ой дивизіи на случай боя. При соотвѣтствующей организаціи сбора донесеній объ успѣшности отхода дивизій XX-го корпуса, уже съ утра 12-го февраля можно было установить, что 29-ая и 53-ья дивизіи послѣ полудня уже пройдутъ признанную Штабомъ арміи опасную зону — Роминтенскую пущу. Слѣдовательно, оказалось бы возможнымъ уже съ утра сосредоточить всю 27-ую дивизію къ ея правому флангу для прикрытія шоссе Выштинецъ—Шиткеменъ—Блингаленъ (или Голубинъ), которое можно было удерживать въ нашихъ рукахъ

арьергардными боями до прохожденія южными колоннами корпуса, примѣрно, меридіана Шиткемена. Еще важнѣе для генерала Булгакова было бы уже 12-го февраля убѣдиться въ томъ, что дальнѣйшее продвиженіе корпуса по прежнимъ путямъ прямо на востокъ являлось уже несбыточною мечтою, приводящей къ потерѣ еще и слѣдующаго дня на безцѣльные бои съ надвигавшимся съ сѣвера противникомъ въ то время, какъ корпусу нужно было во что бы то ни стало отходить. Единственное средство для исправленія столь невыгоднаго для корпуса положенія вещей заключалось въ уклоненіи уже 12-го февраля путей отхода корпуса на юго-востокъ. Нахожденіе командира корпуса вдали отъ своихъ войскъ *) при существовавшей безпутицѣ и вызванной ею трудности установленія прочной и скорой связи привело къ тому, что онъ не только 12, но и 13-го февреля былъ очень плохо оріентированъ въ событіяхъ, которыя, такимъ образомъ, разыгрывались совершенно помимо его участія. 29-ая дивизія, придерживаясь ранѣе полученнаго приказа объ отходѣ на востокъ, уже 12-го февраля перешла границу по отчаянно плохимъ проселкамъ, а сильно разстроенной 27-ой дивизіи, послѣ потери своего тылового пути, оставалось только слѣдовать за 29-ой дивизіей.

На 13-ое февраля командиръ XX-го корпуса отдалъ приказъ, сводившійся къ отходу 3-хъ сѣверныхъ дивизій корпуса на фронтъ Сейвы—Сувалки (вдоль жел. дороги Сувалки—Олита) съ арьергардами около шоссе Кальварія-Сувалки. Отъ этого приказа оставалось одно лишь воспоминаніе подъ вліяніемъ появленія германскаго наступленія съ сѣвера.

Какъ выше сказано, послѣ разсѣянія 12-го февраля 27-ой дивизіи единственное сохранившееся сплоченное ядро — 108-ой Саратовскій полкъ съ 27-ой артиллерійской бригадой отошелъ къ Оклины и оказался на лѣвомъ флангѣ правой колонны 29-ой дивизіи генерала Чижова. Лѣвая колонна послѣдней дивизіи, съ обозомъ и случайно пристроившимися къ нимъ двумя встрѣчными парками, двигались отъ Блингалена на сѣверный конецъ оз. Ганчи и дальше на Сидоры. Получивъ свѣдѣнія о занятія Вижайны противникомъ, о нападеніи на обозы 27-ой дивизіи кавалеріею противника и о пораженіи этой дивизіи 12-го февраля, Начальникъ 29-ой дивизіи, генералъ Розеншильдъ-Паулинъ, рѣ-

*) Онъ былъ вызванъ въ Сувалки къ Командующему арміею, который въ этотъ день проѣзжалъ черезъ Сувалки по пути въ Гродну. Но, тѣмъ болѣе, было важно штабу корпуса имѣть одного изъ своихъ офицеровъ штаба при 27-ой дивизіи.

шилъ на 13-ое февраля занять позицію колонною генерала Чижова на участкѣ Потопе—Рогозайне—Марьянка для принятія на себя остатковъ 27-ой дивизіи и для прикрытія движенія своей лѣвой колонны съ обозами на Сидоры и далѣе на Сейвы.

Противникъ (76 рез. див.) около 12 часовъ дня повелъ наступленіе 2-мя полками на фронтъ, а послѣ ухода лѣвофлангового 108-го Саратовскаго полка, еще однимъ полкомъ въ обходъ лѣваго фланга. Нѣсколько позже, около 5-ти час. дня, противникъ (77 див.) со стороны Любова повелъ наступленіе на правый флангъ и въ тылъ позиціи. Подъ угрозой обхода съ обоихъ фланговъ генералъ Чижовъ во время снялся съ позиціи и, будучи въ общемъ слабо преслѣдуемъ противникомъ, отошелъ на Сидоры, куда дивизія дошла до полуночи по очень плохимъ дорогамъ. Во время этого отхода съ позиціи особенно сильно пострадалъ 115-ый Вяземскій полкъ. Въ Сидорахъ было получено донесеніе, что войска генерала Беймельбурга, которыя наканунѣ оторвались отъ 27-ой дивизіи, прибыли въ Еленево. Обѣ дивизіи, такимъ образомъ, оказались на одной дорогѣ. Совершенно правильно было рѣшено отойти на Сувалки. Такъ какъ второй сносной дороги не было, то обѣ дивизіи должны были слѣдовать, въ общемъ, по одной дорогѣ съ выступленіемъ уже ночью на 14 февраля. Во главѣ должна была двигаться 27-ая дивизія. Арьергардъ составила бригада полковника Ольдерогге 29-ой пѣх. дивизіи на участкѣ д. Сидоры-Ялово. На наше счастіе, противникъ не преслѣдовалъ по пятамъ и лишь медленно продвигался вслѣдъ за нашими разстроенными дивизіями.

53-ья дивизія, переночевавъ съ 12-го на 13-ое февраля въ районѣ Ольшанка — Павловка — Лановиче при крайне скудныхъ квартирныхъ условіяхъ, получила въ 8 час. утра 13-го февраля приказаніе командира корпуса выслать одинъ полкъ на Филиппово для смѣны отходившихъ къ Сувалкамъ частей 28-ой дивизіи. Туда былъ направленъ ближайшій 212-ый полкъ, но онъ вскорѣ былъ повернутъ обратно въ силу новаго распоряженія Штаба корпуса. 209-му полку надлежало выступить въ Бакаларжево, чтобы дать возможность остальнымъ частямъ 28-ой дивизіи отойти въ Сувалки, куда вся эта дивизія направлялась въ армейскій резервъ. Остальнымъ частямъ (6 бат.) 53-ей дивизіи было приказано прибыть въ Сувалки (д. Помолеснъ) въ распоряженіе Штаба корпуса. Авторъ остался безъ дѣла. Нѣсколько позже распоряженіе о движеніи 209-го пѣх. полка въ Бакаларжево было отмѣнено; полку также было приказано отойти въ Сувалки. Однако, 209-ый полкъ успѣлъ дойти почти до Бакалар-

жева до полученія этого приказа. 28-ая дивизія и 212-ый полкъ, отходя на Сувалки, остановились у д. Осовы, гдѣ они были атакованы германцами, которые около 4-5 часовъ дня сдѣлали короткое огневое нападеніе. Установивъ наше присутствіе, они остановились. Къ вечеру 13-го февраля 28-ая дивизія отошла нѣсколько назадъ на линію Осово-Пржибродъ, прикрывая Сувалки съ запада. Подходившій къ 7 час. вечера къ Сувалкамъ 209-ый пѣх. полкъ получилъ изъ штаба корпуса приказъ немедленно выдвинуться къ д. Прудзишки, образуя особый арьергардъ со сторожевымъ охраненіемъ на линіи Еленево (вкл.) — Чарнаковизна (на сѣв. берегу озера у д. Осова).

Вслѣдствіе полученнаго приказанія изъ Штаба арміи о выдѣленіи 28-ой дивизіи въ резервъ и поступившаго позже приказанія о выдѣленіи всего лишь одной бригады какъ въ 53-ей, такъ и въ 29-ой дивизіяхъ пришлось дѣлать не мало маршей и контръмаршей, сильно утомившихъ войска.

XXVI-ой корпусъ 13-го февраля безпрепятственно продолжалъ свой отходъ въ направленіи на Генбаловку (6 верстъ южнѣе Бакаларжево) — Клещовенъ (въ 15 верстахъ на юго-востокъ отъ Марграбова).

* * *

Стремленіе генерала Рузскаго возможно дольше удерживать 10-ую армію въ соприкосновеніи съ наступающимъ противникомъ, конечно, имѣло свое объясненіе въ намѣченномъ имъ ударѣ 12-ою арміею со стороны Ломжа-Остроленка во флангъ и въ тылъ германскаго наступленія. Для выполненія своего плана ему было желательно остановить отходъ 10-ой арміи на вышеуказанныхъ имъ линіяхъ. Но эти линіи уже были обойдены противникомъ.

Для исполненія его приказовъ, такимъ образомъ, оставалась лишь живая сила арміи. Вержболовская группа уже была скинута со счетовъ, а III-ій Сиб. корпусъ былъ вовлеченъ въ серьезные бои подъ Лыкомъ. Оставались, поэтому, лишь 4 неполныя дивизіи XX-го корпуса для дѣйствій противъ арміи въ 7½ дивизій, наступавшей на фронтъ въ 30-40 верстъ. Поставленная задача не отвѣчала ни силамъ корпуса, ни обстановкѣ. Остановить наступленіе было возможно при условіи имѣть наготовѣ на Нѣманѣ для удара во флангъ группу войскъ, но таковой не было. Операціи германцевъ противъ Вержболовской группы ясно показали, что они большими силами обходятъ правый флангъ и тылъ 10-ой арміи съ очевидною цѣлью отрѣзать ее отъ Нѣманскихъ переправъ. Уже 9-го—10-го февраля взглядъ на карту позво-

лилъ бы, при нѣкоторой догадливости, сдѣлать логическій выводъ, что противникъ, послѣ захвата Вержболова, Владиславова и Пильвишекъ хлынетъ по удобнымъ главнымъ путямъ, ведущимъ на югъ. Слѣдовательно, можно было искать головы другихъ колоннъ противника къ вечеру 12-го февраля въ районахъ Вижайны, Любова и Кальваріи. На самомъ дѣлѣ оно такъ и было. Вслѣдствіе таковыхъ опасныхъ для насъ возможностей нужно было бы не медля составить соображенія для дальнѣйшихъ дѣйствій и движеній XX-го корпуса и исполнить ихъ возможно скорѣе.

Прикидывая разстоянія по картѣ и имѣя въ виду дальнѣйшее вѣроятное проникновеніе противника на югъ, ясно было, что противникъ имѣлъ всѣ шансы занять самый южный тыловой путь XX-го корпуса — Сувалки-Сейны-Друскеники — раньше насъ, хотя бы, одною изъ своихъ лѣвыхъ колоннъ. Поэтому, мы должны были считать этотъ тыловой путь закрытымъ для походнаго движенія XX-го корпуса. Попытка боевыми дѣйствіями держать этотъ путь открытымъ не обѣщала бы успѣха, такъ какъ обнаженный съ сѣвера нашъ правый флангъ находился бы подъ возможными ударами прочихъ колоннъ противника. Точно провѣрить степень проникновенія противника на югъ XX-ый корпусъ не имѣлъ возможности, вслѣдствіе отсутствія годной корпусной и дивизіонной конницы. Тѣмъ болѣе, при расчетахъ, нужно было исходить изъ наиболѣе для насъ невыгодныхъ положеній, во избѣжаніе сюрпризовъ при исполненіи марша-маневра. Мало того, нужно было считать и путь отхода XXVI-го корпуса черезъ Махарцы — Гибы — Гожа уже сорваннымъ.

Уже 11-го — 12-го февраля ясно было, что нужно отказаться отъ мысли отхода за Нѣманъ XX-мъ и XXVI-мъ корпусами.

Вся операція 10-ой арміи при такихъ обстоятельствахъ требовала полнаго пересмотра для принятія новаго, возможнаго рѣшенія. Арміи еще хватало времени для отхода за Бобръ безъ большихъ потерь. Въ частности, для XX-го корпуса казалось бы яснымъ, что слѣдуетъ возможно скорѣе отойти на югъ, чтобы заняться своею отвѣтственною задачею правофланговаго корпуса по прикрытію фланга и тыла арміи, которая, вслѣдствіе обозначившагося черезъ Райгродъ обхода Лыкской позиціи, будетъ неминуемо вынуждена отойти лѣвофланговыми корпусами на Августовъ и за Августовскій каналъ.

Городъ Августовъ при такомъ развитіи операціи являлся важнѣйшимъ на западѣ узломъ путей, преждевременная потеря

коего угрожала бы катастрофическими послѣдствіями не только для лѣвофланговыхъ, но и для XX-го корпусовъ арміи.

Всякая проволочка въ исполненіи такой схемы отступленія также грозила гибелью. Положеніе еще ухудшилось черезъ отсутствіе 2-хъ кав. дивизій генерала Леонтовича для веденія развѣдки передъ фронтомъ наступленія германцевъ.

Послѣ телеграфнаго разговора генерала Гулевича съ генераломъ Сиверсомъ, генералъ Рузскій понялъ положеніе, придавая, однако, особо важное значеніе району Сопоцкина, который нами былъ укрѣпленъ, но не занятъ нашими войсками. Но не было оцѣнено важнѣйшее значеніе Августова и не менѣе важныхъ лѣсныхъ дефилэ, которые въ районѣ между Августовымъ и Сопоцкинымъ вели къ переправамъ на р. Бобрѣ, на Августовъ и на перерѣзъ путямъ, ведущимъ изъ Августова къ переправамъ на р. Бобрѣ.

Новое операціонное мышленіе фронта вылилось въ слѣдующей директивной генералу Сиверсу телеграммѣ генерала Рузскаго отъ 13-го февраля за № 7576. Она гласила:

«Вамъ надлежитъ дѣйствовать сообразно обстановкѣ и, въ случаѣ невозможности удерживаться на линіи Осовецъ — Августовъ—Ковна, отвести армію на Осовецъ—Липскъ—Сопоцкинъ—Олита—Ковна въ цѣляхъ исполненія возложенной на армію основной задачи обезпеченія сообщеній армій, дѣйствующихъ по обоимъ берегамъ Вислы. Крайне необходимо при этомъ сохранить цѣлость и полную боеспособность арміи какъ для исполненія этой основной задачи, такъ и для перехода арміи при благопріятной обстановкѣ въ наступленіе одновременно съ наступленіемъ войскъ, сосредоточиваемыхъ на Наревѣ. Въ виду отхода III корпуса (Вержболовской группы) въ районъ Ковны, считаю нужнымъ обратить Ваше вниманіе на обезпеченіе праваго фланга остальныхъ корпусовъ арміи, сообщеніе ихъ съ Олитою и на обезпеченіе переправы у этого пункта».

Дополненіемъ къ этой телеграммѣ служилъ вызовъ генерала Будберга къ аппарату генераломъ Бончъ-Бруевичемъ, который высказалъ слѣдующія соображенія:

«Потеря времени особенно вредно можетъ отразиться на успѣхѣ исполненія арміей движенія. Надлежитъ принять самыя рѣшительныя мѣры ускоренія движенія корпусовъ. Особенно важное значеніе принадлежитъ району Сопоцкина, и слѣдуетъ принять мѣры, чтобы предупредить нѣмцевъ на этой позиціи».

Эта директива была дана въ день неизвѣстнаго еще Штабу фронта появленію передового отряда 42-ой германской пѣхотной дивизіи въ Сейнахъ, на перерѣзъ движенія XX-го корпуса къ Нѣману.

Вопросъ объ обезпеченіи переправы у Олиты и сообщеній остальныхъ корпусовъ армій съ Олитою, такимъ образомъ, могъ рѣшиться лишь войсками Вержболовской группы.

Въ Гроднѣ гарнизонъ состоялъ изъ 6 батальоновъ ополченцевъ и запасныхъ. Подъ вопросомъ было, успѣетъ-ли 10-ая армія занять Сопоцкинскую позицію до противника. Штабъ фронта просилъ Ставку для этой цѣли назначить одну изъ дивизій XV-го корпуса, находившагося въ распоряженіи Верховнаго Главнокомандующаго.

Какъ мы изъ дальнѣйшаго описанія событій увидимъ, генералъ Сиверсъ, противъ своего обыкновенія, не принялъ къ исполненію директивы Главнокомандующаго фронтомъ ни въ какой ея части. Его оперативные взгляды, къ сожалѣнію, приняли совершенно иное направленіе, о чемъ будетъ сказано въ слѣдующихъ двухъ главахъ.

Разсматривая всѣ дѣйствія и распоряженія по 10-ой арміи, мы получаемъ слѣдующую картину положенія арміи:

Какъ мы видѣли во II-ой главѣ, несмотря на опасенія генерала Сиверса, генералъ Рузскій весьма настойчиво настаивалъ на захватѣ Ласдененской группы лѣсовъ. Когда затѣмъ обозначилось мощное контръ-наступленіе противника противъ обоихъ нашихъ фланговъ, онъ тормозилъ отходъ 10-ой арміи. Подъ вліяніемъ такого категорическаго взгляда не только Главнокомандующаго, но, якобы, и Ставки, ген. Сиверсъ медлилъ, сколько могъ, своимъ рѣшеніемъ отойти назадъ центромъ арміи послѣ окончательнаго выяснившагося обхода обоихъ фланговъ. Назначивъ сперва малый переходъ для занятія тыловой позиціи, онъ считалъ себя вынужденнымъ обстановкою 11-го февраля продолжать отходъ до Государственной границы.

Если до 10-го февраля могли существовать сомнѣнія о серьезности положенія на правомъ флангѣ нашей 10-ой арміи, то къ концу этого дня, онѣ должны были окончательно отпасть. Послѣ полнаго пораженія Вержболовской группы въ бояхъ на участкѣ Вержболово—Вильковишки—Пильвишки и спѣшнаго отхода разбитыхъ войскъ къ Нѣману, противникъ могъ безпрепятственно продолжать обходъ съ тыла нашего XX-го корпуса, отошедшаго къ утру 11-го февраля на линію меридіана Гольдапа. Фронтъ, очевидно, сильнаго противника уже опредѣлился на участкѣ въ

30 верстъ: Шталюпененъ — Вильковишки. Для достиженія Маріамполя и Кальваріи ему оставалось 25-30 верстъ; нашему же XX-му корпусу — 60 вер. До Сейны противнику нужно было сдѣлать 60 верстъ, намъ же 75 верстъ. Ясно было, что противникъ могъ преградить намъ отходъ прямо на востокъ къ Нѣману и возможно, что онъ займетъ Сопоцкинскую позицію до насъ.

Требованіе Главнокомандующаго занять и удержать линію Козлова Руда—Кальварія—Сувалки—Августовъ уже не отвѣчало обстановкѣ, такъ какъ эта линія черезъ день, другой уже была бы обойдена. Исходное же растянутое положеніе XX-го корпуса, безъ резервовъ, съ противникомъ уже на флангѣ, было слишкомъ невыгоднымъ для того, чтобы можно было надѣяться на возможность отойти за Нѣманъ по намѣченнымъ путямъ отхода прямо на востокъ. Если только подумать о томъ, что крайнія колонны противника уже 13-го февраля вечеромъ могли достигнуть района Сейны, то серьезность положенія уже 11-го февраля должна была быть вполнѣ ясной.

Занятіе Сейнъ противникомъ до насъ уже 13-го февраля дало бы ему возможность черезъ день-два занять Августовъ и Августовскій каналъ южнѣе до р. Бобра, если къ этому времени III-ій Сиб. и XXVI-ой корпуса еще не были оттянуты назадъ изъ района Лыка. Единственный естественный проходъ на востокъ для этихъ корпусовъ, такимъ образомъ, находился бы подъ серьезною угрозою быть закрытымъ. Поэтому необходимо было уже 11-го февраля значительно снизить тыловые пути XX-го корпуса и приказать корпусамъ группы генерала Радкевича того же числа, начать отходъ къ Августову и къ каналу южнѣе до Бобра.

Какъ бы въ заключеніе разговоровъ 11-го февраля,генералъ Рузскій снова требуетъ отстаиванія другой линіи боями, несмотря на то, что онъ зналъ, что 12-ая армія еще не готова для дѣйствій.

На основаніи этой телеграммы генералъ Сиверсъ, казалось бы, долженъ былъ отдать приказъ объ одновременномъ отходѣ III-го Сиб. и XXVI-го корпусовъ къ Августову и, такимъ образомъ, очистить всю Прусскую территорію. Но онъ этого не сдѣлалъ, а генералъ Рузскій почему то не возражалъ. Такимъ образомъ получилось, что группа ген. Радкевича оставалась еще цѣлые два дня около Лыка, въ 40 верстахъ отъ важнѣйшаго для отхода назадъ къ переправамъ черезъ р. Бобръ узла дорогъ, вмѣсто того чтобы уже 13-го февраля быть въ Августовѣ съ возможностью безпрепятственнаго дальнѣйшаго отхода, совмѣстно съ XX-мъ корпусомъ. Послѣдній корпусъ уже 11-го февраля нужно было бы свернуть на югъ въ направленіи на Сувалки во избѣ-

жаніе крайне нежелательныхъ боевъ. Но генералъ Сиверсъ этого не сдѣлалъ, а приказалъ XX-му корпусу продолжать движеніе на востокъ къ Нѣману, обрекая корпусъ на потерю тыловыхъ учрежденій и на бои противъ наступавшаго во флангъ противника. Совершилось нѣчто непонятное. Группа генерала Радкевича оставляется на мѣстѣ около Лыка, а XX-ый корпусъ направляется на востокъ къ Нѣману. Послѣдствія не заставили себя ждать: отъ 13-го до 16-го февраля наша 10-ая армія находилась въ весьма критическомъ положеніи. Этимъ разрывомъ фронта арміи противнику были даны лишніе шансы для совершенія своего плана окруженія. Кромѣ того, ему открывался путь для направленія изъ своего центра двухъ дивизій къ Августову, клиномъ между обѣими группами нашихъ войскъ. Между тѣмъ, казалось бы, пораженія армій Самсонова и Ренненкампфа въ 1914 году еще недавно подтвердили выводы теоріи о томъ, что нужно уклоняться отъ обходовъ во-время принятымъ маневрированіемъ назадъ, а не задерживаться безцѣльными боями, которые лишь увеличиваютъ шансы для успѣха обходовъ. Въ данномъ случаѣ, разстояніе между обходившими наши фланги непріятельскими группами съ начала операціи было такъ велико, что наша 10-ая армія, во время установивъ планъ противника, съ лихвою имѣла время быстрымъ маневрированіемъ назадъ, уклониться отъ обходовъ. Можно возражать, что 10-ая армія имѣла наступательную задачу. Но ставя задачу, нужно считаться и съ возможностью ее исполнить. Генералъ Рузскій переоцѣнивалъ возможности 10-ой арміи, состоявшей изъ 5 полевыхъ и 6 второочередныхъ дивизій, раскинутыхъ на громадномъ протяженіи въ 175 съ лишнимъ верстъ, безъ резервовъ и при условіи, что она имѣла дѣло съ явно усилившимся противникомъ, съ которымъ она, еще недавно, съ трудомъ справилась даже при собственномъ, гораздо болѣе сильномъ составѣ. Кромѣ того, наша 12-ая армія еще не такъ скоро могла быть готовою къ дѣйствію. Если обстановка не благопріятствуетъ исполненію данной задачи, лучше отказаться отъ нея и придумать болѣе укладывающееся въ обстановку рѣшеніе и, не задерживаясь, привести его въ исполненіе, безъ всякихъ полумѣръ или задержекъ путемъ боевыхъ столкновеній. Именно такъ поступилъ генералъ Гинденбургъ въ 1-ую Варшавскую операцію, когда онъ подъ нашею угрозою обхода его фланга понялъ, что его начатое наступленіе больше не отвѣчало обстановкѣ. Онъ быстро отвелъ 9-ую армію назадъ отъ Вислы къ Силезской границѣ около Крейцбурга-Кракова. На слѣдующій день по прибытіи онъ уже приступилъ къ

переброскѣ войскъ къ Торну, откуда онъ началъ новую, Лодзинскую операцію, которою онъ окончательно положилъ предѣлъ нашему наступленію въ Силезію.

Когда боями 27-ой дивизіи у Выштинскаго озера 12-го февраля и 29-ой дивизіи у Маріанки 13-го февраля выяснилось, что дальнѣйшее движеніе прямо на востокъ смысла не имѣетъ, необходимая поправка была внесена снизу, а не свыше. Начальники этихъ дивизій 12-го февраля вечеромъ самостоятельно рѣшили безотлагательно отойти на Сувалки. Въ этотъ же день противникъ занялъ Сейны, разрѣзывая пополамъ обозную колонну XX-го корпуса.

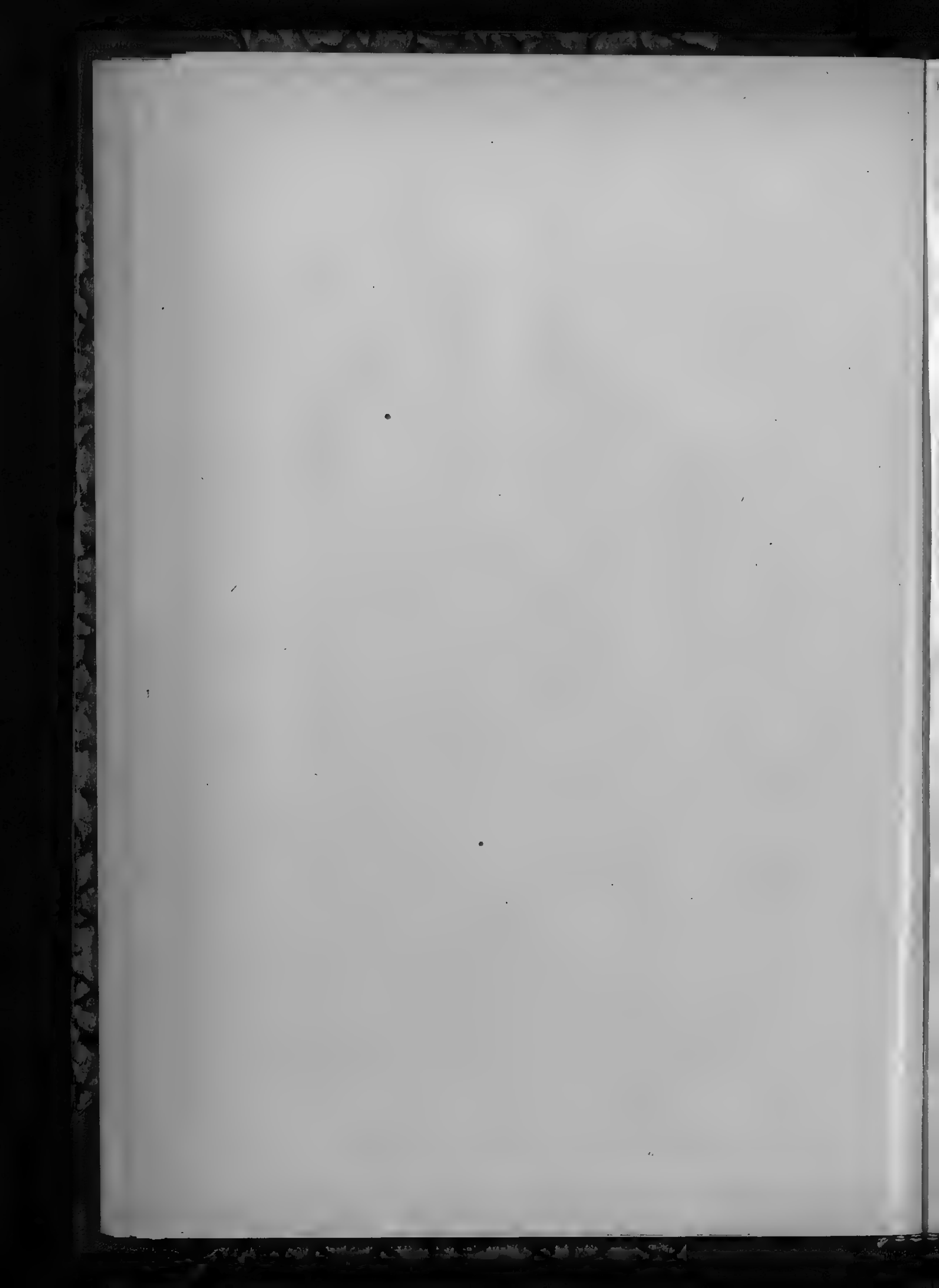
Только 13-го февраля изъ разговоровъ между чинами штабовъ фронта и арміи обстановка выяснилась для ген. Рузскаго, хотя не въ полной мѣрѣ. Это видно изъ того, что онъ все еще надѣялся отвести армію за Нѣманъ. Его директивная телеграмма отъ 13-го февраля, наконецъ, допускаетъ отходъ арміи за линію Осовецъ—Липскъ—Сопоцкинъ—Олита—Ковна. Но, при вызовѣ къ аппарату Начальника штаба 10-ой арміи, генералъ-квартирмейстеръ Штаба фронта генералъ Бончъ-Бруевичъ, поясняетъ эту спокойно отредактированную директиву совѣтомъ «принять рѣшительныя мѣры ускоренія движенія корпусовъ» и «спѣшить занятіемъ Сопоцкина раньше нѣмцевъ». Совѣтъ было мало обдуманъ, ибо 13-го февраля двѣ дивизіи XX-го корпуса были втянуты въ бой у Рудки-Тартака, а 2 остальныя прикрывали Сувалки, будучи атакованы съ запада. Чѣмъ окончатся эти бои, еще не было извѣстно.

Кромѣ того, въ этотъ день группа генерала Радкевича еще не очистила района Лыка. Она лишь 15-го февраля могла прибыть къ Августову. Прочное до прихода войскъ генерала Радкевича прикрытіе Августова, поэтому, являлось первоочередною и главною операціонною задачею XX-го корпуса. Занятіе Сопоцкина раньше нѣмцевъ являлось, можетъ быть, желательнымъ, но эта задача пока оставалась на второмъ планѣ. Совѣтъ «спѣшить съ отходомъ» былъ умѣстенъ для прикрытія Августова и отхода туда войскъ генерала Радкевича. Упоминаніе о Сопоцкинѣ было крайне сбивчиво и, вѣроятно, было продиктовано несбыточною надеждою имѣть возможность отойти за Нѣманъ на участкѣ Гожа — Гродна. Какъ изъ дальнѣйшаго описанія увидимъ, это указаніе на Сопоцкинъ въ послѣдовавшемъ развитіи операцій принесло горькіе плоды для арміи и, въ частности, для XX-го корпуса. Чуть ли не ежедневныя директивы командова-

нія фронтомъ начинались «предоставленіемъ свободы дѣйствій», но оканчивались «требованіями», «условіями» или, какъ въ данномъ случаѣ, необдуманнымъ «совѣтомъ» генералъ-квартирмейстера Штаба фронта.

13-го февраля, въ 3 часа дня г. Сейны былъ противникомъ занятъ. Разстояніе Сейны — Сопоцкинъ и Сейны — Августовъ одинаковы, т.-е. одинъ усиленный переходъ, но Сувалки отстоятъ отъ Сопоцкина на два усиленныхъ перехода. На этотъ фактъ генералъ Бончъ-Бруевичъ вниманія не обратилъ. Сопоцкинъ могъ бы быть занятъ одною или двумя изъ дивизій группы генерала Радкевича утромъ 15-го февраля лишь при условіи прибытія къ Августову и южнѣе всѣхъ войскъ этой группы уже 13-го февраля.

Говоря о дѣйствіяхъ генерала Сиверса, нельзя не отмѣтить проявленную имъ малую самостоятельность въ случаяхъ, когда обстановка требовала немедленнаго рѣшенія. Точно также нельзя не отмѣтить не полныя и запоздалыя донесенія Штаба 10-ой арміи въ Штабъ фронта о событіяхъ на сѣверномъ флангѣ арміи. Эти обстоятельства, по мнѣнію автора, имѣли весьма отрицательное значеніе при отходѣ 10-ой арміи изъ Восточной Пруссіи и ставили работу Штаба фронта въ очень трудныя условія.

ГЛАВА IV.

Лыкскіе бои группы генерала Радкевича: дѣйствія сторонъ 11—13-го февраля. Отходъ отъ Лыка. Приказаніе Командующаго 10-ой арміи о переходѣ въ наступленіе. Привлеченіе противникомъ изъ центра двухъ дивизій съ сѣвера къ Августову. Надежда германцевъ обойти нашъ крайній лѣвый флангъ черезъ Тайно. Нашъ ударъ во флангъ германцевъ частью гарнизона крѣпости Осовца. Полная неудача попытокъ нѣмцевъ отрѣзать группу генерала Радкевича отъ Августова. Изложеніе операцій 8-ой германской арміи съ 7-го по 15-ое февраля согласно германской исторіи «Міровая Война 1914 — 1918».

Схема 2.

Для полученія яснаго представленія о всей обстановкѣ на фронтѣ къ вечеру 13-го февраля необходимо еще прослѣдить ходъ операцій непріятельской 8-ой арміи и нашихъ III-го Сиб. и XXVI-го корпусовъ съ 11-го по 13-ое февраля, съ прибавленіемъ данныхъ объ отходѣ къ Августову 15-го февраля.

Изъ войскъ германскаго I-го Арм. корпуса 11-ая ландв. дивизія наступала на нашу 8-ую Сиб. дивизію, стараясь выиграть флангъ съ сѣвера.

Командующій германской 8-ой арміи генералъ Отто фонъ Беловъ надѣялся 11-го февраля разбить наши войска на позиціяхъ впереди Лыка, направляя для этой цѣли на фронтъ отряда генерала Братанова 2-ую пѣх. дивизію и 5-ую пѣх. бригаду съ охватомъ съ юго-востока 1/3 80-ой рез. дивизіи.

Для обхода всего нашего расположенія у Лыка черезъ Просткенъ-Райгродъ онъ надѣялся получить возможность, въ концѣ-концовъ, использовать весь XL корпусъ съ 4-ою кав. дивизіею и 3-ею кав. бригадою.

Однако, 11-го февраля выяснилось, что овладѣніе нашими позиціями впереди Лыка не подъ силу назначеннымъ для этой цѣли германскимъ войскамъ, которыя попали даже въ критическое положеніе отъ повторныхъ нашихъ контръ-атакъ и удара въ лѣвый флангъ.

Пришлось усилить правый флангъ атакующихъ, сперва частью 80-ой резервной дивизіи, а затѣмъ, 12-го февраля пришлось повернуть обратно съ Райгродскаго направленія остальную часть этой же дивизіи для поддержки при атакѣ нашего лѣваго фланга.

Все же III-ій Сиб. корпусъ, въ предвидѣніи своего отхода, постепенно сокращая фронтъ, отходилъ къ Лыку, но не по принужденію со стороны противника. Вступленіе 80-ой дивизіи снова въ бой 12-го февраля по восточному берегу рѣки Лыка, также не дало ожидаемаго противникомъ рѣшенія, а частямъ І-го Армейскаго корпуса не удалось овладѣть Вошелленомъ. Однако, подъ вліяніемъ возможнаго захвата Райгрода, занятаго лишь бригадой генерала Россійскаго, командиръ III-го Сибирскаго корпуса имѣлъ въ виду отойти отъ Лыка на Августовъ.

Генералъ фонъ Беловъ расчитывалъ, что 79-ой рез. дивизіи 13-го февраля удастся быстро продвинуться черезъ Райгродъ въ направленіи на Августово, и что онъ своей атакой во флангъ у Лыка помѣшаетъ III-му Сиб. корпусу свободно отходить на востокъ.

Наступленіе 79-ой рез. дивизіи, однако, задерживалось опасеніями передъ обозначившимся нашимъ наступленіемъ во флангъ со стороны гарнизона Осовца. Оставленными у Просткена частями 79-ой рез. дивизіи и подошедшею 4-ою кав. дивизіей *), однако, противникъ временно отбилъ наше наступленіе. Войска І-го арм. корпуса на сѣверѣ успѣха 12-го февраля не имѣли. Положеніе III-го Сиб. корпуса было вполнѣ прочно. Какъ арьергарды 7-ой и 8-ой Сиб. дивизій, такъ и отрядъ Братанова съ успѣхомъ отражали всѣ атаки противника, переходя въ частичныя, успѣшныя контръ-атаки.

Въ виду продолжавшагося 12-го и 13-го февраля отхода остальныхъ корпусовъ арміи на востокъ на фронтѣ Сейвы—Сувалки—Бакаларжево—Клещовенъ, выдвинутое впередъ положеніе III-го Сиб. корпуса не могло не вызвать у генерала Радкевича опасенія за свой правый флангъ и тылъ, открытые для ударовъ противника съ сѣвера.

Это обстоятельство въ связи съ опасеніемъ за возможность захвата Райгрода, занятаго бригадой генерала Россійскаго, побудило генерала Радкевича уже 12-го февраля подумать объ отходѣ отъ Лыка на Августовскую позицію, несмотря на то, что Ко-

---

*) Запоздалое прибытіе въ составъ 8-ой арміи было вызвано эпидеміей въ конскомъ составѣ.

мандующій арміи, въ нецѣлесообразномъ при общей обстановкѣ порывѣ къ активности, приказалъ ему на меридіанѣ Райгрода выждать подхода 28-ой пѣх. дивизіи для перехода въ наступленіе. Таковое намѣреніе Командующаго арміей ясно изложено въ нервно редактированной оріентировочной телеграммѣ Начальника Штаба арміи, генерала барона Будберга, Командиру XX-го корпуса отъ 7 час. 20 мин. вечера 13-го февраля, которая гласила:

«Нѣмцы ведутъ обходъ на Райгродъ. Радкевичъ на своемъ участкѣ отходитъ спокойно. Видимо, нѣмцы нахальничаютъ и ведутъ глубокій сторванный обходъ, надавливая на Августовъ. Необходимо всѣмъ, кто можетъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ атаковать нѣмцевъ и ихъ разбить. Радкевичъ будетъ сдерживать нѣмцевъ противъ Стотинена до прихода 28-ой дивизіи отъ Сувалокъ. Тогда всѣмъ вмѣстѣ рѣшительно атаковать, драться во всю, такъ какъ занятіе Августова сейчасъ недопустимо. Сообщаю по приказанію Командующаго.»

Сопоставляя вышеприведенные разговоры по телеграфу генерала Сиверса съ генераломъ Гулевичемъ, въ теченіе коихъ генералъ Сиверсъ излагалъ свои взгляды о безцѣльности боевыхъ дѣйствій арміи, съ приказаніемъ генерала Сиверса днемъ позже, 13-го февраля генералу Радкевичу перейти въ наступленіе, невольно становишься въ тупикъ. А, какъ мы изъ дальнѣйшаго увидимъ, генералъ Сиверсъ 14-го февраля дважды телеграфировалъ генералу Булгакову, чтобы онъ, при малѣйшей возможности, перешелъ въ наступленіе, пользуясь своимъ превосходствомъ силъ!

Интересно было бы знать, откуда генералъ Сиверсъ могъ знать о превосходствѣ силъ? Не являлось ли это свѣдѣніе результатомъ распространенія ложныхъ свѣдѣній германской агентурой? Другого объясненія авторъ не находитъ. Вѣдь, если-бы генералы Радкевичъ и Булгаковъ послѣдовали указанію генерала Сиверса, то и тотъ, и другой немедленно попали въ подставленныя имъ ловушки и, по всей вѣроятности, были бы окружены.

Отъ Сувалокъ до Райгрода 50 верстъ. Значитъ, 28-ая дивизія могла бы прибыть 15-го февраля. Наступленіе ген. Радкевича, такимъ образомъ, могло бы начаться по плану Штаба арміи 16-го февраля.

Сопоставляя этотъ планъ съ нижеизложенными намѣреніями германскаго командованія, увидимъ, что могло бы случиться, если бы генералъ Радкевичъ слѣпо исполнилъ планъ Штаба арміи.

Всматриваясь въ ту обстановку, которая могла бы представляться въ глазахъ противника въ день 11-го февраля, можно ее себѣ представить въ слѣдующемъ видѣ:

На томъ и другомъ флангѣ наступленія 8-го февраля преслѣдовалась цѣль сбить наше расположеніе на флангахъ съ тѣмъ, чтобы на плечахъ разбитыхъ нашихъ войскъ быстро и насколько возможно глубоко продвинуться впередъ, чтобы охватить и окружить массу нашихъ войскъ. Эта операція, по началу, удалась почти въ полной мѣрѣ на правомъ флангѣ, гдѣ, къ 11-му февраля уже были достигнуты намѣченные результаты, и 10-ая непріятельская армія, фронтомъ на югъ, уже переходила желѣзнодорожную линію Вержболово — Пильвишки.

Но на нашемъ лѣвомъ флангѣ группа генерала Литцмана, послѣ пораженія 57-ой пѣх. дивизіи, наткнулась на сильное все возраставшее сопротивленіе со стороны войскъ III-го Сибирскаго корпуса съ приданными частями. Какъ мы видѣли, уже 11-го февраля, часть 80-ой пѣх. рез. дивизіи, а затѣмъ 12-го февраля вся эта дивизія должны были быть возвращены съ Райгродскаго направленія для спасенія тяжелаго положенія войскъ генерала Фалька. 79-ая же рез. дивизія также была задержана въ своемъ наступленіи на Райгродъ нашимъ нажимомъ во флангъ со стороны Осовца. Намѣченному германскому обходу нашего лѣваго фланга грозила неудача. Поэтому возможность осуществить противъ нашей 10-ой арміи новыя грандіозныя «Канны» и, такъ сказать, «поймать ее въ одну сѣть» — могла представляться сомнительною силами и способомъ первоначальнаго плана операціи.

Для уничтоженія III-го Сиб. и XXVI-го корпусовъ, подкрѣпленія были настоятельно необходимы, а, можетъ быть, нужно было видоизмѣнить и самый планъ дѣйствій. Для этого Командующій 8-ой арміей воспользовался отходомъ нашего XX-го корпуса на востокъ, начатаго 10-го февраля вечеромъ, и бросилъ форсированными маршами взятыя изъ центра двѣ дивизіи, (½ 3-ей рез. дивизіи, 10-ую ландв. дивизію и одну бригаду 1-ой ландв. дивизіи) на Августовъ, вдоль р. Роспуды, съ цѣлью принять участіе въ окруженіи нашихъ XXVI-го и III-го Сиб. корпусовъ у Августова.

Для вящаго успѣха этой операціи отъ генерала Эйхгорна ожидалось движеніе форсированнымъ маршемъ одной дивизіи по шоссе черезъ Сейны на Августовъ къ 15-му февраля, къ каковому числу и вышеупомянутая группа въ двѣ дивизіи, двинутыя съ сѣвера, должна была прибыть къ Августову.

Генералу Литцману же съ XL кор. и 3-ей кав. бригадою было приказано изъ Райгрода двинуться черезъ Бобрскія болота по дорогѣ черезъ Тайно на перерѣзъ дорогъ, ведущихъ изъ Августова на Штабинъ, Каменна и Липскъ. Остальныя войска, дравшіяся у Лыка, должны были нажимать съ тыла. Морозъ еще держался 11-го февраля, и можно было надѣяться на возможность двинуть корпусъ Литцмана по дорогѣ черезъ Тайно. Все было, какъ будто, хорошо скомбинировано.

Какъ мы видимъ, фельдмаршалъ Гинденбургъ, вслѣдствіе задержки въ наступленіи своей правофланговой группы, видимо, имѣлъ намѣреніе видоизмѣнить свой первоначальный планъ дѣйствій, въ зависимости отъ обстоятельствъ, которыхъ предусмотрѣть было нельзя.

Окруживъ III-ій Сиб. и XXVI-ой корпуса подъ Августовымъ, онъ могъ затѣмъ попытать такой же маневръ противъ нашихъ войскъ, находившихся въ соприкосновеніи съ арміей генерала Эйхгорна, т.-е. противъ нашего XX-го корпуса. Другими словами, вмѣсто идеала однихъ общихъ «Каннъ» для всей нашей 10-ой арміи, онъ обстоятельствами былъ вынужденъ попытаться двумя операціями типа «Каннъ» уничтожить всю нашу 10-ую армію. Хотя въ германскихъ описаніяхъ, вышедшихъ до 1931-го года, передвиженія войскъ и не скрываются, все же объ этой неуспѣшной операціи окруженія противъ группы генерала Радкевича умалчивается.

Ночью съ 12-го на 13-ое февраля III-ій Сиб. корпусъ опять нѣсколько отошелъ назадъ и къ утру занялъ арьергардную позицію въ 5-ти километрахъ впереди Лыка на линіи Бартоссенъ-Нейендорфъ и снова принялъ арьергардомъ бой, который загорѣлся съ удвоенною силою. Хотя на сѣверѣ Вошелленъ былъ нами уступленъ, и 80-ая дивизія прошла по правому берегу р. Лыкъ съ цѣлью ворваться въ Лыкъ, всѣ эти попытки нѣмцевъ были отбиты. Надежды отрѣзать намъ пути отступленія на востокъ до вечера не увѣнчались успѣхомъ для нѣмцевъ, а III-ій Сиб. корпусъ могъ свободно продолжать отходъ *). Только на слѣдующій день, 14-го февраля, нѣмцы могли вступить въ Лыкъ. Туда же прибылъ въ этотъ самый день и самъ императоръ Вильгельмъ. Его пріѣзды на фронтъ обыкновенно пріурачивались къ заключительному акту операцій. Въ данномъ случаѣ расчетъ еще не сбылся.

---

*) Автору не удалось выяснить, когда и кѣмъ былъ отданъ приказъ объ отходѣ отъ Лыка къ Августову.

Оборонительныя дѣйствія III-го Сиб. корпуса, по признанію нѣмцевъ, были превосходно организованы и велись войсками съ замѣчательнымъ упорствомъ. По германскимъ источникамъ, потери корпуса за бои у Лыка достигли 8.000 человѣкъ. Послѣ занятія Лыка, вслѣдъ за III-мъ Сиб. корп. были направлены всѣ германскія войска, дравшіяся у Лыка, за исключеніемъ 5-ой пѣх. бригады (1-ой ландв. дивизіи) и 11-ой ландв. дивизіи, которыя были оттянуты назадъ для направленія въ составъ прикрывавшихъ правый флангъ 8-ой арміи войскъ.

Это простое преслѣдованіе съ тыла нашего III-го Сиб. корпуса являлось большимъ разочарованіемъ для Штаба Гинденбурга.

Какъ мы видѣли, противникъ надѣялся изъ Райгрода направить корпусъ Литцмана по дорогѣ черезъ Тайно въ общемъ направленіи на Красниборъ для выхода намъ въ тылъ и во флангъ. Но, вслѣдствіе наставшей оттепели, Командующій германской 8-ой арміей не счелъ для всего корпуса генерала Литцмана возможнымъ пройти по этой крайне болотистой мѣстности. По этой дорогѣ была двинута лишь 3-ья кав. бригада и одинъ пѣхотный полкъ.

Продолжавшееся безпокойство, въ виду нашего наступленія двумя полками 57-ой дивизіи со стороны Осовца на Граево, вынудило генерала Литцмана направить къ Граеву всю 80-ую рез. дивизію, которая, поэтому, только послѣ отхода Осовецкаго отряда нѣсколько назадъ, къ 15-му февраля вечеромъ могла прибыть въ Райгродъ для участія въ преслѣдованіи. Противъ Осовца у германцевъ были оставлены: прибывшая половина 3-ей рез. дивизіи и 4-ая кав. дивизія и, какъ мы видѣли, туда же направлялась вся 11-ая ландв. дивизія.

Расположеніе остальныхъ германскихъ войскъ 8-ой арміи къ вечеру 13-го февраля было слѣдующее:

Сѣверная колонна 1-го арм. корпуса (½ 11-ой ландв. дивизіи) отъ Клещовена также была оттянута назадъ для отправки на Наревскій фронтъ. Бригада 1-ой ландв. див. перешла 12-го вечеромъ дорогу Марграбово-Гольдапъ и прибыла 13-го февраля вечеромъ въ Лакелленъ. 3-я бригада этой дивизіи наканунѣ была оттянута къ Ангербургу, откуда она была перевезена по жел. дорогѣ на Ломжинскій фронтъ, вѣроятно, послѣ полученія свѣдѣній о томъ, что въ Ломжѣ собираются наши войска. Къ этому времени въ Ломжу уже прибыла 1-ая Кавказская Стрѣлковая бригада (II-го Кавказскаго корпуса).

Рядомъ съ бригадою 1-ой ландв. дивизіи въ юго-восточномъ направленіи изъ Гольдапа слѣдовала половина 3-ей рез. дивизіи, которая послѣ боя противъ 53-ей дивизіи 11-го февраля, уже на слѣдующій день прибыла въ Міерунскенъ и, послѣ кратковременнаго боя противъ арьергарда нашей 28-ой дивизіи, перешла границу у Филиппова, гдѣ переночевала. Наступавшая на лѣвомъ флангѣ 8-ой арміи 10-ая ландв. дивизія послѣ боя противъ нашей 27-ой див. отъ Вальтерскемена направилась черезъ Роминтенскую пущу и пересѣкла шоссе Гр. Роминтенъ — Шиткеменъ уже послѣ прохожденія хвоста колонны 29-ой див. 12-го февраля. Далѣе, 10-ая ландв. дивизія прослѣдовала черезъ Блиндгаленъ на Пржеросль. Переночевавъ въ пути, она затѣмъ 13-го февраля вышла на дорогу Филиппово-Сувалки верстахъ въ 5-ти отъ Филиппова. Тутъ она разошлась съ нашею 53-ею див., которая въ ночь на 13-ое февраля была расположена въ дд. Ольшанкѣ, Лановичи и Павловкѣ, и лишь утромъ покинула свое расположеніе.

Въ тотъ же день прибывшая съ сѣвера черезъ Пржеросль 75-ая рез. дивизія произвела подъ вечеръ огневое нападеніе на 28-ую дивизію у Осовы. Этими передвиженіями 3-хъ германскихъ дивизій объясняется отсутствіе непосредственнаго преслѣдованія нашего центра со стороны германцевъ послѣ 11-го февраля.

Цѣль такого притягиванія форсированными маршами силъ съ сѣвера на югъ изложена выше.

По мѣрѣ продвиженія 10-ой германской арміи на югъ, т.-е. сближенія внутреннихъ фланговъ 8-ой и 10-ой арміи, противника, роль этихъ дивизій на сѣверѣ мало-по-малу сводилась на нѣтъ, въ то время, какъ на югѣ готовились крупныя возможности въ случаѣ ихъ своевременнаго подхода. Какъ мы уже видѣли, для участія въ намѣченной операціи окруженія XXVI-го и II-го Сиб. корпусовъ была притянута еще и 42-ая пѣх. дивизія XXI-го корпуса, которая форсированными маршами была направлена на Августовъ черезъ г. Сейны, захваченный авангардомъ 13-го февраля, въ 3 ч. дня. Все это окруженіе было пріурочено къ 15-му февраля. Группа: 10-ая ландв., половина 3-ей рез. и бригада 1-ой ландв. дивизій, собранная 31-го утромъ, верстахъ въ 50-ти отъ путей отхода нашихъ корпусовъ на Августовъ, должна была форсированнымъ маршемъ, совмѣстно наступать на югъ.

Короткое наступленіе 75 рез. дивизіи по дорогѣ на Сувалки, вѣроятно, служило маскировкой предстоящаго движенія всей этой группы дальше на югъ.

О нахожденіи сѣверной группы около Филиппова, въ непосредственной близости отъ XX-го корпуса, 13-го февраля намъ

въ этомъ корпусѣ было извѣстно очень мало, что объясняется слабостью нашей развѣдки.

Для пролитія большаго свѣта на операціи нашего лѣваго фланга и, въ частности, III-го Сиб. корпуса, о дѣйствіяхъ коего у насъ пока болѣе подробныхъ свѣдѣній нѣтъ, интересно привести слѣдующія краткія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ противника, взятыя позже составленія настоящаго труда изъ офиціальной германской исторіи «Міровая Война 1914—1918 гг.»

«Послѣ форсированія ночью съ 7-го на 8-ое февраля рѣки Писсека, захвата къ ночи съ 8-го на 9-ое февраля Бялы и отхода полковъ 57-ой пѣх. дивизіи, — 8-ая германская армія готовилась сразу повернуть на сѣверъ, считая лѣвый флангъ русской 10-ой арміи уже обойденнымъ, но, убѣдившись въ своевременномъ занятіи русскими Ариса, должна была принять направленіе нѣсколько болѣе на востокъ съ цѣлью прегражденія III-му Сиб. корпусу пути отступленія на Лыкъ. Центръ — 80-ая рез. дивизія — должна была двинуться на Дрыгаленъ и Нейендорфъ, слѣва отъ нея — 2-ая пѣх. дивизія, а справа — 79-ая рез. див. изъ Бялы на Мыскенъ.

Вслѣдствіе усталости войскъ, выступленіе обѣихъ резервныхъ дивизій могло начаться лишь въ 12 часовъ дня, 9-го февраля. Въ 5 ч. 30 мин. дня былъ полученъ приказъ изъ Штаба арміи повернуть на сѣверъ, на Арисъ-Вошелленъ. Но Сибирскіе стрѣлки, дѣйствовавшіе у Дрыгалена, оказали настолько сильное сопротивленіе, что всѣ силы генерала Литцмана на 9-ое февраля были остановлены въ своемъ движеніи на сѣверъ. (Къ ночи русскіе очистили Дрыгаленъ) 79-ая рез. дивизія, сильно задержанная движеніемъ по плохимъ дорогамъ, еще къ вечеру этого дня не смогла собраться въ Бялѣ.

Генералу Литцману оставалось лишь на 10-ое февраля двинуться вслѣдъ отходившему противнику: 2-ою див. на Седенъ, 80-ой рез. див. на Лыкъ и 79-ой рез. див. на Дрыгаленъ. 3-ья кав. бригада должна была занять Лыкъ. Однако, стало извѣстно, что главныя силы III-го Сиб. корпуса уже вступаютъ въ Лыкъ. Генералъ Литцманъ поэтому мѣняетъ направленіе на слѣдующіе пункты: 2-ая пѣх. див. тѣснитъ отходъ русскихъ съ фронта, 80-ая рез. див.—на Липинскенъ, а 79-ая рез. див.—на Просткенъ; 3-ей же кав. бригадѣ было приказано обойти Лыкъ на Августовъ. Къ 12 ч. этого дня войска 1-го арм. корпуса генерала Коша (11-ая ландв. див.) дошли до Грабницъ—Ней—Юха послѣ неудачной попытки отрѣзать русскимъ отступленіе на Лыкъ.

На 11-ое февраля было рѣшено атаковать позицію русскихъ у Байтковенъ—Талусенъ. 5-ая пѣх. бригада (изъ 1-ой рез ландв. див.), прибывшая 8-го февраля въ Руджаны, здѣсь догнала главныя силы. Поэтому было рѣшено атаковать позицію 5-ой пѣх. бригадой, 2-ой пѣх. дивизіею и авангардомъ 80-ой рез. дивизіи. Главныя же силы послѣдней дивизіи были направлены на югъ для занятія Граева съ выходомъ на шоссе на Райградъ. 79-ая рез. див. въ этотъ день заняла Просткенъ.

3-ья кав. бригада, встрѣтивъ сильное сопротивленіе у Сыпиткенъ, была остановлена на дорогѣ Лыкъ-Райгродъ. Бой у Байтковена по началу шелъ успѣшно. Этотъ пунктъ даже былъ взятъ 5-ою пѣх. бригадою. Но русскіе, въ этотъ день, видимо, успѣли окончательно сформироваться. Въ этотъ же день появляется на сцену 4-ая кав. дивизія, которая дошла до Бялы и далѣе, частью силъ къ востоку вдоль границы. Подходила также 6-ая рез. бригада (3-ей рез. ландв. дивизіи).

На 12-ое февраля XL корпусу была поставлена задача дойти до Райгрода, прикрываясь со стороны Осовца. 79-ая рез. див. уже въ 3 часа утра выступила на Райгродъ. 80-ая дивизія должна была позаботиться о прикрытіи со стороны Осовца захватомъ Граево. 79-ая дивизія къ вечеру уже оттѣснила передовыя части русскихъ, но до главной линіи обороны Райгрода она не дошла. 3-ья кав. бригада оставалась противъ Сыпиткена.

80-ая дивизія, однако, въ этотъ день съ ранняго утра была повернута обратно на сѣверъ по полученіи извѣстія о пораженіи 5-ой пѣх. бригады и объ опасности прорыва фронта наступленія. 80-ая рев. дивизія была направлена во флангъ позиціи русскихъ, но русскими была задержана въ своемъ наступленіи на Нейендорфъ.

Русскіе оставляли свою позицію. Къ вечеру 2-ая пѣх. дивизія заняла очищенный русскими Талузенъ.

4-ая кав. дивизія въ этотъ день занялась чисткой района вдоль границы до Граево отъ казаковъ. Ей была дана задача захватить Августовъ.

11-ая ландв. дивизія впередъ не могла продвигаться. На сѣверѣ въ слѣдующіе дни русскіе очистили Марграбово. Русское же наступленіе на Граево частями гарнизона Осовца было остановлено, и обозначился отходъ на Осовецъ.

13-го февраля утромъ русскія позиціи впереди Лыка оказались очищенными съ отходомъ на новыя позиціи. Поэтому 80-ой дивизіи была поставлена цѣль охватить Лыкъ съ востока. 79-ой рез. дивизіи ночью была поставлена цѣль двинуться

13-го февраля на Писканицу; 4-ой кав. див. на Райгродъ. Всѣ попытки 2-ой пѣх. дивизіи, 5-ой пѣх. бригады и 80-ой рез. дивизіи сбить русскихъ съ послѣднихъ тыловыхъ позицій непосредственно къ западу и къ югу отъ Лыка — оставались безъ успѣха. 79-ая рез. дивизія, перегруппируясь ночью, все же оставила слабую часть противъ Райгрода. 3-ья кав. бригада, въ желаніи выиграть поле, рѣшила обойти Райгродъ съ юга при помощи пѣхоты для форсированія переправы.

При такихъ обстоятельствахъ 8-ая армія должна была отказаться отъ попытки окружить русскихъ у Лыка, тѣмъ болѣе, что городъ ими уже очищался. Нужно было надежно обезпечить себя со стороны Граева и остальными силами преслѣдовать съ тыла съ обходомъ черезъ Райгродъ. Главныя силы 80-ой дивизіи были направлены на Граево, гдѣ 4-ая кав. дивизія была задержана и куда уже подошла 6-ая рез. бригада.

14-го февраля русскіе уже очистили Райгродъ, но заняли новую позицію у сѣвернаго конца озера Денстра. 3-ья кав. бригада также не могла продвинуться впередъ. Попытка прорваться у Сыпиткена опять не удалась. Положеніе 4-ой кав. дивизіи и пѣхоты на фронтѣ противъ гарнизона Осовца было серьезнымъ, пока совершался длительный обходъ русскихъ позицій войсками 80-ой дивизіи и 6-ой рез. бригады.

Постепенно очищая тыловыя позиціи, русскіе въ этотъ день оставили Лыкъ, занявъ послѣднюю арьергардную позицію на сѣверномъ берегу озера Зельментъ къ востоку отъ Лыка, подъ прикрытіемъ коей отступленіе на Августовъ совершалось въ полномъ порядкѣ.

Одновременное движеніе для преслѣдованія черезъ Рачки было задержано у этого города русскими *), проявившими упорство и поразительную стойкость на тактически важныхъ пунктахъ.

Германская офиціальная исторія признаетъ, что Штабъ 8-ой арміи въ то время не зналъ, отступили ли русскіе по доброй волѣ, или подъ ихъ давленіемъ.

Авторъ вкратцѣ привелъ эти операціи противника въ его собственномъ изложеніи, не только съ цѣлью освѣтить образцовыя дѣйствія III-го Сиб. корпуса подъ начальствомъ генерала Радкевича, но и для объясненія, какъ случилось, что германцы, послѣ пораженія и ухода въ Осовецъ нашей 57-ой пѣх. дивизіи,

*). 84-ою пѣх. дивизіею, отходившею тремя полками по сѣверному берегу р. Роспуды и однимъ — по южному. (Примѣчаніе автора).

8-го февраля не использовали для дальнѣйшаго обхода открыто лежавшій передъ ними путь на Райгродъ. Можно полагать, что захватъ Райгрода явился бы факторомъ такого рода, что событія, вѣроятно, приняли бы иное теченіе, и не въ нашу пользу, или, по крайней мѣрѣ, длительно затруднили бы положеніе на нашемъ лѣвомъ флангѣ арміи.

Та же германская исторія даетъ намъ и объясненіе этого, на первый взглядъ, страннаго явленія какъ бы робости, не похожей на ту, до полнаго пренебреженія своимъ противникомъ доведенную смѣлость, которую до этого времени приходилось наблюдать въ подобныхъ же случаяхъ у германскихъ начальниковъ. Въ офиціальной исторіи говорится: «Нельзя также не признать, что нѣкоторыя мѣры Высшаго Командованія, вызванныя тактическою обстановкою минуты, возымѣли свое вліяніе на не совсѣмъ удовлетворительные результаты отъ операціи окруженія. Повидимому, на основаніи опыта Лодзинской операціи, фельдмаршалъ Гинденбургъ передъ началомъ общаго наступленія и во время перваго его фазиса неоднократно остерегалъ отъ слишкомъ дальнихъ обходныхъ операцій въ ущербъ тактическаго успѣха. Возможно, что эти указанія способствовали тому, что Командующіе арміями и командиры корпусовъ неоднократно считали нужнымъ держать свои войска слишкомъ вмѣстѣ для преодолѣнія сопротивленія противника. У Лыка окруженіе III-го Сиб. корпуса не удалось, потому что Штабъ 8-ой арміи, начиная съ 9-го февраля, привлекалъ во внутрь, обходившее на востокъ крыло XL корпуса, который уперся на фронтъ оборонявшейся стороны. Цѣнное время терялось, пока дивизіи снова смогли возобновить обходное движеніе.»

Такое привлеченіе во внутрь частей XL корпуса повторялось, какъ мы видѣли не разъ, все съ тѣмъ же результатомъ. Ударъ во флангъ войсками Осовецкаго гарнизона тоже сильно мѣшалъ обходившему германскому крылу и задержалъ его движенія.

Казалось бы, особенно упрекать командующаго 8-ой германской арміи въ излишней осторожности не приходится, ибо превосходство его силъ было не такъ ужъ велико, а противъ себя онъ имѣлъ дѣло съ первоклассным корпусомъ, усиленнымъ весьма пригодными для дѣла, 57-ой пѣх. дивизіею и сводною бригадою изъ XX-го корпуса. Увлеченіе дальнимъ обходомъ, поэтому, было бы связано съ большимъ рискомъ, если принять во вниманіе и рѣшительный характеръ генерала Радкевича.

На сѣверномъ германскомъ флангѣ превосходство въ силахъ надъ Вержболовской группою было подавляющимъ и обходное движеніе могло совершаться безъ всякаго риска вплоть до р. Шешупы.

Въ объясненіе своихъ малыхъ тактическихъ успѣховъ и медленныхъ дѣйствій, германцы приводятъ плохое состояніе дорогъ и трудность дѣйствія по сторонамъ на поляхъ, покрытыхъ слоемъ глубокаго снѣга. Это, конечно, вѣрно, но для обороняющагося эти явленія еще тяжелѣе отзывались при отходѣ назадъ.

Своевременно начатый и образцово исполненный отходъ съ Лыкскихъ позицій III-мъ Сиб. корпусомъ совершался въ тѣсной связи съ постепенно отходившимъ къ Августову XXVI-мъ корпусомъ. Это совмѣстное отступленіе къ Августову обоихъ корпусовъ группы генерала Радкевича совершалось быстро, въ полномъ порядкѣ и вполнѣ планомѣрно, такъ что, когда къ вечеру 15-го февраля головы германскихъ колоннъ какъ съ Лыка и Райгрода, такъ и съ сѣвера — подошли къ Августовской позиціи, онѣ снова наткнулись на стойкаго врага уже въ окопахъ на позиціи. Намѣченное противникомъ окруженіе группы Радкевича было превращено въ фронтальный ударъ.

Надо отдать должное генералу Радкевичу, который сумѣлъ отстоять свою правильную точку зрѣнія на обстановку и не поддался несоотвѣтствовавшему общему положенію приказанію Командующаго нашей 10-ой арміей о остановкѣ для боевого рѣшенія на линіи Райгродъ—Стогиненъ, а продолжалъ отходъ къ Августовской линіи, прикрытой съ юга болотами, а съ сѣвера XX-мъ корпусомъ.

Этимъ своимъ движеніемъ онъ превратилъ наступленіе противника не только съ тыла, но и съ сѣвера (двумя дивизіями) въ ударъ въ пустую. Наступившая 10-го февраля оттепель сдѣлала неисполнимымъ обходное движеніе всего XL корпуса черезъ Тайно. Появленіе лишь одной бригады 42-ой дивизіи противника черезъ Сейны у Августова, о чемъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ, большою помѣхою отходу къ переправамъ на Бобрѣ быть не могла.

Намѣченная германскимъ командованіемъ операція «Канны» подъ Августовымъ противъ группы генерала Радкевича не удалась ни въ какой своей части.

Въ связи съ дальнѣйшимъ изложеніемъ событій мы приведемъ обстоятельства, которыя проливаютъ болѣе яркій свѣтъ на совокупность причинъ этого неуспѣха противника.

ГЛАВА V.

Подходъ германской 10-ой арміи 13-го февраля къ линіи Сувалки—Сейны и захватъ Сейнъ. Обсужденіе обстановки въ Штабѣ XX-го корпуса 13-го февраля вечеромъ. Телеграмма генерала Булгакова въ Штабъ арміи. Приказъ XX-му корпусу оборонять Сувалки. Рекомендація генерала Сиверса о переходѣ въ наступленіе. Приказъ генерала Сиверса объ уходѣ изъ Сувалокъ ночью съ 14-го на 15-ое февраля. Занятіе позиціи Плюцечно — Поддубовекъ. Значеніе этой позиціи. Отходъ перваго арьергарда 15-го февраля. Бой лѣваго арьергарда. Бой 111-го Донского полка на шоссе около Махарцы. Продвиженіе бригады 42-ой германской пѣх. дивизіи на Августово. Рѣшеніе генерала Булгакова 16-го февраля захватить Махарцы. Бой у Серскаго Ляса. Дѣйствія бокового авангарда генерала Чижова 15-го февраля. Дѣйствія германской 10-ой арміи съ 12-го по 16-ое февраля около Сувалокъ и Сейнъ въ изложеніи германской исторіи «Міровая Война 1914 — 1918 гг.».

Схема 2.

Какъ мы видѣли въ главѣ III, 28-ая и 53-ья дивизіи 13-го февраля съ утра подходили къ Сувалкамъ, гдѣ онѣ должны были остановиться. Обозныя колонны почти всѣхъ частей корпуса и артиллерійскіе парки, для безопасности дальнѣйшаго движенія, были спущены съ сѣверныхъ тыловыхъ путей на дорогу Сувалки—Сейны. Но еще не всѣ обозы успѣли вытянуться изъ Сувалокъ для дальнѣйшаго слѣдованія на востокъ къ переправѣ у Друскеникъ на Нѣманѣ. Арьергарду отъ 28-ой дивизіи было приказано занять линію Осова—Пржебродъ. Подъ вечеръ 209-ый пѣх. полкъ былъ свернутъ съ обратнаго пути изъ Бакаларжева, получивъ приказъ изъ Штаба корпуса занять сторожевой участокъ отъ Чарнаковизны (на сѣв. берегу большого озера у Осовы) до Прудзишки.

Насколько автору извѣстно, въ Штабъ корпуса, бывшій въ Сувалкахъ еще до 6-ти часовъ вечера, не поступило тревожныхъ свѣдѣній о непосредственной угрозѣ противникомъ дальнѣйшему движенію корпуса на востокъ. Поэтому, всѣ ранѣе данныя распоряженія для движенія корпуса оставались въ силѣ. Корпусный штабъ въ 6 часовъ вечера долженъ былъ перейти въ Сейны.

Отъ 27-ой и 29-ой дивизій донесенія о событіяхъ 13-го февраля еще не поступило въ штабъ.

Расположеніе и передвиженіе войскъ германской 10-ой арміи были слѣдующія: заночевавъ съ 12-го на 13-ое февраля 75-ою рез. дивизіею въ Шиткеменѣ и 76-ою рез. див. въ Вижайнахъ, XXXVIII-ой корпусъ 13-го февраля продолжалъ свое движеніе на Сувалки, а 77-ая и 78-ая дивизіи XXXIX-го рез. корпуса, послѣ ночевки въ Любовѣ, на 13-ое февраля, были направлены на Тартакъ и Краснополь (у дороги Сувалки—Сейны). 42-ая див. XXI-го корпуса была направлена на Сейны, а 31-ая пѣхъ. дивизія того же корпуса форсированнымъ маршемъ 13-го февраля была двинута изъ Людвинова (полпути между Кальваріею и Маріамполемъ) на Лодзее и Штабинку (къ востоку отъ Сейнъ).

Такимъ образомъ, постепенно затягивалось кольцо намѣченнаго окруженія нашей 10-ой арміи.

По мѣрѣ очищенія корпусами 10-ой германской арміи Шталюпенена, Вержболова и Вильковишекъ, Кенигсбергская ландв. дивизія переходила съ праваго фланга германской 10-ой арміи на лѣвый, и къ 13-му февраля вечеромъ была расположена въ Вильковишкахъ и Маріамполѣ, заслономъ противъ Ковны.

При наличіи пяти желѣзнодорожныхъ линій, подходившихъ къ самой нашей границѣ изъ Восточной Пруссіи — у Дористаля, Ширвинта, Эйдкунена, Шиткемена и Цимочена, получилась возможность постепенно сокращать коммуникаціонную линію германской 10-ой арміи по мѣрѣ ея продвиженія на югъ. Чувствительность тыла такимъ образомъ уменьшалась.

5-ая гвардейская бригада двигалась вмѣстѣ съ 1-ою кав. дивизіею, въ роли подвижного прикрытія фланга арміи, до 16-го февраля, когда она окончательно была оставлена въ Симнѣ заслономъ противъ Олиты.

Для полученія картины соотношенія силъ сторонъ около Сувалокъ приводится составъ XX-го корпуса къ 1-му февраля вечеромъ при его группировкѣ у Сувалокъ. (См. приложеніе № 3).

Какъ изъ этой таблицы видно, послѣ разновременно выдѣленныхъ подкрѣпленій въ Вержболовскую группу и въ III Сиб. корпусъ въ XX-мъ корпусѣ осталось 3 дивизіонныхъ штаба, 42 бат., 20 легк., 4 морт. батр. и 5 сотенъ.

Изъ дневника автора. «Послѣ разброски полковъ 53-ей пѣх. дивизіи по тремъ направленіямъ я 13-го февраля, около 4 час. дня получилъ приказъ отправиться къ мѣсту, назначенному Комкоромъ для Штаба дивизіи — въ д. Тартакъ. Чтобы отдох-

нуть послѣ трехъ безсонныхъ ночей и утомительныхъ маршей, я слѣзъ съ лошади и сѣлъ въ свою пролетку.

Городскія улицы г. Сувалокъ были запружены обозами безъ системы и порядка. Еле-еле, мой экипажъ пробирался черезъ городъ и втянулся въ общую колонну обозовъ, слѣдовавшую на Сейны. Торопиться было некуда, и я завернулся въ бурку и задремалъ. Во время одной изъ остановокъ обоза насъ обогнали около 6-ти час. вечера экипажи командира корпуса и штабныхъ чиновъ. Во время моего сна произошла полная остановка въ движеніи обозовъ на востокъ. Должно быть, около 8 час. вечера меня разбудилъ мой ординарецъ, прапорщикъ Шороховъ, съ докладомъ, что Командиръ корпуса со Штабомъ только что проѣзжалъ обратно въ Сувалки, получивъ по пути въ Сейны свѣдѣніе о томъ, что Сейны заняты нѣмцами.

Имѣя въ виду, что Штабъ дивизіи уже размѣстился въ Тартакѣ, въ то время какъ всѣ части дивизіи находились около Сувалокъ, я рѣшилъ вернуться въ Сувалки для полученія въ Штабѣ корпуса тѣхъ новыхъ распоряженій, которыя, навѣрно, послѣдуютъ при новомъ фазисѣ обстановки.

Для выигрыша времени я предпочелъ проѣхать обратно верхомъ. Безпорядокъ въ обозной колоннѣ и на улицахъ города достигъ не поддающагося описанію размѣра, вслѣдствіе чего я только въ десятомъ часу вечера, наконецъ, отыскалъ Штабъ корпуса. Въ большомъ залѣ Губернаторскаго дома я засталъ цѣлую массу офицеровъ, которымъ, собственно говоря, было не мѣсто въ Штабѣ корпуса, гдѣ въ то время, къ моему удивленію, въ присутствіи Командира корпуса обсуждалось послѣднее событіе дня — наскокъ въ 3 часа дня германской кавалеріи съ пѣхотою и занятіе г. Сейны,*) результатомъ коего явился разрѣзъ пополамъ нашей обозной колонны. Отрѣзанными отъ корпуса оказались большая часть дивизіонныхъ обозовъ и нѣкоторые артиллерійскіе парки **). Силы нѣмецкой кавалеріи, видимо, были небольшія, ибо она ограничилась лишь занятіемъ самаго города безъ распространенія паники вглубь колонны, оставшейся по западную сторону Сейнъ. На мѣстѣ происшествія у насъ не оказалось войскъ. Наспѣхъ собранные казаки изъ прикрытія къ обозамъ пробовали выяснить положеніе, но были отброшены въ лѣсъ. Тутъ же я

---

* «Міровая Война 1914 — 1918 гг.» сообщаетъ, что г. Сейны былъ занятъ всего одною ротою и 1½ эскадронами. Вмѣстѣ съ ними прибылъ въ Сейны и самъ командиръ XXI-го корпуса генералъ Фрицъ фонъ Беловъ.

**) Которые затѣмъ, какъ позже стало извѣстно, безпрепятственно перешли Нѣманъ у Друскеникъ, и прошли въ Гродну.

узналъ о томъ, что Кальварія и Маріамполь заняты противникомъ, и что онъ продолжаетъ движеніе по шоссе изъ Кальваріи на югъ, въ то время какъ другая колонна, по слухамъ, двигается на юго-востокъ. Комкоръ тутъ же сообщилъ, что двѣ кав. дивизіи генерала Леонтовича ему подчинены со вчерашняго дня, но что ему пока не удалось установить связь съ генераломъ Леонтовичемъ.

Меня очень поражало, что Командиръ Корпуса обсуждалъ положеніе въ столь многолюдномъ собраніи. Въ то же время, Начальникъ Штаба молча съ угрюмымъ видомъ сидѣлъ въ углу, какъ будто все это его не касалось. Получалось впечатлѣніе, что его отношенія къ Комкору не нормальны. Командиръ же корпуса, видимо, изъ общаго разговора искалъ мысли и новыхъ свѣдѣній для принятія своего рѣшенія.

Обсуждали, между прочимъ, вопросъ, возможно ли продолжать уже начатое движеніе на Меречь. Кто-то сказалъ, что движеніе по дорогѣ на Сейны невозможно, вслѣдствіе скопленія по дорогѣ обозовъ. Я не собирался высказывать свое мнѣніе, а все слушалъ. Но видя, что разговоръ общій, я вставилъ замѣчаніе, что если нужно двинуть войска по дорогѣ, запруженной обозами, то послѣдніе должны уступить мѣсто, сойдя съ дороги по поселкамъ, или куда угодно. Другой вопросъ важнѣе, цѣлесообразно ли будетъ попытаться продолжать начатое движеніе на Меречь?

Видя, что я замолчалъ, Комкоръ меня спросилъ: «А что по вашему нужно сдѣлать?» Я на это отвѣтилъ: «Слабо преслѣдовавшія насъ отъ Даркеменской позиціи нѣмецкія войска, какъ будто, пріостановились около государственной границы, но зато появилось новое на корпусъ давленіе со стороны наступающаго съ сѣвера противника. 27-ая дивизія къ западу отъ Выштинскаго озера 12-го февраля столкнулась съ крупными силами, а 29-ая дивизія не далѣе какъ сегодня утромъ имѣла дѣло съ германскою дивизіею, слѣдовавшею на югъ по восточному берегу того же озера. Имѣются еще не провѣренныя свѣдѣнія отъ жителей о движеніи противника отъ Кальваріи и Маріамполя на югъ и юго-востокъ *). Сегодняшнее событіе у Сейнъ еще нагляднѣе указываетъ на серьезность положенія. Думаю, не ошибусь, если ска-

---

*) Если въ корпусномъ штабѣ были бы подробныя свѣдѣнія о дивизіяхъ противника и ихъ движеніяхъ за предыдущій періодъ времени, картина получилась бы болѣе убѣдительной, особенно въ послѣдовавшемъ періодѣ операцій,

жу, что за кавалерійскою частью на Сейны движется германская пѣхота, передъ которою дорога на Августовъ, т.-е. корпусу и арміи прямо въ тылъ, лежитъ открытою.

Войска корпуса отъ ранѣе намѣченныхъ путей отступленія всѣ прижаты къ Сувалкамъ и обозы вытянуты по одной дорогѣ на Сейны-Друскеники. Совершать фланговый маршъ всѣмъ корпусомъ вмѣстѣ со всѣми обозами по одной дорогѣ и притомъ подъ непосредственными ударами противника, наступающаго съ сѣвера на фронтѣ въ 40-50 верстъ, силами, которыя можно опредѣлить въ 4 дивизіи, есть предпріятіе угрожающее катастрофою.

Но главное, XX-ый корпусъ, послѣ выхода изъ игры Вержболовской группы, является правофланговымъ корпусомъ 10-ой арміи, а потому не можетъ окончательно оторваться отъ нея.

Германское наступленіе съ сѣвера угрожаетъ не только флангу, но и тылу арміи, а потому XX-ый корпусъ обязанъ принять на себя парированіе угрожающей опасности. Оставаясь у Сувалокъ, онъ прикрываетъ лишь пути на Августовъ, въ то время какъ пути въ Августовскій лѣсъ остаются противнику открытыми для вторженія въ тылъ арміи, которая имѣетъ свои тыловые пути провѣшенными черезъ этотъ лѣсъ. Поэтому, казалось бы, остается одно—спуститься всѣмъ корпусомъ на болѣе южную дорогу: Махарцы—Горчица—Микашевка—Сопоцкинъ, преграждая по мѣрѣ отступленія арміи и въ зависимости отъ обстоятельствъ пути проникновенія въ лѣсъ и стараясь затѣмъ черезъ Горчицу дойти до Сопоцкина. Первымъ этапомъ, въ случаѣ принятія такого рѣшенія, является переходъ корпуса завтра съ ранняго утра на Махарцы для прикрытія Августова и переправы у Горчицы. Другая часть корпуса тогда же отходитъ по шоссе Сувалки-Августовъ, прикрывая послѣдній пунктъ съ сѣвера и поддерживая связь съ XXVI-мъ корпусомъ, отходящимъ на Августовъ. Для прикрытія съ востока этого марша еще этою ночью слѣдуетъ отправить боковымъ авангардомъ ближайшую бригаду по юго- западному берегу р. Черноганжи для захвата переправы у Глембокій Бродъ, а равно и Махарцы, ведя развѣдку на важный узелъ дорогъ Гибы, который было бы важно захватить въ свои руки.

Съ исполненіемъ такого плана необходимо спѣшить и объ исполненіи донести какъ о совершившемся фактѣ въ Штабъ арміи. Для быстраго, безпрепятственнаго исполненія всѣхъ передвиженій войскъ, теперь же нужно отвести назадъ въ Сувалки всѣ обозы съ дороги Сувалки-Сейны и устроить ихъ вагенбургомъ

внѣ города, лучше всего на дворѣ и кругомъ стрѣлковыхъ казармъ къ югу отъ Сувалокъ для постепеннаго затѣмъ ихъ распредѣленія по колоннамъ и путямъ, когда всѣ детали марша будутъ разработаны». *)

Командиръ Корпуса сразу одобрилъ мой на лету изложенный планъ дѣйствій и сразу принялъ рѣшеніе, но, увы, не то, на которомъ я особенно настаивалъ, указывая на необходимость быстраго исполненія. Онъ приказалъ раньше всего составить телеграмму въ Штабъ арміи.

Будучи первымъ дѣломъ исполнительнымъ служакою, генералу Булгакову было трудно, когда нужно было, стать на путь самостоятельныхъ рѣшеній, вытекающихъ изъ обстоятельствъ. Ему было свойственно добиваться приказа свыше.

Проектъ телеграммы, составленный однимъ изъ чиновъ штаба, ему не понравился, и онъ приказалъ составить телеграмму, точно согласованную съ моимъ устнымъ изложеніемъ. Во что, въ концѣ концовъ, вылилась эта телеграмма, я точно не узналъ. Чинами штаба было выдвинуто мнѣніе о желательности отойти на Августовъ. Я противъ этого предложенія не возражалъ. Мнѣ казалось важнымъ во что бы то ни стало скорѣе покинуть Сувалки и отойти на югъ.

Появленіе противника у Сейнъ и полная неизвѣстность, какія у противника еще въ томъ же районѣ могутъ быть силы, побудили меня считать, что корпусъ слишкомъ оторванъ отъ III-го Сиб. и XXVI-го корпусовъ, отходившихъ на Августовъ, и что необходимо съ этими корпусами сблизиться, войдя въ тѣсную оперативную связь. Отходъ на Махарцы мнѣ представлялся наивыгоднѣйшимъ отходомъ. Но если отходимъ на Августовъ, то мы обезпечимъ не только владѣніе этимъ городомъ до подхода III-го Сиб. и XXVI-го корпусовъ, но и озерный районъ у Серски Лясъ, куда навѣрно будетъ отправленъ боковой авангардъ. А что дальше нужно дѣлать, будетъ видно.

Я былъ крайне огорченъ проволочкою въ исполненіи отхода. И безъ того мы потеряли много времени. Всѣ начали рас-

---

*) Когда нынѣ вся обстановка уже стала извѣстна, могу констатировать одну свою ошибку, а именно, фактически нельзя было начать переходъ всего корпуса къ Махарцы утромъ 14-го февраля, такъ какъ вечеромъ 13-го февраля 27-ая и 29-ая дивизіи еще находились у дд. Сидоры—Сидоровка—Еленево, т.-е. въ 15—20 килом. къ сѣверу отъ Сувалокъ. Однако, если подготовка этого марша была бы предпринята уже 13-го февраля, то можно было бы сорганизовать дѣло такъ, чтобы къ утру 14-го уже быть въ Махарцахъ частью силъ корпуса. Бригада 53-ей див. уже вечеромъ 13-го числа могла быть направлена въ Глембокій Бродъ.

ходиться. Давъ мой адресъ, я ушелъ въ гостиницу, гдѣ мнѣ была отведена комната.

Послѣ трехъ безсонныхъ ночей я крѣпко заснулъ уже послѣ полуночи. Рано утромъ я поспѣшилъ первымъ дѣломъ въ Штабъ корпуса, чтобы узнать о результатѣ обмѣна телеграммъ. Я засталъ Комкора, уже вставшимъ, на улицѣ передъ Штабомъ. На мой вопросъ, каково отношеніе Штаба арміи къ его предположеніямъ, онъ сообщилъ, что сперва Штабъ благословилъ его на это дѣло, но вскорѣ послѣ этого была получена вторая телеграмма, что движеніе корпуса по дорогѣ Горчица—Сопоцкинъ исключено, такъ какъ этотъ путь является тыловымъ путемъ XXVI-го корпуса, и что XX-му корпусу на 14-ое февраля приказано оставаться у Сувалокъ для удержанія этого узла дорогъ. На мой вопросъ, не считаетъ ли онъ тѣмъ не менѣе необходимымъ уже сегодня прочно утвердиться на шоссе Сейны-Августово у переправы черезъ Черноганжи или около д. Серскій Лясъ, онъ рѣзко отвѣтилъ: «Корпусу приказано сегодня оборонять Сувалки». *)

---

*) Много позже я узналъ, что генералъ Сиверсъ 14-го февраля былъ настолько далекъ отъ правильнаго пониманія обстановки, что даже далъ указаніе генералу Булгакову о переходѣ въ наступленіе въ этотъ день противъ наступавшаго съ сѣвера противника, котораго онъ на ближайшіе 2 дня считалъ численно слабѣе корпуса генерала Булгакова. Нынѣ же у меня передъ глазами копіи двухъ телеграммъ генерала Сиверса генералу Булгакову: 14 февраля, въ 10 ч. 45 м. утра Командующій арміею телеграфировалъ Командиру корпуса:

«Надо выяснить, какъ велики силы противника, наступающаго на Сувалки отъ Вижайны и Кальваріи, и при малѣйшей къ тому возможности разбить противника по частямъ, пользуясь Вашимъ центральнымъ положеніемъ и превосходствомъ силъ.»

Позднѣйшая телеграмма отъ 1 ч. 30 мин. дня гласила: «Указанная мною Вамъ задача разбить противника по частямъ, если обстановка будетъ благопріятна, выполнима лишь при условіи самаго быстраго и энергичнаго дѣйствія, такъ какъ уже черезъ 2 дня численное превосходство можетъ быть не на Вашей сторонѣ, а у противника. Примите всевозможныя мѣры къ тому, чтобы не потерять обозы и особенно парки.»

Другими словами, въ то время, когда по совокупности всей обстановки нужно было торопить XX корпусъ съ уходомъ на югъ, какъ было указано Штабомъ фронта, Командиръ дѣлалъ какъ разъ обратное, удерживая его несбыточными планами не только 14 февраля, но, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, и 15-го.

Несомнѣнно, что таковыя распоряженія генерала Сиверса сильно повліяли на психику генерала Булгакова и во многомъ объясняютъ медлительность дѣйствій послѣдняго въ послѣдующіе дни. Подобныя же попытки генерала Сиверса побудить ген. Радкевича къ переходу въ наступленіе не встрѣтили сочувствія послѣдняго. На наше счастье, генералъ Булгаковъ также не послѣдовалъ указанію генерала Сиверса.

Я понялъ, что дальнѣйшій разговоръ излишенъ, и раскланялся. Генералъ Булгаковъ получилъ свой «приказъ».

По возвращеніи въ гостиницу меня утромъ посѣтилъ мой товарищъ по Академіи Генеральнаго Штаба, генералъ Рѣзвый (прежняя его фамилія Рейнботъ), который въ это время былъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ въ Гроднѣ. Онъ спеціально пріѣхалъ въ Сувалки, чтобы въ Штабѣ Корпуса узнать, куда ему направить продовольствіе для корпуса. Онъ съ досадою мнѣ сказалъ, что въ Штабѣ корпуса не могъ добиться толка, и что поэтому пришелъ ко мнѣ за товарищескимъ совѣтомъ. Я ему отвѣтилъ, что я вчера вечеромъ лишь случайно очутился въ Штабѣ; что больше того, что я вчера сказалъ, ничего не знаю; что я, вѣроятно, опять сегодня буду командовать какимъ-нибудь арьергардомъ безъ возможности быть точно и скоро оріентированнымъ въ быстро мѣняющихся въ эти тревожные дни событіяхъ, но что я опасаюсь, какъ бы проволочка съ отходомъ отъ Сувалокъ не послужила причиною, что мы и въ Сопоцкинъ не попадемъ, а гораздо южнѣе, можетъ быть, на одну изъ переправъ черезъ Бобръ.

Въ три часа дня я получилъ приказаніе изъ Штаба Корпуса принять командованіе войсками (110, 112 и 212 полками), оборонявшими Сувалки отъ наступавшаго отъ Филиппова и Бакаларжева противника *). Для вступленія въ командованіе я поспѣшилъ къ Начальнику 28-ой дивизіи для принятія отъ него этой роли. Такъ какъ два полка его дивизіи спѣшно направлялись въ Августовъ, то онъ и самъ собрался туда уѣхать со штабомъ.

Толку я не добился. Всѣ были въ нервномъ настроеніи и торопились уѣхать, вслѣдствіе чего сдача была крайне скомкана и вызывала немало путаницы въ организаціи связи и большую потерю времени. Тѣмъ временемъ противникъ сталъ сильнѣе нажимать со стороны Осовы. Это были войска 75-ой рез. дивизіи. Наши линіи, застигнутыя атакой во время смѣны, отступили до 4-ой версты отъ Сувалокъ. Пришлось подтянуть резервъ и усилить нашу артиллерію изъ 53-ей арт. бригады. Сильная канонада продолжалась до поздняго вечера. Затѣмъ, подъ покровомъ темноты нѣмцы, видимо, отошли назадъ отъ Осовы для ночлега.

Тогда же поздно вечеромъ ко мнѣ на командный пунктъ при-

---

*) Уже къ утру прибывшей въ Сувалки 27-ой дивизіи было приказано занять фронтъ Прудзишки—Бялороги—Полюле.

29-ая дивизія прибывала въ Сувалки въ теченіе дня и подъ вечеръ. Войска 29-ой дивизіи и остальныя части 53-ей съ 5 пол. и 2 гаубичн. бтр. 53-ей артил. бригады образовали общій резервъ корпуса.

шелъ штабъ-офицеръ для порученій Штаба Корпуса, Генеральнаго Штаба полковникъ Лиліе съ приказаніемъ Командира Корпуса мнѣ принять на себя командованіе арьергардомъ (211 и 212 пп. съ 53-ей арт. бригадой) корпуса, выступавшаго ночью изъ Сувалокъ на юго-востокъ по дорогѣ въ Махарцы. Начальникомъ лѣваго, отходившаго на Августовъ, арьергарда (110 и 112 пп. съ 2-мя бтр.) былъ назначенъ полковникъ Рябенко, временно командовавшій этою бригадою. Ему же былъ подчиненъ и 115-ый пѣх. Вяземскій полкъ съ дивизіономъ артиллеріи, уже наканунѣ направленный въ Поддубовекъ для связи черезъ Юзефово съ отходившею на Августовъ 84-ою пѣх. дивизіею съ цѣлью прикрытія ея отъ возможнаго обхода съ сѣвера. Оба аррьергарда должны были верстахъ въ 6-ти къ югу отъ Сувалокъ остановиться и занять позицію на линіи дд. Плюцечно—Дубово—Поддубовекъ. Я спросилъ полковника Лилье для чего, именно, требуется такая остановка обоихъ арьергардовъ и на какой срокъ? Полковникъ Лилье отвѣтилъ, что на сдѣланный у командира XXVI-го корпуса запросъ, тотъ отвѣтилъ, что къ 2 час. дня 15-го февраля кризисъ для 84-ой пѣх. дивизіи можетъ считаться оконченнымъ, и что остановка XX-го корпуса къ югу отъ Сувалокъ дѣлается по приказанію Командующаго арміи.

Еще позднѣе, вечеромъ, я получилъ диспозицію по корпусу на 15-ое февраля, изъ которой я узналъ, что почти весь корпусъ долженъ былъ занимать «позицію» на линіи Плюцечно—Дубово—Поддубовекъ и что въ боевой части начальниками «участковъ» назначаются я и полковникъ Рябенко. Генералъ Джонсонъ съ 27-ой див. (10 бат.) и 209-мъ полкомъ былъ назначенъ начальникомъ «общаго резерва» у д. Юрисдика, т.-е. за лѣвымъ флангомъ. Боковой авангардъ генерала Чижова (113-ый и 114-ый полки съ 1 бтр.) долженъ былъ послѣ полуночи выступить на Тартакъ и затѣмъ свернуть по долинѣ р. Черноганжи до шоссе «Сейны—Августово и затѣмъ двинуться на Гибы для занятія этого пункта».

* *

Въ 9 ч. 10 м. вечера Командиръ XX-го корпуса телеграфировалъ генералу Радкевичу объ отправкѣ полка съ дивизіономъ артиллеріи 29-ой дивизіи въ Поддубовекъ для парированія обхода противника съ сѣвера д. Юзефово. Въ этой же телеграммѣ онъ сообщаетъ о началѣ своего отхода ночью на 15-ое февраля изъ Сувалокъ на Махарцы—Гибы—Сопоцкинъ. Ранѣе же онъ просилъ генерала Радкевича о направленіи изъ Августова въ Гибы двухъ батальоновъ съ батареей съ утра 15-го февраля.

Свою телеграмму Командиръ XX-го корпуса послалъ въ копіи Командующему арміи въ Гродну.

Какъ я много позже узналъ, по полученіи этой копіи, генералъ Сиверсъ послалъ детальныя распоряженія по телеграфу генералу Булгакову. Онѣ гласили: «Ваша задача обезпечить отходъ XXVI-го корпуса за шоссе Сувалки-Августовъ къ востоку. Для этой цѣли займите частью силъ позицію, примѣрно, на фронтѣ Плюцечно—Юзефово, прикрывающую шоссе, а также и дорогу на Махарцы. Этотъ же арьергардъ, силу котораго полагалъ бы соотвѣтственной въ одну дивизію, обезпечитъ и Вамъ вытягиваніе прочихъ частей на дорогу на Махарцы. Когда XXVI-ой корпусъ стянется и, неугрожаемый со стороны противника, отойдетъ за шоссе Августовъ-Сувалки къ востоку, а части Вашего корпуса вытянутся на дорогу къ Махарцы, арьергардъ можетъ отходить, примѣрно, на позицію по линіи Плюцечно—Юзефово, имѣя за лѣвымъ флангомъ резервъ не менѣе одной дивизіи. Въ виду малой устойчивости 84-ой дивизіи, послѣ отхода XXVI-го корпуса Вашъ лѣвый флангъ составитъ правый арьергардъ группы генерала Радкевича и отступитъ по пути XXVI-го корпуса.

Что касается праваго фланга, то онъ можетъ отходить на Махарцы и далѣе. Въ крайнемъ случаѣ, если противникъ помѣшалъ бы отходу на Махарцы, то и правый флангъ долженъ отходить за XXVI-мъ корпусомъ».

Эта телеграмма была составлена весьма неудачно съ неумѣстными, въ приказѣ по арміи, деталями исполненія, которыя лишь затуманили весь ея смыслъ.

Анализируя содержаніе, все же можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) что Штабъ арміи считалъ необходимымъ прикрывать отходъ за шоссе Сувалки — Августовъ XXVI-го корпуса;

2) что факты давленія противника на Сувалки и захватъ Сейнъ 13-го февраля недостаточно учитывались въ Штабѣ арміи и еще не открыли ему глаза на угрожавшую тылу арміи опасность и что XX-му корпусу, фланговому, слѣдовало поэтому равняться по отходу группы Радкевича, и

3) что Командующій арміи больше не настаивалъ на ранѣе данномъ направленіи отхода XX-го корпуса на Махарцы—Гибы—Сопоцкинъ, а допускалъ совмѣстный съ XXVI-мъ корпусомъ отходъ въ зависимости отъ обстановки.

Введя поправкой къ этой телеграммѣ тотъ фактъ, что со стороны Сейнъ угрожаетъ опасность и что отходъ черезъ Гибы,

поэтому, былъ очень рискованъ, Командиръ XX-го корпуса долженъ былъ, первымъ дѣломъ, откинуть всѣ детальныя указанія Командующаго арміей, считаясь исключительно съ требованіемъ положенія дѣлъ.

На 15-ое февраля, казалось бы, нужно было поставить себѣ цѣлью — прочно утвердиться 1) на шоссе Сувалки—Августовъ, 2) на шоссе Сейны — Августовъ и 3) обезпечить и устроить себѣ переправы на Августовскомъ каналѣ между Горчицею и Августовымъ и возможно скорѣе установить тѣсную оперативную связь съ остальными корпусами арміи, что еще ночью съ 14-го на 15-ое февраля было возможно по желѣзнодорожному телеграфу или по радіо.

Занятіемъ проходовъ между озерами Сервы—Тоболово и Близно на сѣв. востокъ отъ Августова, а равно и переправъ черезъ р. Близно на шоссе и на желѣзной дорогѣ отъ Сувалокъ на Августовъ, эти цѣли полностью достигались бы.

Генералъ Булгаковъ, къ сожалѣнію, не разобрался ни въ обстановкѣ, ни въ телеграммѣ Штаба арміи, и исполнилъ по телеграммѣ только то, на что какъ разъ не слѣдовало бы обращать вниманіе: онъ, видимо, считалъ детальныя указанія прямымъ приказаніемъ Командарма.

Дальнѣйшія событія показали, что въ случаѣ рѣшенія по духу, а не по буквѣ этой телеграммы, всѣ шансы были бы налицо для благополучнаго отхода XX-го корпуса совмѣстно съ XXVI-мъ и III-мъ Сиб. корпусами. Все дѣло свелось бы къ отходу 15-го февраля на какія-нибудь 10-15 верстъ южнѣе рекомендуемаго Командующимъ арміею положенія на тотъ же день. Своимъ рѣшеніемъ 14-го февраля генералъ Булгаковъ обрекъ корпусъ на напрасную потерю времени въ теченіе всего 15-го февраля, уже не говоря объ упущенныхъ операціонно важныхъ возможностяхъ.

Изъ дневника автора. «Войска 27-ой и 29-ой дивизій и снятые съ сѣвера арьергарды стекались къ Сувалкамъ 14-го февраля до самаго вечера. Вся ночь на 15-ое февраля была потрачена на вытягиваніе корпуса съ обозами изъ города *), въ которомъ царилъ невообразимый хаосъ, вслѣдствіе упущенія во-время навести порядокъ въ обозахъ. Одинъ изъ моихъ офицеровъ по этому поводу вѣрно замѣтилъ: «А что было бы, если бы противникъ теперь произвелъ ночное нападеніе. . .» Войска все же бы-

*) 27-ая див. отходила по Августовскому шоссе до Юрисдика, откуда она затѣмъ была привлечена въ Вально.

ли въ рукахъ своихъ начальниковъ, которые понимали положеніе. Но обозы были нашимъ большимъ горемъ.

Городъ былъ очищенъ лишь послѣ разсвѣта, и только къ 8 часамъ утра я имѣлъ возможность начать вытягиваніе моего арьергарда по дорогѣ въ Махарцы. Населеніе города безъ различія національностей трогательно провожало насъ, раздавая солдатамъ хлѣбъ и провизію на дорогу. Противникъ насъ не тревожилъ ни днемъ, ни ночью; его какъ будто не стало.

Передъ уходомъ изъ города я предъявилъ командиру сотни, оставленной Штабомъ Корпуса въ Сувалкахъ, требованіе доставить мнѣ къ 11-ти час. утра донесеніе, наступаетъ ли противникъ изъ Осовы, или съ сѣвера на Сувалки, или остается на мѣстѣ. Дорога на Махарцы, послѣ прохожденія всего корпуса съ обозами, была въ отвратительномъ состояніи при продолжавшейся оттепели.

Я занялъ лѣсъ, что къ югу отъ стрѣлковыхъ казармъ, 212-мъ полкомъ съ батареею, и расположилъ остальную артиллерію (5 полевыхъ и 2 мортирныя батареи) и 211-ый полкъ въ выжидательномъ положеніи у д. Плюцечно.

Къ 11-ти часамъ утра ко мнѣ явился командиръ Уральскаго пѣхотнаго полка (три батальона) въ участковый резервъ. Въ 12-мъ часу я получилъ донесеніе отъ сотни въ Сувалкахъ, что противникъ къ 11-ти часамъ еще остается на мѣстѣ безъ движенія вслѣдъ на Сувалки.

Взглядъ на карту убѣдилъ меня въ томъ, что если бы группы противника съ сѣвера и съ сѣверо-запада начали наступленіе въ 11 часовъ утра, то они лишь къ [illegible] часамъ могли бы подойти къ нашей позиціи, т.-е. къ тому времени, когда принятіе боя больше для насъ не имѣло цѣли, а мы свои обязанности сосѣдской помощи XXVI-му корпусу на этотъ день исполнили. Съ другой стороны, меня все время тревожила мысль о непроизводительной остановкѣ всего корпуса «на позиціи» для прикрытія сосѣдней отходившей дивизіи, въ то время какъ на важное шоссе Сейны — Махарцы обращали мало вниманія. Отступленіе сосѣдней 84-ой дивизіи къ Августову вполнѣ обезпечивалось бригадою Рябенко при удержаніи ею шоссе Сувалки — Августово *).

*) Какъ я впослѣдствіи узналъ отъ бывшаго Начальника 84-ой дивизіи, около 4-5 час. дня 15-го февраля дивизія дошла до д. Щебры на шоссе Сувалки-Августово т. е. вступила въ безопасную зону. При установленіи полковникомъ Рябенко должной связи съ 84-ой див., онъ гораздо ранѣе могъ удостовѣриться въ возможности подхода 84-ой див. къ этому времени въ Щебры и не имѣлъ никакой надобности принять серьезный бой, а могъ ограни-

Подсчетъ силъ показалъ мнѣ, что у командира XX-го корпуса оставались свободными лишь 116-ый и 2 бат. 210-го полка, т.е. всего 6 батальоновъ, помимо бригады Чижова, у котораго было очень мало артиллеріи.

Я поэтому рѣшилъ, что задача моя окончена на «позиціи», и что я обязанъ считаться съ общимъ положеніемъ дѣлъ для дальнѣйшихъ дѣйствій моего арьергарда. Безъ приказанія свыше я снялся съ позиціи, давъ приказъ сперва артиллеріи и 211-му полку двинуться на Брызгель, а затѣмъ и 212-му полку съ батареею. У дер. Соболево я оставилъ роту для наблюденія за флангомъ полковника Рябенко. 112-му полку я приказалъ поступить въ распоряженіе своего бригаднаго командира полковника Рябенко, которому я сообщилъ причины ухода моего арьергарда. Одновременно я послалъ донесеніе въ Штабъ Корпуса, мотивируя свое рѣшеніе. Я нѣсколько задерживалъ отходъ 212-го полка, при которомъ я самъ слѣдовалъ.

Движеніе по дорогѣ лѣсомъ было очень тяжело. Она превратилась въ сплошной потокъ грязи со скрытыми подъ водою глубокими ухабами, вслѣдствіе чего движеніе колонны шло очень медленно при уныломъ настроеніи. Но вдругъ всѣ встрепенулись. Во второмъ часу дня мы услышали сильную канонаду съ юго-востока. Дулъ южный вѣтеръ. Люди прибавили шагъ, что меня очень порадовало. Взглядъ на карту и отдаленность гула вселили въ меня увѣренность, что какія-то событія разыгрываются на Махарцевскомъ шоссе. Въ третьемъ часу дня вернулся изъ Штаба Корпуса посланный мною съ докладомъ штабсъ-капитанъ Черневецкій съ извѣстіемъ, что мои дѣйствія одобряются. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я узналъ, что въ Штабѣ Корпуса въ д. Вально никто еще не зналъ о причинѣ канонады.

Лишь въ 5-мъ часу я прибылъ съ 212-мъ полкомъ въ д. Брызгель, гдѣ я засталъ два батальона 210-го полка, но слѣдъ какъ 53-ей арт. бригады, такъ и 211-го полка пропалъ. Черезъ полчаса меня, наконецъ, отыскалъ ординарецъ командира 211-го полка съ донесеніемъ о томъ, что какъ полкъ, такъ и артиллерія при выходѣ изъ лѣса сейчасъ же были свернуты командиромъ корпуса въ Вально въ резервъ. Канонады по выходѣ изъ лѣса больше не слышалось. Она въ общемъ продолжалась не долго.

Въ Брызгелѣ я узналъ, что лѣсъ между Брызгелемъ и д. То-

читься арьергардными боями, постепенно отходя на югъ къ Щебрѣ, гдѣ переправы черезъ р. Близно нужно было серьезно охранять до выхода 84-ой дивизіи изъ Августова на востокъ.

болово «кишитъ нѣмцами», которые ночью и утромъ нападали на наши обозы, при чемъ корпусная станція безпроволочнаго телеграфа пропала. Движеніе по дорогѣ въ Тоболово и теперь считалось небезопаснымъ.

Считая наступленіе съ сѣвера противника возможнымъ по восточному берегу оз. Выгры, я, какъ начальникъ арьергарда, рѣшилъ еще до ночи очистить этотъ лѣсъ отъ противника. Я двинулся съ 212-мъ полкомъ на Тоболово, условившись, что два бат. 210 полка въ Брызгелѣ будутъ слѣдить за дорогою со стороны Сувалокъ, откуда тревожныхъ свѣдѣній не поступило. Канонады также было не слыхать, вѣроятно, вслѣдствіе южнаго вѣтра. Пославъ донесеніе въ Штабъ Корпуса и двинувъ одинъ батальонъ на Червонный Кржыжъ, я съ 2 батальонами около 7-ми часовъ вечера занялъ Тоболово, прогнавъ изъ лѣса тѣ партіи противника, которыя тамъ занимались, очевидно, развѣдывательными задачами и попутно нападали на наши обозы. Развѣдку мною было приказано вести на Погоржельце и на Сернетку. Судя по донесеніямъ, мои опасенія оказались напрасными. Были замѣчены лишь развѣдывательныя партіи.

Нѣсколько позже вечеромъ прибылъ въ Тоболово и 116-ый Малоярославскій полкъ; командиръ, полковникъ Вицнуда, долженъ былъ съ полкомъ переночевать въ Тоболовѣ, чтобы затѣмъ отъ этого исходнаго пункта на слѣдующее утро наступать на д. Махарцы, занятую нѣмцами. Отъ полковника Вицнуда я узналъ, что канонада днемъ происходила между германцами и 2-мя батальонами 111-го Донского полка, высланными изъ Августова для занятія Гибы. Бой былъ для насъ неудаченъ. Командиръ полка, полковникъ Сѣкирскій былъ смертельно раненъ, и его батальоны, сильно пострадавшіе, отошли съ потерею 2-хъ орудій, преслѣдуемые противникомъ, къ Августову*). Отъ XX-го корпуса ни одна часть не была двинута на выстрѣлы на поддержку полковника Сѣкирскаго. Развѣдка Штаба XX-го корпуса, видимо, сильно хромала. Произведенная затѣмъ штабомъ 27-ой пѣх. дивизіи развѣдка выяснила, что большая часть нѣмцевъ еще занимаетъ Махарцы и Серскій Лясъ. Цѣль операціи на 16-ое февраля заключалась въ уничтоженіи этихъ войскъ наступленіемъ 27-ой дивизіи съ приданными 116-мъ и 209-мъ полками, равно какъ оторвавшимся отъ 84-ой дивизіи батальономъ

---

* По нѣмецкимъ источникамъ, вслѣдъ за Донскимъ полкомъ прошла до Августова 65-ая пѣх. бригада, которая, однако, была задержана на переправѣ у Студенична вплоть до утра 17-го февраля.

Ирбитскаго полка. Въ случаѣ удачнаго исхода боя, 116-ый полкъ долженъ былъ дальше двинуться на Глембокій Бродъ и Гибы.

Ночь, противъ ожиданія, прошла спокойно. Съ ранняго утра я отправился въ Вально въ Штабъ корпуса. Я былъ крайне удивленъ, когда узналъ, что въ Вально прибываетъ бригада Рябенко, и что Августовское шоссе, такимъ образомъ, съ полуночи было оставлено открытымъ для проникновенія нѣмцевъ въ глубь расположенія арміи *). Съ предоставленіемъ шоссе и полотна желѣзной дороги Сувалки — Августово противнику, мы, очевидно, лишились также и возможности пользоваться телеграфнымъ сообщеніемъ по этимъ путямъ съ Августовымъ и Гродной.

Вскорѣ прибылъ въ Вально и самъ полковникъ Рябенко для доклада о своихъ дѣйствіяхъ. По его изложенію можно было думать, что онъ имѣлъ дѣло со значительными силами противника, причемъ онъ не жалѣлъ красокъ при описаніи тяжести положенія, изъ котораго онъ вышелъ Особенно онъ жаловался на фактъ моего ухода съ позиціи и на тяжелое положеніе праваго фланга, вызванное этимъ обстоятельствомъ **).

Тутъ же поступило донесеніе объ успѣшномъ утреннемъ нападеніи на 42-ую германскую дивизію у Серскаго Ляса, о захватѣ болѣе 1.000 плѣнныхъ и 12 германскихъ орудій и о возвращеніи взятыхъ въ бою противъ Донского полка 2-хъ орудій. Это извѣстіе сильно подняло настроеніе. Бой, однако, не былъ оконченъ, а все еще продолжался».

Бой начался около 8-ми часовъ утра 108-мъ Саратовскимъ полкомъ, остаткомъ Уфимскаго полка и 2-хъ батальоновъ Оренбургскаго полка 27-ой дивизіи подъ командою энергичнаго полковника Бѣлолипецкаго. Эти части весьма скоро овладѣли Серскимъ Лясомъ. Дальнѣйшее наступленіе на Махарцы встрѣтило

---

*) Автору до сихъ поръ не извѣстно, по какимъ причинамъ полковникъ Рябенко въ началѣ 3-го часа 15-го февраля принялъ и велъ упорный бой до поздняго вечера, вмѣсто того, чтобы вести арьергардный бой съ одновременнымъ отходомъ на Августово, какъ ранѣе было приказано.

**) Какъ теперь точно установлено, противъ 8-ми бат. и 5 бтр. полковника Рябенко наступала всего лишь половина 10-ой ландв. дивизіи. По отзыву командира Вяземскаго полка, угроза правому флангу была настолько не серьезна, что она была ликвидирована командою развѣдчиковъ Вяземскаго полка, а затѣмъ Уральскимъ полкомъ. Главный же ударъ былъ направленъ противникомъ безъ успѣха противъ нашего лѣваго фланга, гдѣ Вяземцы выдержали всю тяжесть боя.

Въ лѣсъ къ югу отъ стрѣлковыхъ казармъ, на правомъ флангѣ полк Рябенко вошли лишь высланныя для охраны расположенія въ Сувалкахъ части 76-ой рез. дивизіи, вступившей въ городъ въ этотъ день.

сильное сопротивленіе. Эта деревня была взята лишь въ три часа дня. Трофеи боя составляли 3 германскихъ батареи (по 4 орудія), нѣсколько пулеметовъ и около 1.000 плѣнныхъ. Два нашихъ орудія, подбитыхъ въ бою наканунѣ противъ III-аго Донского полка, были возвращены.

Вопросъ о числѣ германскихъ батальоновъ, участвовавшихъ въ этомъ бою, видимо, весьма темный. Наша реляція утверждаетъ, что вся 42-ая дивизія безъ одного полка, двинутаго къ Августову, была налицо и что число захваченныхъ орудій 12. «Hindenburgs Winterschlacht in Mazuren» опредѣляетъ силу германскихъ войскъ въ этомъ бою въ нѣсколько сотъ раненыхъ съ боя наканунѣ. Брошюра Redern «Die Winterschlacht in Mazuren», нѣсколько щедрѣе, прибавляя одну піонерную роту. Офиціальная исторія опредѣляетъ силу германскихъ войскъ подъ начальствомъ майора Брейдинга въ 3 батальона и 3 батареи (12 орудій) и піонерная рота *).

Принимая во вниманіе слабость состава Оренбургскихъ двухъ батальоновъ и Уфимскаго полка, сильно пострадавшихъ 12-го февраля, можно считать, что у насъ было двойное превосходство въ силахъ при 3-хъ батареяхъ.

Къ вечеру произошла смѣна нашихъ войскъ 116-мъ Малоярославскимъ и 209-мъ Богородскимъ полками. Автору до сихъ поръ не удалось выяснить, отчего эти полки, ночевавшіе въ Тоболовѣ и Вально, не были пущены въ дѣло съ утра **). Успѣхъ, несомнѣнно, могъ бы быть достигнутъ скорѣе и полнѣе, давая корпусу возможность уже днемъ 16-го февраля продолжать движеніе на Горчицу за каналъ.

Изъ дневника автора. «Командиръ корпуса назначилъ меня начальникомъ арьергарда корпуса въ составѣ 211-го и 212-го полковъ и 53-ей артиллерійской бригады.

Принимая это назначеніе, я сказалъ, что огорченъ необходимостью просить перевести Штабъ Корпуса изъ Вально, такъ какъ мнѣ придется отстаивать не д. Вально, а восточную опушку поляны, ибо противникъ навѣрно уже двигается въ близкомъ разстояніи по открытому для него шоссе изъ Сувалокъ на Августовъ. Точно также нужно считаться съ возможнымъ появле-

---

*) По офиціальной германской исторіи 5 батальоновъ находились у Студенична, а 4 оставались въ Сейнахъ.

**) По другому же показанію 116-ый полкъ участвовалъ въ бою съ утра. Во всякомъ случаѣ, точно установлено, что приданная полку 4-ая батар. 29-ой арт. бригады принимала весьма дѣятельное участіе въ приведеніи въ негодность къ дѣйствію артиллеріи противника.

ніемъ противника изъ Сувалокъ противъ Брызгеля. Смѣясь, генералъ Булгаковъ сказалъ, что «Начальникъ арьергарда насъ выгоняетъ», и далъ распоряженіе о переводѣ Штаба Корпуса въ Копанайцы. Покидая Вально, онъ мнѣ сказалъ, что рѣшилъ на сегодня дать отдыхъ сильно уставшимъ полкамъ полковника Рябенко, и лишь въ полночь продолжать отходъ.

Сорганизовавъ оборону лѣса, я затѣмъ переѣхалъ въ д. Дановске. Въ Тоболовѣ распоряженіемъ штаба корпуса были оставлены 6 ротъ Вяземскаго полка для держанія въ почтительномъ удаленіи партій противника, которыя пытались нападать на наши обозы и парки. Еще утромъ, послѣ моего отъѣзда въ Штабъ Корпуса, доходило до артиллерійскаго обстрѣла Тоболова. Поздно днемъ поступило донесеніе о подходѣ противника со стороны Сувалокъ, а передъ сумерками послѣдовало его обычное агтиллерійское огневое нападеніе на наше распоряженіе — 212 полка около д. Монкинъ. До серьезнаго пѣхотнаго боя дѣло не дошло. Удалось точно установить, что противъ насъ вышла на Брызгель часть германской 76-ой резервной дивизіи.

Подъ вечеръ я проѣхалъ въ Штабъ Корпуса для доклада и полученія новыхъ распоряженій. Тамъ я, между прочимъ, узналъ, что д. Махарцы окончательно еще не была взята къ 6 час. вечера, и что Глембокій Бродъ также еще въ рукахъ противника. 116-му пѣх. Малоярославскому полку, однако, было приказано овладѣть этими пунктами еще вечеромъ того же дня. Это свѣдѣніе подтвердилось и тѣмъ фактомъ, что Штабъ 27-ой дивизіи считалъ движеніе по восточному берегу оз. Сервы небезопаснымъ для походныхъ колоннъ корпуса: «противникъ», по докладу Начальника Штаба дивизіи, «еще не окончательно выбитъ изъ ближайшаго къ востоку лѣса». 209-ый полкъ въ этотъ день не былъ пущенъ въ дѣло, а оставался въ резервѣ».

* * *

Направленная утромъ 15-го февраля боковымъ авангардомъ изъ Сувалокъ вдоль рѣчки Черноганжи на Глембокій Бродъ-Гибы 2-ая бригада 29-ой дивизіи съ батареею и ½ сотнею подъ начальствомъ генерала Чижова, согласно приказа по корпусу, должна была выступить изъ Сувалокъ уже въ 4 часа утра, 15-го февраля, но вслѣдствіе все продолжавшагося хаоса въ обозахъ, запружавшихъ г. Сувалки и дорогу изъ Краснополя, она только въ 7 час. утра смогла начать свое движеніе. Генералу Чижову была дана инструкція, что его задача заключается въ

удержаніи шоссе Сейны - Махарцы у Гибы, гдѣ, укрѣпившись, удерживаться до тѣхъ поръ, пока главныя силы и арьергардъ не пройдутъ. Бригада вмѣсто того чтобы спѣшить съ выходомъ на шоссе, чего скорѣе и обезпеченнѣе всего можно было достигнуть движеніемъ по югу-западному берегу, двинулась по противоположному берегу, увлекаясь перестрѣлками съ развѣдывательными партіями противника. Лишь поздно вечеромъ 15-го числа бригада подошла къ шоссе, гдѣ она застала противника, занимавшаго Глембокій Бродъ, также какъ и д. Францки.

Вмѣсто того чтобы оставаться на ночь въ близости къ шоссе съ установленіемъ связи съ корпусомъ, генералъ Чижовъ ничего лучшаго не нашелъ, какъ ночною атакою «пробиться» черезъ расположенія спавшихъ нѣмцевъ, послѣ чего онъ прослѣдовалъ дальше по дорогѣ на Микашевку съ явнымъ намѣреніемъ слѣдовать далѣе на Сопоцкинъ, предоставляя корпусъ своей судьбѣ.

Бригада Чижова, такимъ образомъ, ушла отъ участія въ бою 16-го февраля, который, при ея участіи, могъ бы принять для насъ болѣе быстрый и рѣшительный исходъ.

Вышеупомянутыя событія 15-го и 16-го февраля, казалось бы, должны были вызвать тревогу въ штабѣ корпуса и побудить его къ возстановленію потерянной связи. Но этого не случилось.

Извѣстно было, что въ теченіе 15-го февраля III-ій Сиб. и XXVI-ой корпуса подъ давленіемъ непріятеля отходили къ Августову и южнѣе за Августовскій каналъ. Потеря связи съ этими корпусами, а, въ особенности, присутствіе противника на шоссе Сейны — Махарцы — Августовъ, при одновременномъ нажимѣ его со стороны Сувалокъ и обозначившемся появленіи его и со стороны Краснополя, казалось бы, должны были внушить Командиру XX-го корпуса серьезныя опасенія, не только за участь корпуса, но и за правый флангъ и тылъ арміи. Вѣдь, фактически, XX-ый корпусъ 15-го февраля былъ окруженъ, хотя слабо, со всѣхъ сторонъ противникомъ, силы котораго были корпусу неизвѣстны. Надо было, во что бы то ни стало, прорвать это кольцо и вновь войти въ операціонную связь оъ остальными корпусами. Этого можно было достигнуть отходомъ корпуса 16-го февраля на югъ за Августовскій каналъ. Казалось бы вполнѣ естественнымъ на этотъ день поставить корпусу или части его и всѣмъ оставшимся обозамъ именно эту задачу, тѣмъ болѣе, что было вполнѣ ясно, что XX-му корпусу не пройти до Сапоцкина по тыловому пути черезъ Гибы, какъ, по мнѣнію Комкора, было указано Штабомъ арміи. Очевидно, предстоялъ пересмотръ отхода корпусовъ арміи. При энергичномъ наступленіи большими силами съ ран-

няго утра 16-го февраля противъ противника, занимавшаго Серскій Лясъ и Махарцы, можно было расчитывать отбросить его за р. Черноганжу, и достигнуть свободнаго прохода на югъ за каналъ по двумъ, а въ лучшемъ случаѣ, даже по тремъ дорогамъ для переправы затѣмъ на участкѣ Чарны Бродъ—Горчица. Одновременно съ началомъ атаки Серскаго Ляса нужно было, конечно, приступить къ наводкѣ мостовъ и держать на готовѣ въ дд. Дановске и Копанайцы остальныя войска и обозы корпуса для начала движенія въ зависимости отъ успѣха боя. Дороги отъ Дановске и Копанайцы на эти переправы были вполнѣ проходимы и шли лѣсомъ.

Командиръ корпуса, однако, на 16-ое февраля поставилъ себѣ задачу лишь разбить противника. Назначенныя для этого силы сразу не были введены въ дѣло для достиженія скораго и рѣшительнаго результата. Вмѣсто того чтобы при первой возможности использовать результаты боя и, прикрываясь со стороны Августова на шоссе и со стороны Стренковщизна, двинуться за каналъ, онъ отложилъ отходъ корпуса до ночи на 17-ое февраля и то по одной лишь дорогѣ, вслѣдствіе чего корпусъ только къ вечеру 17 февраля очутился на южномъ берегу канала. Такимъ образомъ вновь было потеряно драгоцѣнное время, когда кругомъ обстановка мѣнялась съ головокружительной быстротой. Корпусъ оставался безъ всякой связи не только съ сосѣдними корпусами и со Штабомъ арміи, но и съ бригадой генерала Чижова.

Какъ было не отправить съ утра 16-го февраля офицера Генеральнаго Штаба въ Августовъ на телеграфную станцію для сношенія со Штабомъ арміи и съ сосѣдними корпусами? Онъ бы тогда узналъ о появленіи противника у Сопоцкина и Липска и о совершавшемся отходѣ III-го Сиб. и XXVI-го корпусовъ за Бобръ и могъ бы получить точныя указанія для дальнѣйшихъ дѣйствій корпуса.

Ниже мы видимъ, что переправа за Бобръ у Каменной, гдѣ были два моста: шоссейный и желѣзнодорожный, оставалась открытой до полудня 18-го февраля и не находилась подъ непосредственной угрозою, какъ о томъ говорится въ официальной германской исторіи. Тамъ сказано, что авангардъ главной колонны 79-ой дивизіи изъ Августова 17-го числа вечеромъ дошелъ лишь до Цизова, окончательно выбившись изъ силъ. Переправившійся же у Сосновскаго шлюза полкъ 80-ой рез. див. тогда же добрался лишь до Гутты, что еще дальше къ западу отъ переправы.

По картѣ мы видимъ, что отъ Горчицы до Чарнаброда прямо на эту переправу ведутъ двѣ параллельныя дороги и что разстояніе всего 16 верстъ. Произведенная, но по другому поводу, распоряженіемъ автора рекогносцировка сѣверныхъ участковъ этихъ дорогъ показала, что онѣ были вполнѣ пригодны для движенія какъ войскъ, такъ и артиллеріи. Коротко говоря, появленіе XX-го корпуса уже 17-го февраля утромъ у переправы было дѣломъ вполнѣ возможнымъ для организованнаго затѣмъ безпрепятственнаго, совмѣстнаго съ XXVI-мъ корпусомъ отхода на лѣвый берегъ Бобра къ утру 18-го февраля, или даже раньше.

* * *

Отъ внимательнаго читателя, можетъ быть, не ускользнуло, что описаніе событій 14-го — 15-го февраля у Сувалокъ страдаетъ неполнотой въ томъ отношеніи, что даются детали о положеніи сторонъ лишь къ западу и отчасти къ сѣверу отъ Сувалокъ, въ то время какъ о прочихъ силахъ противника, наступавшихъ съ сѣвера и востока отъ него, говорится весьма мало.

Дѣло въ томъ, что въ корпусѣ объ этихъ силахъ противника было мало достовѣрныхъ свѣдѣній. Какъ мы изъ дальнѣйшаго описанія увидимъ, связь 14-го и 15-го февраля съ противникомъ была потеряна въ этихъ послѣднихъ направленіяхъ; она была вновь установлена лишь поздно днемъ и вечеромъ 15-го и затѣмъ 16-го февраля.

Въ появившихся до 1931 года германскихъ источникахъ о положеніи германцевъ около Сувалокъ 14-го и 15-го февраля умалчивается. Лишь одинъ, довольно подробно описывавшій событія источникъ, «Die Winterschlacht in Mazuren», даетъ опредѣленныя данныя о мѣстонахожденіи дивизій 10-ой германской арміи къ вечеру 14-го февраля.

На схемѣ «Skizze 2» фронтъ 10-ой Германской арміи вечеромъ 14-го февраля показанъ безъ разъясненія въ текстѣ, съ востока на западъ: 31-ая дивизія въ Берзникахъ, 42-ая пѣх. дивизія въ Сейнахъ, 78-ая рез. дивизія въ Краснополѣ, 77-ая рез. дивизія почти у самаго Тартака, а 75-ая и 76-ая дивизія почти вплотную у Сувалокъ. Можно было допускать, что на схемѣ лишь указаны данныя направленія и намѣченные ночлежные пункты для марша на 14-ое февраля.

Изъ дальнѣйшихъ передвиженій четырехъ резервныхъ дивизій, показанныхъ на этой же схемѣ, а равно по тексту можно было заключить, что на указанномъ на 14-ое февраля фронтѣ произо-

шла какая-то остановка. Чѣмъ эта остановка была вызвана, оставалось въ полномъ туманѣ.

Во всякомъ случаѣ, схема показалась намъ не точною, ибо давленіе со стороны 76-ой, 77-ой и 78-ой рез.дивизій чувствовалось въ XX-мъ корпусѣ 14-го февраля весьма слабо, а рано утромъ 15-го февраля бригада Чижова 29-ой дивизіи дошла до Тартака, свободнаго отъ противника, и свернула на югъ по восточному берегу р. Черноганжи, гдѣ она черезъ нѣсколько часовъ имѣла стычку со слабымъ противникомъ, прибывшимъ со стороны Краснополя.

Только теперь, послѣ появленія въ свѣтъ въ началѣ 1931-го года 7-го тома официальнаго нѣмецкаго описанія войны «Der Weltkrieg 1914 — 1918», получены подробныя, не только описанія, но объясненія и разборъ событій около Сувалокъ 14-го и 15-го февраля.

Это официальное изложеніе представляетъ громадный интересъ, проливая новый свѣтъ, какъ въ отношеніи смутныхъ до сихъ поръ событій около Сувалокъ, такъ и въ отношеніи веденія всей германской операціи въ 1915-мъ году противъ нашей 10-ой арміи.

Съ цѣлью по возможности сохранить за нашимъ трудомъ характеръ непосредственныхъ впечатлѣній, основанныхъ на показаніяхъ и личныхъ воспоминаніяхъ съ русской стороны, мы рѣшили не мѣнять вышеизложеннаго нашего описанія событій около Сувалокъ, а сохранить его въ томъ видѣ, въ которомъ оно было составлено до появленія германской официальной исторіи событій.

Ниже приводимъ описаніе событій у Сувалокъ 14-го и 15-го февраля, въ изложеніи «Der Weltkrieg 1914 — 1918».

«Въ Штабѣ 10-ой германской арміи, въ общемъ, 12-го февраля сложилось мнѣніе, что XX-ый русскій корпусъ съ сѣвера направляется на Сувалки, XXVI-ой—на Рачки, III-ій Сибирскій на Августовъ, и что главныя силы этихъ корпусовъ еще не перешли черезъ дорогу Сувалки — Августовъ. По слухамъ, очень большая колонна обозовъ двигалась отъ Сувалокъ на Сейны.

Отъ Штаба 10-ой арміи зависѣло поставить отходившія въ районъ Сувалки — Августовъ массы войскъ, которыя, видимо, стремились спастись черезъ дорогу Сувалки — Августовъ, въ положеніе необходимости принять рѣшительное сраженіе. Генералъ Эйхорнъ поэтому приказалъ на 14-ое февраля:

XXXVIII Резервному корпусу — энергично продолжать наступленіе.

XXXIX Резервному корпусу — 14-го февраля занять дефилэ у Тартака.

XXI-му корпусу — направить одну дивизію отъ Сейнъ через Францки въ направленіи на Августовъ; другая дивизія остается къ сѣв.-востоку отъ Сейнъ для прикрытія фланга. 1-ая кав. дивизія займетъ одною бригадою дефилэ у Серее, а главными силами направляется въ Сейны».

Такимъ образомъ, Командующій арміи притягивалъ обходившее на востокѣ крыло къ участію въ тактическомъ окруженіи предполагаемыхъ въ районѣ Сувалки — Августовъ непріятельскихъ массъ. Опасность со стороны Ковны Командующимъ арміею признавалась не существенною. Вслѣдствіе этого онъ хотѣлъ двинуть 16-ую ландв. дивизію и 5-ую Гв. бригаду уступомъ за своимъ лѣвымъ флангомъ. Таковое его намѣреніе, вѣроятно, было продиктовано мыслью о необходимости въ будущемъ имѣть свободныя силы для захвата Гродны. Главнокомандующій, однако, не согласился на эту мѣру Штаба 10-ой арміи. Въ виду угрожавшаго положенія на другихъ участкахъ общаго фронта, онъ призналъ нужнымъ сохранять за собою право ими распоряжаться.

14-го февраля.

14-го февраля оттепель продолжалась; мѣстность и дороги сдѣлали передвиженіе войскъ еще труднѣе, чѣмъ до этого времени. Переходъ отъ саней къ колесамъ въ обозѣ вызвалъ потерю времени и нарушеніе прежняго походнаго порядка. Перехваченныя радіотелеграммы позволили установить, что разложеніе въ 10-ой русской арміи постепенно возрастало. — «Если Вамъ извѣстны или впослѣдствіи узнаете», говорилось въ одной телеграммѣ, «гдѣ Штабы III-го Сибирскаго, XXVI-го, XX-го корпусовъ, прошу сообщить черезъ Коменданта крѣпости Гродно». Отвѣты на этотъ зовъ о помощи показали, что XXVI-ой и III-ій Сиб. корпуса еще оставались въ Августовѣ, послѣдній, послѣ того какъ онъ рано утромъ покинулъ деревню на границѣ къ востоку отъ Боржимена.

Генералъ-полковникъ Эйхорнъ утромъ, въ 10 час. еще разъ изложилъ свои указанія въ приказѣ XXI-му корпусу, съ передачею на аэропланѣ.

«Масса русской арміи старается спастись черезъ дорогу Сувалки — Августовъ. XX-ый русскій корпусъ сегодня съ сѣвера отходилъ на Сувалки, XXVI-ой — на Рачки, III-ій Сибирскій на

Августовъ. Дорога Сувалки — Августовъ въ настоящее время можетъ быть перейдена лишь незначительными частями войскъ. 8-ая армія сегодня 3-ею кав. бригадою и 79-ой рез. дивизіею дойдетъ до Августова изъ Райгрода. На Августовъ направлены также и тѣ части, которыя дрались у Лыка и сѣвернѣе.

XXXIX рез. корпусъ имѣетъ задачу преградить дорогу Сувалки—Сейны. Можно считать, что онъ прибудетъ только поздно вечеромъ сего числа. Для прегражденія дорогъ, ведущихъ между Августовымъ и Сейны на юго-востокъ, незамедлительно направить 42-ую пѣх. дивизію отъ Сейнъ черезъ Францки на Августовъ. 31-ая дивизія слѣдуетъ за нею до района Сейны, имѣя авангардъ въ Берзникахъ, прикрывая съ Востока и преграждая дорогу Сувалки — Сейны на случай попытки прорыва съ запада. До прихода послѣдней дивизіи отрядъ 42-ой дивизіи долженъ оставаться въ Сейнахъ».

Если русскіе, какъ изъ всѣхъ имѣющихся свѣдѣній можно было заключить, рѣшились бы удержаться у Сувалокъ, то можно было считаться съ возможностью вступленія передовыхъ частей 10-ой арміи еще 14-го февраля въ бой съ ними къ сѣверу отъ Сувалокъ.

Съ разрѣшенія фельдмаршала Гинденбурга, дорога отъ Пржеросль — Сувалки была предоставлена 75-ой рез. дивизіи, хотя она и позже прибыла въ Пржеросль, чѣмъ 10-ая ландв. дивизія, направленная также на Сувалки распоряженіемъ 8-ой арміи; эта дивизія должна была свернуть на Филиппово и очутилась позади половины 3-ей рез. дивизіи.

75-ая рез. дивизія была вынуждена ждать, пока дорога въ 10 ч. 30 м. сдѣлалась свободною. Задержанныя русскими арьергардами, три дивизіи обоихъ корпусовъ охватили Сувалки по дугѣ, отстоявшей на сѣверо-западъ и сѣверъ отъ города верстъ на десять.

78-ая рез. дивизія захватила Краснополь и большую дорогу Сувалки — Сейны. Встрѣченный по пути противникъ принадлежалъ 29-ой пѣх. дивизіи, бывшей раньше передъ Даркеменомъ. Связь, такимъ образомъ, была установлена съ непріятельскимъ центромъ.

Еще утромъ 14-го февраля генералъ Фрицъ ф. Беловъ (Ком. XXI. корпуса) приказа по арміи не получилъ. Онъ считалъ вѣроятною попытку прорыва русскихъ на востокъ черезъ Сейны. На большой дорогѣ въ самомъ г. Сейнахъ пока находились лишь слабыя германскія части. Онъ, поэтому, рѣшилъ расположить свой корпусъ для обороны. 42-ая двизія группировалась около

Сейнъ. Изъ 31-ой дивизіи половина была притянута къ озерному дефилэ къ востоку отъ Сейнъ. Въ Серее оставалась лишь слабая кавалерія; направленная туда часть 31-ой дивизіи съ пути была притянута къ Лодзее. Радіостанція XXI-го корпуса цѣлый день слѣдовала въ общей колоннѣ.

Когда генералъ ф. Беловъ, наконецъ, получилъ приказъ Штаба арміи о продолженіи марша на югъ, вечеръ уже приближался. Онъ, поэтому, сомнѣваясь въ цѣлесообразности ночью втянуть свои войска въ необозримые лѣса, отложилъ исполненіе приказанныхъ передвиженій до слѣдующаго утра 15-го февраля.

«Въ 8-ой арміи, наконецъ, 14-го февраля озерныя дефилэ Лыкъ — Райгродъ были открыты. Удастся ли окружить противника у Августова? Уже теперь фельдмаршалъ Гинденбургъ предвидѣлъ, что операція выростаетъ до крупной побѣды. Погода и дорожныя условія, однако, представляли большія трудности, чѣмъ сопротивленіе противника. Особенно въ 10-ой арміи было трудно; крайній флангъ ея, который имѣлъ свободу выбора путей для обхода, попалъ на очень плохія полевыя дороги, потребовавшія отъ двигавшихся войскъ проявленія сверхчеловѣческихъ усилій. Дивизія съ трудомъ прокладывала себѣ дорогу черезъ снѣгъ, артиллерія далеко отставала отъ пѣхоты, батареямъ понадобился цѣлый день, чтобы протолкнуть орудія впередъ на одну версту *). Объ упорядоченномъ походномъ порядкѣ больше не могло быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе, три дивизіи 14-го февраля дошли до дороги Сувалки — Сейны. Но все же это было слишкомъ медленно. Человѣческая сила не справлялась съ элементами природы. Тѣмъ временемъ опасность со стороны южнаго фронта Восточной Пруссіи вырисовывалась въ болѣе угрожающемъ видѣ. Всѣ свѣдѣнія отъ 14-го февраля указывали на усиленіе русскихъ въ районѣ Хоржеле — Кольно.

Русскія передовыя части уже переходили германскую границу. Тѣмъ болѣе, генералъ-фельдмаршалу Гинденбургу пришлось подумать о томъ, какъ бы возможно скорѣе довести дѣло у Августова до конца.

Командованіе 10-ой арміи въ теченіе дня пришло къ убѣжденію, что русскія попытаются подъ прикрытіемъ арьергардовъ у Августова, Рачки и Сувалокъ, главными силами прорваться черезъ Липскъ, Гродну и Сопоцкинъ. Генералъ-полковникъ Эйхорнъ на этомъ основаніи рѣшилъ XXXVIII-мъ корпусомъ за-

---

*) Вѣроятно, въ болотистой долинѣ р. Шешупы около Кальваріи. (Примѣчаніе автора).

хватить Сувалки и преслѣдовать на Августовъ, заграждая у Краснополя сѣверный край Августовскаго лѣса; 42-ой дивизіи спѣшно двинуться черезъ Францки на Августовъ; а 31-ая дивизія должна была, наступая черезъ Конціево на Сопоцкинъ, отрѣзать противника отъ Гродны *). 1-ая кав. дивизія должна была прикрывать тылъ и флангъ арміи.

15 февраля.

Штабъ 10-ой арміи перевелъ свое мѣстопребываніе въ Гольдапъ. Онъ расчитывалъ въ этотъ день встрѣтить сильное сопротивленіе со стороны русскихъ арьергардовъ у Сувалокъ и поэтому направилъ лишь XXI-ый корпусъ на Августовъ и Сопоцкинъ противъ предполагаемаго направленія отхода противника; остальные же свои корпуса онъ притянулъ къ внутреннему своему флангу.

XXXIX-ый корпусъ утромъ засталъ Сувалки очищенными русскими; онъ захватилъ 900 плѣнныхъ изъ состава 27-ой, 28-ой и 29-ой дивизій **).

Къ югу отъ города въ нѣсколькихъ километрахъ противникъ, однако, снова остановился; онъ снова воспользовался ночью для ухода отъ угрожавшаго ему съ сѣвера-востока обхода.

Такъ какъ уже двѣ дивизіи съ сѣвера на тѣсномъ пространствѣ подходили къ Сувалкамъ, генералъ Лауэнштейнъ намѣревался весь свой корпусъ пустить въ дѣло къ востоку отъ Тартака, но, по требованію Штаба арміи, который еще не вполнѣ выяснилъ себѣ обстановку въ Сувалкахъ, онъ долженъ былъ придвинуть свой корпусъ еще ближе на западъ. 78-ая дивизія, такимъ образомъ, оказалось головою колонны у дефилэ у Тартака. Попытка захватить рубежъ р. Черноганжи у Высокаго Моста не удалась, такъ какъ посланныя для этого 2 роты съ 2-мя орудіями были вынуждены отступить передъ превосходными силами противника ***).

---

*) Обращаемъ вниманіе на противорѣчіе. Въ другомъ мѣстѣ сказано, что 31-ой дивизіи первоначально была дана задача переправиться черезъ Бобръ для занятія Домброва, но что начальникъ 31-ой дивизіи, узнавъ 16-го февраля, въ 4 ч. дня о нашемъ прорывѣ у Махарце и о нахожденіи русскихъ на лѣвомъ берегу р. Бобръ остановился у Голынки, гдѣ онъ занялъ выжидательное положеніе фронтомъ къ опушкѣ Августовскаго лѣса. (Примѣчаніе автора).

**) Очевидно, больные и раненые (Примѣчаніе автора).

***) Передъ боковымъ арьергардомъ ген. Чижова. (Примѣчаніе автора).

XXI-ый корпусъ пытался раннимъ выступленіемъ наверстать потерянное наканунѣ время. Между тѣмъ, генералъ Фрицъ ф. Беловъ не рѣшался продвинуть черезъ лѣсъ всю 42-ую дивизію. Лишь 65-ая бригада подъ начальствомъ своего командира генерала ф. Эсторфа была двинута на Августовъ. Онъ трижды отбросила противника, преградившаго ей путь. Плѣнные принадлежали 27-ой, 28-ой и 29-ой дивизіямъ. Послѣ перехода въ 36 километровъ, бригада въ темноту 15-го февраля достигла Студеничны и Саенека на озерномъ дефилэ къ востоку отъ Августова. На большой дорогѣ Августовъ — Гродна были установлены отступавшіе русскіе обозы. Одинокая бригада очутилась въ положеніи высшаго напряженія среди исполинскихъ лѣсовъ. Тѣмъ временемъ 42-ая дивизія отправила вслѣдъ на Махарцы два батальона 59-ой пѣх. бригады съ тремя батареями подъ начальствомъ майора Брейдинга; генералъ ф. Беловъ больше послать не пожелалъ. Съ оставленнымъ въ Махарцахъ бригадою Эсторфа однимъ батальономъ всего въ этомъ пунктѣ находилось 3 батальона и три батареи. Слабый остатокъ дивизіи оставался въ Сейнахъ.

31-ая пѣх. дивизія уже въ 2 ч. 45 м. утра получила приказъ по арміи черезъ 1-ую кавалерійскую дивизію и немедленно приступила къ переходу черезъ Копціево на югъ. Голова колонны вечеромъ достигла Сопоцкина и нашла мѣстечко переполненнымъ русскими обозами, которые цѣликомъ были захвачены послѣ бѣгства прикрытія. Дальнѣйшій важный шагъ для окруженія русскихъ этимъ былъ достигнутъ.

Дивизіи XXI-го корпуса снова сдѣлали крупный скачокъ впередъ (35 кил.) Генералъ Фрицъ ф. Беловъ съ понятною тревогою относился къ дальнѣйшему ходу событій, такъ какъ можно было ожидать новой попытки русскихъ прорваться на востокъ, а 42-ая дивизія, разбросанная вдоль пути въ Августовскомъ лѣсу, находилась подъ сильною угрозою. Штабъ арміи также придавалъ направленію черезъ Сейны большое значеніе. Штабъ XXI-го корпуса ночью на 16-ое февраля приказалъ занять Сейны сильнымъ отрядомъ войскъ. Задержкою у Сейнъ 14-го февраля дороги отъ Августова на Гродну оставались открытыми для русскихъ уже на 24 часа больше, чѣмъ было желательно. Изъ показаній плѣнныхъ, взятыхъ бригадою генерала Эсторфа, ясно было, что русскіе уже успѣли извлечь изъ этого положенія значительную для себя пользу. По ихъ даннымъ, уже большія силы 14-го и 15-го февраля спѣшно успѣли отойти къ Гроднѣ.

1-ая Кавалерійская дивизія продолжала прикрывать флангъ на пространствѣ Серее — Симно — Лодзее. По отзывамъ жителей, въ Олитѣ собралось много войскъ, которыя постепенно усиливались подкрѣпленіями съ востока. Поэтому Штабъ арміи притянулъ 5-ую Гв. бригаду изъ Маріамполя въ Симно; 16-ая ландв. дивизія получила приказъ занять Маріамполь, Вильковишки и Пильвишки. Фельдмаршалъ отнынѣ отказался отъ бывшаго своего намѣренія перевести части этой дивизіи на Наревскій фронтъ.

Несмотря на всѣ достиженія въ этотъ день отъ марша-маневра и боевъ, группировка арміи не представляла выгодной картины. У Сувалокъ столпились три дивизіи, съ одной стороны, отжимавшія лѣвый флангъ 8-ой арміи къ югу, т.-е. на Августовскій фронтъ, съ другой стороны, эти три дивизіи не имѣли свободы дѣйствій къ югу востоку отъ города вслѣдствіе озерной группы. И только одна дивизія находилась къ востоку отъ этой озерной группы. На югѣ была бездорожная пуща. Разбросанной отъ Сайнека до Сейнъ 42-ой дивизіи и отдѣлившейся далеко къ югу 31-ой дивизіи пришлось справляться съ трудной задачею одновременно преграждать выходъ изъ Августовскаго лѣса и прикрывать со стороны Гродны и Нѣмана. Что происходило за рѣкою было неизвѣстно. Обыкновенно разъяснявшія положеніе перехваченныя радіотелеграммы ничего не говорили о положеніи противника въ Гроднѣ. Тѣмъ не менѣе, нужно было серьезно считаться съ возможными ударами съ востока съ цѣлью разгрузить положеніе. Отнынѣ можно было съ достовѣрностью считать, что единственный выходъ, которымъ противникъ еще могъ-бы воспользоваться для ухода отъ окруженія на востокъ, пролегалъ между Августовымъ и озеромъ Выгры. На этотъ случай, въ первую голову, одна 42-ая дивизія была бы ему противопоставлена.

У Главнокомандующаго фельдмаршала Гинденбурга все болѣе и болѣе усиливалось убѣжденіе, что между Прасвышемъ и Ломжею непосредственно предстоитъ сильное русское наступленіе. Уже теперь онъ понялъ, что центръ тяжести 8-ой арміи вскорѣ долженъ быть перенесенъ въ районъ Ломжа — Осовецъ, и, въ виду ожидаемой тамъ угрозы фланга, уже теперь имѣлъ въ виду подчинить бывшую у Кольна группу Шольца командующему 8-ой арміи. Охрана фланга по всей линіи у Прасныша, Ломжи и Осовца должна была вестись активными дѣйствіями. Для этой цѣли на ближайшее время могли служить лишь тѣ войсковыя части, которыя постепенно могла выдѣлять 8-ая армія.

Такое положеніе дѣлъ не могло не быть сильнымъ испытаніемъ для нервовъ. Вдобавокъ къ этому, Фельдмаршалу было приказано выдѣлить еще одну дивизію для усиленія Карпатскаго фронта. Несмотря на все, у фельдмаршала Гинденбурга надежда на большую побѣду не пропала. Русскія радіотелеграммы не оставляли сомнѣнія въ томъ, что суматоха у противника росла, разъ начальники больше не знали, гдѣ ихъ войска находятся.

При полномъ сознаніи важности момента и не взирая ни на какія жертвы, германское высшее командованіе должно было быстро довести до конца положеніе у Августова.

Главнокомандующій 15-го февраля послалъ офицера Генеральнаго Штаба изъ своего Штаба для составленія доклада о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ, изъ которыхъ можно было бы выяснить причины мѣстами казавшагося крайне медленнымъ развитія событій. Его докладъ о состояніи дорогъ и страданіяхъ войскъ не остался безъ вниманія фельдмаршала и его совѣтниковъ. Послѣдніе пришли къ убѣжденію, что при такихъ условіяхъ возможно лишь короткое преслѣдованіе, но что никоимъ образомъ не будетъ возможно дальше вести большую операцію. Уже теперь пришлось призадуматься, возможно ли будетъ противопоставить не имѣвшія еще при себѣ ни артиллеріи, ни пулеметовъ германскія дивизіи доведенному *), путемъ еще большаго сжиманія кольца окруженія, до отчаянія, рѣшительному противнику.

Главнокомандующій настаивалъ на продолженіи исполненія своего плана окруженія 10-ой русской арміи въ Августовскомъ лѣсу при любыхъ условіяхъ и до полнаго разгрома.

При этомъ подъ сомнѣніемъ оставалось, возможно ли будетъ приступить къ исполненію слѣдующей затѣмъ операціи захвата Бѣлостока. Такимъ образомъ, уже 15-го февраля наступила извѣстная видоизмѣненная оцѣнка положенія, которая въ приказахъ и распоряженіяхъ еще не получала своего выявленія. Прежде всего, Фельдмаршалъ Гинденбургъ ограничился тѣмъ, что настаивалъ на значеніи отходившихъ отъ Августова на юго-востокъ дорогъ. XL рез. корпусъ и 2-ая пѣх. дивизія немедленно

---

*) Это утвержденіе нѣсколько непонятно для автора. Отступленіе русскихъ дивизій не встрѣчало особыхъ затрудненій, даже при ночныхъ движеніяхъ, для вызова всей своей артиллеріи. Время отъ времени приходилось подталкивать пѣхотою, но ни одно орудіе не было оставлено въ пути. А германскіе пулеметы, хотя болѣе грузные чѣмъ русскіе, все же были легче артиллерійскихъ повозокъ. Въ концѣ концовъ, дороги были почти одинаковы какъ для насъ, такъ и для нѣмцевъ.

должны были наступать на Августовъ, а 4-ая кав. дивизія должна была проложить себѣ дорогу черезъ шлюзъ Созново для охватывающаго преслѣдованія.»

Далѣе приводимъ переводъ абзаца той же официальной «Исторіи Міровой Войны 1914—1918 гг.». Тамъ, въ видѣ общаго разбора операціи окруженія говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«Правда, нельзя не признать, что нѣкоторыя мѣры высшаго управленія, вытекавшія изъ тактическаго положенія момента, имѣли свое вліяніе на не вполнѣ удовлетворительное проведеніе операціи окруженія. Видимо, на основаніи опыта Лодзинской операціи (подъ Бржезинами), Главнокомандующій неоднократно передъ началомъ операціи и въ первые фазисы оной предостерегалъ отъ увлеченія дальними стратегическими обходами, въ ущербъ тактическаго успѣха. Возможно, что эти указанія способствовали тому, что командующіе арміями и корпусные командиры неоднократно считали себя обязанными держать свои войска слишкомъ тѣсно вмѣстѣ для фронтальнаго преодолѣнія сопротивленія противника. У Лыка окруженіе III-го Сиб. корпуса не удалось, потому что командующій 8-ой арміею 9-го февраля изъ обходнаго движенія на востокъ привлекъ во внутрь XL корпусъ, который, вслѣдствіе этого, топтался на мѣстѣ въ боевой схваткѣ. Дорогое время было потрачено, пока не удалось снова двинуть эти дивизіи въ обходъ. Такимъ же было и положеніе 10-ой арміи подъ Сувалками. XXXVIII-ый корпусъ 12-го февраля назначилъ цѣлую дивизію для установленія указанной ему связи съ 8-ой аpміей. Дальнѣйшее движеніе этой дивизіи къ западу отъ Выштинецкаго озера, а не по восточному берегу, какъ первоначально было предположено, имѣло слѣдствіемъ нежелательное нагроможденіе войскъ на оперативно и тактически маловажномъ мѣстѣ, и способствовало тому, что лѣвая сосѣдняя 76-ая дивизія также застряла въ борьбѣ за владѣніе этимъ городомъ. Нагроможденіе силъ у Сувалокъ тогда же еще увеличилось тѣмъ, что Командующій 10-ою арміею 15-го февраля привлекъ къ Сувалкамъ уже направленныя на юго-востокъ дивизіи генерала Лауэнштейна *). Здѣсь онѣ днями оставались въ бездѣйствіи, въ то время какъ въ Августовскомъ лѣсу не доставало войскъ для прочнаго замыканія кольца около Августова и Сувалокъ. Вдобавокъ ко всему этому, явилась еще и задержка въ дальнѣйшемъ завершеніи окруженія, проявившаяся 14-го февраля въ XXI-мъ армейскомъ корпусѣ.

*) Командира XXXIX-го рез. корпуса. (Прим. автора).

Между тѣмъ, даже если 42-ая пѣх. дивизія немедленно въ полномъ составѣ была бы двинута въ лѣсъ, она была бы слишкомъ слаба, чтобы помѣшать прорыву шести русскихъ дивизій между Сейнами и Августовомъ. Неудача первой попытки окруженія затянула боевое рѣшеніе на многіе дни и дала русскимъ время подкрѣпить Бобрскій фронтъ новыми силами.»

Приведенныя цитаты изъ германскаго офиціальнаго изложенія событій, въ связи съ нашимъ изложеніемъ, даютъ картину «кризиса» 15-го февраля всей операціи, а потому имѣютъ особый интересъ, который еще усиливается взглядомъ на приложенную схему. Нельзя не указать на то, что не приступай нашъ XX-ый корпусъ еще 14-го февраля вечеромъ къ очищенію г. Сувалокъ, то генералу Эйхорну оставалось бы утромъ 15-го февраля лишь замкнуть единственный оставшійся свободнымъ выходъ на югъ, и не исключена возможность, что окруженіе XX-го корпуса могло бы состояться уже тогда. Генералъ Эйхорнъ, для котораго еще 15-го февраля «положеніе въ Сувалкахъ представлялось еще не вполнѣ яснымъ», утромъ этого дня придвинулъ XXXIX-ый корпусъ ближе къ Сувалкамъ. По соглашенію съ командующимъ 8-ою арміею, половина 10-ой ландв. дивизіи также утромъ того же дня была свернута со своего ранѣе, на Рачки, даннаго направленія — на востокъ, на перерѣзъ дороги Сувалки—Махарцы.

Офиціальная германская исторія войны не хвалитъ генерала Эйхорна за его дѣйствія противъ нашего XX-го корпуса у Сувалокъ.

Отброшенныя со своихъ путей отступленія наши 27-ая и 29-ая, а равно 53-ья и 28-ая дивизіи 13-го февраля отходили на Сувалки, гдѣ онѣ заняли сосредоточенное положеніе подъ прикрытіемъ сильныхъ арьергардовъ. Въ такомъ положеніи корпусъ продолжалъ оставаться еще цѣлый день 14-го февраля.

Очевидно, противникъ сталъ въ тупикъ — чѣмъ была вызвана наша остановка въ Сувалкахъ? Единственные еще свободные для XX-го корпуса пути пролегали въ южномъ направленіи, а поэтому, если нами рѣшено было спуститься на югъ ближе къ Августову, противнику могло бы казаться, что намъ 14-го февраля нужно было отойти именно по этимъ путямъ. Между тѣмъ, мы 14-го февраля продолжали оставаться на позиціи у Сувалокъ въ сосредоточенномъ положеніи. Изъ этого факта противнику легко было придти къ заключенію, что мы имѣли иныя намѣренія и, можетъ быть, желали принять бой, или

готовились къ прорыву въ направленіи на востокъ, куда отходили наши обозы.

10-ая германская армія, судя по группировкѣ ея войскъ, считалась именно съ этимъ послѣднимъ предположеніемъ, такъ какъ ея четыре дивизіи къ вечеру 14-го февраля заняли сосредоточенное къ бою положеніе, полукругомъ около Сувалокъ, имѣя еще двѣ дивизіи XXI-го корпуса въ видѣ резерва у узла путей Сейнъ. Если противникъ расшифровалъ такъ же, какъ и прочія наши радіо, и двѣ телеграммы генерала Сиверса съ указаніемъ ген. Булгакову перейти въ наступленіе, то дѣйствія германской 10-ой арміи вполнѣ понятны.

Несомнѣнная заслуга генерала Булгакова заключается въ томъ, что онъ 14-го февраля не послѣдовалъ совѣтамъ генерала Сиверса и не перешелъ въ наступленіе. Отходъ XX-го корпуса ночью на 15-ое февраля оказался какъ нельзя болѣе своевременнымъ.

Судя по расположенію германской 10-ой арміи къ вечеру 14-го февраля и по ея дѣйствіямъ 15-го февраля, противникъ былъ далекъ отъ мысли о дальнѣйшемъ отходѣ XX-го корпуса на югъ. Какъ командующій 10-ой арміей, такъ и командиръ XXI-го корпуса ожидали прорыва XX-го корпуса по дорогѣ на Сейны и вовсе упустили изъ виду, что наша 10-ая армія имѣетъ возможность уйти за Бобръ, если лѣвофланговыя дивизіи германскаго обходного крыла 15-го февраля не поспѣютъ выйти въ тылъ группы генерала Радкевича. Для содѣйствія германской 8-ой арміи у Августова, генералъ Эйхорнъ приказалъ 15-го февраля двинуть лишь 42-ую дивизію изъ Сейнъ на Августово.

Командиръ XXI-го корпуса, считая, что Сейны должны оставаться занятыми, поэтому, призналъ возможнымъ послать всего одну бригаду, которая, конечно, не была въ состояніи помѣшать отходу войскъ генерала Радкевича къ переправамъ на Бобрѣ, а другую дивизію, 31-ую, онъ спѣшно послалъ къ Сопоцкину.

Становится жутко, если только подумать о положеніи нашей 10-ой арміи въ случаѣ, если переправы на Бобрѣ были бы заняты или разрушены германской кавалеріею и три лѣвофланговыя дивизіи генерала Эйхорна къ приходу группы генерала Радкевича къ Августову 15-го февраля оказались бы у него въ тылу, и если бы въ то же время задержавшійся подъ Сувалками XX-ый корпусъ оказался атакованнымъ тремя дивизіями германской 10-ой арміи и одной-двумя дивизіями 8-ой арміи съ цѣлью помѣшать его участію въ предстоявшихъ бояхъ у Августова.

А таковыя дѣйствія были бы вполнѣ возможны при иныхъ взглядахъ на положеніе въ командованіи германской 10-ой арміи. Несмотря на крайне заманчивую обстановку, обычный у нѣмецкихъ начальниковъ духъ дерзновенія, какъ бы, былъ скованъ.

Упрекъ командованію германской 10-ой арміи за «бездѣйствіе у Сувалокъ» въ «Исторіи Міровой Войны 1914—1918 г.», поэтому, заслуженъ. Германскій планъ окруженія оказался подъ угрозою полнаго неуспѣха.

Разгадывать намѣренія противника на войнѣ вообще очень трудно. Очевидно, командованіе германской 10-ой арміей было сбито съ толку остановкою русскихъ у Сувалокъ 14-го февраля и захотѣло использовать положеніе для одержанія простой тактической побѣды, безъ операціоннаго размаха.

Какъ обстановка въ самомъ дѣлѣ сложилась, остановка русскаго XX-го корпуса у самихъ Сувалокъ, совершенно неожиданно, тяжелыхъ послѣдствій для прохода группы Радкевича черезъ Августовъ не имѣла, а наоборотъ. Германское командованіе также пріостановило свое движеніе на югъ, а, главное, не послало своихъ лѣвофланговыхъ дивизій въ тылъ группы генерала Радкевича, а разсыпало весь лѣвофланговый XXI-ый корпусъ.

Лучшаго мы и желать не могли, ибо, главнымъ образомъ, благодаря остановкѣ генерала Эйхорна у Сувалокъ, тылъ группы Радкевича оказался не подъ непосредственной угрозой вплоть до 18-го февраля утромъ.

Получилась полная возможность для насъ безпрепятственно переправиться черезъ Бобръ. Туда же несомнѣнно могъ поспѣть и XX-ый корпусъ при лучшемъ пониманіи командующимъ нашей 10-ой арміей и командиромъ XX-го корпуса сложившейся обстановки.

Германская исторія войны 1914—1918 года не разъясняетъ причинъ, отчего 10-ая германская армія, обнаруживъ 15-го февраля утромъ отходъ XX-го корпуса отъ Сувалокъ, не бросилась вслѣдъ за нимъ съ цѣлью разбить его и выйти въ тылъ нашихъ войскъ у Августова. Вѣдь корпусъ могъ быть окруженъ 16-го февраля, а во всякомъ случаѣ сильно помятъ. Съ отходомъ вечеромъ этого дня бригады полковника Рябенко отъ Дубово на Вально, шоссе на Августовъ открылось для наступленія, что дало бы возможность нѣмцамъ двинуться черезъ дер. Новинки 1 или — 1½ дивизіями (75-ая див. — 10-ая ландв. див.) черезъ Стренковизна—Сухаржечна на Горчицу. Одновременно, находившіяся у Сувалокъ 76-ая и 78-ая дивизіи свободно могли быть направле-

ны на Вально, Тоболово и Глембокій Бродъ. Къ послѣднему пункту могла бы еще быть направлена 59-ая бригада 42-ой пѣх. див., а 65-ая бригада той же дивизіи могла быть притянута въ Серскій Лясъ, вмѣсто безполезнаго пребыванія у Студенична.

Съ окончательнымъ отходомъ нашего III-го Сиб. и XXVI-го корпусовъ отъ Августова къ утру 17-го февраля возможно было бы, въ случаѣ надобности, привлечь подкрѣпленія еще изъ состава 8-ой арміи.

Окруженіе нашего XX-го корпуса, такимъ образомъ, являлось бы дѣломъ возможнымъ не только 16-го, но и 17-го февраля, когда корпусъ, какъ мы увидимъ ниже, еще оставался къ сѣверу отъ Августовскаго канала.

Генералъ Людендорфъ въ своихъ «Военныхъ Воспоминаніяхъ» пишетъ, что обстановка въ Августовскомъ лѣсу представлялась весьма смутною, пока 17-го февраля не было получено донесеніе изъ Штаба 10-ой арміи о томъ, что «въ Августовскомъ лѣсу установлено присутствіе значительныхъ русскихъ силъ.» Въ германской исторіи войны говорится, что русскія радіо-телеграммы въ эти дни мало оріентировали нѣмцевъ въ обстановкѣ. Между тѣмъ, дѣйствія авангарда 76-ой дивизіи противъ Брызгеля и Монкины 16-го февраля, и затѣмъ бои у Серски Лясъ и Махарцы 15-го и 16-го февраля и, наконецъ, бой тамъ же 17-го февраля, когда корпусъ цѣликомъ занималъ позицію тамъ же, ясно свидѣтельствовали о томъ, что корпусъ еще не отошелъ.

Корпусная конница XXXVIII-го и XXXIX-го корпусовъ (по 4 эск.), а равно и дивизіонная конница (4 эск.) 10-ой ландв. дивизіи, конечно не бездѣйствовали, а развѣдывали въ лѣсу, гдѣ никто имъ не мѣшалъ.

Поэтому, можно обойти разсказъ Людендорфа молчаніемъ, и высказать предположеніе, что причины продолжавшагося бездѣйствія германскаго командованія въ эти дни, вѣроятно, были вызваны другими, болѣе вѣскими обстоятельствами.

Въ той же германской исторіи войны упоминается о тревожныхъ извѣстіяхъ въ эти дни со стороны Олиты, куда, по показанію жителей, собираются большія русскія силы. Въ виду этого уже 15-го февраля 77-ая дивизія была отправлена спѣшно въ Серее. Съ другой стороны, говорится въ исторіи, «у Фельдмаршала все болѣе и болѣе усиливалось убѣжденіе, что между Прасnышемъ и Ломжею непосредственно предстоитъ сильное русское наступленіе.»

Зная чуткое отношеніе нѣмцевъ къ своимъ флангамъ, очевидно, что именно эти угрозы оказывали настолько сильное впе-

чатлѣніе, что, послѣ неуспѣха 15-го февраля окруженія всей русской 10-ой арміи рѣшено было пока пріостановить дальнѣйшее развитіе операціи до окончательнаго выясненія положенія на флангахъ.

Другого объясненія, по источникамъ, не видно.

Какъ бы то ни было, но неиспользованіе нѣмцами неосторожной остановки нашего XX-го корпуса къ югу отъ Сувалокъ въ эти дни все же являлось для нихъ какъ бы «потеряннымъ случаемъ», послѣдствіемъ котораго явилась большая потеря времени для окруженія того же корпуса подъ Гродною передъ приступомъ къ попыткѣ форсировать р. Бобръ.

Отмѣтимъ еще и другое, невыгодное для нѣмцевъ обстоятельство.

Очевидно, въ виду наличія за Нѣманомъ двухъ нашихъ кавалерійскихъ дивизій, Командующій германской 10-ой арміи считалъ нужнымъ оставлять свою армейскую конницу — I кав. див., поддержанную пѣхотными частями, на флангѣ для прикрытія по мѣрѣ наступленія вдоль Нѣмана. Но названная кавалерійская дивизія могла бы оказаться весьма опасною для насъ въ случаѣ возможности для нея совершить рейдъ въ тылъ сѣв. западнаго фронта.

Судя по спеціальному снабженію эскадроновъ подрывнымъ матеріаломъ, такая задача, очевидно, была предусмотрѣна. Еще 15-го февраля переходъ черезъ верхнее теченіе р. Бобра былъ возможенъ, и путь въ тылъ нашего фронта былъ открыть для совершенія рейда, съ необозримыми послѣдствіями для сообщеній и положенія сѣверо-западнаго фронта.

ГЛАВА VI.

Событія въ группѣ генерала Радкевича 15-го, 16-го и 17-го февраля. Сложившаяся новая обстановка для дальнѣйшихъ дѣйствій германцевъ. Рѣшеніе фельдмаршала Гинденбурга и поставленныя имъ новыя задачи арміямъ. Дѣйствія XX-го корпуса 17-го февраля. Рѣшеніе генерала Булгакова отойти за Августовскій каналъ для дальнѣйшаго движенія на Сопоцкинъ. Общая обстановка на сѣв.-западномъ фронтѣ въ освѣщеніи штаба фронта и ставки.

Схемы 2 и 3.

Въ главѣ IV мы уже видѣли, какъ случилось, что группа генерала Радкевича успѣла занять Августовскую позицію до противника, и такимъ образомъ избѣгла намѣченнаго германскою 8-ою арміею окруженія.

За 15-ое, 16-ое и 17-ое февр. событія въ III-мъ Сиб. и XXVI-омъ корпусахъ развивались слѣдующимъ образомъ. Сдерживая арьергардами напоръ противника, III-ій Сиб. и XXVI-ой корпуса 15-го февраля подошли къ Августову и къ Августовскому каналу. Германцы на 16-ое февраля стали полукругомъ противъ Августова и канала въ разстояніи 8-10 верстъ: 79-ая рез. дивизія у сѣвернаго конца д. Нетты, 80-ая рез. дивизія къ югу отъ д. Нетты; 2-ая пѣх. дивизія къ востоку отъ дд. Туровки и Бернатки, половина 3-ей рез. дивизіи у южнаго конца д. Яновки. У Щербы стала 10-ая ландв. дивизія по обѣ стороны р. Роспуды. Двинутыя черезъ Тайно 3-ья кавалерійская бригада и пѣхотный полкъ безъ успѣха старались форсировать переправу у шлюза Соснова.

У д. Студеничны съ 15-го февраля вечера находилась прорвавшагося впередъ послѣ боя противъ нашихъ 2-хъ бат. 111-го пѣх. Донского полка, но задержанная у переправы германская бригада 42-ой пѣх. дивизіи. Попытки этой бригады завладѣть переправою у Саенекъ для выхода защитникамъ переправы у

Студеничны въ тылъ однако окончились гибелью, посланнаго для этой цѣли германскаго батальона *).

Положеніе нашихъ арьергардовъ было вполнѣ прочно до вечера 16-го февраля. Обозы и главныя силы корпусовъ, подъ общимъ руководствомъ Командира III-го Сиб. корпуса генерала Радкевича, въ порядкѣ отступали къ переправамъ: III-ій Сиб. корпусъ и бригада 28-ой дивизіи у Штабина, а XXVI-ой корпусъ у Штабина и Каменной. Но вечеромъ 16-го февраля половина 10-ой ландв. дивизіи (9-ая ландв. бригада) завладѣла переправою у Щебры, послѣ того какъ защитники очистили свои позиціи вслѣдствіе преждевременно отданнаго старшимъ въ Августовѣ начальникомъ приказа объ отходѣ къ городу. Попытка начальника 84-ой дивизіи вновь возвратить защитниковъ — 335-ый Анапскій полкъ — не имѣла успѣха. Противникъ уже до полуночи 16-го февраля ворвался во дворъ казармъ на сѣверной окраинѣ города, изъ которыхъ части XXVI-го корпуса уже вытягивали походную колонну. Произошла штыковая схватка ночью. Намъ, хотя съ потерею 1 батареи и плѣнныхъ, все же удалось въ порядкѣ отойти къ переправамъ черезъ Бобръ 17-го февраля **).

Противникъ лишь въ день 17-го февраля могъ вступить въ очищенный нами Августовъ. Для преслѣдованія онъ бросилъ вслѣдъ къ переправамъ 80-ую резервную и 4-ую кав. дивизіи къ Штабину, а 79-ую дивизію къ Каменной. Но было уже поздно. Оба наши корпуса безъ потерь отошли на лѣвый берегъ Бобра, удержавъ за собою переправы у означенныхъ пунктовъ. Противъ переправы у Липска на лѣвомъ берегу стала бригада генерала Россійскаго.

Появившіяся послѣ этихъ событій въ германской прессѣ свѣдѣнія о гибели въ болотахъ р. Бобра многихъ тысячъ русскихъ

---

*) Этотъ бой былъ веденъ съ особымъ ожесточеніемъ. Офицеръ германскаго генеральнаго штаба впослѣдствіи разсказалъ, что поле боя представляло рѣдко ужасающую картину и поражало массою убитыхъ. При раскапываніи бросавшейся особо въ глаза цѣлой горы германскихъ и русскихъ труповъ выяснилось, что борьба тутъ шла о знамени германскаго батальона, которое было найдено подъ трупами. Съ нашей стороны здѣсь дѣйствовалъ на переправахъ 336-ой Челябинскій полкъ.

**) Отходъ 84-ой дивизіи черезъ Бобръ долженъ былъ совершаться у Каменной, но въ пути было получено извѣстіе о томъ, что мостъ испорченъ. Начальникъ дивизіи, поэтому, повернулъ на Штабинъ для перехода на лѣвый берегъ. Свѣдѣніе о неисправности моста оказалось невѣрнымъ. Мостъ былъ взорванъ лишь 18-го февраля послѣ 12 часовъ саперною ротою капитана Замбржицкаго.

совершенно ложны. Они вымышлены съ очевидною цѣлью прославленія дѣйствій нѣмецкихъ войскъ.

Новый Дворъ былъ занятъ 225-мъ полкомъ, прибывшимъ изъ Бержболовской группы. На участкѣ Каменна-Ягинта расположился XXVI-ой корпусъ. Каменна была занята бригадою 28-ой пѣх. дивизіи, а отъ Каменна до Подвуглы дѣйствовалъ III-ій Сибирскій корпусъ.

Такимъ образомъ германскій планъ дѣйствія для окруженія группы генерала Радкевича окончился полнымъ неуспѣхомъ. Дѣйствія генерала Радкевича и стойкость его войскъ сдѣлали свое дѣло. Тому способствовало также пребываніе XX-го корпуса 15-го, 16-го и 17-го февраля къ югу отъ Сувалокъ и на шоссе Сейны-Августовъ, гдѣ генералъ Булгаковъ привлекъ на себя и пока удерживалъ тѣ силы 10-ой германской арміи, которыя освободились для продолженія наступленія на югъ и западъ для дѣйствія въ тылъ группы генерала Радкевича.

Съ отходомъ группы генерала Радкевича за р. Бобръ у Августова для Фельдмаршала сложилась обстановка, которая не допускала немедленнаго приступа къ стратегическому вѣнчанію всей операціи — къ форсированію Бобра для захвата Бѣлостока. Раньше нужно было обезпечить себя со стороны Гродны и Нарева. На это требовалось не мало времени, за которое русскіе могли бы успѣть принять контръ-мѣры. Операція окруженія въ заключительномъ своемъ фазисѣ утратила характеръ неотступнаго на насъ нажима. Насталъ переломъ. Для одновременнаго веденія операціи и противъ Нарева, и противъ Гродны, и для форсированія переправъ на Бобрѣ у Фельдмаршала не хватало войскъ. Пришлось развести столпившіяся уже 2 дня безъ дѣла у Августова и Сувалокъ войска по тремъ направленіямъ.

При такихъ условіяхъ, фельдмаршалъ Гинденбургъ 17-го февраля рѣшилъ поставить новыя задачи обѣимъ арміямъ, поручая 10-ой арміи дальше заняться окруженіемъ войскъ въ лѣсу находившихся, а пока лишь наблюденіемъ за переправами у Каменной и Штабина. Командующему 8-ой арміею было поручено форсировать переправу черезъ Бобръ—Наревъ на участкѣ Ломжа—Визно—Осовецъ. Въ зависимости отъ этихъ новыхъ задачъ, 2-ая пѣх. дивизія, XL-ый корпусъ и 4-ая кав. дивизія были переданы изъ 8-ой въ 10-ую армію.

Бригада 2-ой пѣх. дивизіи съ утра 18-го февраля была направлена по Липскому шоссе и остановилась у д. Грушки. Вто-

рая бригада 2-ой пѣх. дивизіи выступила вслѣдъ лишь днемъ 18-го февраля *).

75-ая рез. дивизія изъ Сувалокъ была направлена по шоссе въ Августовъ. Части этой дивизіи уже 16-го февраля прибыли въ д. Новинки на шоссе изъ Сувалокъ. 78-ая рез. дивизія, равно какъ вновь собравшаяся у Горчицы 42-ая пѣх. дивизія, послѣ боевъ у Серскаго Ляса и Махарцы 15-го, 16-го и 17-го февраля слѣдовали за XX-мъ корпусомъ и параллельно съ нимъ. 76-ая рез. дивизія оставалась у Сувалокъ въ армейскомъ резервѣ. 77-ая рез. дивизія прибыла 17-го февраля въ Копціово изъ Сереи, куда она спѣшно 15-го февраля была послана, вслѣдствіе оказавшагося затѣмъ ложнымъ извѣстія о нашей переправѣ большими силами черезъ Нѣманъ. Этой возможности противникъ очень опасался.

Половина 3-ей рез. дивизіи, 10-ая ландв. дивизія и бригада 1-ой ландв. дивизіи, оставаясь въ 8-ой арміи, были оттянуты на юго-западъ на скорѣйшее присоединеніе къ тѣмъ войскамъ, которыя подъ начальствомъ командира германскаго XX-го корпуса, генерала ф. Шольца, до того времени охраняли правый флангъ 8-ой арміи на участкѣ р. Писса — дорога Граево—Осовецъ включительно, и которыя послѣ 17-го февраля всѣ вошли въ составъ 8-ой арміи генерала Белова.

Наиболѣе крупнымъ, по своему значенію, для нашего XX-го корпуса фактомъ являлось движеніе генерала Радкевича круто на югъ къ переправамъ черезъ Бобръ. Намъ неизвѣстно, когда и кѣмъ это рѣшеніе было принято. Одно намъ лишь извѣстно, что Штабъ XX-го корпуса объ этомъ не былъ увѣдомленъ **). Связь въ нашей 10-ой арміи сильно хромала. Корпуса не обмѣнивались органами для связи, а техническая связь, какъ мы видѣли, была прервана въ XX-мъ корпусѣ уже съ утра 15-го февраля. Повторяемъ, тѣмъ болѣе было основаній какъ-нибудь добиться возможности возстановить сношенія. Отвѣтственность падаетъ въ особенности на командира XX-го корпуса, но въ высокой степени виновенъ и Командующій арміи. Казалось бы въ критическіе дни 16-го — 17-го февраля

---

*) Судя по приложеннымъ къ «Міровая Война 1914 — 1918» кроки расположенія войскъ 21-го февраля, эта дивизія была остановлена на шоссе Августовъ-Гродна, не доходя до д. Грушки.

**) Телеграмма ген. Булгакова отъ 14-го февраля 9 ч. 10 м. веч. съ увѣдомленіемъ объ уходѣ въ Махарцы—Гибы—Сопоцкинъ до нѣкоторой степени объясняетъ отсутствіе такого увѣдомленія. Если сношеніе XX-му корпусу было передано по аппарату Юза, то понятно, что оно не дошло.

мѣсто его, или хотя бы одного изъ офицеровъ Штаба, было при арміи, а не въ Гроднѣ, съ которою онъ былъ связанъ желѣзною дорогою и телеграфомъ. Прямая обязанность командующаго арміи генерала Сиверса заключалась въ согласованіи отхода оставшихся трехъ корпусовъ за оборонительную линію. Нельзя было оставаться равнодушнымъ къ факту прекращенія связи съ XX-мъ корпусомъ съ утра 15-го февраля, имѣя сообщить корпусу столь важныя свѣдѣнія, какъ занятіе противникомъ Сопоцкина 15-го февраля вечеромъ и вступленіе туда же на слѣдующій день «многихъ полковъ пѣхоты съ тяжелою артиллеріею», какъ о томъ въ моментъ вступленія нѣмцевъ въ Сопоцкинъ сообщилъ по проводу дежурный телеграфный чиновникъ городской станціи. Въ концѣ-концовъ, важно было дать знать и о занятіи Липска кавалеріею противника. Въ такіе моменты нельзя не напрягать всѣ усилія и средства для спасенія своихъ отъ гибели.

Какъ видно, XX-ый корпусъ, вслѣдствіе потери связи съ генераломъ Радкевичемъ и со Штабомъ арміи, 17-го февраля своимъ движеніемъ отъ Горчицы на Сопоцкинъ, самъ того не вѣдая, вошелъ въ ту петлю, которая ему готовилась противникомъ. Въ то же время генералъ Радкевичъ отвелъ свои корпуса въ порядкѣ за Бобръ.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ XX-го корпуса 17-го февраля, когда генералъ Булгаковъ рѣшился продолжать свой отходъ за Августовскій каналъ съ намѣреніемъ дальше двинуться на Сопоцкинъ.

Изъ дневника автора. «Имѣя въ виду вышеизложенное обстоятельство, что лѣсъ къ востоку отъ озера Сервы 16-го февраля былъ не безусловно въ нашихъ рукахъ, командиръ корпуса рѣшилъ для дальнѣйшаго отхода ограничиться лишь одною дорогою по западному берегу оз. Сервы до Горчицы, что, конечно, должно было сильно задержать, какъ втягиваніе въ колонну, такъ и быстроту отхода. Но настроеніе было побѣдное. На убитомъ нѣмецкомъ офицерѣ былъ найденъ приказъ командира XXI-го германскаго корпуса, въ которомъ цѣлью дѣйствій на 15-ое февраля ставилось окруженіе русскихъ войскъ, сгрупированныхъ около Августова. Старшіе чины XX-го корпуса, поэтому, считали, что съ боемъ 27-ой дивизіи у Махарцы 16-го февраля планъ германцевъ потерпѣлъ крушеніе, и что слѣдствіемъ для насъ являлась «гладкая дорога до Сопоцкина.»

Между тѣмъ, были другія соображенія, которыя повелительно требовали движенія широкимъ фронтомъ по нѣсколькимъ дорогамъ, съ отводомъ для обозовъ особой дороги. Главнымъ образомъ, это было нужно въ интересахъ скорости движенія. Нужно было во что бы то ни стало и скорѣе оторваться отъ противника. Войска отъ нужныхъ и ненужныхъ ночныхъ маршей и боевъ порядкомъ измотались. Слѣдованіе по одной дорогѣ съ обозами, то и дѣло застрявавшими по дорогѣ, было тяжело ночью, вызывая иногда часовыя томительныя остановки, которыхъ никакъ нельзя было назвать отдыхомъ, а скорѣе изводомъ. Въ Копанайцахъ, какъ при выходѣ изъ Сувалокъ, потребовалась вся ночь для втягиванія войскъ и обозовъ въ колонну. Войска же, вмѣсто отдыха, стояли и ждали очереди для вступленія въ походную колонну.

Прикрывавшій отходъ съ сѣвера мой арьергардъ лишь къ 9 час. утра 17-го февраля могъ занять то положеніе отъ Копанайце—Дановске — западный конецъ оз. Близно, которое онъ долженъ былъ занимать до полученія распоряженія отойти за остальными войсками корпуса. Правѣе меня до Глембокаго Брода занялъ свое положеніе правый арьергардъ генерала Джонсона — 27-ая дивизія и 116-ый и 209-ый пп. Для непосредственной охраны переправы у Горчицы былъ назначенъ арьергардъ полковника Рябенко (110-ый, 112-ый и 115-ый пѣх. полки).

Такимъ образомъ всѣ войска корпуса были распредѣлены по тремъ арьергардамъ для прикрытія полупустыхъ обозовъ и парковъ корпуса, сборъ и отходъ коихъ, кстати сказать, совершался въ непорядкѣ и съ большою медлительностью. При большей организованности отхода обозовъ, конечно, можно было бы пройти на Августовскій каналъ всѣми войсками и обозами уже къ утру 17-го февраля. Такимъ образомъ можно было бы избѣгнуть нежелательныхъ боевъ 17-го февраля. Какъ сказано выше, важность быстраго отрыва отъ соприкосновенія съ противникомъ не сознавалась командиромъ корпуса.

Къ Тоболову командиромъ корпуса уже 16-го февраля были выдѣлены 6 ротъ Вяземскаго полка подъ начальствомъ капитана Вильчинскаго съ указаніемъ, въ случаѣ напора противника, отходить по дорогѣ на Махарцы. Мнѣ было приказано 17-го числа, по полученіи разрѣшенія сняться съ позиціи, отходить на Чарны Бродъ и на слѣдующій день слѣдовать особою колон. (209-ый 211-ый и 212-ый пп. съ 53-ей арт. бриг.) въ общемъ направленіи черезъ Рубцово на Сопоцкинъ. Произведенная

моимъ распоряженіемъ развѣдка пути слѣдованія на Чарны Бродъ и далѣе показала, что переправа черезъ Августовскій каналъ возможна у Чарны Бродъ лишь для пѣхоты и легкихъ повозокъ. По этой причинѣ и не имѣя саперъ для наводки моста, я направилъ артиллерію на Горчицкую переправу съ приказаніемъ слѣдовать дальше на югъ до перекрестка по дорогѣ въ Езіонова и тамъ утромъ 18-го февраля выждать подхода пѣхоты изъ Чарны Бродъ.

Прибывъ 17-го февраля утромъ на назначенный мнѣ Штабомъ корпуса командный пунктъ, я видѣлся съ генераломъ Джонсономъ, съ которымъ мы условились о порядкѣ отхода въ зависимости отъ наступленія противника къ моменту полученія приказа объ отходѣ. Поле сраженія 16-го февраля у Серскаго Ляса было усѣяно массою еще непогребенныхъ тѣлъ убитыхъ.

До полудня 17-го февраля, часовъ въ 11, послышалась со стороны д. Тоболово сильная перестрѣлка — пулеметный и орудійный огонь, продолжавшійся до 2 час. дня, когда онъ замѣтно еще усилился. Ровно въ 2 часа дня командиръ 212-го полка вызвалъ меня къ телефону и доложилъ, что въ Копанайцы прибылъ посланный капитаномъ Вильчинскимъ *) развѣдчикъ съ запиской (безъ кроки расположенія) отъ 12 час. дня, въ которой онъ настоятельно просилъ меня о помощи. Тяжело отказывать сосѣду въ помощи, но, имѣя на участкѣ въ 9 верстъ по фронту всего 6 бат. 3-хъ ротнаго слабаго состава, невольно призадумаешься, тѣмъ болѣе что отстаиваніе именно деревни Тоболово мнѣ казалось неумѣстнымъ, а упорство безъ нужды въ арьергардахъ было не въ интересахъ отхода. Вѣдь капитану Вильчинскому было указано, куда отходить въ случаѣ напора противника. Двинуть мнѣ 1—2 батальона въ дефилэ на Тоболово значило бы ослабить оборону самаго важнаго праваго фланга моего положенія и подвергнуть посланные батальоны риску движенія по дефилэ, со всѣми возможностями отъ обхода противникомъ. Особенно я опасался, какъ бы противникъ не ворвался на мою позицію на плечахъ посланныхъ батальоновъ въ случаѣ ихъ неудачи. Я поэтому рѣшилъ изъ-за ошибки капитана Вильчинскаго не сдѣлать второй, по собственной винѣ, и отказалъ въ помощи, совѣтуя капитану Вильчинскому отойти, какъ ему было указано раньше, на Махарцы.

---

*) Въ распоряженіе капитана Вильчинскаго не было достаточнаго количества проволоки для установленія телефонной связи. Отмѣчаемъ это обстоятельство въ поясненіе всѣхъ нашихъ горестей по управленію и связи.

Черезъ полчаса перестрѣлка замолкла, и я понялъ, что все было кончено, и что если бы я и хотѣлъ помочь, то было бы слишкомъ поздно *).

Нѣсколько позже было получено приказаніе командира корпуса: арьергардамъ отойти въ 5 ч. дня. По условію съ генераломъ Джонсономъ было рѣшено, что тотъ изъ арьергардовъ, который къ этому времени будетъ атакованъ противникомъ, остается, давая сосѣду возможность сняться и отойти. Послѣ окончанія боя у Тоболова противникъ двинулся по восточному берегу оз. Тоболова и вышелъ противъ блажайшаго ко мнѣ 209-го пѣх. полка. Генералъ Джонсонъ уже отвелъ назадъ всю 27-ую дивизію изъ центра своего расположенія, и вся тяжесть боя выпала на 209-ый полкъ у Серскаго Ляса, и на 116-ый полкъ на участкѣ Махарцы—Глембокій Бродъ. Послѣдній полкъ имѣлъ дѣло не только съ прибывшими по шоссе изъ Сейнъ 4—5 батальонами 59-ой бригады 42-ей пѣх. дивизіи, но былъ атакованъ и съ сѣвера со стороны Сернетки полкомъ 78-ой рез. дивизіи. 116-ый полкъ съ выдающимся упорствомъ отбивался, но потерпѣлъ очень крупныя потери. Къ позднему вечеру доблестный полкъ отошелъ къ переправѣ у Горчицы.

209-ый полкъ съ 2-мя полевыми и 1 мортирной батареями съ полнымъ успѣхомъ отражалъ всѣ попытки двухъ полковъ 78-ой рез. дивизіи дебушировать изъ лѣса, что къ сѣверу отъ Серскаго Ляса. Присутствуя на мѣстѣ боя, я могъ констатировать дисциплину огневой обороны, которая была прекрасно организована и проведена блестящимъ образомъ командиромъ полка, полковникомъ Миглевскимъ. Подъ прикрытіемъ 209-го полка отошли вполнѣ спокойно 211-ый и 212-ый полки. Часамъ къ 10-ти ве-

*) Отъ оставшихся въ живыхъ офицеровъ, участниковъ этого боя, я впослѣдствіи узналъ, что капитанъ Вильчинскій, увлекаясь упорною обороною самой деревни, далъ себя отрѣзать отъ пути на Махарцы. Онъ былъ атакованъ съ запада и съ сѣвера. Однако, передки и зарядные ящики приданнаго отряду артиллерійскаго взвода ускакали въ Махарцы на присоединеніе къ своей (4-ой) батареѣ 29-ой арт. бригады. Путь же на Копанайцы оставался открытымъ, но находился подъ такимъ сильнымъ огнемъ, что отходъ днемъ по немъ былъ признанъ невозможнымъ. Во 2-мъ часу капитанъ Вильчинскій былъ смертельно раненъ. Къ 2 ч. 30 м. дальнѣйшее сопротивленіе было прекращено, и остатки отряда въ числѣ 7 офицеровъ и 250 человѣкъ попали въ плѣнъ. По германскимъ источникамъ, д. Тоболово была атакована 2-мя полками 78-ой рез. див. съ запада и съ сѣвера. Такъ погибли доблестный офицеръ и многіе храбрецы жертвою неправильнаго пониманія значенія и характера обороны такъ называемаго «передоваго пункта», о пользѣ которыхъ военная доктрина уже до войны отзывалась вполнѣ отрицательно.

чера походная колонна всѣхъ трехъ полковъ 53-ей дивизіи уже вытянулась по пути къ Чарны Бродъ, куда мы прибыли на ночлегъ только во 2-мъ часу ночи. Охраненіе было выставлено на западъ и на сѣверъ. Вспоминаю особливо этотъ переходъ, такъ какъ во время его произошелъ единственный въ дивизіи за весь періодъ отхода случай паники, которую мнѣ, однако, удалось прекратить въ самомъ ея началѣ, благодаря личной моей близости къ мѣсту происшествія.

Вскорѣ послѣ прибытія на ночлегъ ко мнѣ явился изъ Штаба корпуса офицеръ съ извѣстіемъ, что связь съ генераломъ Чижовымъ возстановлена, и съ приказаніемъ двинуться не отдѣльною колонною, а втянуться въ общую походную колонну корпуса на Микашевку съ такимъ расчетомъ, чтобы въ 7 часовъ утра, 18-го февраля пройти меридіанъ Горчицы. Этотъ же офицеръ мнѣ сообщилъ, что Сопоцкинъ занятъ нѣмцами и что бой за овладѣніе городомъ генераломъ Чижовымъ 17-го февраля былъ неуспѣшенъ. Я былъ не мало огорченъ отказомъ командира корпуса отъ движенія двумя колоннами тѣмъ болѣе, что, очевидно, предстоялъ бой, для котораго важно было сразу развернуть возможно больше силъ. Кромѣ того, я считалъ 53-ью дивизію съ ея сильною и отличною, подъ временнымъ командованіемъ опытнаго подполковника Попова, артиллеріею (9 бтр.) *) настолько слаженною, что она могла быть использована на ряду съ полевыми дивизіями. Нечего было дѣлать, и я съ грустью отдалъ соотвѣтствующія приказанія, съ назначеніемъ выступленія въ 5 час. 30 мин. утра, 18-го февраля.»

Какъ резюме дѣйствій XX-го кор. нельзя не отмѣтить, что если бы генералъ Булгаковъ внимательнѣе относился къ обстановкѣ, то онъ могъ бы уже 16-го февраля отдать себѣ отчетъ въ томъ, что группа генерала Радкевича, или самовольно, или подъ давленіемъ противника, можетъ быть, отойдетъ за р. Бобръ. Въ такомъ случаѣ XX-ый корпусъ окажется въ одиночествѣ въ Августовскомъ лѣсу, и, естественно, привлечетъ на себя все тѣ силы противника, которыя окажутся свободными для новыхъ задачъ. Естественно было допустить, что эти задачи явятся продолженіемъ уже неизмѣнно проявившагося его стремленія отрѣзать насъ отъ Нѣмана. Это обстоятельство, однако, никакъ не вязалось съ ранѣе даннымъ указаніемъ генерала Сиверса XX-му корпусу — отойти черезъ Сопоцкинъ за Нѣманъ. Для

---

*) Изъ коихъ одна — 84-ой арт. бригады. Она оторвалась отъ своей бригады 15-го февраля и попала въ XX-ый корпусъ.

исполненія этого указанія Командующаго арміи обстановка представлялась весьма опасною еще въ слѣдующихъ отношеніяхъ. Отступленіе по дорогѣ Горчица—Микашевка—Сопоцкинъ должно было совершаться при условіи оставленія у себя на флангѣ наступавшаго съ сѣвера на югъ противника, установленнаго 13-го февраля на линіи Сувалки—Сейны. О силахъ этого противника мы уже имѣли точныя данныя изъ боевъ *).

Затѣмъ можно было припомнить и полученныя 13-го февраля свѣдѣнія, что нѣмцы изъ Кальваріи направили двѣ сильныя колонны: одну на югъ, а другую на юго-востокъ. Направленную на югъ въ Сейны колонну составляли 42-ая дивизія XXI-го корпуса. Взглядъ въ справочникъ германскихъ войскъ могъ дать правдоподобную догадку, что на юго-востокъ отошла изъ Кальваріи вторая изъ дивизій, входившихъ въ составъ германскаго XXI-го корпуса — 31-ая дивизія. О ней, однако, никакихъ свѣдѣній въ корпусъ не поступило. Такимъ образомъ, можно было безошибочно считать, что съ сѣвера на югъ наступало противъ фланга XX-го корпуса не менѣе 5-ти непріятельскихъ дивизій, которыя, само собой, въ дальнѣйшемъ бездѣйствовать не будутъ. Если же группа генерала Радкевича отошла за Бобръ, надо было допустить, что противнику изъ Августова окажется возможнымъ направить кое-какія войска вслѣдъ за XX-мъ корпусомъ, пользуясь хорошими дорогами отъ Августова на востокъ. При такой обстановкѣ, казалось бы, быстрота дѣйствія была настоятельно необходима. Генералъ Булгаковъ этого не понялъ и не сумѣлъ воспользоваться днемъ 16-го февраля для установленія связи и перехода черезъ Августовскій каналъ, и, 17-го февраля, дальше черезъ Бобръ у Каменной.

Какъ изъ главы V-ой видно, время оставалось до 12 ч. дня 18-го февраля. До этого времени никакая опасность не угрожала ни переправѣ войскъ черезъ Каменной на Бобрѣ, ни движенію отъ Горчицы къ переправѣ. Состояніе этой переправы корпусомъ не было провѣрено, несмотря на наличіе въ составѣ корпуса 1 сапернаго батальона и 2-хъ отд. саперныхъ ротъ, оставшихся безъ дѣла.

Вотъ та обстановка, при которой генералъ Булгаковъ терялъ драгоцѣнное время, не подозрѣвая даже, что спасеніе корпуса

---

*) Мы столкнулись съ 75-ой дивизіею 12-го февраля подъ Кальвейтшеномъ и 13-го и 14-го февраля подъ Сувалками; 76-ая дивизія была установлена 14-го февраля у Вижайнъ и 16-го февраля противъ д. Монкинъ; 78-ая дивизія подъ Тоболовымъ и у Глембокаго Брода 16-го февраля и тогда же у Махарцы 42-ая дивизія, прибывшая изъ Сейнъ.

было такъ близко и такъ возможно. Съ потерею связи генералъ Булгаковъ обрекъ свой корпусъ на гибель.

Положеніе XX-го корпуса у Горчицы 17-го февраля немало напоминало положеніе корпуса 13-го февраля у Сувалокъ, но, несомнѣнно, являлось болѣе опаснымъ въ случаѣ переправы группы Радкевича за Бобръ.

Поставленный въ нормальныя для работы условія Штабъ корпуса, по всей вѣроятности, высказался бы въ этомъ же духѣ при рѣшеніи генерала Булгакова двинуться на Сопоцкинъ, какъ онъ считалъ, согласно указанія генерала Сиверса. Надо полагать, что Начальникъ Штаба напомнилъ бы о разрѣшеніи отходить совмѣстно съ XXVI-мъ корпусомъ и настоялъ бы на выборѣ хотя бы пути прямо къ Гроднѣ въ направленіи на Липскъ, какъ на менѣе рискованномъ пути для безпрепятственной затѣмъ переправы черезъ Нѣманъ по мостамъ въ самой крѣпости Гроднѣ.

Отмѣтимъ еще, что генералъ Булгаковъ принялъ рѣшеніе двинуться на Сопоцкинъ, не имѣвъ случая послѣ 14-го февраля снестись съ Генераломъ Сиверсомъ по причинѣ утраты возможности пользоваться телеграфнымъ проводомъ и потери корпусной радіостанціи. При болѣе внимательномъ отношеніи къ важному значенію тѣсной связи, онъ бы вспомнилъ о существованіи въ бездѣйствовавшихъ Штабахъ 29-ой и 53-ей дивизіяхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, которымъ задача возстановленія связи съ успѣхомъ могла быть поручена уже 16-го февраля, пока Августовъ еще былъ въ нашихъ рукахъ. Генералъ Булгаковъ оставался въ невѣдѣніи главныхъ факторовъ обстановки, а потому въ дальнѣйшемъ блуждалъ какъ слѣпой, по Августовскому лѣсу, имѣя путеводною звѣздою Сопоцкинъ, согласно больше не отвѣчавшаго обстановкѣ, одного изъ приказовъ генерала Сиверса.

Для полученія возможно полной картины обстановки на Восточно-Прусскомъ театрѣ въ эти критическіе дни необходимо нѣсколько вернуться назадъ по времени и вкратцѣ описать событія на Наревскомъ и на Млавскомъ участкахъ.

Лѣсисто-болотистая, а мѣстами песчаная мѣстность на Наревскомъ участкѣ, въ особенности въ его западной части, съ многочисленными дефилэ и болотистыми рѣчными долинами, и рѣдкая сѣть плохихъ дорогъ, особенно поперечныхъ, давали оборонѣ преимущество передъ наступленіемъ. А на Прусской сторонѣ границы участокъ упирался въ обширный, укрѣпленный Іоган-

нисбургскій лѣсъ и въ Мазурскую и Лыкскую озерныя системы. На Млавскомъ участкѣ мѣстность не представляла затрудненій для маневрированія, и дорожная сѣть была довольно густа.

Послѣ нашего, въ концѣ января, усиленія войскъ, дѣйствовавшихъ на Млавскомъ направленіи, какъ мы видѣли, удалось продвинуться впередъ, и наша кавалерія уже переходила черезъ пограничную черту своими развѣдывательными эскадронами. Но вскорѣ послѣ этого противникъ значительно усилился.

При составленіи своего плана фельдмаршалъ Гинденбургъ *) имѣлъ въ виду образовать особую армейскую группу подъ начальствомъ генерала Гальвица для наступленія противъ нижняго Нарева во флангъ нашей 12-ой арміи въ случаѣ ея наступленія противъ растянутаго германскаго праваго фланга. Уже 7-го января генералъ Гальвицъ получилъ свое новое назначеніе.

Въ данной генералу Гальвицу инструкціи говорилось, между прочимъ:

«Въ теперешнемъ своемъ составѣ, армейская группа въ состояніи отстоять свое положеніе противъ русской 12-ой арміи, тѣмъ болѣе, что пѣхота пополнена до полнаго числа рядовъ и располагаетъ многочисленною тяжелою артиллеріею. Какъ только сосредоточеніе окончится, около 11-го февраля нужно подумать о продвиженіи впередъ праваго фланга сперва до р. Скрва, чтобы такимъ образомъ находиться на флангѣ русской арміи въ случаѣ ея наступленія, и затѣмъ продвинуться дальше впередъ съ цѣлью вхожденія въ тѣсную связь съ лѣвымъ флангомъ 9-ой арміи у устья р. Бзуры. Дальнѣйшія указанія оставляю за собою.»

9-го февраля расположеніе армейской группы съ юга на сѣверо-востокъ было слѣдующее:

Отъ Влоцлавска на сѣверо-востокъ до Скемпе находился корпусъ Дикхута, имѣя на лѣвомъ своемъ флангѣ усиленную 75-ую пѣх. бригаду (изъ 37-ой див. XX-го корпуса). Дальше находилась высадившаяся у Страсбурга 1-ая Гвард. рез. дивизія по обѣ стороны Шутово, гдѣ въ предыдущіе дни бригада 2-ой германской кав. дивизіи выдержала бой съ большими для нея потерями. Лѣвый флангъ Гвард. рез. дивизіи нѣсколько переходилъ за шоссе Рыпинъ-Серпецъ. Дальше стояла 2-ая кав. дивизія до Родзанова, а затѣмъ корпусъ Цастрова, обширною дугою

*) За неимѣніемъ русскихъ источниковъ пришлось позаимствовать эти краткія свѣдѣнія изъ германской Исторіи Войны 1914 — 1918 гг.

впереди Млавы, вплоть до Янова. Лѣвый флангъ корпуса состоялъ изъ ландштурменныхъ баталіоновъ.

Генералъ ф. Гальвицъ считалъ, что только движеніемъ впередъ правымъ флангомъ, перехода на два, можно было добиться расположенія, обезпечивавшаго наступленіе германскихъ армій на востокъ, а потому онъ въ день же своего вступленія въ командованіе — 10-го февраля — приказалъ продолжать уже начатое наступленіе противъ Серпца одновременно съ переходомъ въ общее наступленіе всѣмъ правымъ флангомъ съ тѣмъ, чтобы затѣмъ, по прибытіи 1-го рез. корпуса изъ 9-ой арміи, вести новое наступленіе своимъ лѣвымъ флангомъ.

Серпецъ былъ занятъ 12-го февраля, а въ послѣдующіе дни былъ достигнутъ Голешинъ и районъ Дробинъ-Раціондзъ. Тѣмъ временемъ, подчиненныя армейской группѣ половина 37-ой пѣх. дивизіи генерала ф. Штаабсъ съ отрядомъ Гослиха въ 3 бат. 2 эск. и 1½ бтр., перешедшія въ наступленіе на Кадзидло и за этимъ пунктомъ, были вынуждены превосходными нашими силами (10-ая дивизія IV-го Сиб. корпуса и 5-ая стр. бриг.) отойти назадъ до полупути къ Мышинцу.

Дальнѣйшій планъ генерала ф. Гальвица заключался въ томъ, чтобы направить высаживавшійся у Вилленберга 1-ый рез. корпусъ на югъ ударной группою. Одновременное наступленіе центра и праваго фланга должно было вестись такъ, чтобы фронтъ отъ Вислы, примкнувъ къ лѣвому флангу 9-ой арміи, тянулся кратчайшимъ путемъ въ направленіи на Млаву. Эта линія почти была достигнута 15-го февраля и тянулась нѣсколько къ востоку отъ большой дороги на Млаву черезъ Плоцкъ — Бѣльскъ — Дробинъ — Разіондзъ до Щегова.

Отошедшія передъ этимъ наступленіемъ наши 76-ая и 77-ая дивизіи, Конная группа генерала Эрдели и кав. корпусъ генерала Орановскаго, послѣ успѣховъ своего наступленія въ началѣ февраля, теперь оказались не въ силахъ удержать нѣмецкое наступленіе. Но съ лѣваго берега Вислы уже подходилъ XIX-ый корпусъ, двигавшійся своей 38-ой дивизіею на Цѣхановъ, около котораго былъ расположенъ нашъ I-ый Турк. корпусъ, фронтомъ противъ корпуса Цастрова, находившагося впереди Млавы. У Прасныша была 63-ья дивизія, а далѣе на востокъ конница генерала Химеца (Сводн. кав. дивизія и Уссурійская кав. бригада).

Одновременно съ этимъ переходомъ въ наступленіе группы генерала Гальвица, по свѣдѣніямъ нашего Штаба фронта, переброска германскихъ войскъ продолжалась съ лѣваго берега на

правый, главнымъ образомъ, для усиленія Млавскаго направленія.

Надежда генерала Рузскаго добиться совмѣстныхъ дѣйствій 12-ой и 10-ой армій могла осуществляться лишь медленно. Только 14-го февраля назначенныя для прикрытія района сосредоточенія 12-ой арміи части появились на р. Наревѣ: 1-ая Кавк. стр. бригада *) у Ломжи для дальнѣйшаго слѣдованія въ Кольно и образованія, совмѣстно съ 1-ою отд. кав. бригадою, отряда генерала Бендерева; 5-ая стр. бригада (безъ одного полка) того же числа появилась въ Остроленкѣ для направленія черезъ Кадзидлю къ Мышинцу, а далѣе 2-ая кав. дивизія у Пултуска для прикрытія лѣваго фланга.

Въ составъ 12-ой арміи на этомъ участкѣ должны были войти еще Гвардейскій (у Ломжы), II-ой (у Осовца), XV-ый (у Ломжы) и IV-ый Сиб. корпусъ (на участкѣ Остроленко-Новогродъ) и 4-ая кав. дивизія, послѣдняя для охраны фланга арміи въ районѣ между рѣками Омулевымъ и Оржицемъ.

Такъ какъ одновременно было обнаружено наступленіе противника съ линіи Хоржеле-Іоганнисбургъ, XXVII-ый корпусъ изъ Блоне черезъ Новогеоргіевскъ былъ направленъ къ Праснышу. Кромѣ того, было приказано спѣшно вывести въ резервъ II-ой и XIX-ый корпуса.

11-го февраля IV-ый Сиб. корпусъ былъ перевезенъ: къ районъ Осовца, а Гвардейскій корпусъ въ Ломжу. Послѣдній высаживался у Червоннаго Бора 14-15-го февраля. I-ая гвардейская дивизія 16-го февраля заняла Стависки.

11-го февраля IV-ый Сиб. корпусъ былъ перевезенъ: къ 16-му февраля одною дивизіею въ Остроленку, другою въ Новогродъ. Къ этому же времени было отдано приказаніе о перевозкѣ XV-го корпуса.

13-го февраля Генералъ Рузскій просилъ Ставку, если будетъ найдено возможнымъ, выдвинуть одну дивизію этого корпуса, находившагося пока въ распоряженіи Верховнаго, на Сопоцкинъ. Тогда же онъ, принимая во вниманіе, что распоряженіями 10-ой арміи переправа у Олиты недостаточно обезпечена отъ захвата противникомъ, проситъ направить въ Олиту одинъ изъ корпусовъ 4-ой арміи. Генералъ Даниловъ въ этомъ сперва отказалъ,но, все же, уже 14-го февраля послѣдовало распоряженіе о немедленной перевозкѣ къ Оранамъ III-го Кавк. корпуса съ юго-западнаго фронта.

---

*) Выдѣливъ одинъ полкъ для охраны переправы у Визны.

Между тѣмъ, положеніе въ 10-ой арміи, по свѣдѣніямъ Штаба фронта, угрожало окончиться полной катастрофой, если ея корпусамъ не удастся отойти за Нѣманъ и за Бобръ. Потери въ 10-ой арміи, кромѣ того, считались столь значительными, что Штабъ фронта не полагалъ возможнымъ скоро возстановить ея боеспособность для перехода въ наступленіе. 16-го февраля положеніе 10-ой арміи считалось Штабомъ С.-Зап. фронта «почти безнадежнымъ», такъ какъ нѣмцы заняли пути Августовъ — Сопоцкинъ, и надвигаются на шоссе Августовъ — Гродна; остается одинъ путь на Штабинъ. Стало извѣстно, что ночью Сопоцкинъ занятъ передовыми частями нѣмцевъ; положеніе крѣпости Гродны безъ достаточнаго гарнизона внушаетъ опасенія. Штабъ фронта телеграфируетъ въ Ставку: «Нужно то или иное рѣшеніе вопроса о прибывающей дивизіи XV-го корпуса. Обводъ крѣпости 64 версты, гарнизонъ состоитъ изъ 6-ти дружинъ ополченія и 8 зап. ротъ. Главнокомандующій проситъ распоряженій о перевозкѣ дивизіи изъ Соколки въ Гродну». XV-ый корпусъ переданъ сѣв. зап. фронту и включенъ въ 10-ую армію, которая его назначила гарнизономъ крѣпости. Но въ ожиданіи прибытія этого корпуса, крѣпость Гродна въ теченіе ближайшихъ дней оставалась безъ гарнизона, а о судьбѣ нашего XX-го корпуса никакихъ свѣдѣній не имѣлось. Для обороны Нѣмана отъ Ковны до Гродны оставались лишь сильно разстроенныя 56-ая и 73-ья пѣхотныя и 1-ая и 3-ья кав. дивизіи. Переправы на Бобрѣ не были укрѣплены, а черезъ эту рѣку отходили XXVI-ой и III-ій Сиб. корпуса, бригада 28-ой дивизіи и сводная бригада XX-го корпуса. Удастся ли послѣднимъ корпусамъ удержать переправы, оставалось подъ вопросительнымъ знакомъ. Вся эта обстановка и, въ частности, поступившее 16-го февраля свѣдѣніе о захватѣ противникомъ Сопоцкина и Липска произвели сильное впечатлѣніе въ Ставкѣ и въ Штабѣ фронта. Того же 16-го февраля, бывшій въ пути въ 12-ую армію II-ой корпусъ, выдѣливъ одинъ полкъ для усиленія гарнизона, вмѣсто Осовца направляется въ Соколку-Бѣлостокъ. Наблюдающему за конскимъ депо въ Вильнѣ Ставкою приказано «образовать наблюдательные эскадроны и, по соглашенію со Штабомъ Округа, освѣтить мѣстность въ сторону Нѣмана и усилить существующее охраненіе желѣзныхъ дорогъ».

16-го февраля съ одобренія генерала Рузскаго, Командующій 10-ой арміи, въ виду описанной обстановки, рѣшилъ занять позицію на линіи Новый Дворъ — Домброва — Штабинъ.

Командующему 2-ой арміей Ставкою предложено спѣшно

вывезти въ Варшаву для перевозки въ Бѣлостокъ II-ой Сиб. корпусъ, а генералъ Рузскій проситъ направить уже высадившуюся у Ломжи Гвардію въ Бѣлостокъ. Туда же, вмѣсто прежняго назначенія въ Ораны, былъ направленъ также и III Кавк. корпусъ.

Нельзя не признать, что крайне неудовлетворительная связь командующаго 10-ой арміи съ собственными войсками послужила причиной того, что Штабъ фронта оказался недостаточно освѣдомленнымъ въ обстановкѣ около Августова и Сувалокъ, и ничего не зналъ о пріостановленіи противникомъ своего наступленія. Ничего не было извѣстно о силѣ противника, захватившаго Сопоцкинскія высоты, и о томъ, куда дѣлся XX-ый корпусъ. Точно также не поступило свѣдѣній объ оборонительной силѣ р. Бобра въ это время года и о состояніи войскъ. Опасное положеніе 10-ой арміи, поэтому, на верхахъ разсматривалось въ преувеличенномъ видѣ, и считалось даже болѣе безнадежнымъ, чѣмъ оно въ самомъ дѣлѣ было. Поэтому возможность отстаивать оборонительную линію Гродна — р. Бобръ представлялась болѣе чѣмъ сомнительною. Ставка пришла къ выводу, что сообщенія армій всего фронта находятся въ непосредственной опасности, и что, поэтому, главное вниманіе должно быть обращено на ихъ отстаиваніе. Не имѣя стратегическаго резерва, Ставка считала, что войска фронта должны «предупредить развитіе германскаго удара въ направленіи на Бѣлостокъ — Гродна» *).

16-го февраля Главковерхъ доносилъ Государю Императору краткое изложеніе событій въ 10-ой арміи и о томъ, что на участкѣ между Вильною и Вкрой непріятельскія силы увеличиваются. Дальше онъ доноситъ: «Создавшаяся обстановка вынудила генералъ-адъютанта Рузскаго отказаться отъ намѣченной контръ-атаки и принять новыя мѣры къ усиленію нашего праваго крыла, куда моимъ повелѣніемъ переводится также часть силъ изъ состава юго-западнаго фронта».

Генералу Рузскому пришлось считаться съ необходимостью на случай нашего неуспѣха на Бобрѣ сосредоточить къ Бѣлостоку армію въ семь корпусовъ. Онъ еще не отказывался отъ наступленія 12-ою арміею въ данномъ уже направленіи, хотя онъ считалъ этотъ ударъ запоздалымъ. Съ прибытіемъ IV-го Сиб. корпуса ночью на 16-ое февраля въ Остроленку и Гвардіи съ Гв. Казачьей бригадой 14-го — 15-го февраля въ Ломжу, въ 12-ой арміи образовалось всего 5½ пѣхотныхъ и 3 кав. дивизіи,

*) Ставка считалась даже съ необходимостью въ крайнемъ случаѣ отойти за р. Зап. Бугъ, но ген. Рузскій былъ другого мнѣнія.

не считая гарнизона Осовца въ одну сводную дивизію. Но 16-го февраля генералъ Рузскій проситъ разрѣшенія направить гвардію въ Бѣлостокъ. Такъ какъ 1-ая Гвардейская дивизія уже заняла Стависки, то въ Бѣлостокъ отправились форсированнымъ маршемъ 1½ див. Гвардіи. 12-ая армія, такимъ образомъ, на 17-ое февраля насчитывала всего 4 пѣхотныя дивизіи.

Наступленіе гарнизона Осовца на Граево было противникомъ отбито, и 16-го февраля было получено извѣстіе объ отходѣ гарнизона на передовую позицію подъ давленіемъ сильнаго противника.

Одновременно генералъ Рузскій приказалъ перебросить II-ой Сиб. корпусъ въ составъ 12-ой арміи. I-ый и V-ый корпуса съ лѣваго берега Вислы должны были готовиться къ посадкѣ въ поѣзда, послѣдній изъ Варшавы.

На Торнскомъ и Млавскомъ направленіяхъ положеніе также, по мнѣнію генерала Рузскаго, принимало угрожающій характеръ.

Къ 16-му февраля германское наступленіе между Вислою и Млавою имѣло успѣхъ. Наша кавалерія генерала Орановскаго и генерала Эрдели была оттѣснена и отошла на Прусоцынъ, Глиноецкъ, Старожебы и Родзаново, оставаясь, такимъ образомъ, въ 1-2 переходахъ къ западу отъ желѣзной дороги Новогеоргіевскъ — Млава. Наступленіе нѣмцевъ на Кадзидло между рр. Шквою и Омулевымъ на Остроленку успѣха не имѣло. Нажимъ германцевъ противъ Кольно заставилъ генерала Бендерева отойти на югъ съ 1 Кавк. стр. бриг. и 1 Отд. кав. бр. Нѣмецкое наступленіе на Осовецъ продолжалось; гарнизонъ отходилъ на передовыя позиціи крѣпости.

По свѣдѣніямъ Штаба сѣв. зап. фронта, на Осовецъ наступало около дивизіи пѣхоты; на Ломжинскомъ направленіи считалась 41-ая див. XX-го корпуса, половина 37-ой див. этого корпуса въ районѣ Мышинца; вторая половина этой дивизіи была установлена на Серпецкомъ направленіи.

Наши части войскъ 16-го февраля занимали передовыя позиціи у Осовца и линію дд. Стависки, Кадзидло, Еднорожецъ, Грудускъ, Глиноецкъ.

У генерала Рузскаго сложилось мнѣніе, что противникъ имѣетъ въ виду произвести попытку къ охвату обоихъ фланговъ всѣхъ нашихъ войскъ на фронтѣ Наревъ — Бобръ. Онъ отчего-то теперь былъ твердо увѣренъ, что «главныя силы нѣмцевъ направляются на линію Осовецъ — Ломжу — Остроленку съ цѣлью прервать здѣсь наше расположеніе, и захватить Варшаву съ Востока».

Для противодѣйствія такой попыткѣ противника, ген. Рузскій проектировалъ изъ 18-ти корпусовъ, имѣвшихся въ его распоряженіи (кромѣ 10-ой арміи), оставить на лѣвомъ берегу Вислы всего 5 корпусовъ (2-ая и 5-ая армія), съ отходомъ этихъ двухъ армій назадъ на тыловую позицію Новогеоргіевскъ — Гура — Кальварія. Остальныя тринадцать корпусовъ онъ хотѣлъ развернуть на правомъ берегу Вислы: 1-ую армію генерала Литвинова на Млавскомъ направленіи, 12-ую армію генерала Плеве на фронтѣ Рожаны — Остроленка — Ломжа — Осовецъ, а у Бѣлостока предположенную къ формированію вновь армію въ семь корпусовъ.

Приказомъ отъ 16-го февраля онъ распредѣлилъ имѣвшіяся на правомъ берегу Вислы войска между 1-ой и 12-ой арміями въ указанныхъ районахъ. Въ 1-ую армію должны были войти 7 пѣх. и 7 кав. дивизіи, а въ 12-ую армію, считая и одну дивизію гарнизона Осовца, всего 6½ пѣх. и 3 кав. дивизіи. Задачи обѣихъ армій заключались въ оборонѣ отведенныхъ имъ участковъ съ переходомъ въ наступленіе при первой возможности.

Для обсужденія проектированныхъ генераломъ Рузскимъ мѣръ Верховный Главнокомандующій назначилъ на 17-ое февраля совѣщаніе подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ въ Сѣдлецѣ.

На этомъ совѣщаніи присутствовали также и Начальникъ Штаба сѣв.-зап. фронта и вызванные изъ Холма Главнокомандующій и Начальникъ Штаба юго.-зап. фронта.

Генералъ Рузскій доложилъ, что нѣмцы, подведя подкрѣпленія изнутри Имперіи и нѣкоторыя части съ Западнаго фронта, нынѣ, очевидно, направляютъ свои главныя усилія на то, чтобы достигнуть рѣшительныхъ успѣховъ на правомъ берегу Вислы и тѣмъ принудить насъ отойти отъ Варшавы. Для выполненія этого плана нѣмцы, сосредоточивъ не менѣе 10 корпусовъ на фронтѣ и на флангахъ 10-ой арміи, быстрымъ наступленіемъ съ обходомъ обоихъ фланговъ поставили нашу армію въ критическое положеніе, изъ котораго, если ей удастся выйти, то съ очень тяжкими потерями.

Параллельно съ этимъ нѣмцы, перебрасывая войска съ лѣваго берега Вислы на правый, стараются достигнуть рѣшительныхъ успѣховъ на Млавскомъ направленіи, дабы давленіемъ на этомъ направленіи въ связи съ одновременнымъ наступленіемъ лѣвофланговой группы на Бѣлостокъ, попытаться охватить съ обоихъ фланговъ наши войска на фронтѣ Нарева и Бобра.

Считая общія силы нѣмцевъ противъ сѣв.-западнаго фронта въ 21 корпусъ, и принимая во вниманіе, что на сѣв.-зап. фронтѣ, не считая 10-ой арміи, имѣется до 18 корпусовъ, ген. Рузскій находитъ необходимымъ принять всѣ мѣры къ скорѣйшей перегруппировкѣ съ тѣмъ, чтобы оставить на лѣвомъ берегу Вислы не свыше, можетъ быть, 5 корпусовъ, остальныя силы развернуть такъ:

1) 1-ая армія — 3½ корпуса (I-ый, XIX-ый, XXVII-ой и 77 п. див.) на Млавскомъ направленіи;

2) 12-ая Армія — 3½ корпуса въ районѣ Рожань — Остроленка и Ломжа;

3) 7 корпусовъ въ районѣ Гродна — Соколка — Бѣлостокъ. Изъ нихъ:

а) III Кавк., Гв., II-ой Сиб., I и V-ый корпуса въ районѣ Бѣлостока;

б) XV-ый корпусъ въ районѣ Бѣлостока;

в) II корпусъ въ районѣ Соколки.

Кромѣ того, предполагалось еще одинъ-два корпуса изъ числа находящихся между Вислою и Пилицею собрать въ общій резервъ у Острова и Вышкова.

Это развертываніе, по разсчетамъ Штаба сѣв.-зап. фронта, можно было закончить къ 3-му марта. Кромѣ того, ген. Рузскій высказывался, «что было бы болѣе осторожно, одновременно съ переброскою войскъ на правый берегъ Вислы, отойти на болѣе сокращенныя позиціи Новогеоргіевскъ — Гура — Кальварія».

Генералъ-Адъютантъ Ивановъ и генералъ Алексѣевъ заявили, что отходъ лѣвобережныхъ армій сѣв.-зап. фронта вынудитъ кореннымъ образомъ измѣнить расположеніе правофланговыхъ армій юго-западнаго фронта и признавали этотъ отходъ «крайне нежелательнымъ».

Главковерхъ утвердилъ предположенія генерала Рузскаго въ той ихъ части, которая касалась сбора и распредѣленія силъ на правомъ берегу Вислы. Что-же касается 2-ой и 5-ой армій, нашелъ желательнымъ «по совокупности всѣхъ соображеній, стремиться къ сохраненію этими арміями нынѣ занимаемыхъ позицій», при чемъ указалъ, что въ случаѣ, еслибы нѣмцы приступили на лѣвомъ берегу Вислы къ активнымъ дѣйствіямъ, 2-ой и 5-ой арміямъ должна быть оказана самая энергичная помощь со стороны сосѣднихъ съ ними армій юго-западнаго фронта». (Протоколъ совѣщанія).

Отмѣтимъ, что въ день совѣщанія въ Сѣдлецѣ III-ій Сиб. корпусъ безпрепятственнно уже переправился черезъ Бобръ и

занялъ свой участокъ, XXVI-ой корпусъ уже переправлялся, а 28-ая дивизія (безъ 5 б. и 2 бтр.) и Сводный полкъ 53-ей дивизіи заняли участокъ у Шушалево противъ Липска. Кромѣ того, прибыли изъ Ковны бывшіе въ Вержболовской группѣ 6 батальоновъ 27-ой дивизіи и Ливенскій полкъ 57-ой дивизіи, которые стали у Нов. Двора. Всего за Бобромъ, такимъ образомъ, собралось безъ малаго 6 вполнѣ боеспособныхъ дивизій. Мосты у Каменной и Штабина были въ нашихъ рукахъ, и противникъ еще 17-го февраля къ нимъ не подошелъ. Но свѣдѣній объ участи XX-го корпуса не поступило, хотя его авангардъ генерала Чижова въ этотъ день нащупывалъ расположеніе германской 31-ой дивизіи, занимавшей Сопоцкинскую позицію *). 1-ая и 3-ья кав. дивизія были въ пути къ Гроднѣ, куда онѣ должны были прибыть 17-го февраля съ тѣмъ, что бы на слѣдующій день, 18-го февраля, двинуться на Липскъ и Сопоцкинъ. II-ой корпусъ былъ въ перевозкѣ въ Бѣлостокъ и въ Соколку, гдѣ 18-го февраля долженъ былъ высадиться. Штабы III-го Сиб. и XXVI-го корпусовъ къ 17-му февраля уже были размѣщены въ Домбровѣ и Гроднѣ. Какъ видно, наше положеніе на Бобрѣ вовсе не являлось такимъ безнадежнымъ, какъ оно обрисовывалось Штабу фронта на основаніи донесеній, поступившихъ до Сѣдлецкаго совѣщанія 17-го февраля изъ Штаба 10-ой арміи.

Судя по протоколу Сѣдлецкаго совѣщанія, обсуждался лишь вопросъ о предложенномъ ген. Рузскимъ отходѣ 2-ой и 5-ой армій на позицію Новогеоргіевскъ — Кура — Кальварія.

Уже принятыя и вновь проектированныя генераломъ Рузскимъ мѣры по перегруппировкѣ войскъ фронта, безъ обсужденія, были санкціонированы Верховнымъ Главнокомандующимъ. Вѣроятно, всѣ вопросы, касающіеся переброски, раньше были предметомъ разговоровъ между ген. Рузскимъ и Ставкою. Очевидно было, что, подъ впечатлѣніемъ быстраго германскаго контръ-удара, мысль о возможности малыми силами захватить Восточную Пруссію была обойдена молчаніемъ, такъ какъ подобное предпріятіе при новой обстановкѣ требовало бы такого напряженія силъ и средствъ, которое наши арміи въ то время не были въ состояніи проявить. Укомплектованіе и снабженіе огнестрѣльными припасами поступали медленнѣе, чѣмъ можно было ожидать, а провозоспособность густой желѣзно-дорожной сѣти

*) Этотъ фактъ высшимъ штабамъ былъ неизвѣстенъ. (Примѣчаніе автора).

Германіи давала противнику неисчислимыя преимущества. Преслѣдуемая перегруппировкою цѣль являлась чисто пассивно-оборонительнаго характера — остановить наступленіе противника въ угрожаемыхъ мѣстахъ. Не было и намека на принятіе активныхъ мѣръ, могущихъ остановить германское наступленіе противъ нашей 10-ой арміи.

Ранѣе предположенное наступленіе 12-ой арміей для взаимодѣйствія съ 10-ой арміей было отставлено, какъ «уже запоздалое». Находившіеся въ перевозкѣ для сосредоточенія 12-ой арміи корпуса (II-ой и XV-ый) въ числѣ другихъ корпусовъ получили новыя распоряженія для пунктовъ выгрузки въ районѣ Бѣлостока. А когда затѣмъ на слѣдующій день послѣ Сѣдлецкаго совѣщанія выяснилась ложная тревога изъ-за положенія 10-ой арміи и что можно было ограничиться усиленіемъ послѣдней арміи всего лишь двумя корпусами, предстояло выработать новый планъ перевозки въ зависимости отъ новыхъ назначеній перевозимыхъ корпусовъ.

Все это привело къ немалой потерѣ времени. Явленія подобнаго рода являются обыкновенными послѣдствіями чисто оборонительныхъ дѣйствій, при которыхъ инціатива дѣйствій оставлена въ рукахъ противника, а обороняющемуся приходится лишь по ней равняться.

Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ, намъ представлялся рѣдко выгодный случай вырвать инціативу изъ рукъ противника путемъ веденія обороны наступательными дѣйствіями противъ слабо охраняемаго праваго фланга и сообщеній противника всею массою войскъ, которыя мы переводили съ лѣваго на правый берегъ Вислы. А что было особенно важно, мы могли приступить къ этимъ дѣйствіямъ безъ замедленія. Если бы мы рѣшились на активную оборону, то уже 17-го февраля всѣ назначенные въ составъ 12-ой арміи корпуса могли быть выгружены, и дѣйствія могли начаться этой арміею въ составѣ 10½ дивизій (Гв. корп., II-ой, XV-ый корпуса, IV-ый Сиб. корпусъ, 5 стр. бриг., I Кавк. стр. бриг., и Осовецкій гарнизонъ). А черезъ нѣсколько дней мы могли усилить правый флангъ 1-ой арміи, командующій которой усиленно ходатайствовалъ о подкрѣпленіяхъ для перехода въ наступленіе. Свободными для такихъ дѣйствій были бы I-ый и II-ой Сиб. корпуса, XIX-ый и III-ій Кавк. корпуса, а I-ый и V-ый корпуса были уже выведены въ резервъ въ виду предстоявшей ихъ перевозки, куда будетъ нужно. Имѣлось въ виду переправить еще и XXIII-ій корпусъ. Кромѣ того, мы имѣли въ составѣ 1-ой арміи 7 кав. дивизій, а въ 12-ой арміи —

3 кав. див., которыя могли бы быть брошены впередъ для основательной порчи сообщеній противника, лишь бы имъ открыть дороги черезъ укрѣпленную границу.

Послѣдовавшія въ концѣ февраля, а затѣмъ и въ мартѣ дѣйствія германцевъ даютъ намъ право утверждать, что фельдмаршалъ Гинденбургъ уже 17-го февраля прервалъ бы свои дѣйствія противъ нашей 10-ой арміи, и, оставивъ лишь слабый заслонъ противъ этой арміи, поспѣшилъ бы на Западъ главною массою своихъ войскъ для обороны своихъ сообщеній. Мы уже видѣли въ главѣ V-ой, съ какимъ чуткимъ вниманіемъ фельдмаршалъ слѣдилъ за событіями на своихъ флангахъ у Оранъ и у Ломжи. Онъ былъ освѣдомленъ о высадкахъ нашихъ войскъ у Остроленки и Червоннаго Бора, а также о движеніи 1½ нашихъ дивизій походнымъ порядкомъ изъ Ломжи по направленію къ Бѣлостоку, каковое движеніе было обнаружено его летчиками, бросавшими бомбы въ колонну. Когда онъ затѣмъ, въ тотъ же день 17-го февраля узналъ объ отходѣ отъ д. Стависки и рубежа рѣки Шкроды нашихъ войскъ, онъ понялъ, что со стороны Ломжи особо серьезныхъ нашихъ операцій не предстоитъ, а потому, пославъ въ видѣ подкрѣпленія всего двѣ дивизіи на Ломжинскій участокъ, рѣшилъ возобновить прерванное на два дня наступленіе противъ нашей 10-ой арміи. Онъ, видимо, убѣдился въ томъ, что генералъ Рузскій перешелъ къ чисто пассивной оборонѣ, и что ему, поэтому, пока особо заботиться о своихъ сообщеніяхъ не приходится, и что время еще имѣется для продолженія начатой операціи.

Казалось бы, что мы тутъ, 17-го февраля, имѣли передъ собою рѣдкій случай для реванша въ Восточной Пруссіи. О вѣроятныхъ причинахъ уже сказано выше. Можно развѣ только прибавить, что, возможно, мнѣніе Ставки уже въ это время начало склоняться въ сторону тѣхъ, которые утверждали, что противъ австрійцевъ еще возможно расчитывать на успѣхъ, чего противъ германцевъ уже будетъ нельзя, и что, вслѣдствіе этого, нѣтъ расчета въ дальнѣйшемъ тратить силы и скудныя средства на безнадежное предпріятіе, а стараться возможно скорѣе перейти къ пассивной оборонѣ на Восточно-Прусскомъ фронтѣ. Послѣдовавшія событія ярче характеризуютъ настроенія Ставки. 17-го февраля къ Олитѣ прибываетъ 2-ая Гв. кав. дивизія, которая сейчасъ же выслала впередъ разъѣзды. Кромѣ разъѣздовъ противника ничего не было обнаружено. 1-ая и 2-ая кав. див. подъ начальствомъ генерала барона Майделя 17-го февраля прибыла въ Гродно съ назначеніемъ на Сопоцкинъ и Липскъ. Но уже на

слѣдующій день она должна вернуться на сѣверъ на участокъ Нѣманъ—Гожа—Меречь, въ виду обнаружившейся якобы, угрозы нѣмцевъ переправиться у Друскеникъ.

20-го февраля поступило свѣдѣніе «о сосредоточеніи большихъ силъ противника въ районѣ Симно—Красна и о движеніи не менѣе двухъ корпусовъ на Кальварію и Маріамполь.» Свѣдѣнія эти вызываютъ въ Ставкѣ опасенія, что нѣмцы будутъ форсировать Нѣманъ на участкѣ къ сѣверу отъ Друсконикъ. Въ виду этого 20-го февраля генералъ Янушкевичъ предлагаетъ генералу Рузскому «обдумать вопросъ о болѣе глубокой перегруппировкѣ войскъ сѣв. зап. фронта съ цѣлью имѣть въ районѣ Оранъ для контръ-маневрированія не менѣе двухъ, а еще лучше трехъ корпусовъ, причемъ желательно это сдѣлать возможно заблаговременно.»

Генералъ Рузскій не призналъ возможнымъ ослабить на 2 корпуса 1-ую и 12-ую арміи, «такъ какъ это настолько ослабитъ линію обороны Нарева, что, можетъ быть, вынудитъ эти арміи къ отходу отъ этой рѣки.» По его мнѣнію, эти два корпуса можно было бы взять изъ состава 2-ой и 5-ой армій, но при условіи отхода ихъ на Варшавскія позиціи и даже, можетъ быть, за Вислу. Кромѣ того, генералъ Рузскій указывалъ, что перегруппировка эта потребуетъ много времени, котораго, можетъ быть, у насъ и не окажется. «И, говорилъ онъ, если задача фронта останется безъ измѣненія, то противъ наступленія нѣмцевъ на востокъ сѣвернѣе Гродны изъ фронта можно назначить только конницу съ охраною желѣзныхъ дорогъ ополченіемъ.»

«Считая, что фронтальное противодѣйствіе вторженію большихъ силъ нѣмцевъ въ направленіи на Вильно—Лиду — является нынѣ для фронта задачей непосильной и не могущей быть осуществленной своевременно, никакихъ другихъ мѣръ, кромѣ уже осуществляемыхъ, принять не могу.»

Извѣстіе о наступленіи нѣмцевъ противъ Олиты, очевидно, основывалось на появленіи частей Кенигсбергской ландв. дивизіи въ Маріамполѣ, 5 Гв. бр. въ Симно и 77-ой рез. дивизіи въ Сереѣ. Эти части являлись заслономъ для прикрытія фланга по мѣрѣ наступленія германцевъ. Возможно также, что германскіе агенты по распространенію ложныхъ слуховъ, постарались преувеличивать значеніе этихъ заслоновъ.

21-го февраля Ставка рѣшеніе вопроса объ образованіи группы у Оранъ предоставляетъ усмотрѣнію ген. Рузскаго и даже разрѣшаетъ ему требованіе ея о непремѣнномъ удерживаніи рѣкъ Бзуры и Равки разсматривать «условно».

Дальше, для характеристики настроеній и мотивировки принятыхъ въ это грозное время рѣшеній, приводимъ нижеслѣдующую выдержку изъ труда генерала Данилова.

«Не встрѣчая возраженій противъ развертыванія войскъ генерала Рузскаго на правомъ берегу Вислы, Верховное Главнокомандованіе имѣло въ виду предупредить развитіе германскаго удара въ направленіи Бѣлостокъ—Гродна, каковой ударъ всегда считался опаснымъ для положенія нашихъ армій въ русской Польшѣ. Хотя намѣченныя силы германцевъ едва ли могли оцѣниваться столь значительными, чтобы допустить существованіе у нихъ такого обширнаго плана, однако, къ этимъ силамъ легко могли быть подвезены для развитія удара новыя подкрѣпленія — хотя бы съ Запада. Съ другой стороны — приходится учитывать моральное значеніе постоянныхъ успѣховъ германцевъ въ Восточной Пруссіи; обстоятельство это являлось столь большимъ факторомъ, что заставляло наши высшія командныя инстанціи считаться съ такими предположеніями, которыя, при нормальныхъ условіяхъ, едва ли могли быть принимаемы къ учету и, во всякомъ случаѣ, должны были оцѣниваться, какъ заранѣе обреченныя на неуспѣхъ. Возможность прибытія дополнительныхъ германскихъ войскъ какъ бы подтверждалась поступившимъ 20-го февраля свѣдѣніемъ о сосредоточеніи большихъ силъ противника въ районѣ Симно—Красна и о движеніи не менѣе двухъ непріятельскихъ корпусовъ на Маріамполь и Калварію. Свѣдѣніе это могло наводить на мысль о возможности попытки со стороны германцевъ форсировать Нѣманъ ниже Друскеникъ, что могло создать угрозу для тыла всѣхъ нашихъ армій.»

Изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ и свѣдѣній не видно, обсуждалась ли на верхахъ возможность перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ растянутаго верстъ на 200 и сравнительно слабо охраняемаго фланга противника. Сравненіе нашего положенія съ непріятельскимъ ясно показало бы, что всѣ выгоды стратегическаго положенія были на нашей сторонѣ. Уже начатая грандіозная переброска войскъ съ лѣваго берега на правый и принятое рѣшеніе продолжать эту переброску дали бы намъ возможность въ короткій срокъ сосредоточить на 130-верстномъ фронтѣ отъ Осовца до Прасныша 24—26 дивизій. А наступленіе могло начаться уже вполнѣ сосредоточенною 17-го февраля 12-ою арміею.

Такимъ наступленіемъ мы не только остановили бы наступленіе германцевъ на востокъ, но и заставили бы ихъ немедленно отойти на западъ главной массою ударной группы для спасенія

своихъ сообщеній. Всѣ опасенія за форсированіе Бобра и Нѣмана однимъ мигомъ исчезли бы. Наша 10-ая армія весьма скоро смогла бы снова принять участіе въ операціи. Мы бы вырвали иниціативу дѣйствій изъ рукъ противника и имѣли бы большіе шансы на тактическіе успѣхи. При условіи неувлеченія слишкомъ крупными цѣлями мы, вѣроятно, имѣли бы шансы улучшить стратегическое положеніе на правомъ флангѣ съ образованіемъ новаго фронта, и гарантировать насъ отъ возможности повторенія только что продѣланнаго противникомъ неожиданнаго обхода нашего праваго фланга.

Цѣлесообразнымъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ мы лучше обезпечили бы устойчивость и жизненныя артеріи сѣв. зап. фронта, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и положеніе дѣла на всемъ обширномъ нашемъ фронтѣ.

Какъ мы видѣли выше, одновременно съ выступленіемъ 1-ой Гв. пѣх. дивизіи изъ Ломжи на Стависки, 2-ая Гв. див. и Гв. стр. бригада получили приказъ форсированнымъ маршемъ двинуться къ Бѣлостоку, причемъ съ этого марша эти части, однако, были возвращены, когда выяснилось, что опасенія изъ-за положенія на Бобрѣ оказались преувеличенными. Пока что, намѣченное наше наступленіе 12-ой арміи оставалось неосуществленнымъ, и безъ того обезкровленная армія оказалась лишь въ равныхъ съ противникомъ силахъ и попала въ невыгодное исходное положеніе, вызванное преждевременнымъ отходомъ 1-ой Гв. пѣх. дивизіи отъ Стависки и 9-ой Сиб. дивизіи съ 1-ою Кавк. стр. бригадою отъ рубежа р. Шкроды.

На всемъ Наревскомъ фронтѣ противникъ, по свѣдѣніямъ Штаба фронта, явно усиливался, «проявляя особую активность въ направленіяхъ на Ломжу, Новогродъ, Остроленка, вдоль праваго берега Вислы и у Прасныша».

Еще 19-го февраля генералъ Рузскій считалъ общую обстановку на фронтѣ невыяснившеюся. Хотя его вниманіе еще и было привлечено къ Млавскому направленію, онъ, однако, отклонилъ просьбу Командующаго 1-ой арміей о поддержкѣ для перехода въ наступленіе по той причинѣ, что «противникъ наступаетъ не только на фронтѣ Плоцкъ—Цѣхановъ—Праснышъ, но и на участкахъ 12-ой и 10-ой арміи.»

Неясность, на какомъ мѣстѣ послѣдуетъ главный ударъ противника, вызвало желаніе образовать сильный резервъ. Для этой цѣли онъ, однако, находилъ возможнымъ назначить всего одинъ корпусъ въ Пултускѣ — 1-ый Сибирскій, находившійся въ перевозкѣ изъ западной Польши.

Происходившее сближеніе сторонъ, въ силу поставленныхъ имъ задачъ, неминуемо должно было привести къ столкновенію, которое можно было ожидать въ началѣ 20-хъ чиселъ февраля.

Но ни на одномъ направленіи генералъ Рузскій къ этому времени не сосредоточилъ достаточно силъ, чтобы можно было усмотрѣть опредѣленно выявленное стремленіе проявить свою волю и добиться рѣшающаго успѣха въ одномъ мѣстѣ.

ГЛАВА VII.

Организація движенія XX-го корпуса къ Сопоцкину. Дѣйствія авангарда генерала Чижова 16-го и 17-го февраля. Установленіе факта занятія противникомъ передовой позиціи крѣпости Гродно впереди Сопоцкина. Мысли о возможности для XX-го корпуса 18-го февраля пройти въ Гродну въ стыкъ между Старожинцы и Липскомъ. Общія условія походнаго движенія корпуса. Подходъ 18-го февраля 27-ой дивизіи къ р. Волкушка, и неудачная попытка форсировать переправу 18-го февраля.

Схемы 2 и 11.

Въ предыдущихъ двухъ главахъ мы уже видѣли, при какихъ обстоятельствахъ генералъ Булгаковъ всѣмъ корпусомъ очутился на южномъ берегу канала вмѣсто 17-го лишь 18-го февраля подъ утро.

При иномъ отношеніи къ важному значенію вопроса тѣсной связи онъ безъ большого труда могъ бы заблаговременно связаться со Штабами арміи и съ группой ген. Радкевича, добиться ясности въ окружающей его обстановкѣ и получить необходимыя указанія для согласованныхъ дѣйствій съ прочими войсками арміи.

Въ результатѣ, онъ очутился на южномъ берегу канала въ моментъ, когда группа Радкевича уже была переправлена на лѣвый берегъ Бобра и когда непріятельскія войска успѣли подойти близко къ переправамъ на этой рѣкѣ.

Одиночество XX-го корпуса въ углу рѣкъ Нѣмана и Бобра въ громадной Августовской пущѣ, въ концѣ концовъ, сдѣлалось извѣстнымъ противнику. Такимъ образомъ, противъ XX-го корпуса разрядился весь потенціалъ энергіи германскихъ войскъ, обманутыхъ въ своихъ надеждахъ окружить всю нашу 10-ую армію подъ Августовымъ.

Тактическое окруженіе XX-го корпуса и его уничтоженіе являлось ближайшею задачею германской 10-ой арміи.

Въ то же время генералъ Булгаковъ пребывалъ въ увѣренности, что передъ нимъ «гладкая дорога» до Сопоцкина и къ переправѣ у Гожи.

Тѣмъ неожиданнѣе было для него узнать поздно вечеромъ 17-го февраля, что Сопоцкинъ занятъ противникомъ.

Тотъ, кто учитываетъ обстановку, упуская изъ виду самыя опасныя для себя возможности, нерѣдко совершаетъ неосторожности, особенно, если онъ не старается развѣдкою разсѣять сомнѣнія и опасенія.

Такъ было и въ данномъ случаѣ. Въ своемъ упоеніи отъ тактической побѣды у Махарцы, командиръ корпуса не только упустилъ важное значеніе связи съ Августовскою группою арміи, но и съ бригадою генерала Чижова. Необходимость направить развѣдку къ конечной цѣли движенія корпуса — къ Сопоцкину, и къ переправѣ черезъ Нѣманъ имъ была упущена изъ виду.

Его оптимизмъ дошелъ до того, что онъ считалъ возможнымъ совершать движеніе на Сопоцкинъ въ порядкѣ простого отступательнаго марша. Безъ всякой оцѣнки важности возможно быстраго отрыва отъ непріятельскихъ трехъ дивизій, бывшихъ непосредственно въ прикосновеніи съ нами, терялось драгоцѣнное время рѣшеніемъ двигаться всѣмъ корпусомъ по одной дорогѣ, въ то время какъ была полная возможность двинуть хотя бы обозы по отдѣльной южной параллельной дорогѣ; стоило бы только навести лишній мостъ черезъ узкій Августовскій каналъ.

Мало того, Командиръ корпуса не подумалъ о томъ, что все же нужно было заблаговременно позаботиться объ исправленіи состоянія единственнаго моста у Горчицы, который при подходѣ колонны оказался попорченнымъ. Пришлось остановить движеніе, пока не успѣли наскоро исправить мостъ.

Вѣроятно, памятуя данное генераломъ Сиверсомъ указаніе не терять обозы и особенно парки, Командиръ корпуса заботливо направилъ всѣ эти сомнительныя цѣнности (они были почти пустыя) въ голову колонны. Они сильно задерживали движеніе войскъ. Ихъ отходъ прикрывался тремя настолько сильными арьергардами, что отъ всего корпуса въ колонну обозовъ для ихъ прикрытія и помощи на трудныхъ участкахъ пути можно было назначить всего нѣсколько выхваченныхъ изъ полковъ отдѣльныхъ ротъ, съ однимъ батальономъ 210-го полка въ авангардъ.

Въ концѣ концовъ, движеніе на Сопоцкинъ нельзя было считать только отступательнымъ маршемъ. Оно было еще и фланговымъ движеніемъ, такъ какъ дороги отъ расположенія

42-ой и 78-ой германскихъ дивизій — Махарцы—Францки — выводили намъ во флангъ на Микашевку. Заблаговременное занятіе этихъ дорогъ корпусомъ было упущено при организаціи марша, а послѣ подхода противника къ Бобру XX-ый корпусъ оказался въ условіяхъ окруженія со всѣхъ сторонъ.

Въ интересахъ истины нельзя упрекать Штабъ корпуса за эти погрѣшенія. Немногочисленные чины Штаба были перегружены выпавшею на нихъ чрезмѣрною и по организаціи непредусмотрѣнною работою. Отчасти, по недовѣрчивости Комкора къ своимъ непосредственнымъ подчиненнымъ — начальникамъ дивизій и къ Начальнику Штаба корпуса, отчасти, по причинѣ взгляда Комкора о предпочтительности дѣйствія бригадами вообще, а не дивизіями, онъ впалъ въ печальную ошибку, нарушивъ существовавшую организацію и вовсе отказался отъ сотрудничества этихъ лицъ. Начальнику 27-ой дивизіи (силою около одной бригады), онъ еще давалъ задачи, но генерала Федорова и талантливаго Начальника 29-ой дивизіи, генерала Розеншильда Паулина, онъ не использовалъ совершенно для дѣла. Вмѣстѣ съ оставленными въ сторонѣ отъ операціи начальниками двухъ дивизій также временно не функціонировали и ихъ штабы со всѣми средствами для связи, развѣдки и вообще командованія.

Легко себѣ представить, что при такомъ ненормальномъ положеніи получилось. Втягивая себя и свой Штабъ во всѣ детали непосредственнаго руководства частями 3½ дивизій Комкору легко было изъ-за мелочей упускать прямыя и главныя обязанности по управленію корпусомъ. Младшіе начальники также сильно страдали отъ такой дезорганизаціи. Назначенные для командованія случайными отрядами, они должны были на скорую руку импровизировать себѣ штабы и притомъ безъ наличія достаточнаго количества матеріальныхъ средствъ для нормальнаго функціонированія всѣхъ отраслей управленія.

Послѣ 17-го февраля, т.-е. втягиванія въ дебри Августовскаго лѣса и его дефилэ, эта злополучная система полностью выявила свои дефекты. Командиру корпуса прошлось отдавать свои непосредственныя приказанія не только командирамъ бригадъ и полковъ, но и начальникамъ болѣе мелкихъ частей, что, въ концѣ-концовъ, внесло такую дезорганизацію, что мало кто изъ старшихъ начальниковъ зналъ, гдѣ въ данную минуту находятся его части. Въ итогѣ управленіе незамѣтно ускользало изъ рукъ и самого генерала Булгакова. Какъ все держалось

вмѣстѣ, можно объяснить только здравымъ смысломъ и чувствомъ порядка и долга на низшихъ инстанціяхъ.

Какъ мы увидимъ изъ послѣдующаго, это нарушеніе организаціи сыграло гибельную роль въ послѣднемъ актѣ драмы XX-го корпуса, а потому въ настоящей главѣ не можетъ остаться неподчеркнутымъ.

Въ теченіе 17-го февраля обозы корпуса переправлялись черезъ Августовскій каналъ у Горчицы и сворачивали на Микашевку. Туда же направлялся и Штабъ Корпуса. Событія въ арьергардахъ генерала Джонсона и генерала Хольмсена въ теченіе дня и вечера 17-го февраля уже описаны. На счастіе для общаго дѣла, генералъ Джонсонъ въ 5 час. дня рѣшилъ оттянуть съ позиціи изъ своего арьергарда 27-ую дивизію. Онъ двинулъ ее на Микашевку, куда она и прибыла вечеромъ въ тотъ же день.

Для связности изложенія всей обстановки дальнѣйшихъ событій изложимъ ходъ дѣйствій въ бывшемъ боковомъ, а съ 17-го февраля передовомъ авангардѣ генерала Чижова.

Пересѣкши ночью съ 15-го на 16-ое февраля шоссе Сейны—Махарцы, бригада собралась къ 8 час. утра въ селѣ Околокѣ (на дорогѣ Францки—Микашевка). До полудня поступили свѣдѣнія о появленіи въ окрестностяхъ непріятельскихъ разъѣздовъ и о движеніи колоннъ противника отъ д. Гибы по дорогамъ на Калеты—Сопоцкинъ и на Тартакъ къ переправамъ черезъ Августовскій каналъ. Непонятно, что генералъ Чижовъ объ этомъ важнѣйшемъ фактѣ не донесъ въ Штабъ корпуса; онъ наканунѣ добылъ еще одно важное свѣдѣніе отъ плѣнныхъ, а именно, что передовыя части непріятельской дивизіи показались въ районѣ Гибы, Красна и Вершни и что главныя силы этой дивизіи расположены позади въ 15-ти верстахъ. Разстояніе для доставки этихъ свѣдѣній до Штаба корпуса было всего 20 верстъ, т.-е. три часа перемѣннымъ аллюромъ.

Имѣя вовремя, 16-го февраля, эти важнѣйшія донесенія, Штабъ XX-го корпуса могъ бы сопоставить ихъ со свѣдѣніями, ранѣе полученными 13-го февраля, а равно и съ событіями послѣднихъ дней, что дало бы ясное показаніе о фронтѣ и о передвиженіи германцевъ на Сопоцкинъ. Тогда Штабъ корпуса, навѣрно, посмотрѣлъ бы, въ рамкѣ общей обстановки, иными глазами на значеніе успѣха 16-го февраля подъ Серскимъ Лясомъ, призадумался бы о цѣлесообразности дальнѣйшаго движенія на Сопоцкинъ, и, надо думать, поторопился бы съ отрывомъ отъ противника и установилъ бы связь съ III-мъ Сиб. и XXVI-мъ корпусами. Ни одинъ штабъ не въ состояніи съ пользою рабо-

тать, если подчиненныя инстанціи упускаютъ доносить о добытыхъ свѣдѣніяхъ о противникѣ.

Не понятно также, почему генералъ Чижовъ изъ Оклины не испросилъ указаній для дальнѣйшихъ дѣйствій и даже не сообщилъ о своемъ намѣреніи двинуться дальше въ 12 ч. 30 м. черезъ Микашевку на Сопоцкинъ. Получивъ въ Микашевкѣ свѣдѣніе о занятіи Сопоцкина, онъ свернулъ на Грушки. По прибытіи въ Грушки въ 6 час. вечера, 16-го февраля, генералъ Чижовъ отъ случайно прибывшаго офицера получилъ извѣстіе объ исходѣ боя у Серскаго Ляса и о рѣшеніи Комкора двинуться черезъ Горчицу на Сопоцкинъ. Несмотря на это, онъ вновь упустилъ случай связаться съ Штабомъ корпуса ночью съ 16-го на 17-ое февраля. Между тѣмъ, это было тѣмъ болѣе настоятельно необходимо, что генералъ Чижовъ уже имѣлъ свѣдѣніе о занятіи противникомъ Сопоцкина, вслѣдствіе чего онъ и рѣшилъ отказаться отъ движенія туда, а свернулъ на Грушки и далѣе на Волкушъ съ тѣмъ, чтобы выйти на шоссе у Липска.

Согласно доставленныхъ ночью съ 16-го на 17-ое февраля свѣдѣній противникъ занялъ всѣ дороги, ведущія къ Липску, и этою же ночью разрушилъ мосты у дд. Марковцы, Волкуша и фольварка Млынека.

Слѣдовавшій впереди 114-ый Новоторжскій полкъ, при подходѣ къ д. Волкушу 17-го февраля, въ 2 часа дня занялся исправленіемъ моста подъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ противника. Работы закончились только къ вечеру. Для обезпеченія производства этихъ работъ одна рота была послана къ Марковскому мосту, другая черезъ рѣчку была послана къ другому флангу. Въ четвертомъ часу дня противникъ открылъ огонь изъ броневика со стороны д. Марковцы, вслѣдствіе чего было рѣшено вести наступленіе головнымъ отрядомъ на д. Богатыри, съ тѣмъ чтобы дальше занять д. Богатыри Южныя, которая, однако, оказалась сильно занятою. Для облегченія этого наступленія одинъ батальонъ былъ направленъ на Бартники для дѣйствія во флангъ защитникамъ Богатыри Южныя. Одновременно партія развѣдчиковъ была направлена въ Староживцы и дальше въ Копчаны, чтобы узнать, занятъ ли этотъ пунктъ на шоссе Липскъ-Голынка.

Развѣдкою и опросомъ жителей было установлено, что д. Староживцы, Бартники и Богатыри Южные укрѣплены и заняты двумя батальонами и что резервъ имѣется въ д. Голынка. Генералъ Чижовъ намѣревался ночною атакою захватить Бартники и Богатыри Южные, но этотъ планъ не осуществился, такъ

какъ противникъ засвѣтло замѣтилъ передвиженіе его обозовъ за рѣку и, естественно, встревожился. Онъ открылъ усиленный огонь по расположенію бригады и выслалъ впередъ сильныя развѣдывательныя партіи, въ виду чего генералъ Чижовъ очистилъ Богатыри и правый берегъ Волкуши, оставляя въ своихъ рукахъ только переправу у дер. Волкуша; сторожевое охраненіе было выставлено на линіи фольв. Млынекъ — Богатыри — Солоевщизна.

Упомянемъ еще о томъ, что около 4—5 час. дня въ авангардѣ послышалась сильная канонада со стороны Липска. Это, очевидно, были отзвуки боевъ за переправы черезъ Бобръ. Другіе наблюдатели утверждали, что они надъ д. Голынкою видѣли высокіе разрывы шрапнелей, брошенныхъ съ юга.

Какъ бы то ни было, эти обстоятельства вызвали надежды о возможной помощи съ лѣваго берега р. Бобра. О положеніи въ г. Липскѣ и о состояніи моста, видимо, не удалось детально узнать. Въ общемъ, умѣло добытыя свѣдѣнія были весьма точны. Во время переданныя къ вечеру 17-го февраля въ Штабъ корпуса въ Микашевку, докуда было всего 15 верстъ, эти свѣдѣнія, при сопоставленіи со свѣдѣніями авангарда же отъ 16-го февраля, дали бы полную картину положенія дѣлъ впереди Гродны и вокругъ XX-го корпуса. Но, не будучи переданы въ Штабъ корпуса, эти важныя свѣдѣнія остались безъ цѣны. Будь это иначе, совершавшееся окруженіе корпуса бросилось бы въ глаза. Добытое свѣдѣніе о движеніи противника двумя колоннами: на Сопоцкинъ и на переправу черезъ каналъ и возможность появленія съ сѣвера еще и другихъ его войскъ могли бы поставить XX-ый корпусъ подъ угрозу удара съ сѣвера, если продолжать движеніе на Сопоцкинъ. Нащупываніе непріятельскаго расположенія на позиціи къ югу отъ р. Волкуши бригадою Чижова, какъ бы, указывало на то, что лѣвый флангъ расположенія противника находится на линіи Стародинце—Голынка. Орудійный гулъ со стороны Бобра свидѣтельствовалъ не только о возможности для противника замкнуть кольцо окруженія съ запада у г. Липска, но и о присутствіи на Бобрѣ какихъ-то нашихъ войскъ, ведущихъ бой съ противникомъ.

Возможность перехода развѣдывательныхъ партій и даже нашихъ батальоновъ на правый берегъ р. Волкуши, и отсутствіе угрожающихъ свѣдѣній со стороны Липска могло бы служить поводомъ къ нѣкоторому оптимизму при оцѣнкѣ силы занятія участка Староживце—Липскъ.

На основаніи имѣющихся до сего времени данныхъ приходится констатировать фактъ, что Начальникъ авангарда не сообщилъ въ Штабъ корпуса этихъ важнѣйшихъ свѣдѣній объ обстановкѣ, которыя, надо полагать, несомнѣнно рѣшающимъ образомъ повліяли бы на то рѣшеніе, которое Командиру корпуса предстояло принять вечеромъ 17-го февраля, когда онъ впервые узналъ, что Сопоцкинъ въ рукахъ нѣмцевъ.

Съ другой стороны, недоумѣваемъ, почему Командиръ корпуса раньше не обращалъ вниманія на эту оторванность бригады генерала Чижова и на недоставку донесеній, и почему Комкоръ не «взялъ его на поводъ». Но, какъ мы уже изъ организаціи движенія на Сопоцкинъ видѣли, Комкоръ былъ увѣренъ въ томъ, что Сопоцкинъ въ нашихъ рукахъ и что сѣверному его флангу никакая опасность не угрожаетъ.

Разъѣзды, видимо, не были высланы на Сопоцкинъ хотя бы для развѣдки пути слѣдованія, а о боковыхъ отрядахъ или разъѣздахъ Комкоръ и не подумалъ. Лишь случайно генералъ Чижовъ дважды, 16-го и 17-го февраля узналъ о движеніи корпуса на Сопоцкинъ. Такъ же случайно, видимо, Комкоръ 17-го февраля вечеромъ узналъ о занятіи Сопоцкина противникомъ и объ остановкѣ бригады генерала Чижова на р. Волкушѣ, хотя безъ точнаго указанія, гдѣ именно и при какихъ условіяхъ.

Извѣстіе о занятіи Сопоцкина должно было произвести сильное впечатлѣніе.

Командиръ корпуса, конечно, долженъ былъ реагировать и задать себѣ вопросъ, правильно ли при выяснившейся обстановкѣ продолжать движеніе прямо на Сопоцкинъ?

Если бы въ Штабѣ корпуса работа происходила нормально, онъ, вѣроятно, уяснилъ бы, что Сопоцкинъ былъ указанъ лишь какъ общее направленіе для достиженія указанной цѣли — переправы за Нѣманъ. Поэтому не такъ важенъ Сопоцкинъ, какъ отходъ за Нѣманъ, хотя бы по другому, но болѣе безопасному пути.

Путемъ сопоставленія фактовъ постепеннаго перехвата противникомъ линій отхода XX-го корпуса у Выштинецкаго озера, Сейнъ—Махарцы, а теперь у Сопоцкина, должно было стать вполнѣ яснымъ неуклонное стремленіе германцевъ запереть всѣ линіи отхода къ Нѣману, чтобы добиться окончательнаго окруженія корпуса въ дебряхъ Августовскаго лѣса, сильно стѣснявшаго всякія передвиженія корпуса. Особо нужно было опасаться захвата противникомъ также и послѣднихъ открытыхъ

воротъ въ Гродну, т.-е. направленія Августовъ-Липскъ, а на эти пути нужно было во что бы то ни стало стараться спѣшно выйти. Если бы по этому направленію отступалъ XXVI-ой корпусъ, то тѣмъ болѣе причинъ было бы для перехода туда же, чтобы совмѣстными усиліями проложить себѣ дорогу. Таковой переходъ на эти пути былъ желателенъ, чтобы избавиться, хотя бы временно, отъ нажима съ лѣваго фланга и съ тыла тѣхъ войскъ, которыя, по всей вѣроятности, должны были поддерживать наступленіе противника на Сопоцкинъ. Нельзя же было предполагать, что Сопоцкинъ захваченъ слабою частью, въ видѣ какой-нибудь авантюры мелкаго начальника. Очевидно, туда направлялись крупныя силы, которыя пока не попали въ слабый развѣдывательный объективъ Штаба XX-го корпуса.

Принимая далѣе во вниманіе, что глубина колонны корпуса была 25 верстъ, и что до вѣроятной позиціи противника у Сопоцкина оставалось пройти еще 10 верстъ, было ясно, что для подтягиванія всѣхъ силъ корпуса потребуется весь день 18-го февраля. Если рѣшиться атаковать Сопоцкинъ, то главный ударъ, такимъ образомъ, можно было бы нанести лишь 19-го февраля при условіяхъ весьма вѣроятнаго нажима противника на лѣвый флангъ, не говоря объ уже существующемъ нажимѣ съ тыла. Коротко говоря, продолженіе движенія на Сопоцкинъ приводило къ потерѣ еще одного дня и къ вступленію въ бой при очень невыгодныхъ условіяхъ для развитія сильнаго удара противъ позиціи противника у Сопоцкина.

Между тѣмъ, расположеніе войскъ корпуса и дорожная сѣть Августовскаго лѣса давали возможность въ эту же ночь съ 17-го на 18-ое февраля, пройти Августовскій лѣсъ и къ утру 18-го февраля выйти изъ дефилэ лѣса тремя колоннами, и сразу развернуть весь корпусъ на открытой мѣстности. Этимъ же утромъ, можно было бы, совмѣстно съ бригадою генерала Чижова, перейти въ рѣшительное наступленіе на разстояніи 10—15 верстъ къ югу отъ Сопоцкина, противъ котораго противникъ, на основаніи своихъ наблюденій 17-го февраля, могъ ожидать нашего удара.

Движеніемъ:

а) 53-ей дивизіей (10 бат. 9 бтр.) отъ Чарнаброда въ обходъ верховьевъ р. Волкуша на Ясенево-Красана на Скеблево или Жабиске,

б) Арьергарда полковника Рябенко (7 бат. 5 бтр.) изъ Горчицы на Рубцово и Жабиске, и

в) 27-ой дивизіи (10 бат. 6 бтр.) изъ Микашевки мимо Рубцово на фольваркъ Млынекъ, переходъ на Липское направленіе могъ бы быть исполненъ въ одну ночь.

Такимъ движеніемъ корпусъ сразу оторвался бы отъ непосредственнаго соприкосновенія съ противникомъ на Августовскомъ каналѣ и вырвался бы изъ сильно стѣснявшей всѣ его движенія колонны обозовъ. Не касаясь деталей соблюденія скрытности, наводки мостовъ, оставленія за собою мелкихъ арьергардовъ въ дефилэ и проч., укажемъ лишь, что для вящей маскировки и временнаго введенія въ заблужденіе противника нужно было бы жертвовать обозами, двигая ихъ 18-го февраля на тотъ же Сопоцкинъ съ усиленіемъ лишь авангарда и его возможности къ активности. Такъ какъ 53-ья див. лишь во 2-мъ часу ночи могла прибыть въ Чарныбродъ, и ея путь верстъ на 5 былъ длиннѣе марша въ 15 верстъ обѣихъ другихъ колоннъ, то автоматически получилось бы эшелонированіе назадъ этой дивизіи, что при общей неизвѣстности о точномъ положеніи противника могло бы представлять даже нѣкоторыя выгоды.

Примемъ тотъ фактъ, что Штабъ корпуса пребывалъ въ невѣденіи о томъ, куда дѣлись послѣ 15-го февраля III-ій Сиб. и XXVI-ой корпуса. Но по нѣкоторымъ догадкамъ и расчетамъ, все же возможно было составить себѣ хотя бы приблизительное понятіе о той обстановкѣ, которая въ невыгодномъ для насъ случаѣ могла образоваться. Можно было бы себѣ сказать, что отошедшіе 15-го февраля къ Августову корпуса, за 16-ое и 17-ое февраля, въ случаѣ сильнаго напора противника, вѣроятно, отошли или къ Гроднѣ, или къ переправамъ черезъ Бобръ, закончивъ или заканчивая переправу. Поэтому нужно было считаться съ возможностью ухода нашихъ корпусовъ за Бобръ и съ присутствіемъ противника на правомъ берегу Бобра противъ переправы у Штабина и у Каменной, а то и противъ Липской переправы.

Принимая, однако, въ расчетъ время и вѣроятную задержку движенія противника арьергардами нашихъ отходившихъ корпусовъ, можно было себѣ сказать, что противникъ, вѣроятно, передовыми своими частями только къ вечеру 17-го февраля подошелъ къ переправамъ, по которымъ наши корпуса могли отойти за Бобръ. Съ такою возможностью мы должны были считаться. Все же оперативныя возможности противника сильно были бы скованы присутствіемъ нашихъ корпусовъ на южномъ берегу, причемъ ему нужно было считаться еще и съ крѣпостью Гродною.

Съ другой стороны, было мало вѣроятно, чтобы появившійся у Сопоцкина противникъ занялъ все пространство до Липска, разъ онъ, на основаніи свѣдѣній о нашемъ движеніи 17-го февраля по дорогѣ отъ Горчицы на Микашевку и Сопоцкинъ, могъ 18-го февраля ожидать нашего наступленія именно по этому направленію. Большія силы, вѣроятно, оставались около Сопоцкина еще 17-го февраля. По этимъ причинамъ можно было предполагать, что противникъ еще 17-го февраля, вѣроятно, тяготѣлъ главными силами къ Сопоцкину, а возможно, частью силъ къ Липску, но что между этими группами стыкъ, по всей вѣроятности, еще былъ слабо занятъ къ утру 18-го февраля. Въ этотъ стыкъ и нужно было ворваться. Поэтому, сравнивая операціонныя направленія на Сопоцкинъ и на Липскъ, нужно было отдать предпочтеніе второму уже по одной причинѣ выигрыша цѣлыхъ сутокъ для начала прорыва. Мы, кромѣ того, по всей вѣроятности, имѣли бы шансъ очутиться въ благопріятномъ положеніи совершающаго нечаянное нападеніе на еще окончательно не устроившагося на позиціи противника. Мы вышли бы весьма внушительными силами до 30 батальоновъ съ сильною артиллеріею на участокъ, гдѣ противникъ, по всей вѣроятности, насъ не ожидалъ 18-го февраля. Наконецъ, сверхъ всего, на Липскомъ направленіи еще могла быть надежда на содѣйствіе нашихъ же войскъ, чего на Сопоцкинскомъ уже никакъ ожидать не приходилось.

Обстановка была такова, что генералу Булгакову вечеромъ 17-го февраля нужно было принять немедленное рѣшеніе, если онъ хотѣлъ возможно скорѣе прорвать кольцо окруженія. Физическія силы войскъ еще были достаточны для такого послѣдняго напряженія — ворваться въ ворота собственнаго дома. Этимъ сильнымъ стимуломъ и нужно было воспользоваться. Насколько онъ былъ силенъ, показали намъ событія 19-го февраля при фронтальной атакѣ. Счастливый случай надо ловить на лету; второй разъ онъ не подвернется. Этотъ прорывъ нужно было исполнить ураганомъ, всѣми силами корпуса, короткимъ и рѣшительнымъ ударомъ, тѣмъ болѣе, что патроны, какъ артиллерійскіе, такъ и пѣхотные, были на исходѣ.

Въ такіе моменты нужно помнить слова Суворова: «Глазомѣръ, быстрота и натискъ». «Смѣлымъ Богъ владѣетъ». И, дѣйствительно, чаще всего счастье улыбается именно смѣлому, рѣшительному.

Авторъ подробно разбиралъ ту оцѣнку положенія 17-го февраля вечеромъ, которую, по его пониманію, могъ бы себѣ со-

ставить Командиръ корпуса при болѣе вдумчивомъ отношеніи къ цѣпи событій за предыдущіе дни всей этой операціи и несмотря на преступную скудость свѣдѣній о противникѣ и о собственныхъ войскахъ.

Если бы въ штабъ корпуса къ этому же времени поступили и всѣ детальныя свѣдѣнія, имѣвшіяся у генерала Чижова, то получилась бы настолько ясная картина, что врядъ ли была бы хоть минута сомнѣнія въ томъ, что нужно было сдѣлать.

Какъ теперь точно извѣстно, къ утру 18-го февраля противникъ занималъ слѣдующее положеніе: форсированными маршами двинутая черезъ Копціево на Сопоцкинъ 31-ая германская дивизія уже 15-го февраля вечеромъ передовымъ своимъ отрядомъ заняла мѣстечко и захватила обозъ XXVI-го корпуса съ богатыми запасами. *) Остальныя части дивизіи вступили въ Сопоцкинъ 16-го февраля. **) Обезпечивъ за собою переправы черезъ каналъ, дивизія въ этотъ же день прошла дальше до Голынки.

Въ этотъ же день приданныя 31-ой дивизіи эскадроны подошли къ Липску. Была сдѣлана попытка форсировать теченіе верхняго Бобра къ востоку отъ Липска. Эскадроны встрѣтили сильный отпоръ и отошли, продолжая за рѣкою наблюдать. ***)

17-го февраля 31-ая дивизія начала обстрѣлъ тяжелою артиллеріею фортовъ крѣпости Гродны и сдѣлала короткій, но безуспѣшный ударъ на д. Скринники, вѣроятно, съ цѣлью захватить высоту 100,3 и заручиться этимъ прекраснымъ наблюдательнымъ пунктомъ. Одновременно эта дивизія заняла и при-

---

*) Одинъ изъ помѣщиковъ Сопоцкинскаго района впослѣдствіи разсказалъ автору, что передовыя пѣхотныя части нѣмцевъ вечеромъ 15-го февраля прибыли въ Сопоцкинъ на подводахъ.

**) Это на видъ смѣлое движеніе может быть объяснено отличною освѣдомленностью германскаго штаба путемъ расшифровыванія нашихъ радіограммъ, но возможно, конечно, и агентурнымъ путемъ, ибо Сувалкская губ. прямо кишѣла нѣмецкими агентами.

***) Описывая появленіе 31-ой пѣх. дивизіи впереди Гродны, германская офиціальная Исторія Войны 1914 — 1918 гг. упоминаетъ о томъ, что основная задача 31-ой див. заключалась въ захватѣ Домброва къ югу отъ Бобра. Она поэтому 16-го февраля не остановилась въ Сопоцкинѣ, а прошла въ Голынку, гдѣ и остановилась послѣ полученія свѣдѣнія о невозможности форсировать переправы черезъ Бобръ, въ виду большого количества русскихъ войскъ на другомъ берегу. Начальникъ 31-ой дивизіи, поэтому, остановилъ дивизію въ Голынкѣ, занявъ выжидательное положеніе послѣ полученія 16-го февраля въ 4 ч. 05 м. свѣдѣнія объ исходѣ боя у Махарцы въ этотъ же день и нашего прорыва на югъ.

вела въ порядокъ позицію отъ Старожинцы и далѣе въ направленіи на Сопоцкинъ, фронтомъ къ выходамъ изъ Августовскаго лѣса, за р. Волкушекъ. Прочія передвиженія въ этотъ день германской 10-ой арміи были слѣдующія:

76-ая дивизія сосредоточилась въ Сувалкахъ въ армейскій резервъ.

77-ая германская дивизія должна была занять Копціово, выдвинувъ одинъ полкъ въ Калеты, но она дошла лишь до Сейнъ.

78-ая германская дивизія отошла 18-го февраля къ г. Сейны въ резервъ. Собравшаяся вновь 42-ая пѣх. дивизія нажимала на д. Горчицы.

Двѣ бригады І-ой кав. дивизіи продвигались къ Сопоцкину.

На правомъ берегу Бобра направленная противъ переправы у Каменной — 79-ая рез. дивизія на 5 верстъ не дошла до Краснибора, а противъ Штабина — 80-ая рез. див. заняла Гутту однимъ полкомъ; остальная часть дивизіи дошла до Цизово ночью на 18-ое февраля въ сильно утомленномъ состояніи.

4-ая кав. дивизія не смогла переправиться черезъ каналъ и направилась кружнымъ путемъ черезъ Августовъ.

Резервомъ послѣднихъ двухъ дивизій служила 75-ая рез. дивизія, расположенная нѣсколько южнѣе Августова, около Кольницы.

Какъ мы въ VI главѣ видѣли, 16-го февраля бригада 2-ой пѣх. дивизіи съ утра выступила на Липскъ. Она прибыла 17-го февраля къ перекрестку въ 7 верстъ къ западу отъ Краснибора; она должна была окончательно замкнуть признанное слабымъ кольцо впереди Гродны. Разстояніе до Липска по шоссе отъ Августова — 30 километровъ.

Мы также видѣли, что наши III-ій сиб. и XXVI-ой корпуса и бригада 28-ой дивизіи 17-го февраля отошли за Бобръ у Штабина и Каменной, удерживая эти пункты. Сводная бригада генерала Россійскаго заняла положеніе непосредственно къ югу отъ Липска. Дер. Шушалево въ трехъ верстахъ къ югу отъ Липска была занята частью этой бригады, которая была усилена 17-го февраля подвезеннымъ изъ Ковны сводным полкомъ 27-ой пѣхотной дивизіи, изъ входившихъ до того времени въ составъ Вержболовской группы 6-ти батальоновъ этой дивизіи.

У Новаго Двора находился 225-ый пѣх. полкъ, прибывшій изъ Олиты.

Гарнизонъ въ Гроднѣ состоялъ всего изъ одной ополченской бригады въ 6 батальоновъ, но въ крѣпость направлялись по желѣзной дорогѣ II-ой и XV-ый корпуса.

На основаніи вышеизложенной, ставшей извѣстной впослѣдствіи, общей обстановки, авторъ полагаетъ, что энергично проведенная въ теченіе первой половины дня 18-го февраля попытка XX-го корпуса прорваться на Липскомъ направленіи имѣла бы шансъ на успѣхъ, хотя бы съ жертвою нѣкоторыхъ частей войскъ и всѣхъ обозовъ, но кадры большинства частей и артиллерія были бы, вѣроятно, спасены.

Можно лишь пожалѣть, что оперативное мышленіе командира корпуса текло не по вышеизложенному руслу. Командиръ корпуса, загипнотизированный мыслью о достиженіи Сопоцкина, вовсе и не думалъ свернуть съ этого направленія, а остался при уже принятомъ роковомъ рѣшеніи — всѣмъ корпусомъ продолжать движеніе по одной дорогѣ на Сопоцкинъ съ тѣмъ, чтобы боемъ проложить себѣ дорогу.

Онъ приказалъ 53-ей дивизіи изъ Чарныброда свернуть на Микашевку съ даннаго уже ранѣе направленія на Рубцова, указывая этимъ, что онъ расчитывалъ на успѣхъ лобовой атаки противника безъ всякаго маневра, хотя бы для охвата фланга. *)

Этимъ своимъ рѣшеніемъ онъ окончательно втянулся всѣми силами въ дефилэ и чащу трудно-проходимаго Августовскаго лѣса и поставилъ все на карту въ зависимости отъ исхода предстоявшаго только 19-го февраля боя на Сопоцкинскомъ направленіи, гдѣ у него было меньше всего шансовъ на успѣхъ.

Вышеизложенное разсужденіе объ этой возможности приведено не съ цѣлью критики, а лишь чтобы указать на существованіе и другого выхода изъ положенія. Другой командиръ корпуса, можетъ быть, больше принялъ бы во вниманіе значеніе элемента времени, общее утомленіе въ корпусѣ и недостатокъ въ патронахъ, и потому искалъ бы мѣста вѣроятнаго наименьшаго сопротивленія для скорѣйшаго прорыва.

Характеръ и взгляды генерала Булгакова, въ пониманіи автора, скорѣе склоняли его къ исканію боя, чѣмъ къ уклоненію отъ него, даже когда было вѣроятіе достигнуть поставленной цѣли путемъ быстраго маневрированія.

Изъ дневника автора. Къ 7 часамъ утра 18-го февраля полки 53-ей дивизіи вступили въ общую походную колонну у д. Гор-

---

*) Надо полагать, что генералу Булгакову не было извѣстно, что обращенная къ Августову Сопоцинская позиція за время войны была нами сильно укрѣплена и представляла оборонѣ громадное преимущество передъ атакою. Взять эту позицію возможно было бы лишь послѣ разрушенія окоповъ, ложементовъ и проволочныхъ загражденій тяжелою артиллеріею, которой у насъ не было. Лобовая атака поэтому была безнадежна.

чицы, какъ разъ въ то время, когда арьергардъ полковника Рябенко началъ сниматься съ позиціи. Части собравшейся снова 42-ой германской дивизіи съ утра насѣдали. 115-ый Вяземскій полкъ послѣ отхода бригады Рябенко отражалъ атаку противника на послѣдней позиціи къ сѣверу отъ г. Горчицы и въ близкомъ отъ переправы разстояніи. Однако, этотъ полкъ тогда же получилъ приказъ изъ штаба корпуса о немедленномъ выступленіи къ д. Микашевкѣ, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ быть смѣненъ другимъ полкомъ бригады Рябенко, которая сохраняла свою прежнюю роль арьергарда во время дальнѣйшаго отхода.

Дорога на Микашевку послѣ прохожденія обозовъ и артиллеріи была въ ужасномъ состояніи, изъѣзженная глубокими, подъ водою, ухабами такой глубины, что орудія даже опрокидывались въ пути. Пѣхота, поэтому, двигалась по обочинамъ и по лѣсу, гдѣ только можно было.

Согласно приказанію Комкора движеніе должно было продолжаться безостановочно. Но, такъ какъ безъ приваловъ все же двигаться было нельзя, то таковые дѣлались начальниками частей произвольно, тѣмъ болѣе, что общаго управленія въ колоннѣ не было со стороны командира корпуса. Эти привалы были необходимы еще и для того, чтобы дать людямъ возможность напиться воды, которая получалась лишь путемъ разведенія огня для согрѣванія снѣга въ манеркахъ. Лошади жадно ѣли снѣгъ и глодали кору на деревьяхъ и хвою съ вѣтокъ. Голодными шли и люди, изъ коихъ многіе со времени 10-го февраля всего одинъ разъ получили горячую пищу. Они шли въ постоянно мокромъ платьѣ и обуви, усталые до упаду, уже девятыя сутки на ногахъ, ночь за ночью, день за днемъ, въ снѣжныя бури и въ зимнюю стужу, безъ крова по ночамъ или во время остановокъ, т. е. безъ возможности отогрѣться въ тѣхъ немногихъ убогихъ деревушкахъ, которыя попадались по пути и въ которыхъ рѣшительно все было съѣдено при предыдущихъ, до нашей операціи, прохожденіяхъ войскъ.

Жители, почти безъ исключенія, поставляли свои дома и ушли въ лѣсъ, гдѣ прятали свои оставшіеся скудные припасы.

Надо признаться, въ обозахъ было мало порядка, *) и орга-

---

*) Изъ описанія всѣхъ трудностей этого зимняго періода въ изложеніи германской Исторіи Войны 1914 — 1918 гг. явствуетъ, что у нѣмцевъ порядка въ походныхъ колоннахъ тоже было мало, въ общемъ, по тѣмъ же причинамъ, что и у насъ. Особенно задерживали движеніе тяжелая артиллерія и громоздкій типъ повозокъ, расчитанныхъ для лучшихъ дорогъ, чѣмъ наши, русскія, особенно плохія и трудныя въ Сувалкской губерніи.

низаціи всего движенія не чувствовалось. Все перемѣшалось, чего, вѣроятно, не произошло бы, если бы дивизіи не были дезорганизованы крайне неудачными распоряженіями Комкора. Однако, несмотря на кажущійся внѣшній безпорядокъ все, къ удивленію, держалось вмѣстѣ. Несмотря на всѣ превратности погоды, скудное продовольствіе и крайне тяжелыя условія, войска шли безъ отказа, какія бы требованія ни предъявлялись. Дисциплина духа была полная. Случаевъ даже ропота не приходилось констатировать; люди падали отъ изнеможенія, или умирали въ бояхъ, но долгъ присяги свято исполнялся до послѣдняго издыханія. Скорость движенія, вслѣдствіе дезорганизаціи, была небольшая; по моему опредѣленію, около 2 верстъ въ часъ на тяжелыхъ участкахъ пути. Особенно меня поразило малое сравнительно число отсталыхъ отъ изнеможенія. Слабые, очевидно, поотстали въ первые дни марша, когда ихъ было очень много.

Храбрость и стойкость въ бояхъ, при такихъ условіяхъ, была прямо изумительна. Нельзя не отдавать такому солдату должное уваженіе. Объ офицерахъ, конечно, и говорить не приходится. Ихъ самоотверженность и заботливость о солдатѣ въ русской арміи легендарны. Безъ ихъ примѣра, конечно, солдатъ не проявлялъ бы такой высокой доблести. Многіе изъ офицеровъ, видимо, давали себѣ отчетъ въ томъ, что, какъ въ корпусѣ, такъ и кругомъ творилось что-то неладное, но открыто объ этомъ не говорилось. Настроеніе было молчаливое, мрачное, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительное въ ожиданіи большихъ событій. Это, казавшееся безконечнымъ, шествіе производило тяжелое впечатлѣніе на тѣхъ, которые все же понимали, что такое постоянное перетягиваніе струнъ человѣческихъ возможностей переносить лишенія и усилія, въ концѣ концовъ, должно сказаться, хотя бы въ видѣ притупленія чувствъ и безразличія къ совершавшимся кругомъ событіямъ.

Старшимъ начальникамъ, конечно, было легче, но неоднократно приходилось и имъ, какъ и всѣмъ ихъ подчиненнымъ, отказываться рѣшительно отъ всего, ибо личнаго багажа многіе дни не приходилось видѣть, а когда подчиненные отдыхали, они должны были бодрствовать въ тяжеломъ раздумьѣ о совершающихся событіяхъ. Полагаю, что воспоминанія объ этихъ дняхъ зимней операціи навсегда врѣзались въ памяти участниковъ.

Во время марша я въ одиннадцатомъ часу получилъ приказаніе: «головному полку 53-ей дивизіи обогнать впереди идущіе обозы и артиллерію и спѣшить къ Микашевкѣ въ распоряженіе

штаба корпуса.» Соотвѣтственно этому приказанію, 209-ый Богородскій полкъ былъ выдѣленъ изъ общей колонны. Изъ Микашевки онъ затѣмъ былъ посланъ для усиленія бригады генералъ-майора Чижова. Часть обозовъ и парковъ была свернута на Грушки для освобожденія пути для движенія войскъ. Прибывшій въ 2 часа въ Микашевку 115-ый Вяземскій полкъ былъ приданъ 27-ой дивизіи ген. Джонсона, двинутый впередъ на Тартакъ и Рудавку.

Съ остальными двумя полками дивизіи я прибылъ въ Микашевку на большой привалъ около 3-хъ часовъ дня. Командиръ корпуса уже успѣлъ выѣхать верхомъ вслѣдъ за 27-ой дивизіей. Вскорѣ затрещалъ ружейный огонь съ сѣверной стороны канала. Противникъ, установивъ направленіе нашего отхода, очевидно, воспользовался нашею сплошностью и прошелъ по параллельной, незанятой нами дорогѣ вдоль канала съ сѣвера, и вышелъ на мостъ у Микашевки для производства нечаяннаго нападенія и разрыва колонны. Благодаря бдительности въ 212 Романовскомъ полку это нападеніе было задержано въ самомъ началѣ и затѣмъ ликвидировано подошедшимъ арьергардомъ полковника Рябенко 28-ой дивизіи.

Тѣмъ временемъ въ 27-ой дивизіи съ дивизіономъ 27-ой артиллерійской бригады и со взводомъ 1-ой батр. 53-ей арт. бригады происходили слѣдующія событія.

Дивизія заняла Тартакъ, выбивъ изъ него защитниковъ, и двинулись далѣе на Рудавку. При атакѣ деревни взводъ 53-ей арт. бригады штабсъ-капитана Мицкевича-Волчанскаго сопровождалъ цѣпи, стрѣляя «на картечь». Но догонявшій дивизію 115-ый Вяземскій полкъ снова натолкнулся на, видимо, лишь временно отошедшаго отъ Тартака и вновь вернувшагося противника въ составѣ всего около батальона, который вскорѣ былъ сбитъ полкомъ. Огонь противника произвелъ безпорядокъ въ шедшихъ передъ 115-мъ полкомъ обозахъ, которые повернули назадъ на Микашевку. Командиръ корпуса, ѣхавшій со штабомъ на Тартакъ, также былъ обстрѣленъ, и благоразумно вернулся назадъ черезъ Микашевку на Грушки и затѣмъ на Липины, куда онъ приказалъ двинуться и частямъ 53-ей дивизіи. Арьергарду полковника Рябенко приказано было оставаться въ Микашевкѣ съ отходомъ, въ случаѣ крайности, на Грушки.

Тѣмъ временемъ, 27-ая дивизія двинулась дальше на д. Волкушекъ, гдѣ она, однако, должна была остановить свое наступленіе и вступить въ упорный безрезультатный огневой бой съ противникомъ, занимавшемъ заранѣе подготовленную, отлично замаскированную позицію за р. Волкушекъ, непроходимою въ то время въ бродъ. Въ 8 часовъ вечера бой затихъ. Къ этому времени въ Рудавку вступилъ 115-ый Вяземскій полкъ. Тамъ же и штабъ 27-ой дивизіи былъ расположенъ на ночь.

Въ этотъ же день, въ 8 часовъ утра германцы повели наступленіе небольшими силами противъ расположенія авангарда ген. майора Чижова. Это наступленіе сперва было отражено батальономъ 114-го пѣх. полка, но атака вновь повторилась послѣ подхода второй волны противника. При помощи подошедшаго резерва атака была отбита около 1 часу дня и противникъ отошелъ на главную позицію, преслѣдуемый артиллерійскимъ и ружейнымъ нашимъ огнемъ.

Очевидно, противникъ хотѣлъ лишь установить присутствіе и силы нашего авангарда. Въ теченіе дня авангардъ генерала Чижова, по распоряженію командира корпуса, былъ усиленъ 209-мъ Богородскимъ и 116-мъ Малоярославскимъ пѣх. полками и артиллеріею.

Послѣ сказаннаго ранѣе о дѣйствіяхъ XX-го корпуса по днямъ съ 15-го по 19-ое февраля приходится прибавить весьма мало.

Рѣшеніе генерала Булгакова атаковать непріятельскую позицію 19-го февраля было принято безъ всякой попытки маневрированіемъ добиться выгодъ для веденія предстоявшаго, въ случаѣ крайности, рѣшительнаго боя, а 18-го февраля позиція не была рекогносцирована какъ слѣдуетъ высланною впередъ партіею офицеровъ разныхъ спеціальностей. Атака юго-западной части позиціи, выводила бы во флангъ и въ тылъ непріятельскаго расположенія. Артиллеристы навѣрно также высказались бы за веденіе атаки на эту же часть позиціи, гдѣ артиллеріи представлялись бы большія выгоды для дѣйствія благодаря ряда отличныхъ наблюдательныхъ пунктовъ и закрытыхъ позицій съ возможностью скрытаго выѣзда.

Однимъ словомъ, направленіе главнаго удара со стороны Млынекъ-Жабиске на Старожинце-Копчаны обѣщало много выгодъ сравнительно съ атакою въ направленіи отъ Марковскаго моста и д. Волкуша прямо въ лобъ на сильно укрѣпленныя деревни Марковцы, Богатыри, Бартники и Старожинце.

Командиръ XX-го корпуса съ 13-го февраля очутился въ крайне сложной обстановкѣ, разобраться въ которой было бы не легко, даже недюжинному, опытному военачальнику, и при которой требовалась бы необычайная духовная упругость для принятія вѣрныхъ и быстрыхъ рѣшеній.

ГЛАВА VIII.

Бои для прорыва XX-го корпуса 19-го и 21-го февраля подъ крѣпостью Гродною. Попытка генерала Сиверса выручить XX-ый корпусъ переходомъ въ наступленіе 21-го февраля всѣми войсками 10-ой арміи.

Схемы 4 и 11.

Приказъ о прорывѣ 19-го февраля былъ полученъ 18-го февраля вечеромъ, въ 8-мъ часу: части 27-ой дивизіи съ тремя батареями должны были атаковать противника восточнѣе дороги Богатыри — Голынка. Атака позиціи западнѣе этой дороги была поручена генералу Чижову, который послѣ захвата Богатыри — Бартники долженъ былъ продвинуться впередъ для захвата шоссе у д. Копчаны. Начало наступленія было назначено къ 5 час. 30 м. утра 19-го февраля. Артиллеріи: (по дивизіону 27-ой, 29-ой и 53-ей арт. бригадъ, съ 20-мъ мортирнымъ дивизіономъ; въ десятомъ часу утра прибылъ также мортирный дивизіонъ Сиб. тяжелой артиллерійской бригады), было указано занять позиціи въ районѣ южной части лѣса противъ д. Волкуша. Саперамъ было поручено исправить старые мосты и навести новые. Порученіе о постройкѣ новыхъ мостовъ почему-то за ночь исполнено быть не могло.

Нельзя не указать на шаблонность этого плана прорыва. Ничего не было сдѣлано для того, чтобы добиться превосходства силъ на какомъ-либо пунктѣ. Это былъ примитивный ударъ въ лобъ противъ заблаговременно укрѣпленной позиціи. Даже не было проявлено энергіи для подтягиванія возможно большихъ силъ для участія въ атакѣ. Части бригады Рябенко или 53-ей дивизіи смѣло могли быть притянуты къ фольварку Млынекъ для поддержки атаки генерала Чижова охватомъ фланга противника. Каждый батальонъ былъ дорогъ для достиженія цѣли.

Назначенное въ 5 час. 30 м. утра наступленіе, вслѣдствіе усталости войскъ, могло начаться лишь около 7-ми часовъ.

Лѣвый флангъ 27-ой дивизіи охранялся 115-мъ Вяземскимъ полкомъ, который получилъ пассивную задачу охранять пространство отъ устья р. Волкушекъ черезъ д. Куржинецъ на д. Тартакъ, откуда онъ долженъ былъ войти въ связь съ бригадою Рябенко, оборонявшею д. Микешевку.

108-ой Саратовскій, 105-ый Оренбургскій и 106-ой Уфимскій полки съ дивизіономъ 27-ой артиллерійской бригады перешли Марковскій мостъ и повели атаку на дер. Марковцы, сильно укрѣпленную противникомъ. Огонь нашей артиллеріи скоро былъ противникомъ потушенъ и атака къ концу дня такъ и не была доведена до позиціи противника; цѣпи понесли большія потери и залегли.

На западномъ боевомъ участкѣ генерала Чижова наступленіе началось одновременно тоже около 7 час. утра. Батареи 53-ей и 29-ой артил. бригадъ вмѣстѣ съ мортирными батареями заняли единственныя, хотя и невыгодныя, вслѣдствіе отсутствія наблюдательныхъ пунктовъ, позиціи на опушкѣ лѣса у д. Волкуша на лѣвомъ берегу рѣчки. Ихъ огонь также скоро былъ потушенъ.

Направленный въ атаку на Сѣв. Богатыри, съ цѣлью захвата сильно укрѣпленной деревни Южн. Богатыри, 209-ый Богородскій полкъ ночью смѣнилъ 114-ый Новоторжскій полкъ, который былъ назначенъ въ участковый резервъ. 209-ый полкъ сперва понесъ сильныя потери въ троекратныхъ атакахъ, но все же достигъ своей цѣли, израсходовавъ всѣ свои резервы. Противникъ былъ выбитъ изъ деревни, куда ворвался доблестный прапорщикъ Лаврентьевъ съ немногими десятками храбрецовъ. Противникъ отошелъ на вторую линію своихъ окоповъ, откуда онъ послѣ артиллерійской подготовки пошелъ въ контръ-атаку противъ Южн. Богатыри и выбилъ 209-ый полкъ, захвативъ въ плѣнъ раненаго штыкомъ прапорщика Лаврентьева; полкъ послѣ громадныхъ потерь отошелъ къ деревнѣ Сѣв. Богатыри.

113-ый Старорусскій полкъ, 114-ый Новоторжскій и 116-ый Малоярославскій полки, направляя заслонъ къ сторонѣ д. Старожинце, должны были изъ д. Сѣв. Богатыри овладѣть дер. Бартники съ тѣмъ, чтобы продолжать наступленіе на д. Копчаны и шоссе у этой деревни. Имѣя 113-ый полкъ въ головѣ, съ 116-мъ полкомъ уступомъ справа и 114-мъ полкомъ въ резервѣ, наступленіе началось успѣшно. 113-ый полкъ, несмотря на фронтальный сильный огонь и обстрѣлъ съ обоихъ фланговъ, захватилъ д. Бартники; 116-ый полкъ близко подошелъ къ укрѣпленіямъ впереди д. Старожинцы. Послѣ полудня 113-му полку

удалось продвинуться дальше и захватить укрѣпленную высоту, къ западу отъ дер. Копчаны. Подошедшій батальонъ изъ участковаго резерва занялъ д. Бартники. Однако, потеря нами д. Южн. Богатыри сказалась. Противникъ изъ этой деревни сталъ обстрѣливать сильно выдвинутый 113-ый полкъ и подходившій резервъ — 114-ый полкъ.

113-ый полкъ оказался слишкомъ выдвинутымъ впередъ. Сильно пострадавшій подъ Махарцами 16-го и 17-го февраля 116-ый полкъ былъ слишкомъ малочисленнымъ, чтобы добиться успѣха въ своей атакѣ на д. Старожинце, занятую двумя батальонами. Нѣмцы воспользовались этимъ для движенія своего резерва на наружный флангъ малоярославцевъ, которые стойко держались. Для ихъ поддержки были направлены двѣ роты изъ общаго резерва (114 п.). Батальонъ 116-го полка былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ. Тутъ энергичный командиръ полка, полковникъ Вицнуда, былъ смертельно раненъ. Помощь подходившихъ двухъ ротъ участковаго резерва 114-го полка не возстановила положенія, и 116-ый полкъ началъ отходить около 2-хъ час. дня.

При обстрѣлѣ съ обоихъ фланговъ и въ виду обозначившагося наступленія противника и на Сѣв. Боготыри и на фольваркъ Млынекъ, пришлось отдать приказъ объ общемъ отступленіи. Стремленіе противника окружить отступавшихъ не удалось; 113-ый, 116-ый и 114-ый полки отошли на д. Сѣв. Богатыри.

Можно пожалѣть о томъ, что не было обращено должнаго вниманія на лѣвый флангъ противника. Здѣсь, въ концѣ концовъ, рѣшалась участь дня. Невольно спрашивается, что было бы, если бы Командиръ корпуса соблюдалъ большую экономію силъ въ тылу корпуса и вмѣсто 16 бат. 8 пол. батарей оставилъ бы столько же ротъ и орудій. Въ лѣсномъ бою и роты и отдѣльные взводы артиллеріи играютъ роль. При такомъ распредѣленіи можно было бы образовать у фольварка Млынекъ сильную ударную группу въ 10—12 бат. и 6 батарей и съ непреклонною волею добиться 19-го февраля окончательнаго, рѣшающаго исхода на правомъ берегу р. Волкуша. Если было суждено гибнуть, то лучше въ открытомъ наступательномъ бою. Отходъ обратно на лѣвый берегъ ничего не обѣщалъ, такъ какъ помощи ниоткуда нельзя было ожидать. Не въ тылу рѣшался вопросъ о прорывѣ, а на правомъ берегу р. Волкуша, гдѣ нужно было выставить все, что только возможно было, на послѣднюю карту. Наступательный пылъ войскъ былъ выше всякой похвалы; вѣдь люди рвались впередъ. Противникъ уже израсходовалъ свои

резервы, какъ пишетъ германская Исторія Міровой Войны 1914 — 1918 гг.

Увы, потери были колоссальны. Отъ 27-ой дивизіи осталось всего нѣсколько болѣе 1000 штыковъ. Въ 113-мъ и 114-мъ полкахъ — около 600 человѣкъ, а 116-ый полкъ почти пересталъ существовать; осталось знамя и десятокъ другой людей. 209-ый полкъ былъ низведенъ до 400 человѣкъ. Запасы парковъ были почти окончательно израсходованы; въ нихъ почти не осталось ни орудійныхъ, ни ружейныхъ патроновъ. Санитарныхъ средствъ для перевязки расположенныхъ подъ открытымъ небомъ на ночь въ лѣсу раненыхъ не было почти вовсе, послѣ прежнихъ боевъ и потерь санитарнаго имущества подъ Выштинцомъ и Сейнахъ. Три командира полка были смертельно ранены.

Изъ дневника автора. «212-ый Романовскій полкъ распоряженіемъ Штаба корпуса 18-го февраля вечеромъ временно былъ оставленъ около Микашевки, а 211-ый Никольскій п. съ дивизіономъ полевой артиллеріи и съ Сибирскимъ мортирнымъ дивизіономъ получилъ приказаніе двинуться на Грушки и Липины. Выѣздъ изъ Микашевки происходилъ подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, причемъ приходилось наблюдать не мало траги-комическихъ сценъ при окончательномъ разставаніи съ нѣкоторыми обозами, которые должны были быть оставлены въ лѣсу. Уже стемнѣло, когда мы прибыли въ Грушки. Развѣдка пути и розыскъ путеводителей заняли время. По совѣту мѣстнаго жителя мы пошли въ Липины по особой дорогѣ, которая въ этой болотистой части лѣса была еще не изъѣзжена. Для пѣхоты и полевой артиллеріи дѣло кое-какъ еще обошлось, но мортиры то и дѣло застрявали. Мортирный дивизіонъ добрался до Липины лишь въ 9 ч. утра на слѣдующій день, до того топкая почва сдѣлалась ухабистой, а корни деревьевъ мѣшали движенію на крайне извилистой лѣсной дорогѣ. Однако, при ночной проводкѣ не было потеряно ни одного орудія.

Лишь поздно ночью съ 18-го на 19-ое февраля мы прибыли въ Липины, гдѣ и расположились въ единственномъ жиломъ домѣ на фольваркѣ Любиновѣ. Тамъ мы застали Штабъ корпуса и два бездѣйствующихъ штаба дивизій. Домикъ управляющаго фольваркомъ состоялъ всего изъ 4-хъ маленькихъ комнатъ: одна была занята его семьею, а три остальныя были отведены подъ штабы. Яблоку негдѣ было упасть, до того общая комната, гдѣ мы расположились, была переполнена, такъ что прилечь не удалось въ этомъ спящемъ царствѣ до смерти усталыхъ людей. Разбудить кого-нибудь и не хотѣлось, и было бы безполезно пы-

таться. Утромъ пришлось довольствоваться стаканомъ чая безъ хлѣба. Запасы на сѣдлѣ давно были израсходованы.

День 19-го февраля былъ обиленъ безотрадными свѣдѣніями о боѣ на прорывъ. Извѣстія изъ тыловыхъ отрядовъ также были мало утѣшительны. Бригада Рябенко подъ натискомъ противника начала отходить на Грушки, въ виду чего Командиръ корпуса приказалъ 115-му Вяземскому полку, лѣвый флангъ котораго такимъ образомъ былъ обнаженъ, отойти къ Липинамъ, куда онъ прибылъ въ четвертомъ часу дня. На полянѣ около Липинъ собралось, такимъ образомъ, около трехъ полковъ и 6 батарей, которые, безъ всякой пользы для общаго дѣла, Командиромъ корпуса были оставлены въ тылу. Этимъ полкамъ и батареямъ обидно было оставаться въ тылу, въ то время какъ товарищи погибали въ неравномъ бою всего въ нѣсколькихъ верстахъ впереди по пути къ цѣли движенія корпуса.

Настроеніе на фольваркѣ подъ впечатлѣніемъ плохихъ извѣстій о прорывѣ было мрачное. То и дѣло вносили въ помѣщеніе Штаба тяжело раненыхъ офицеровъ, въ томъ числѣ подъ вечеръ раненаго смертельно въ животъ полковника Рябенко. Противникъ тѣснилъ со стороны Грушки. При такомъ положеніи весьма распорядительный и храбрый начальникъ штаба 27-ой пѣх. дивизіи, полковникъ Дрейеръ, какъ хорошо знавшій лѣсъ, подъ вечеръ получилъ порученіе составить проектъ для прочнаго удержанія Липинъ. Послѣ доклада ему же было предложено вступить въ командованіе вновь сформированнымъ арьергардомъ изъ 5-ти бат. 28-ой дивизіи и 2 бат. 210-го полка 53-ей дивизіи съ придачею по дивизіону отъ 28-ой и 53-ей артиллер. бригадъ. Начальникомъ артиллеріи арьергарда былъ назначенъ полковникъ Кисляковъ.

Войска на обоихъ участкахъ боевого порядка, обращеннаго противъ Сопоцкинской позиціи, оставались на р. Волкушѣ на ночь съ 19-го на 20-ое февраля. Отъ начальниковъ участковъ поступали донесенія о боѣ и о громадныхъ потеряхъ, равно какъ и о невозможности, вслѣдствіе всеобщей усталости и недостатка припасовъ, возобновить наступательный бой въ теченіе 20-го числа.

Ночь прошла спокойно. Обѣ стороны послѣ тяжелыхъ маршей и всевозможныхъ усилій и лишеній нуждались въ отдыхѣ. Но если только подумать о нашемъ положеніи и условіяхъ отдыха съ массою неперевязанныхъ раненыхъ въ лѣсу, то понятно, что настроеніе было крайне подавленное тѣмъ болѣе, что и ниж-

ніе чины давали себѣ отчетъ въ томъ положеніи, въ которомъ корпусъ очутился. Офицерамъ, поэтому, приходилось дѣлать все возможное, чтобы эти настроенія не вылились въ полное уныніе. Люди и тутъ показали себя стойкими, хотя они уже который день были голодны, иззябли и были измучены безсонницею. Почти полная безвыходность положенія была настолько очевидна, что полки ночью зарыли свои знамена и денежные ящики въ лѣсу. Впослѣдствіи они были найдены и возвращены частямъ войскъ при ихъ формированіи вновь. Одинъ только полкъ передъ прорывомъ 21-го февраля снова выкопалъ свое знамя, которое въ бою было взято противникомъ, и нынѣ помѣщено въ «Цейхгаузѣ» въ Берлинѣ.

Въ тяжелые часы пребыванія корпуса въ Липинахъ Командиръ корпуса, какъ утопающій, хватаясь за соломинку, наконецъ, вспомнилъ о необходимости установить связь съ Штабомъ арміи. Эта болѣе чѣмъ трудная задача 19-го февраля была поручена прибывшему за нѣсколько мѣсяцевъ до этого въ 212-ый Романовскій полкъ, охотникомъ, весьма смышленному 13-тилѣтнему сиротѣ-мальчику Власову *).

Съ утра 20-го февраля полковникъ Дрейеръ заявилъ, что необходимо очистить поляну у Липинъ, такъ какъ онъ вынужденъ отвести линію обороны назадъ на обращенную на сѣверо-востокъ ея опушку. Комкоръ поэтому приказалъ штабамъ отойти въ лѣсъ, гдѣ для нихъ наскоро въ песчанномъ грунтѣ устраивались землянки. Многіе думали, что готовится что-то въ родѣ Плевны. Конечно, объ этомъ не могло быть и рѣчи, разъ ни патроновъ, ни продовольствія не было. Уже въ этотъ день нечего было класть въ котлы для варки пищи.

Противникъ, въ общемъ, въ этотъ день мало насѣдалъ. Онъ, видимо, чего-то выжидалъ для нанесенія окончательнаго удара. Нажимъ чувствовался сильно со стороны Грушки и Рудавки, но мало съ фронта. Пребываніе въ одномъ съ Штабомъ корпуса домѣ позволило мнѣ отъ прибывавшихъ съ разныхъ участковъ офицеровъ узнать многое объ общемъ положеніи и настроеніяхъ въ войскахъ. Такимъ образомъ, я могъ составить себѣ, какъ мнѣ казалось, довольно ясную картину положенія дѣлъ въ корпусѣ и причинъ неудачи 19-го февраля. Въ частности, я отъ

*) Ему нашли крестьянское платье, въ которомъ онъ выглядѣлъ 10-тилѣтнимъ мальчуганомъ. Онъ былъ увѣренъ въ успѣшномъ выполненіи своей задачи. Онъ сказалъ: «Ужъ будьте покойны; дѣло сдѣлаю. Встрѣчу нѣмцевъ, такъ наплачусь, что родителей растерялъ, что навѣрно пропустятъ». Какъ ниже увидимъ, онъ прошелъ черезъ линія противника.

офицера 212-го Романовскаго полка, наблюдавшаго за флангомъ со стороны фольв. Млынека, узналъ, что противникъ установилъ лишь слабое наблюденіе рѣдкими патрулями за райономъ фольв. Млынекъ — д. Жабиске. Я также узналъ, что одинъ изъ лѣсничихъ, хорошо, конечно, знавшій всѣ тропинки лѣса, налицо и готовъ провести колонну по дорогѣ на Жабиске и далѣе на Гродно, каковыя тропинки, по его свѣдѣніямъ, нѣмцами слабо наблюдались. Онъ же заявилъ, что эта дорога можетъ служить для движенія пѣхоты и конныхъ людей, но что проходимость ея для артиллеріи въ это время года находилась подъ большимъ сомнѣніемъ.

Устроившись въ землянкѣ, мы около часу дня приступили къ обѣду — стаканъ чая безъ сахару съ кускомъ хлѣба. Въ одномъ изъ передковъ нашли чайную колбасу, тщательно кѣмъ-то спрятанную. Въ симпатичной средѣ угощавшихъ меня артиллеристовъ пошли по этому поводу шутки и прибаутки. Мы на часокъ позабыли о суровой дѣйствительности, царившей кругомъ насъ. Тутъ же мнѣ была вручена повѣстка явиться въ Штабъ корпуса къ 4-мъ часамъ дня. Зачѣмъ и для чего? Не имѣя прямого дѣла, я уже раньше времени былъ на мѣстѣ и узналъ, что состоится сборъ начальниковъ дивизій и нѣкоторыхъ изъ старшихъ чиновъ корпуса. За нѣсколько минутъ до 4 час. прибылъ Командиръ корпуса. Я съ 3-го февраля ни разу съ нимъ не встрѣчался. Онъ подошелъ ко мнѣ, отвелъ меня въ сторону и спросилъ, знакомъ ли я съ общею обстановкою корпуса. На мой утвердительный отвѣтъ, онъ поставилъ мнѣ прямой вопросъ: «Что по вашему можно сдѣлать?» Я ему отвѣтилъ, что согласно полученнымъ свѣдѣніямъ, а также въ виду крайняго недостатка въ патронахъ, я нахожу, что нельзя и думать о вступленіи въ дневной бой съ цѣлью пробиться. Имѣя во всемъ корпусѣ какихъ-нибудь 6—7 тысячъ штыковъ, а то и того меньше, дай Богъ, додержаться до вечера. Выждать же слѣдующаго дня никакъ нельзя. Единственное средство для выхода изъ положенія является прорывъ ночью на 21-ое февраля. Далѣе я ему изложилъ свой взглядъ о томъ, что, какъ надо полагать, г. Липскъ занятъ противникомъ, и что стыкъ между этими войсками и войсками на атакованной нами наканунѣ позиціи, вѣроятно, можно искать около д. Жабиске. Тутъ же я доложилъ ему разсказъ офицера, наблюдавшаго со стороны Млынека, и сообщилъ, что мостъ у этого мѣста уже исправленъ, хотя и слабо. Наличіе проводника ему было извѣстно. Въ концѣ концовъ, я добавилъ, что для осуществленія ночного прорыва

нужно немедленно и засвѣтло принять подготовительныя мѣры. Въ заключеніе я доложилъ, что въ зависимости отъ состоянія дороги на Жабиске и далѣе, можно надѣяться спасти лишь кадры корпуса, пулеметы и лошадей; основываясь на мнѣніи проводника — орудія и парки могутъ застрять по дорогѣ. Поэтому желательно, чтобы вся артиллерія шла непосредственно за главными силами подъ общимъ начальствомъ старшаго въ чинѣ артиллерійскаго начальника. Обозы нужно бросить. Если орудія пройти не могутъ, то придется оставить ихъ на мѣстѣ и рубить постромки, чтобы спасти кадры. Задерживать движеніе артиллерія не должна, такъ какъ нужно пройти опасную зону все же верстъ въ 15 въ ночное время, что много для утомленныхъ войскъ.

На это генералъ Булгаковъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ самъ думалъ о ночномъ прорывѣ, но что объ этомъ еще ни съ кѣмъ не говорилъ изъ боязни, что это извѣстіе можетъ дойти до противника, какъ по его опыту раньше случалось нерѣдко. Онъ затѣмъ мнѣ сказалъ, что въ общемъ согласенъ съ моимъ мнѣніемъ о выборѣ направленія для прорыва. Но неожиданно для меня онъ мнѣ сказалъ, что хочетъ меня назначить начальникомъ главныхъ силъ походной колонны.

Я почтительно ему доложилъ свое мнѣніе о необходимости въ походной колоннѣ соблюдать строжайшую дисциплину и порядокъ, и о крайней важности сохранить вліяніе въ колоннѣ начальниковъ дивизій, которые, имѣютъ свои слаженные органы для управленія и которые извѣстны частямъ войскъ, въ то время какъ я, такъ сказать, посторонній. Кромѣ того, имъ же придется снять войска съ позиціи и привести ихъ на сборный пунктъ подъ своею же отвѣтственностью. Я же этого сдѣлать не могу, и могъ бы, въ случаѣ своего назначенія, вступить въ командованіе лишь по приведеніи войскъ на сборный пунктъ у фольварка Млынекъ. Въ заключеніе, я высказался за желательность вступленія въ роль начальника главныхъ силъ ближайшаго его замѣстителя, если онъ самъ находилъ бы неудобнымъ принять эту роль на себя лично.

Командиръ корпуса меня спросилъ, отказываюсь ли я. Я ему отвѣтилъ, что отъ боевыхъ порученій никогда не отказываюсь, но всегда считаю долгомъ откровенно говорить, что я думаю. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ онъ меня назначаетъ. Послѣ этого онъ направился къ шалашу, въ которомъ сборъ старшихъ начальниковъ долженъ былъ состояться. Этотъ разговоръ продолжался недолго.

Какъ только мы вошли въ шалашъ и усѣлись, генералъ Ро-

зеншильдъ-Паулинъ заговорилъ, не выждалъ вступительнаго слова Комкора. Онъ очень горячо настаивалъ на принятіи немедленнаго рѣшенія ночью пробиться корпусомъ на Гродну у д. Волкуша и у д. Марковцы, у каковыхъ пунктовъ нужно было построить еще дополнительные мосты. Онъ исходилъ изъ положенія, что нужно двинутъся по уже знакомымъ войскамъ мѣстамъ въ общемъ направленіи на Бартники и Старожинце.

Послѣ сказаннаго генераломъ Розеншильдъ-Паулинымъ генералъ Булгаковъ обратился ко мнѣ, давая мнѣ слово. Я высказалъ свое полное согласіе съ высказаннымъ мнѣніемъ, что производство именно ночного прорыва на Гродну является нашимъ послѣднимъ шансомъ, но что я не могу раздѣлять мнѣнія о предположенномъ направленіи черезъ Марковцы и Волкуши на Старожинцы, такъ какъ это направленіе, судя по событіямъ 19-го февраля, выводитъ насъ на самый сильный участокъ расположенія противника. На мой взглядъ лучше выбрать направленіе черезъ Млынекъ, на каковое направленіе мы 19-го февраля вовсе не обращали вниманія. Наши атаки 19-го февраля черезъ Волкуши—Марковцы послужили какъ бы предшествующею демонстраціею для ночного прорыва въ направленіи Млынекъ—Жабиске. Сдѣланныя наблюденія показываютъ, что вниманіе противника фактически отвлечено отъ участка Млынекъ—Жабиске и глубже въ тылъ на Курьянку, вслѣдствіе чего я и предлагаю именно этотъ путь для слѣдованія и прорыва въ направленіи, по моему мнѣнію, наименьшаго вѣроятнаго сопротивленія, въ стыкъ между обѣими непріятельскими группами. Надежный проводникъ имѣется. На этомъ я кончилъ.

Генералъ Булгаковъ спросилъ мнѣніе генераловъ Шрейдера, Федорова, Джонсона, Чижова и Шемякина, которые согласились съ моимъ мнѣніемъ. Генералъ Булгаковъ тогда высказалъ свое рѣшеніе прорваться въ направленіи черезъ фольв. Млынекъ на Курьянку.

Вмѣсто того чтобы воспользоваться присутствіемъ старшихъ начальниковъ для словеснаго имъ изложенія своихъ распоряженій по сбору войскъ къ исходному пункту и установленія порядка слѣдованія къ оному, маскировки ухода съ позиціи и прочихъ указаній, немедленно необходимыхъ для разсылки предварительныхъ распоряженій и мѣръ охраненія, мѣста, порядка вступленія въ общую колонну, а равно назначенія отвѣтственныхъ по этимъ распоряженіямъ лицъ, генералъ Булгаковъ съ полковникомъ Генеральнаго Штаба Лилье тутъ же приступили къ составленію приказа для прорыва, который гласилъ:

ПРИКАЗЪ XX-му КОРПУСУ:

7-го февраля 1915 г.
7 час. вечера.

Сегодня, къ 12 час. ночи на 8-ое февраля всѣмъ частямъ ввѣреннаго мнѣ корпуса занять исходное положеніе для прорыва въ районъ крѣпости Гродно въ направленіи отъ фольв. Млынекъ на Курьянку и далѣе по шоссе на Гродну.

Для выполненія этого прорыва:

1) — Арьергарду полковника Дрейера (5 ротъ 110-го полка, 2 бат. 112-го полка, 2 бат. 210-го полка съ приданною на 7-ое февраля артиллеріею) сдерживать напоръ противника съ сѣвера отъ Рудавки и съ сѣвера-запада отъ Грушки, пока хвостъ колонны не пройдетъ мостъ у фольварка Млынекъ, для чего войти въ связь съ хвостомъ колонны.
2) Авангарду генералъ-майора Чижова (113-ый, 114-ый и 115-ый полки), головой колонны, собраться у моста у фольв. Млынекъ въ 12 час. ночи и слѣдовать по дорогѣ черезъ лѣсъ на д. Жабиске, Курьянки и далѣе по шоссе въ Гродну.
3) Главныя силы генералъ-майоръ Хольмсенъ: 27-ая пѣх. дивизія, 53-ья пѣх. дивизія и 116-ый полкъ. Слѣдовать за авангардомъ. Штабъ корпуса будетъ слѣдовать при главныхъ силахъ.
4) Артиллерія: генералъ-майоръ Фолимоновъ (вся артиллерія корпуса безъ находящейся въ арьергардѣ) подъ прикрытіемъ частей 212-го полка. Артиллерійскимъ паркамъ со снарядами и патронами слѣдовать за артиллеріей. Слѣдовать за главными силами.
5) Патроннымъ двуколкамъ, лазаретнымъ линейкамъ и походнымъ кухнямъ слѣдовать за парками.
6) Артиллеріи обмотать колеса соломой, чтобы не стучать.
7) Всѣ неуказанныя въ приказѣ повозки бросить въ лѣсу.
8) Въ колоннѣ всѣ дистанціи должны быть сближены.
9) Пулеметы во время похода должны быть вполнѣ готовы къ бою. Въ случаѣ встрѣчи противника атаковать молча, безъ выстрѣловъ и криковъ «ура».

Составленіе приказа и копированіе его начальниками штабовъ дивизій заканчивалось уже въ сумерки. Одновременно, съ другой стороны поляны былъ слышенъ сильный ружейный огонь

и начался свистъ пуль надъ головами. Всѣ начальники отправились къ своимъ частямъ для отдачи распоряженій. Генералъ Булгаковъ съ Начальникомъ артиллеріи корпуса, генераломъ Шрейдеромъ, направились къ фольв. Млынекъ, гдѣ долженъ былъ до 12 час. ночи помѣститься Штабъ корпуса, который вскорѣ туда и прибылъ.

Для полученія дополнительныхъ указаній я сопутствовалъ Командиру корпуса съ генераломъ Шрейдеромъ до ожидавшихъ ихъ въ полуверстѣ коней, которые крайне нервничали изъ-за ружейнаго огня. Удалось посадить генерала Булгакова на лошадь, но такъ какъ мои лошади и ординарцы были оставлены въ противоположномъ направленіи отъ шалаша, то пришлось вернуться вдоль опушки подъ огнемъ, что въ одиночествѣ, признаюсь, было нѣсколько жутко. Ординарцевъ и лошадей своихъ я не нашелъ на прежнемъ мѣстѣ; они отправились въ поиски за мною, запутались въ лѣсу и меня такъ до утра и не нашли. Противникъ вскорѣ былъ отбитъ подоспѣвшими двумя ротами *). Оставалось только вновь направиться къ Млынеку пѣшкомъ. Вскорѣ я засталъ въ лѣсу командира 211-го полка Шебуранова, съ которымъ мы вмѣстѣ, въ началѣ десятаго часа, дошли до поворота дороги на Млынекъ. Тамъ я засталъ генерала Джонсона и нѣсколько офицеровъ Штаба корпуса; я просилъ доложить Командиру корпуса о настоятельной необходимости слѣдить за своевременнымъ сборомъ частей къ исходному пункту и за исправленіемъ и поддержаніемъ въ порядкѣ моста саперами. Я указалъ и на желательность отвести пунктъ сбора авангарда на 1 версту впередъ отъ моста по дорогѣ въ Жабиске для того, чтобы имѣть возможность перевести черезъ мостъ части главныхъ силъ и артиллерію по мѣрѣ ихъ прихода къ фольв. Млынекъ и построить ихъ временно до 12 час. въ сомкнутыя колонны на правомъ берегу, гдѣ имѣлось сравнительно большое открытое пространство. Это было необходимо во избѣжаніе закупорки дороги, подходившей къ мосту прямо лѣсомъ съ сѣверной стороны.

На мой докладъ послѣдовало согласіе, и немедленно Штабомъ корпуса было приступлено къ исполненію, но безъ энергіи. Вмѣсто того, чтобы разослать офицеровъ въ штабы дивизій, туда были посланы приказанія черезъ конныхъ ординарцевъ изъ ниж-

---

*) Какъ изъ изложенія «Der Weltkrieg» явствуетъ, мы тутъ имѣли дѣло съ одной изъ атакъ 42-ой герм. див. съ цѣлью еще вечеромъ захватить Липины. При той же атакѣ смертельно былъ раненъ командиръ герм. 65-ой пѣх. бригады ген.-маіоръ Эсторфъ. Тѣмъ же временемъ насѣдали и войска 76-ой рез. дивизіи къ сѣверо-западу отъ Млынекъ.

нихъ чиновъ. Саперы прибыли, но безъ фонарей и офицера. Главное, организаціи не было со стороны Командира корпуса, и отвѣтственныхъ начальниковъ назначено не было по разнымъ вопросамъ, что было бы особенно необходимымъ для сохраненія порядка. Между тѣмъ время шло, а войска на сборный пунктъ не прибывали. Я послалъ офицера въ Штабъ корпуса, но онъ вернулся безъ результата отъ своихъ поисковъ; ночь была крайне темная, и Штабъ корпуса не обозначилъ мѣста своего пребыванія фонаремъ. Мои попытки держать дорогу открытою имѣли лишь временный успѣхъ. Вновь прибывшими отдѣльными повозками обозовъ и парковъ она опять закупорилась. Но строевыя части такъ и не прибывали. Мнѣ стало очевиднымъ, что распоряженія по организаціи прорыва были слишкомъ поздно приняты и мало продуманы. При нормальныхъ условіяхъ можно было бы еще разсчитывать на исполненіе, но при царившей общей усталости въ темную ночь, нужно было отдать эти распоряженія гораздо раньше и за много часовъ до темноты. Держать дорогу къ ф. Млынекъ открытою можно было бы, но лишь при помощи уже засвѣтло прибывшей строевой части, а таковой до 12-ти часовъ не было. Къ этому времени подошли къ мосту 113-ый и 114-ый полки. Вскорѣ туда же прибылъ и Начальникъ авангарда, который, отыскавъ Штабъ корпуса, получилъ приказъ двинуть авангардъ впередъ на 1 версту и тамъ выждать подхода главныхъ силъ. Онъ, поэтому, приказалъ 113-му и 114-му полкамъ пройти впередъ на 1 версту и тамъ ждать распоряженій. Къ тому же времени я сообщилъ въ Штабъ корпуса, что, кромѣ двухъ полковъ авангарда, еще нѣтъ войскъ главныхъ силъ. Вскорѣ, однако, прибылъ генералъ Фолимоновъ и сказалъ, что колонна артиллеріи готова къ выступленію; онъ просилъ у меня указаній для дальнѣйшаго. Я ему сообщилъ положеніе и сказалъ, что до прибытія пѣхотныхъ частей и распоряженій Штаба корпуса врядъ ли возможно тронуться безъ окончательнаго внесенія путаницы. О полкахъ остальныхъ дивизій ничего не было извѣстно.

Мостъ продержался кое-какъ въ порядкѣ всю ночь благодаря энергіи моего бывшаго ординарца доблестнаго штабсъ-капитана 6-ой бтр. 53-ей арт. бригады Соколова, который меня отыскалъ у переправы. За ночь дивизіонъ 29-ой артил. бригады былъ перевезенъ черезъ мостъ. 115-ый Вяземскій полкъ подошелъ много позже и, получивъ приказаніе ген. Чижова о переходѣ черезъ мостъ вслѣдъ за остальными полками, исчезъ въ ночную темноту. Генералъ Чижовъ также оставилъ ф. Млынекъ.

Несмотря на повторныя мои донесенія сбъ образовавшемся положеніи, отъ Штаба корпуса не послѣдовало никакихъ распоряженій. Мнѣ окончательно стало ясно, что избраніе направленія прорыва и всѣ подготовительныя мѣры по сбору войскъ въ темноту къ сборному пункту были приняты слишкомъ поздно для того, чтобы прорывъ могъ состояться въ указанномъ въ приказѣ по корпусу порядкѣ, всѣмъ корпусомъ вмѣстѣ. Конечно, обстоятельства были таковы, что онѣ, можетъ быть, оправдывали бы частичное спасеніе всѣхъ во время явившихся къ сборному пункту войскъ. Корпусный командиръ, конечно, могъ бы отдать распоряженіе въ этомъ духѣ. Но это дѣло взгляда и характера старшаго начальника. При данныхъ обстоятельствахъ это было бы разумно, но требовалась бы желѣзная дисциплина при исполненіи и подготовкѣ.

Съ другой стороны, никто изъ чиновъ корпуса безъ такового распоряженія не имѣлъ права оставить ряды своихъ войскъ.

Въ одномъ только нельзя было упрекать генерала Булгакова — въ малодушіи. Мнѣ впослѣдствіи стало извѣстно доподлинно, что онъ о какой-либо сдачѣ на капитуляцію и слышать не хотѣлъ, и что онъ своимъ громкимъ голосомъ поставилъ на мѣсто одного изъ старшихъ начальниковъ, который позволилъ себѣ объ этомъ заговорить уже утромъ 20-го февраля. Какія были рѣшающія причины его упорнаго отмалчиванія ночью съ 20-го на 21-ое февраля, мнѣ неизвѣстно.»

Много позже описываемыхъ событій стало точно извѣстно, что назначенные въ авангардъ 113-ый Старорусскій и 114-ый Новоторжскій полки, двинутые впередъ на 1 версту отъ моста у фольв. Млынекъ, однако, тамъ не остановились, а прослѣдовали дальше по дорогѣ на Жабиске, предоставивъ и своего начальника авангарда и весь корпусъ своей судьбѣ. Во главѣ шелъ 114-ый полкъ, уводившій съ собою единственнаго въ корпусѣ проводника-лѣсника. Обойдя д. Жабиске по тропинкѣ, оба полка вышли на шоссе между Липскомъ и д. Курьянка, откуда они проселками, держась ближе къ Бобру, въ восьмомъ часу утра вышли къ югу отъ д. Рыгаловки, сильно занятой противникомъ. За ночь они прошли всего 12 верстъ. Здѣсь они были замѣчены германской батареей, которая открыла огонь по нимъ съ тыла. Полки здѣсь разошлись и прошли раздѣльно въ Гродну, 113-ый полкъ по правому берегу Бобра черезъ д. Хурожовце, а 114-ый полкъ, переправившись черезъ Бобръ у д. Конюшки, прошелъ по лѣвому берегу въ крѣпость.

115-ый Вяземскій полкъ, опоздавшій къ 12 час. къ сборному пункту, былъ направленъ вслѣдъ за 113-мъ и 114 полками, но сбился съ пути и лишь къ разсвѣту, вмѣстѣ съ двумя батареями 29-ой арт. бригады, вышелъ на д. Старожинце, *) нигдѣ не нашедши слѣда 113-го и 114-го полковъ.

Обнаруживъ присутствіе противника, Вяземцы въ составѣ 800 человѣкъ пошли въ успѣшное по началу наступленіе и забрали плѣнныхъ, которые показали, что около Жабиске бригада пѣхоты. Тутъ слѣдовавшій съ полкомъ, больной генералъ Чижовъ упалъ съ лошади и расшибся, но все же оправился и вернулся въ Штабъ корпуса, гдѣ получилъ разрѣшеніе усилить наступленіе Вяземцевъ первымъ подходившимъ къ переправѣ полкомъ. Прибывъ на фольваркъ Млынекъ на разсвѣтѣ, генералъ Чижовъ сообщилъ автору о таковомъ приказаніи Комкора, вслѣдствіе чего какъ разъ въ это же время подходившій къ Млынеку 108-ой Саратовскій полкъ, съ приданными остатками Уфимцевъ и Оренбуржцевъ, генераломъ Чижовымъ былъ двинутъ на подмогу Вяземцамъ. Три батареи 29-ой арт. бригады поддержали это наступленіе, но ихъ огонь скоро былъ потушенъ подавляющимъ превосходствомъ артиллеріи противника, которая своимъ огнемъ превратила этотъ бой въ бойню. Эти стойкіе полки додержались все же, по отзыву командира Вяземскаго полка, до около полудня, когда они были окончательно окружены, потерпѣвъ сильную убыль своего и безъ того слабаго состава.

Артиллерія, занимавшая открытыя позиціи на опушкѣ лѣса, какъ всегда, геройски дѣйствовала до послѣдняго патрона, сопутствуя наступленію пѣхоты, чтобы дать ей возможность пройти и чтобы потушить пулеметныя гнѣзда противника. Штабсъ-капитанъ 53-ей арт. бригады Мицкевичъ-Волчанскій со взводомъ неднократно выѣзжалъ на позиціи въ 400 шагахъ отъ противника для дѣйствія на картечь. Эта горсть храбрецовъ, конечно, не могла удержать начавшееся утромъ 21-го февраля общее наступленіе противника. Точно также 209-ый Богородскій п. вскорѣ былъ раздавленъ. Этотъ полкъ получилъ приказъ по корпусу лишь рано утромъ. Обнаруживъ свое одиночество у Богатырей послѣ ухода сосѣдей слѣва и справа и услышавъ у себя въ тылу перестрѣлку, командиръ полка понялъ, что онъ все равно во время никуда не поспѣетъ, и поэтому рѣшилъ у

*) За точность этихъ свѣдѣній о Вяземскомъ полкѣ авторъ не ручается.

Волкушскаго моста сдерживать противника, который подходилъ къ переправѣ съ очевидною цѣлью ударить въ тылъ нашимъ войскамъ на лѣвомъ берегу р. Волкуша. Въ этомъ неравномъ бою доблестный молодой полкъ, имѣвшій всего около 400 человѣкъ въ своихъ рядахъ, погибъ геройскимъ образомъ.

Недошедшій до утра 211-ый полкъ занялъ раздѣльно на лѣвомъ берегу оборонительное положеніе. Вся еще оставшаяся на лѣвомъ берегу Волкуши артиллерія утромъ переправилась на правый берегъ, и скоро открылась оглушительная канонада.

Противникъ, однако, медленно, но неуклонно продвигался впередъ какъ со стороны Жабиске 79-ой рез. дивизіею, такъ и отъ Старожинце 2-ою пѣх. дивизіею; на Волкушъ и Марковскій мостъ 31-ою пѣх. дивизіею и частями 77-ой рез. дивизіи. Остальная часть 77-ой рез. дивизіи съ кавалерійской дивизіею охраняла переправу черезъ Нѣманъ у Гожи.

Наше расположеніе на правомъ берегу р. Волкуша у фольв. Млынекъ привлекало на себя сосредоточенный огонь 6-ти тяжелыхъ и 5-ти легкихъ гаубичныхъ германскихъ батарей съ Голынки и Старожинце. Онѣ стрѣляли, очевидно, по картѣ, ибо около самаго Млынека стало почти невыносимо. Къ счастію, мы успѣли до утра перевести артиллерію. У самаго фольварка на лѣвомъ берегу пострадали, главнымъ образомъ, тамъ оказавшіеся парки и обозы. Но, по мѣрѣ подхода, нѣмцы корректировали свой огонь, и наши батареи и пѣхота начали сильно страдать отъ огня тяжелой артиллеріи, который сосредоточился на площади, примѣрно къ квадратную версту нашего расположенія.

Пѣхота начала отходить, неся громадныя потери, и вскорѣ она была низведена лишь до слабаго прикрытія нашихъ батарей. Общаго управленія не было. Войска были до такой степени перемѣшаны, что старшіе начальники мало смогли вліять на ходъ событій въ лѣсу. Патроны были совсѣмъ на исходѣ, какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ артиллеріи. Лѣсныя дороги до того были забиты повозками разнаго рода, что привозить патроны изъ парковыхъ повозокъ оказалось невозможнымъ. По мѣрѣ прекращенія огня, панорамы и замки, а гдѣ можно было, и самыя орудія, бросались въ рѣку. Лошади разстрѣливались изъ револьверовъ, чтобы не увеличивать добычи врага. Агонія обороны шла медленно, но вѣрно. Густыя непріятельскія цѣпи послѣ прекращенія непріятельскаго артиллерійскаго огня подходили все ближе и ближе. Войска, разстрѣлявъ свои патроны, дорого продавали свою жизнь. Собравшіеся остатки второочередного полка № 4 Сибирскихъ казаковъ, въ числѣ около полуторы сотни, къ

коимъ пристроились еще нѣкоторые артиллеристы, рѣшили подъ командою своего командира полка, 64-лѣтняго войскового старшины Власова прорваться конною атакою. Казаки попали въ болото и понесли большія потери отъ ружейнаго огня. Вторичная атака была для нихъ гибельна подъ дѣйствіемъ уже пулеметнаго огня противника. Почти всѣ полегли. Нашъ огонь отъ недостатка патроновъ какъ въ артиллеріи, такъ и въ пѣхотѣ, около полудня окончательно замолкъ. Все ближе и ближе подходили нѣмецкія цѣпи и ихъ ружья одни трещали.

Но Командиръ корпуса и не думалъ выкинуть бѣлый флагъ, или вступить въ какіе-либо переговоры о капитуляціи. Большинство должно было раздѣлить его горькую участь военноплѣннаго. Кое-кому временно удалось избѣжать этой участи; большинство, все же, въ концѣ концовъ, были переловлены за лишь единичными исключеніями въ десятокъ офицеровъ и до сотни нижнихъ чиновъ. Потери убитыми и ранеными, конечно, были колоссальны и не поддаются точному учету, но имѣется основаніе полагать, что онѣ были очень велики въ этомъ неравномъ бою.

Эта заключительная драма подъ Млынекомъ происходила послѣ полудня.

Въ арьергардѣ полковника Дрейера тѣмъ временемъ происходило слѣдующее:

Приказъ по корпусу былъ полученъ лишь въ 2 часа ночи. Еще до разсвѣта было получено донесеніе, что противникъ — 42-ая дивизія — со стороны сѣвера тѣснитъ роты, охранявшія районъ Липины—Волкушекъ, вслѣдствіе чего подъ неперестававшимъ давленіемъ 42-ой и 31-ой дивизій съ сѣвера пришлось оттянуть къ югу всю линію обороны, чтобы не быть отрѣзанными отъ главныхъ силъ у Млынека. Этотъ отходъ продолжался затѣмъ дальше на югъ къ песчаному плато, что въ верстѣ къ сѣверу отъ фольв. Млынекъ. Это случилось какъ разъ въ то время, когда 76-я германская рез. дивизія со стороны Рубцова заканчивала свое развертываніе для наступленія на Млынекъ, т.-е. въ десятомъ часу утра. Во время обнаруженное дивизіономъ 53-ей арт. бригады съ приданною 5-ою бтр. 84-ой арт. бригады уже послѣ 7 час. утра, оно нашимъ мѣткимъ огнемъ было задержано. Вскорѣ арьергарду удалось обрамить батареи 53-ей арт. бригады пѣхотою 110-го, 112-го и 210-го полковъ. Туда же былъ придвинутъ резервъ-батальонъ 112-го полка. Къ этому же времени противникъ, — 31-ая дивизія — покончивъ съ 209-мъ полкомъ, сталъ проникать въ тылъ арьергарда со стороны д. Волкуша и

Марковцы. Батарея 84-ой арт. бригады и мортирный дивизіонъ Сиб. тяжелой арт. бригады, повернувъ на 180 градусовъ дула своихъ орудій, задерживала это наступленіе, но не на долго.

Пѣхота арьергарда таяла какъ снѣгъ, и вскорѣ артиллерія одна отбивалась до полнаго истощенія всѣхъ патроновъ. Батарея, другая, еще имѣвшія патроны, продолжали огонь до 1 часу дня, прочія же безмолвствовали.

Послѣднимъ резервомъ арьергарда послужили собранныя на опушкѣ лѣса прапорщикомъ-артиллеристомъ С. А. Соколовымъ*) остатки ротъ различныхъ частей, всего 2 сборныя роты. Онѣ были пущены въ дѣло лично полковникомъ Дрейеромъ, но попали подъ фланговый пулеметный огонь и движеніе впередъ захлебнулось; роты понесли громадныя потери.

Дѣло было кончено къ двумъ часамъ дня. Незадолго передъ тѣмъ Штабъ арьергарда былъ сильно обстрѣлянъ. Начальникъ артиллеріи арьергарда, командующій 53-ею арт. бригады, полковникъ Кисляковъ былъ убитъ и нѣсколько офицеровъ ранено, въ томъ числѣ и мой бывшій расторопный и безстрашный ординарецъ, вышеупомянутый прапорщикъ С. А. Соколовъ.

Въ этихъ бояхъ арьергарда происходили эпическіе случаи храбрости и самоотверженности. Артиллерія, какъ всегда, показала себя на высотѣ положенія: батареи дорого продавали свои жизни и орудія, отбиваясь револьверами въ послѣдніе моменты.

Полковникъ Дрейеръ, въ числѣ немногихъ, избѣгъ плѣна и черезъ нѣсколько дней пробрался черезъ Нѣманъ.

Съ утра 21-го февраля ХХ-ый корпусъ сражался въ безнадежномъ смертномъ бою, единственно, за свою честь. Одинъ изъ авторовъ, описавшій этотъ бой, припоминаетъ слова генерала Камброннъ: «Гвардія умираетъ, но не сдается.» Такъ было сказано ровно 100 лѣтъ до этого про Наполеоновскую гвардію при Ватерлоо. Тамъ умирали на глазахъ своего Императора старые испытанные въ бояхъ ветераны, а на міру и смерть красна. Подъ Млынскомъ наши скромные русскіе офицеры и солдаты легли костьми, просто, исполняя свой долгъ присяги.

Невыразимо грустно думать о томъ, какіе могли бы быть достигнуты разультаты съ такими войсками при болѣе удачномъ водительствѣ. Вѣдь, случаевъ возможнаго выхода ХХ-го корпуса изъ труднаго положенія, и вѣроятнаго, успѣшнаго прорыва черезъ кольцо окруженія было нѣсколько, какъ о томъ свидѣтельствуетъ вышеизложенный ходъ событій. Поэтому, носить терновый вѣнецъ, вмѣсто лавроваго вѣнка, сугубо горько и тяжело

*) Онъ же писатель подъ псевдонимомъ Кречетовъ.

для славныхъ войсковыхъ частей этого доблестнаго корпуса. Имя Командира корпуса генерала Булгакова, несмотря на все его незадачливое командованіе корпусомъ послѣ 15-го февраля, все же сохранится въ доброй памяти его соратниками, такъ какъ онъ до конца стоялъ за честь русскаго оружія и не думалъ о поднятіи бѣлаго флага, оставляя войскамъ корпуса возможность съ этимъ неравнымъ боемъ 21-го февраля, все же, связать чувство до конца исполненнаго долга.

Такъ какъ до настоящаго времени мало кто изъ участниковъ этой драмы въ дремучихъ Августовскихъ лѣсахъ знакомъ съ деталями этой операціи, то позволяемъ себѣ привести еще и оцѣнку поведенія корпуса въ глазахъ противника. Введя въ эту оцѣнку, коэффиціентомъ, истину что «хваля противника, хвалишь и самого себя», мы все же находимъ интересною статью очевидца, германскаго военнаго корреспондента, доктора Стефана Штейнера съ описаніемъ попытки прорыва. («Berliner Local Anzeiger», перепечатка въ «Königsberger Allgemeine Zeitung» отъ 14-го марта 1915-го года, № 123). Онъ пишетъ:

«Лишенный всякой поддержки извнѣ, XX-ый армейскій корпусъ продвигался по дорогамъ и тропинкамъ Августовскаго лѣса на востокъ, на встрѣчу своей судьбѣ. На югъ дороги были преграждены двойнымъ кольцомъ: съ одной стороны, германскими войсками, которые занимали дорогу на Липскъ, съ другой стороны, переправами черезъ Бобръ, за которымъ корпусъ былъ бы спасенъ; но форсировать переправы подъ огнемъ противника было нельзя. Единственная возможность, которая оставалась, заключалась въ попыткѣ дебушировать изъ опушки Августовской пущи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ цѣлью прорвать германскую линію между Сопоцкинымъ — Бартниками — Голынкою и цѣною какихъ угодно жертвъ проложить себѣ дорогу на Гродну. Рѣшеніе генерала Булгакова было героическое, когда онъ этимъ путемъ добивался присоединенія XX-го корпуса, вѣрнѣе его остатковъ, къ своей арміи.

У Волкуша, Жбловжевѣ и Жабиске сомкнутые русскіе ряды вышли изъ опушки, наступая бѣглымъ шагомъ. Они отбросили свою прежнюю тактику самоокапываться по мѣрѣ наступленія и искали прикрытія лишь въ холмистой мѣстности, тянущейся между Волкушемъ, Бартниками, Марковцами и Старожинцами. Тогда затрещали германскіе пулеметы и осыпали ихъ своими пулями. Гаубицы и пушки стрѣляли на 800, затѣмъ на 600 и, наконецъ, даже на 450 метровъ по густымъ толпамъ, которыя од-

ною волною за другою двигались впередъ изъ лѣса. Не нужно было большого бинокля для наблюденія за результатами огня.

Вся эта бойня, которая врядъ ли имѣетъ себѣ подобную во всемірной исторіи, разыгралась въ какихъ-нибудь 200 метрахъ отъ насъ. Простымъ глазомъ можно было видѣть, какъ цѣлыя толпы людей оставались лежать, какъ батальонъ за батальономъ были скошены огнемъ пулеметовъ или отъ бѣглаго огня полевой артиллеріи. Все снова колонны порывались впередъ, все больше труповъ нагромождалось на узкомъ пространствѣ боя, и германскій огонь вырывалъ все болѣе и болѣе многочисленные жертвы изъ несущихся впередъ, какъ въ какомъ-то сумасшествіи, колоннъ.

Послѣ двухчасового бѣглаго огня все дѣло было совершенно кончено. Люди были безъ пользы приведены на убой, ибо прорывъ германскаго кольца былъ невозможенъ, и послѣдняя попытка генерала Булгакова пробиться на Гродну не удалась. Но какое зрѣлище представляло послѣ этого боя поле сраженія у Волкуша! Другъ на другѣ тутъ валялись безчисленныя группы мертвецовъ, цѣлыя горы труповъ тутъ и тамъ. Честь XX-го корпуса была спасена, но цѣною такого спасенія были семь тысячъ людей, которые въ одинъ единственный день, на пространствѣ въ нѣсколько квадратныхъ километровъ, у Волкуша, нашли геройскую смерть.

Хотя эта попытка прорваться и была чистымъ сумасбродствомъ, она, тѣмъ не менѣе, была геройскимъ поступкомъ, который показалъ русскаго солдата въ свѣтѣ, въ которомъ мы его знаемъ со времени Скобелева, со времени штурма Плевны, изъ Кавказскихъ боевъ, со времени штурма Варшавы. Русскій солдатъ можетъ драться, и онъ дерется хорошо. Онъ переноситъ потери и держится даже тогда, когда онъ идетъ на вѣрную смерть. И если мы желаемъ искать объясненія, отчего непріятельскія войска представляются намъ то въ одномъ, то въ другомъ свѣтѣ, то мы только можемъ сказать, что все зависитъ отъ начальниковъ. Въ зависимости отъ энергіи начальниковъ, тотъ же солдатъ сегодня герой, завтра трусъ. Онъ всецѣло поддается внушенію этого вліянія, которое на войнѣ исходитъ отъ личности.

Черезъ два дня послѣ этого боя остатки XX-го корпуса и 27-ой дивизіи были въ германскомъ плѣну».

«Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ», говоритъ русская пословица. Нѣчто подобное было въ Штабѣ 10-ой арміи, который изъ факта неполученія свѣдѣній о XX-мъ корпусѣ съ

15-го февраля вывелъ заключеніе, что, значитъ, корпусъ окруженъ и нечего пытаться его отыскать. «Всѣ знали», что корпусъ лишенъ продовольствія, затѣмъ стали его считать погибшимъ и не сомнѣвались въ его уничтоженіи послѣ отхода III-го Сиб. и XXVI-го корпусовъ за Бобръ 17-го февраля *). За неимѣніемъ подъ рукою точныхъ свѣдѣній о возможностяхъ по днямъ и о средствахъ воздушнаго флота Штаба арміи и крѣпости Гродны и прочихъ условій полета, остается лишь указать на отсутствіе полетовъ изъ Гродны. Замѣнившій генерала Леонтовича въ командованіи конницы генералъ баронъ Майдель 17-го февраля прибылъ съ дивизіями въ Гродну и долженъ былъ 18-го февраля двинуться на Липскъ и Сопоцкинъ. Но вслѣдствіе обнаружившейся угрозы переправы противника у Друскеникъ, конница была направлена на участокъ Гожа-Меречь. Казалось, что можно было бы временно оставить хотя бы малую часть въ крѣпости для развѣдки Августовскаго лѣса. Въ концѣ концовъ, были же конные люди и рѣшительные офицеры въ составѣ Штаба 10-ой арміи, которые имѣли бы сердце для принятія на себя отвѣтственной задачи, хотя бы по выясненію послѣ 16-го февраля, какими силами занятъ Сопоцкинъ и Липскъ и докуда противникъ распространился по опушкѣ Августовскаго лѣса. Вѣдь Штабъ арміи зналъ о предстоящемъ усиленіи 10-ой арміи двумя корпусами: II-мъ и XV-мъ. Не въ крѣпости же ихъ держать, а надо было выяснить заблаговременно, гдѣ они больше всего были бы нужны въ полѣ.

Совершенно непонятнымъ намъ также представляется, что крѣпостной штабъ не имѣлъ впереди верковъ своихъ агентовъ, которые путемъ опроса жителей были бы въ курсѣ наиболѣе выдающихся явленій впереди верковъ и даже въ тылу у появившагося передъ крѣпостью противника. Недоумѣваешь, что о канонадахъ 17-го, 18-го и 19-го февраля впереди лѣса со стороны р. Волкуши, видимо, ничего не было донесено въ Гродну и въ Штабъ арміи. Объясняется ли эта неосвѣдомленность Штаба арміи отсутствіемъ организаціи или иными причинами, намъ пока незвѣстно. Фактъ появленія 20-го февраля молодого охот-

*) Такое равнодушное отношеніе къ отсутствію свѣдѣній изъ одного изъ корпусовъ арміи прямо потрясающе и указываетъ на полную прострацію отъ неудачъ Командующаго арміи. Другой, болѣе энергичный командующій съ утра 16-го февраля поднялъ бы тревогу въ прочихъ корпусахъ арміи съ требованіемъ срочно добыть свѣдѣнія о мѣстонахожденіи XX-го корпуса, чтобы передать необходимыя свѣдѣнія и указанія, вызванныя занятіемъ противникомъ Сопоцкинской позиціи.

ника 212-го Романовскаго полка и его разсказъ о присутствіи XX-го корпуса у Липинъ для Штаба арміи явились совершенно неожиданной новостью; ему сперва даже и вѣрить не хотѣли въ Штабѣ. Но его отвѣты и знаніе начальниковъ въ корпусѣ, въ концѣ концовъ, внушили къ нему довѣріе Командарма, который сейчасъ же рѣшилъ двинуть всю 10-ую армію на выручку XX-го корпуса, какъ ему уже раньше было указано Ставкою.

Приказъ былъ отданъ въ 1 часъ ночи на 21-ое февраля, причемъ время выступленія для всѣхъ четырехъ корпусовъ было назначено въ 10 часовъ утра этого же дня. Изъ описанія событій въ XX-мъ корпусѣ ночью съ 20-го на 21-ое февраля и утромъ 21-го февраля явствуетъ, что это наступленіе генерала Сиверса никакого практическаго результата для спасенія XX-го корпуса имѣть не могло, тѣмъ болѣе, что не было никакой связи съ генераломъ Булгаковымъ.

Наступленіе должно было вестись: II-мъ корпусомъ въ направленіи на дд. Вассарабы и Витковщизна, тремя полками XV-го корпуса (остальные занимали крѣпостные верки) подъ начальствомъ генерала Баіова, вдоль шоссе на Липскъ — Рыгаловку; XXIV-мъ корпусомъ, послѣ переправы черезъ Бобръ (на участкѣ Ягинты—Рогачи), на Рыгаловку и Липскъ. III-му Сиб. корпусу приказано было наступленіемъ удержать противъ себя возможно больше силъ противника. У Гожи находился отрядъ полковника Грузинскаго (121-ый Пензенскій пѣх. полкъ съ 1 легкой и 1 мортирной батареями и двумя полками кавалеріи). Съ 8-ми час. утра крѣпостная артиллерія должна была обстрѣливать дд. Селивановцы, Рыгаловку и высоту 100,3.

Противникъ по началу могъ выставить лишь части 2-ой и 31-ой пѣх. и 79-ой рез. дивизій на фронтѣ Сопоцкинъ—Бобръ, а противъ переправы у Гожи — 77-ую рез. и 1-ую кав. дивизіи.

Энергичная атака д. Рыгаловки скоро была пріостановлена атакою противника во флангъ со стороны д. Раковичи, что при одновременномъ сильномъ обстрѣлѣ тяжелою артиллеріею со стороны Копчаны сильно повліяло на мораль только что вновь сформированнаго Низовскаго полка, который, понесши болѣе 19 офицеровъ и 1000 чел. потерями, сдалъ. За нимъ потянулись остальныя части отряда ген. Баіова. Вслѣдствіе этой неудачи флангъ XXVI-го корпуса оказался открытымъ. 84-ая дивизія оказалась въ очень трудномъ положеніи; пришлось пріостановить начатое наступленіе на Липскъ.

На сѣверѣ полковникъ Грузинскій неосторожно перешелъ Нѣманъ и вздумалъ было атаковать противника своими слабы-

ми силами, но онъ сразу былъ отбитъ и долженъ былъ сжечь мостъ. Это еще полъ-бѣды. Онъ донесъ, что противъ него дѣйствовалъ цѣлый корпусъ. Это его донесеніе вызвало тревогу Командующаго арміею, который около 4 час. дня прекратилъ столь неудачно начатое наступленіе и приказалъ отойти съ предоставленіемъ противнику даже столь важнаго наблюдательнаго пункта, какъ высота 100,3.

«Въ результатѣ этого наступленія получились лишь напрасныя человѣческія жертвы и состоялась торжественная канонада, которая звучала какъ погребальный салютъ надъ погибавшимъ въ неравномъ бою XX-мъ корпусомъ на разстояніи какихъ-нибудь десяти верстъ».

Генералъ Радкевичъ, со свойственной ему энергіею, перешелъ даже на правый берегъ Бобра и сильно потѣснилъ противника, который долженъ былъ отойти за д. Ястржембну.

27-го февраля генералъ Сиверсъ былъ отчисленъ отъ должности. Генералъ Радкевичъ былъ назначенъ на его мѣсто.

Генералъ Поповъ замѣнилъ генерала барона Будберга въ должности Начальника Штаба арміи. Послѣдній уже раньше просилъ о своемъ отчисленіи отъ должности.

ГЛАВА IX.

Февральскія бои у Гродны, Ломжи, Осовца и Прасныша. Отходъ германцевъ отъ Бобра и Нѣмана.

Схемы 5, 6 и 7.

Бои, веденные съ 21-го февраля до конца мѣсяца, а затѣмъ въ началѣ марта, равно какъ и въ послѣдующій періодъ, мартъ-апрѣль 1915-го года. никѣмъ изъ русскихъ авторовъ подробно не были описаны.

Мы, поэтому, рѣшились воспользоваться данными объ этихъ бояхъ въ появившейся въ 1932 году VIII-ой части изданія германскаго Государственнаго Архива «Міровая Война 1914 — 1918 гг.» для краткаго описанія общаго хода операцій, съ прибавленіемъ тѣхъ свѣдѣній объ общемъ стратегическомъ положеніи, которыя оказались въ нашемъ распоряженіи по русскимъ и нѣкоторымъ иностраннымъ источникамъ.

При скудости негерманскихъ источниковъ, наше изложеніе невольно будетъ носить нѣсколько однобокій характеръ. Это обстоятельство, надѣемся, вызоветъ появленіе поправокъ и дополненій со стороны русскихъ участниковъ этихъ операцій.

Предшествовавшія этимъ боямъ стратегическія соображенія Ставки и Штаба сѣв.-западнаго фронта уже описаны въ главѣ VI.

Послѣ того какъ выяснилось, что опасенія за прочность занятія нами р. Бобра были сильно преувеличены, генералъ Рузскій 20-го февраля заявилъ, что планъ ближайшихъ его дѣйствій основывается на предположеніи, «что главныя силы нѣмцевъ направляются нынѣ на линію Осовецъ—Ломжа—Остроленка съ цѣлью прорвать здѣсь наше расположеніе и захватить Варшаву съ востока».

Примѣнительно къ этому, въ тотъ же день имъ разослана директива, въ которой указывалось, что 12-ая армія сосредото-

чивается въ районѣ Малкинъ — Островъ — Остроленка—Ломжа — Бѣлостокъ. Сегодня, 20-го февраля корпусами съ двумя стр. бригадами переходить въ наступленіе отъ Остроленки — Ломжи на Вахъ — Кольно — Стависки — Радзиловъ; 1-ой арміи находиться впереди линій Бодзаново — Плонскъ — Цѣхановъ — Праснышъ. 2-ой и 5-ой арміямъ занимать укрѣпленное расположеніе на Бзурѣ и Равкѣ.

10-ой арміи ставилась задача — «удержать районъ Гродно—Штабинъ — Соколка для прикрытія фланга и сообщеній остальныхъ армій фронта, и при малѣйшей возможности, въ видахъ болѣе надежнаго достиженія этой цѣли, занять Сопоцкинскія высоты, дѣйствуя войсками, собранными у Гродны, и частями, сосредоточенными въ районѣ Домброва — Штабинъ — Двуглы; развѣдывать силы германцевъ въ районѣ Маріамполь—Кальварія и обезпечить отъ разрушенія желѣзныя дороги въ районѣ Гродны.

12-ой арміи, впредь до окончанія сосредоточенія, удерживать за собою обладаніе линіею Нарева отъ устья р. Оржица до устья Бобра, а линію Бобра отъ устья до рѣки Березовки. По окончаніи передвиженія перейти въ общее наступленіе въ соотвѣтствіи съ обстановкою и отбросить нѣмцевъ.

1-ой арміи во что бы то ни стало удержать линію Вышгородъ — Плонскъ — Цѣхановъ — Праснышъ.

2-ой и 5-ой арміямъ удержать свои расположенія на Бзурѣ и Равкѣ. Обѣимъ этимъ арміямъ, пользуясь прибытіемъ въ ихъ составъ ополченческихъ частей, образовать достаточной силы армейскій резервъ.

Разграничительныя линіи между арміями остаются прежними.»

Послѣ отбитаго 21-го февраля наступленія 10-ой арміи для выручки XX-го корпуса, новаго, предположеннаго 23-го февраля наступленія не послѣдовало, такъ какъ Командующій арміи былъ убѣжденъ, что XX-ый корпусъ погибъ. Это, видимо, не противорѣчило и взглядамъ Главнаго Командованія Сѣв.-Зап. фронта.

Въ телеграммѣ Ставкѣ Генералъ-Квартирмейстеръ Штаба фронта совершенно убѣжденно говоритъ: «Твердо убѣжденъ, что главный ударъ нѣмцы развиваютъ въ направленіи Ломжа-Остроленка и даже Варшава. Въ настоящее время болѣе чѣмъ ясно, что намъ надо добиться рѣшительнаго успѣха надъ германцами въ районѣ Нарева, и что рѣшеніе всей войны именно въ районѣ Варшава—Гродна.»

23-го февраля, телеграммою № 8254, Ставка указывала Главнокомандующему фронта задачу — «лишь остановить попытки противника въ развитіи имъ наступательныхъ дѣйствій и нанести ему хотя бы частныя пораженія.»

Бои у Гродны и на Бобрѣ.

Побѣдоносное настроеніе въ Штабѣ Гинденбурга послѣ окруженія нашего XX-го корпуса и неуспѣха наступленія нашей 12-ой арміи, о чемъ будетъ рѣчь ниже, было сильно омрачено полученіемъ тогда же письма отъ генерала Фалькенгайна. Содержаніе этого письма приводится ниже для характеристики существовавшаго расхожденія во взглядахъ на верхахъ германскаго командованія по вопросу о значеніи Восточнаго театра войны, какое расхожденіе нами выше уже было отмѣчено.

Этимъ письмомъ отъ 19-го февраля 1915-го года генералъ Фалькенгайнъ увѣдомилъ Фельдмаршала, что, «въ виду необходимости нанести ударъ на Западномъ фронтѣ, а равно вслѣдствіе общей обстановки и политическаго положенія дѣлъ, придется нѣсколько ограничить стремленіе использовать побѣду, одержанную надъ нашей 10-ой арміей, такъ какъ во второй половинѣ марта необходимо будетъ потребовать отправленія съ Восточнаго театра военныхъ дѣйствій значительныхъ силъ на другіе фронты. А уже раньше неизбѣжно придется сократить доставку укомплектованія и боевого снабженія на Восточный театръ».

Какъ извѣстно, къ этому времени разыгрывалось зимнее наступленіе французовъ въ Шампани, теченіе и продолжительность котораго пока представлялось неопредѣленнымъ. Это обстоятельство до нѣкоторой степени объясняло принятую мѣру. Генералъ Фалькенгайнъ продолжалъ настойчиво заниматься разработкой плановъ для нанесенія удара на Западномъ фронтѣ. Онъ еще въ мартѣ 1915-го года не измѣнилъ своего ранѣе выявленнаго взгляда на значеніе Восточнаго фронта. Гинденбургъ же оставался при убѣжденіи, что окончательная побѣда на Западѣ возможна лишь послѣ низложенія Россіи, какое его убѣжденіе еще усиливалось. Онъ смотрѣлъ весьма оптимистически на возможные результаты отъ происходившей операціи — какъ начало расшатыванія всего нашего фронта *).

Можно себѣ представить, каково было впечатлѣніе при по-

*) Когда затѣмъ, въ началѣ марта, обозначился неуспѣхъ этого наступленія, то Фалькенгайнъ рѣшилъ вышеупомянутыя мѣры не приводить въ исполненіе въ теченіе марта.

лученіи въ Штабѣ Гинденбурга этого письма какъ разъ въ то время, когда могло казаться, что наступленіе вступало въ фазисъ пожатія стратегическихъ плодовъ отъ одержанной тактической, крупной побѣды. Вѣдь поспѣшный отходъ за Бобръ группы ген. Радкевича могъ быть понятымъ въ Штабѣ Гинденбурга какъ вынужденный и вызванный истощеніемъ въ кровопролитныхъ бояхъ боеспособности его войскъ. Возможность форсированія переправъ на Бобрѣ могла представляться вѣроятною и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ заманчивою, чтобы не дерзнуть!

Въ случаѣ удачи, съ выходомъ къ Бѣлостоку и въ тылъ крѣпости Осовца, дорога Граево — Осовецъ оказалась бы свободною для прохода войскъ его 8-ой арміи, а въ случаѣ удачи одновременнаго наступленія генерала Гальвица со стороны Млавы къ нижнему Нареву всѣ наши войска на фронтѣ Наревъ — Бобръ рисковали быть захваченными въ тиски съ обоихъ фланговъ.

Генералъ Рузскій уже 17-го февраля на Сѣдлецкомъ совѣщаніи высказалъ опасенія о существованіи у противника именно такого плана и доложилъ о своихъ контръ-мѣрахъ, какъ выше было изложено.

Генералъ Людендорфъ, однако, при описаніи всего пережитого имъ въ Штабѣ въ Летценѣ, о таковомъ планѣ умалчиваетъ и лишь глухо говоритъ о бывшихъ треніяхъ и разочарованіяхъ въ связи съ невозможностью стратегически использовать одержанную тактическую побѣду. Зато другой авторъ, Риттеръ, въ своей книгѣ «Kritik des Weltkrieges» довольно подробно останавливается на всѣхъ возможностяхъ въ случаѣ такого охвата Наревскаго фронта *).

---

*) Въ своемъ трудѣ «Hindenburg et Ludendorff Stratèges», французскій генералъ Бюа утверждаетъ, что Гинденбургъ и Людендорфъ не скрывали своихъ взглядовъ о скорѣйшемъ способѣ добиться побѣдоноснаго конца войны, а, наоборотъ, рекламировали свой взглядъ о необходимости раньше всего пройти черезъ трупъ Русскаго колосса. Ниже приводятся данныя генерала Бюа о настроеніяхъ въ эту эпоху въ германскомъ народѣ и въ главной квартирѣ.

«Въ глазахъ германскаго народа и даже верховъ населенія, которые не были посвящены въ поставленныя цѣли операцій, успѣхъ мѣрился, главнымъ образомъ, громкими тактическими побѣдами съ массами захваченныхъ плѣнныхъ, орудій и военной добычи, при подсчетѣ коихъ, какъ говорится, «противника не жалѣютъ». Эта новая Восточно-Прусская операція Гинденбурга была передана въ прессѣ въ формѣ, что называется «товаръ лицомъ». Значеніе этихъ побѣдъ было значительно преувеличено.

Съ французскаго фронта подобныя утѣшительныя извѣстія не поступали, а были лишь сообщенія о тяжелыхъ понесенныхъ потеряхъ.

Несмотря на данныя генераломъ Фалькенгайномъ въ письмѣ отъ 6/19-го февраля указанія, Гинденбургъ все же не отказался отъ своего намѣренія стратегически использовать свои успѣхи и побѣду надъ XX-мъ корпусомъ, а рѣшилъ попытать счастіе. Изъ описанія Людендорфомъ хода событій можно усмотрѣть, что онъ считалъ возможнымъ форсировать Бобрскія переправы при условіи смѣны оттепели морозами, которые могли бы допустить прохожденіе пѣхоты по открытому болоту.

Восточный фронтъ, поэтому, былъ популяренъ въ народѣ, въ то время какъ французскій оставался въ тѣни.

Незамѣтно и мало по малу проводилось мнѣніе о правильности идей Гинденбурга и Людендорфа. Ихъ сторонники проводили эту мысль въ Главную квартиру и въ окруженіе Императора. Фалькенгайна даже осуждали за недостаточную поддержку національнаго героя Гинденбурга въ операціяхъ противъ Россіи.

Убѣжденіе въ правильности взглядовъ Гинденбурга и Людендорфа зимою 1915-го года настолько росло въ Германіи, что Фалькенгайнъ долженъ былъ временно отказаться отъ осуществленія собственныхъ воззрѣній о главенствующемъ значеніи Западнаго фронта для перехода еще въ этомъ году къ болѣе рѣшительнымъ операціямъ противъ Русскаго фронта».

По поводу послѣдняго утвержденія генерала Бюа можно, однако, замѣтить, что генералъ Фалькенгайнъ въ ту пору еще пользовался неограниченнымъ довѣріемъ и милостью Императора Вильгельма и былъ настолько силенъ, что онъ по оперативнымъ вопросамъ могъ не особенно считаться съ мнѣніями подчиненныхъ инстанцій и инако мыслящихъ. Судя по всѣмъ германскимъ источникамъ, возобновленіе наступленія противъ Россіи весною 1915-го года состоялось, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ необходимости спѣшно поддержать свою двуглавую союзницу — Австрію, находившуюся подъ угрозою объявленія войны Италіею и подъ сильнымъ напоромъ русскаго наступленія въ Карпатахъ. Къ тому же, намѣченное Фалькенгайномъ наступленіе противъ Сербіи еще весною 1915 года не могло состояться, вслѣдствіе отказа Болгаріи тою же весною присоединиться къ Центральнымъ Державамъ. Было признано, что только мощный ударъ противъ Россіи могъ бы спасти внутреннее политическое и военное положеніе Австріи. А катастрофическое въ то время положеніе укомплектованія и снабженія боевыми припасами **русскихъ** армій открывало слишкомъ большія возможности, чтобы упустить случай воспользоваться этой нашей временной слабостью для нанесенія, какъ наши враги надѣялись, сокрушительнаго удара.

Несомнѣнно, что вскорѣ послѣ вступленія генерала Фалькенгайна въ должность Начальника Генеральнаго Штаба расхожденіе его во взглядахъ съ Гинденбургомъ и Людендорфомъ уже обозначилось настолько рѣзко, что Фалькенгайнъ дважды добился удаленія Людендорфа изъ Штаба Фельдмаршала Гинденбурга. Послѣдній, однако, обращеніемъ непосредственно къ Императору, добился его возвращенія. Отношенія, такимъ образомъ, приняли обостренный характеръ изъ за принципіальнаго расхожденія. Въ дальнѣйшемъ эти отношенія еще углублялись.

Гинденбургъ настоялъ на своемъ и рѣшилъ форсировать переправы на Бобрѣ.

Послѣ тактической побѣды у Млынека надъ XX-мъ корпусомъ германская 10-ая армія, такимъ образомъ, стала передъ рѣшеніемъ новой задачи: выставивъ заслонъ въ сторону Гродны, форсировать переправы черезъ Бобръ для выхода въ тылъ нашего расположенія на Наревѣ.

Бои въ Августовскомъ лѣсу противъ нашего XX-го корпуса, помимо привлеченія на себя большого количества войскъ, привели еще къ потерѣ времени для начала операціи по «стратегическому вѣнчанію» побѣды. Почти недѣля была потрачена на это дѣло, что дало возможность нашимъ, отошедшимъ за Бобръ войскамъ вновь устроиться и приспособить мѣстность и рѣку Бобръ на случай попытки ее форсировать.

Это обстоятельство являлось для насъ громаднымъ достиженіемъ, которое до нѣкоторой степени оправдываетъ жертву XX-го корпуса въ лѣсу.

«Der Weltkrieg» даетъ слѣдующую картину положенія германской 10-ой арміи въ концѣ февраля на этомъ участкѣ фронта:

«Задача требовала перегруппировки войскъ и кромѣ того времени. Тяжелые бои и утомленіе за минувшую операцію подорвали физическія и моральныя силы войскъ до крайнихъ предѣловъ. Тѣмъ не менѣе, еще нельзя было думать объ отдыхѣ, такъ какъ ежедневно усиливающійся противникъ перешелъ въ наступленіе по всему фронту.

Генералъ Эйхорнъ сталъ передъ рѣшеніемъ тяжелой задачи. Ледъ на Бобрѣ пока еще крѣпко держался, но оттепель послѣднихъ дней привела къ таянію болотъ. Мелкіе рукава легко могли быть поддержаны въ открытомъ ото льда видѣ. Во всякомъ случаѣ, предстояло пройти низменную мѣстность во много километровъ ширины и безъ всякаго укрытія отъ огня. Кромѣ того, врядъ ли задача была разрѣшима при наличіи крѣпостей на флангѣ и въ тылу.

Командованіе 10-ой арміи, поэтому, не отказывалось отъ намѣренія атаковать Гродну.

Положеніе на Наревѣ, однако, побудило Главнокомандующаго иначе отнестись къ этому вопросу, и онъ своего согласія не далъ на атаку Гродны. Дальнѣйшія событія затѣмъ окончательно отодвинули на задній планъ всякіе вопросы объ овладѣніи крѣпостями на Нѣманѣ.

22-го февраля Командованіе 10-ой германской арміи все еще

находилось подъ впечатлѣніемъ нашего проникновенія наканунѣ до Ястржембны. До рѣшительнаго боя не дошло, такъ какъ русскіе очистили правый берегъ Бобра до того времени, когда атака прибывшихъ на помощь войскъ германской 80-ой дивизіи могла бы сказаться.

Расположеніе войскъ германской 10-ой арміи въ этотъ день представляло слѣдующую картину: на угрожаемомъ участкѣ по обѣ стороны желѣзной дороги изъ Августова — 80-ая дивизія; 4-ая кав. див. для охраны зап. теченія Бобра. За этимъ участкомъ въ резервѣ находилась 75-ая рез. див. къ югу отъ Августова (одинъ полкъ былъ выдѣленъ въ Граево въ составъ 8-ой арміи). Сильно перемѣшавшіяся между Липскомъ и Августовскимъ лѣсомъ 76-ая и 79-ая рез. дивизіи сосредоточились къ Липску и западнѣе. 2-ая пѣх. дивизія осталась у Рыгаловки, фронтомъ къ Гроднѣ и къ Бобру. Сѣвернѣе, фронтомъ къ Гроднѣ, примкнула къ Сопоцкину съ юга 31-ая пѣх. дивизія. За нею, резервомъ, въ деревняхъ за Голынкою стала 42-ая дивизія. Штабъ XXI-го корпуса находился въ Сопоцкинѣ.

Русскія войска 21-го февраля отошли за Нѣманъ, и сожгли мостъ у Гожи передъ 77-ой рез. и 1 кав. дивизіями. Эти обѣ дивизіи расположились къ сѣверу отъ Сопоцкина и Августовскаго канала.

78-ая рез. дивизія изъ Сейнъ перешла въ Копціево, гдѣ она расположилась своими главными силами, закончивъ начатую русскими постройку моста у Свентоянска, и перебросивъ на правый берегъ нѣсколько ротъ.

Въ Лейпунахъ части 1-ой кав. дивизіи прикрывали флангъ; въ Сереѣ находился одинъ батальонъ 5-ой Гв. пѣх. бригады. Главныя силы бригады занимали еще строившуюся укрѣпленную озерную позицію у Симна. 16-ая ландв. дивизія расположила свою эрзацъ-бригаду въ Маріамполѣ, Пильвишкахъ и Вильковишкахъ, имѣя одинъ ландв. полкъ въ 8-ой арміи, а другой у Вержболово, готовымъ къ посадкѣ въ вагоны. Изъ бригады Эзебекъ одинъ полкъ былъ притянутъ къ Вильковишкамъ, а другой полкъ 25-го февраля былъ отправленъ въ Лыкъ въ составъ 8-ой арміи. У Таурогена оставался отрядъ Гофмана».

Въ этой группировкѣ 10-ой арміи пришлось выдерживать сильные удары русскихъ въ послѣдующіе дни. Вслѣдствіе прибывающихъ къ русскимъ подкрѣпленій, постепенно установилось равновѣсіе силъ. «Были, однако, дни, когда прежній наступавшій и побѣдитель былъ вынужденъ лишь отбиваться».

Командованіе 10-ой германской арміи имѣло намѣреніе на

24-ое февраля перейти въ наступленіе отъ Августовскаго канала на западѣ до Рыгаловки, а на востокѣ XXXIX-мъ и XXI-ымъ корпусами, но оно не могло быть исполнено, такъ какъ русскіе рано утромъ 23-го февраля повели наступленіе противъ 4-ой кав. дивизіи, и, переправившись въ трехъ мѣстахъ черезъ болото, продолжали наступленіе на Цизово и Вротки. Генералъ Литцманъ былъ вынужденъ просить помощи изъ 75-ой рез. дивизіи и двинуть части дивизій своего корпуса на поддержку.

Генералъ фонъ-Марвицъ вступилъ въ командованіе 75-ой рез. дивиз. и 4-ой кав. дивизіею. Также и 76-ая рез. дивизія была привлечена къ западу на поддержку.

Распоряженія по этому контръ-наступленію преслѣдовали цѣль отрѣзать русскія войска отъ пунктовъ переправы, или, по крайней мѣрѣ, пройти по ихъ пятамъ черезъ р. Бобръ. Однако, до исполненія всѣхъ этихъ передвиженій по немногимъ и плохимъ дорогамъ, русскіе успѣли развить дальше успѣхъ 24-го февраля. Положеніе сдѣлалось критическимъ для германцевъ.

Тѣмъ не менѣе, въ этотъ день при помощи подкрѣпленій удалось отбросить русскихъ на лѣвый берегъ. Лишь Штабинъ остался за ними. У Чарнѣева, 75-ой рез. дивизіи удалось по пятамъ русскихъ переправиться черезъ два рукава рѣки, но у послѣдняго рукава атака захлебнулась. Одновременная русская атака у Ястржембны была отбита 80-ой рез. дивизіей.

Генералъ Эйхорнъ надѣялся скорѣе всего форсировать переправу у расположенія 75-ой рез. дивизіи и, поэтому, утромъ 25-го февраля приказалъ генералу Литцману снова подчинить 76-ую рез. дивизію генералу фонъ-Марвицу.

Тѣмъ временемъ 75-ая дивизія вновь возобновила переправы черезъ оба пройденные рукава, но мостъ у Двуглы на третьемъ рукавѣ русскими своевременно былъ взорванъ, такъ что 75-ая дивизія тутъ же и залегла, не имѣя возможности двинуться ни впередъ, ни назадъ. Огонь русскихъ вдоль дамбы, длиною въ 2-3 километра, былъ настолько силенъ, что всякое по ней движеніе сдѣлалось невозможнымъ. Поэтому, германцы рѣшили атаковать лишь послѣ основательной артиллерійской подготовки.

На среднемъ участкѣ 4-ой кав. и 79-ой рез. дивизій 25-го февраля удалось послѣ ожесточенной борьбы захватить Штабинъ и отбросить русскихъ за рѣку. Передъ 80-ой рез. дивизіей русскіе тоже отошли на другой берегъ. Послѣ сбора болѣе значительныхъ силъ, генералъ Литцманъ намѣревался на разсвѣтѣ 27-го февраля перейти въ наступленіе черезъ Островъ.

Шансы на успѣхъ тѣмъ временемъ все уменьшались.

Въ теченіе 25-го февраля передовая часть 75-ой рез. дивизіи у Двуглы попала въ плѣнъ, стойко выдержавъ убійственный огонь русскихъ въ теченіе дня, стоя въ холодной водѣ по поясъ.

Согласно распоряженія Главнокомандующаго, 4-ая кав. дивизія и обѣ дивизіи XXXVIII-го корпуса подлежали отправкѣ къ угрожаемому Наревскому фронту, а потому онѣ должны были быть оттянуты назадъ изъ боевой линіи.

Такимъ образомъ, генералъ Литцманъ остался лишь съ обѣими дивизіями своего корпуса для обороны теченія Бобра отъ Августовскаго канала до Липска.

Къ этому прибавилось еще угрожающее паденіе численнаго состава батальоновъ, которые денно и нощно оставались въ болотахъ и въ снѣгу, или спѣшно перебрасывались съ одного мѣста на другое. Были батальоны силою въ 220, 180 и даже 78 винтовокъ. О форсированіи переправы, поэтому, было нечего и думать».

Не забудемъ все же, что и «разбитый» якобы, нѣмцами III-й Сибирскій корпусъ былъ не въ лучшемъ положеніи послѣ шестидневныхъ боевъ съ вдвое превосходнымъ противникомъ съ сильной артиллеріей.

Нельзя не восторгаться энергіей и умѣніемъ прекраснаго тактика генерала Радкевича. Онъ всѣ эти дни доминировалъ положеніемъ, своевременно захвативъ инициативу въ свои руки.

Нельзя не признать его активную оборону теченія Бобра за эти дни образцовымъ тактическимъ примѣромъ. Германцамъ приходилось туго за эти дни и противъ Гродны, откуда были сильно атакованы 2-ая и 31-ая пѣх. дивизіи. Генералъ фонъ-Беловъ даже былъ вынужденъ использовать 42-ую пѣх. дивизію. Фокусъ горячей борьбы находился около оборонявшейся 31-ой пѣх. дивизіею деревни Каплановцы, къ югу отъ которой находилась извѣстная за эти бои высота 100,3, бывшая подъ весьма дѣйствительнымъ обстрѣломъ съ крѣпостныхъ верковъ. Такъ какъ эта командующая высота служила прекраснѣйшимъ наблюдательнымъ пунктомъ противъ Гродны и потому имѣла огромнѣйшее тактическое значеніе, то генералъ фонъ-Беловъ пока не рѣшался отъ нея отказаться.

По распоряженію Главнокомандующаго, ночью на 27-ое февраля усиленная бригада 31-ой дивизіи подлежала отправкѣ подъ Августовъ. Однако, исполненіе этой мѣры встрѣтило неожиданное препятствіе. Какъ разъ во время происходившей смѣны въ 6 час. утра русскіе повели сильную атаку, вслѣд-

ствіе чего смѣна должна была быть отложена. Мѣстность была германцами уступлена и нѣсколько батарей были взяты русскими. Только къ вечеру германцамъ удалось кое-какъ, нѣсколько возстановить положеніе. Вслѣдствіе этой неудачи было приказано выдѣлить бригаду 2-ой пѣх. дивизіи для отправки въ Августовъ.

Противъ расположенія германскаго XXXIX-го корпуса русскіе также за эти же дни повели наступленіе съ праваго берега Нѣмана на лѣвый. Хотя оно въ общемъ не увѣнчалось успѣхомъ, мы все же у Свентоянска вынудили нѣмцевъ отвести свои войска на лѣвый берегъ. При этой нашей операціи противнику были нанесены крупныя потери.

Дальше къ сѣверу положеніе было болѣе спокойнымъ. Здѣсь Командиръ германскаго I-го корпуса, генералъ Кошъ 24-го февраля вступилъ въ командованіе войсками, охранявшими флангъ вдоль лѣваго берега Нѣмана. Были расположены: 1-ая кав. дивизія у Сереи и Лейпунъ, гдѣ также была часть 5-ой Гв. бригады. У Симна стояли остальныя части 5-ой Гв. бригады и часть 16-ой ландв. дивизіи. Ландв. полк № 4 былъ отправленъ въ составъ арміи генерала Гальвица, вслѣдствіе чего отъ 16-ой ландв. дивизіи оставалась лишь слабая бригада у Кальваріи и Маріамполя, съ авангардомъ у Даукше. Эрзацъ-бригада Эзебека, безъ отправленнаго 25-го февраля въ 8-ую армію одного полка, прикрывала флангъ со стороны Владиславова, имѣя передовую часть у Шаки.

Такимъ образомъ, вся германская 10-ая армія къ 27-му февраля оказалась въ положеніи обороняющагося. Въ этотъ день вечеромъ, Командованіе арміи получило увѣдомленіе Главнокомандующаго, «*что продолжать наступленіе больше не предполагается*». Признавая, что сохраненіе позицій подъ огнемъ орудій крѣпости долго продолжаться не можетъ, Командованіе арміею приказало XXI-му корпусу отойти нѣсколько назадъ. Въ приказѣ по арміи на 28-ое февраля было сказано, что дальнѣйшую попытку форсировать Бобръ пока слѣдуетъ считать «не обѣщающею успѣха». До предстоявшей перегруппировки арміи германскія войска должны были прикрывать:

XL рез. корпусъ — теченіе Бобра отъ Чарніево до Липска (оба включительно).

Группа фонъ-Белова — (XXI-ый корпусъ и ½ 2-ой пѣх. дивизіи) противъ Гродны черезъ Рыгаловку — Голынку до высотъ къ югу отъ Сопоцкина.

XXXV-ый рез. корпусъ — отъ Сопоцкина включительно и дальше до Свентоянска.

Группа Кошъ — отъ Свентоянска до Балтiйскаго моря.

Къ тому же времени русская 10-ая армiя занимала слѣдующее расположенiе:

III-iй Сиб. корпусъ — отъ Двуглы до Краснибора (оба пункта включительно).

XXVI-ой корпусъ — отъ Краснибора противъ Липока — Рыгаловки съ юга.

II-ой корпусъ — отъ Рыгаловки (включительно) противъ Каплановце — до Сопоцкина.

XV-ый корпусъ — противъ Сопоцкина и далѣе на сѣверъ по правому берегу Нѣмана до Свентоянска (включительно).

1-ая и 3-ья кав. див. — далѣе на сѣверъ по правому берегу Нѣмана до Олиты.

III-iй корпусъ — Теть-де-понъ Олиты и нѣсколько сѣвернѣе.

1-ая и 2-ая Гв. кав. дивизiя изъ Орана переходили въ Олиту.

½ *68-ой пѣх. див.* — Меречь на лѣвомъ берегу Нѣмана.

Отд. бригада (бывшiй XIII-ый корпусъ) — Ковна.

½ *68-ой пѣх. див.* — впереди Шкадвиля.

XX-ый корпусъ — остатки его у Гродны для развертыванiя.

Эти веденныя германцами съ большой храбростью и удалью атаки противъ Бобра и Гродны стоили имъ очень дорого. Потери были огромны, въ много тысячъ человѣкъ.

Генералъ Гофманъ отмѣчаетъ въ своихъ воспоминанiяхъ, какъ интересный фактъ, донесенiя войскъ о томъ, что ихъ атаки потому не удались, что русскiе окопы были цементированы. Лично онъ, де, относился недовѣрчиво къ этимъ донесенiямъ. Впослѣдствiи онъ имѣлъ случай воочiю убѣдиться въ томъ, что его скептицизмъ былъ обоснованъ. Онъ приписывалъ появленiе подобныхъ сообщенiй усталости отъ предшествовавшихъ весьма утомительныхъ операцiй со всякаго рода лишенiями, подъ влiянiемъ коихъ войска обыкновенно склонны преувеличивать силы противника и встрѣчаемыя препятствiя. Людендорфъ же признается въ своихъ воспоминанiяхъ, что сила молодыхъ войскъ

была израсходована, что вызывало необходимость принятія соотвѣтствующихъ мѣръ. Такъ, мечтанія германскаго командованія о форсированіи Бобра и связанное съ этимъ стратегическое использованіе побѣды были похоронены, и, какъ онъ самъ пишетъ, «отходъ 10-ой арміи генерала Эйхорна на заблаговременно приготовленную позицію въ тылу былъ принципіально рѣшенъ». Генералъ Людендорфъ обосновываетъ этотъ отходъ слѣдующими своими соображеніями:

«10-ая армія больше не могла оставаться въ томъ положеніи, въ которомъ она находилась. Для прикрытія фланга съ востока противъ Олита — Ковна нужны были очень большія силы, которыхъ на самомъ дѣлѣ не было. Связь съ тыломъ, продовольствіе и снабженіе сдѣлались весьма затруднительными съ наступленіемъ оттепели. Долго оставаться въ такомъ положеніи было трудно. Построенная русскими осенью 1914 года ширококолейная желѣзная дорога отъ Маргграбова черезъ Рачки на Сувалки мало чѣмъ могла облегчить это положеніе. Дорожная сѣть была слишкомъ плоха, погода слишкомъ неблагопріятна, а лошади слишкомъ утомлены. Моторные грузовики лишь съ трудомъ передвигались по шоссе съ тонкимъ изъѣзженнымъ каменнымъ покровомъ; кромѣ того, грузовиковъ было мало. Армія должна была перейти въ условія, при которыхъ она могла бы сносно существовать и возстановить свои силы. Отходъ 10-ой арміи, такимъ образомъ, вызывался настоятельной необходимостью».

Дальше онъ пишетъ:

«Одновременно, 10-ая армія получила приказъ выдѣлить подкрѣпленія для отправки въ спѣшномъ порядкѣ на Западъ. Большое русское контръ-наступленіе противъ нашего длиннаго фланга на южной границѣ Западной и Восточной Пруссіи было уже въ полномъ ходу. Въ концѣ концовъ, русскіе тѣснили насъ также съ сѣверной стороны Нѣмана».

Дальше онъ продолжаетъ:

«Наступленіе австрійской арміи для выручки Перемышля не имѣло успѣха. Русскіе вскорѣ снова перешли въ наступленіе. Судьба крѣпости была предрѣшена *).

На всемъ восточномъ фронтѣ мы находились подъ знакомъ сильныхъ русскихъ наступательныхъ операцій».

Послѣднія обстоятельства, конечно, были главными факторами для принятія рѣшеній объ отходѣ назадъ. Прочія же об-

*) Перемышль палъ 22-го марта.

стоятельства, обусловливавшія, якобы, отходъ, существовали въ большей или меньшей степени и у насъ, а потому должны разсматриваться какъ менѣе вѣскія причины.

Такимъ образомъ, вмѣсто стратегическаго использованія блестящей тактической побѣды, получилось положеніе стратегической обороны съ отходомъ нѣсколько назадъ отъ рѣкъ Бобра и Нѣмана и съ сокращеніемъ длины этого участка общаго фронта — единственнаго изъ котораго еще возможно было извлекать резервы для обороны длиннаго, на югъ обращеннаго фланга.

Ломжинскіе бои.

Въ предыдущемъ изложеніи событій мы уже указали на тѣ мѣры, которыя обѣими сторонами были приняты для борьбы на Ломжинскомъ и Млавскомъ направленіяхъ. Въ дополненіе къ уже приведеннымъ даннымъ добавляемъ слѣдующее, нѣсколько болѣе подробное описаніе событій.

Уже при представленіи въ Главную Квартиру своихъ соображеній о будущихъ дѣйствіяхъ и, въ частности, по вопросу объ охранѣ фланга, фельдмаршалъ Гинденбургъ, какъ уже было сказано, ходатайствовалъ о назначеніи еще двухъ корпусовъ для высадки у Ортельсбурга съ цѣлью образованія здѣсь сильной прикрывающей группы. Однако, при окончательномъ разрѣшеніи этого вопроса въ связи съ осуществленіемъ всей операціи вторженія въ нашу территорію, генералъ фонъ-Фалькенгайнъ отказалъ въ передачѣ этихъ двухъ корпусовъ изъ обще-армейскаго резерва, а потому Фельдмаршалу оставалось лишь ограничиться однимъ корпусомъ для охраны фланга у Ортельсбурга и взять его изъ единственнаго источника, изъ котораго онъ самостоятельно могъ черпать резервы — изъ 9-ой арміи.

Для этой цѣли былъ назначенъ XX-ый корпусъ ген. фонъ-Шольца, который 8-го февраля прибылъ въ Ортельсбургъ.

Въ добавокъ къ этому корпусу рѣшено было формировать у Щучина особую группу, силою до корпуса, изъ войскъ центра 8-ой арміи, что считалось возможнымъ по выше изложеннымъ соображеніямъ. Разсчитывалось, что уже въ первые же дни операціи окажется возможнымъ оттянуть изъ центра эти войска для образованія Щучинской группы. Хотя детали исполненія и изложены выше, считаемъ полезнымъ ниже привести сводку всѣхъ принятыхъ мѣръ.

Съ самаго начала наступленія, 6-ая рез. бригада изъ 3-ей рез. пѣх. дивизіи и 5-ая пѣх. бригада изъ 1-ой ландв. дивизіи, состоявшей изъ трехъ бригадъ, были направлены въ Щучинъ.

5-ая пѣх. бригада, однако, была съ пути притянута для принятія участія въ составѣ группы генерала Литцмана. Она только послѣ занятія Лыка была направлена въ Щучинъ, а 6-ая рез. бригада была привлечена для отбитія наступленія Осовецкаго гарнизона у Граева. Кромѣ того, было указано 1-ой ландв. дивизіи считаться съ необходимостью выдѣлить въ Щучинъ еще одну изъ своихъ оставшихся двухъ бригадъ. Таковое распоряженіе послѣдовало послѣ захвата Лыка: 34-ая ландв. бригада была направлена въ Щучинъ. Тогда же вся 11-ая ланд. дивизія была выдѣлена изъ состава 1-ого арм. корпуса, съ назначеніемъ въ Граево для наступленія, послѣ подхода изъ Летцена осадно-артиллерійскаго парка, противъ крѣпости Осовца.

14-го февраля Штабъ Фельдмаршала получилъ свѣдѣніе о прибытіи на р. Наревъ нашихъ войскъ. Было рѣшено пока объединить командованіе войсками для охраны фланга на участкѣ р. Оржицъ до Бобра въ рукахъ Командира XX-го корпуса генерала фонъ Шольца.

Изъ войскъ своего корпуса онъ располагалъ непосредственно лишь 41-ою пѣх. дивизіею на направленіи Кольно — Ломжа. Къ югу отъ Мышинца находилась ½ 37-ой пѣх. див. съ отрядомъ Гослика. Какъ мы выше указали, другая, 75-ая бригада, этой же дивизіи была назначена для усиленія Торнскаго корпуса Дикхута у Скемпе.

Первоначально 12-го или 13-го февраля Фельдмаршалъ считался съ вѣроятіемъ появленія главнаго нашего удара со стороны Остроленки, а днемъ позже, изъ факта наступленія гарнизона Осовца на Граево, получилась увѣренность, что таковой ударъ послѣдуетъ со стороны Ломжи, на каковомъ направленіи генералъ фонъ Шольцъ и сосредоточивалъ свои главныя силы противъ Кольно. Половины 37-ой пѣх. дивизіи онъ привлечь не могъ, такъ какъ она уже вступила въ бой съ большими русскими силами, наступавшими со стороны Остроленки.

Генералъ Шольцъ привлекъ 34-ую ландв. бригаду къ 41-ой дивизіи. Прибывшая изъ подъ Лыка 5-ая пѣх. бригада подходила къ Щучину. Наступавшая, по началу вмѣстѣ съ 11-ой ландв. дивизіею на Осовецъ, 6-ая рез. бригада получила приказъ присоединиться къ войскамъ генерала Шольца. Названныя двѣ (послѣднія) бригады получили назначеніе — наступать отъ Щучина съ цѣлью захватить переправу у Визны. Вслѣдствіе дурныхъ дорогъ ихъ соединеніе у Щучина нѣсколько задержалось, а когда затѣмъ 15-го февраля выяснилось появленіе одной нашей дивизіи (1-ая Гв. пѣх. дивизія съ Гв.

Казачьей бригадой) у Стависки, эти двѣ бригады получили приказъ придвинуться ближе къ лѣвому флангу 41-ой дивизіи и выбить русскихъ изъ Стависки. Генералъ Шольцъ имѣлъ указаніе вести охрану фланга наступательными дѣйствіями. Захватомъ пространства онъ, въ случаѣ встрѣчи съ превосходными силами, получалъ возможность маневрированіемъ назадъ задержать наше наступленіе. Онъ, такимъ образомъ, въ конечномъ результатѣ, могъ расчитывать на выигрышъ времени до подхода ожидавшихся подкрѣпленій.

12-го февраля 1-ая Кавк. стр. бригада высадилась у Ломжи и была двинута на Кольно.

16-го февраля эта бригада, въ составѣ 6-ти бат. и 2-хъ горныхъ батарей *)подъ давленіемъ противника должна была, вмѣстѣ съ 1-ою Отд. Кав. бригадою, очистить Кольно **). Она отошла къ рубежу р. Шкрода, но долго тамъ удержаться не могла. 17-го февраля генералъ Шольцъ вынудилъ ее къ отступленію, но смогъ въ этотъ день переправить на южный берегъ лишь слабыя силы.

Почти одновременно 17-го февраля наша 1-ая Гв. пѣх. дивизія съ Гв. Казачьей бригадой, вслѣдствіе полученныхъ, но не провѣренныхъ свѣдѣній трѣвожнаго характера, была отведена Начальникомъ дивизіи на такъ называемую Сипніевскую позицію ***). Къ западу отъ этой позиціи подходила изъ Новгорода 9-ая Сиб. стр. дивизія, (IV Сиб. корпусъ) какъ разъ во время, чтобы принять на себя отходившую подъ угрозою обхода противникомъ 1-ую Кавк. стр. бригаду. Дивизія, вмѣсто того чтобы отстоять лѣвый берегъ р. Шкроды, заняла около Малы-Плоцка расположеніе въ продолженіе фронта 1-ой Гв. пѣх. дивизіи. Сипніевская позиція, по своему удаленію отъ единственной около Ломжи переправы черезъ р. Наревъ и широкую ея болотистую долину, являлась какъ бы тетъ-де-пономъ. Командиръ Гв. корпуса, генералъ Безобразовъ былъ назначенъ начальникомъ участка фронта 12-ой арміи: отъ р. Писсы до Бобра.

---

*) 2 бат. съ батареею были оставлены для охраны моста у Визны на Наревѣ.

**) Двинутый на поддержку 16-го февраля изъ Стависки Л.-Гв. Измайловскій полкъ былъ задержанъ противникомъ на рѣкѣ Шкродѣ.

***) Въ ночь на 17-ое февраля было произведено нападеніе партіею развѣдчиковъ противника на Штабъ Л.-Гв. Измайловскаго полка, при чемъ командиръ полка былъ ранѣнъ и Князь Константинъ Константиновичъ еле спасся отъ плѣна.

Западный участокъ отъ р. Писсы до Оржица былъ порученъ командиру IV-го Сиб. корпуса, ген. Савичу.

Генералъ фонъ Шольцъ воспользовался нашимъ отходомъ и двинулся вслѣдъ въ тѣсномъ соприкосновенiи съ нашими войсками, закрѣпляя за собой легко уступленное пространство. Передъ Сипнiевской позицiею онъ возвелъ сплошную линiю окоповъ, которую онъ непрерывно усовершенствовалъ. Начиная отъ р. Писсы къ востоку онъ расположилъ 41-ую пѣх. дивизiю, 34-ую ландв. бригаду, 5-ую пѣх. и 6-ую рез. бригады; 19-го февраля его фронтъ дотянулся до Едвабно, занятаго нашею Гвард. казачьею бригадою.

Но къ нему подходили подкрѣпленiя изъ подъ Августова съ 17-го февраля: 5-ая рез. бригада вечеромъ 20-го февраля ожидалась въ Едвабно; того же числа 6-ая ланд. бригада должна была подойти къ Стависки для образованiя тамъ резерва. Въ тотъ же день, 10-ая ландв. дивизiя ожидалась въ Кольно. Она имѣла приказанiе немедленно отправить дальше на западъ свою 9-ую ландв. бригаду для усиленiя половины 37-ой пѣх. дивизiи. Генералъ фонъ Шольцъ привлекъ другую бригаду 10-ой ландв. дивизiи, «Кенигсбергскую эрзацъ», для усиленiя праваго фланга 41-ой дивизiи.

Такимъ образомъ, еще 19-го февраля до вечера Едвабно и мѣстность къ востоку до Бобра были отъ противника свободны.

Бывшiй англiйскiй военный агентъ въ Россiи, полковникъ Ноксъ, въ эти дни находился при Гвардейскомъ корпусѣ. Въ своемъ трудѣ «**With the Russian Army 1914 — 1917**», **vol. I**, онъ даетъ описанiе настроенiя Командира Гв. корпуса генерала Безобразова въ то время. По его словамъ, «генералъ Безобразовъ высказалъ свои опасенiя за положенiе, считая не только фланги, но и центръ участка неустойчивыми. Командующiй армiей генералъ Плеве выразилъ свое крайнее неудовольствiе по поводу отхода Начальника 1-ой Гв. пѣх. дивизiи съ позицiи у Стависки и требовалъ перехода въ наступленiе. Временно исполняющiй должность Начальника Штаба корпуса, полковникъ Доманевскiй, высказался за переходъ въ наступленiе съ обходомъ лѣваго фланга противника у Едвабно, но генералъ Безобразовъ не внялъ этому предложенiю».

Между тѣмъ, сами событiя подсказывали, что нужно и можно было сдѣлать.

Послѣ полученiя приказа о возвращенiи съ пути въ Бѣлостокъ, наши 2-ая Гв. пѣх. дивизiи и Гв. стр. бригада уже 18-го февраля могли бы быть повернуты на Визно для переправы че-

резъ р. Наревъ у Визны и еще 19-го февраля имѣли бы время подъ прикрытіемъ Гв. каз. бригады занять исходное положеніе внушительными силами для обхода и охвата лѣваго фланга и тыла противника.

Однако, Начальникъ участка, обезпокоенный за обстановку въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ, не подумалъ о томъ, что его наступленіе на правомъ флангѣ имѣло большіе шансы возстановить положеніе. Наступательнымъ духомъ онъ не былъ воодушевленъ и, потому, такого распоряженія не отдалъ, а притянулъ Гв. стр. бригаду въ резервъ къ сѣверу отъ Ломжи, а 2-ую Гв. дивизію черезъ Ломжу направилъ въ Дроздово въ 4-хъ верстахъ къ юго-востоку отъ Ломжи. Несмотря на сильное утомленіе отъ 45-тиверстнаго марша въ Бѣлостокъ *) и контръ-марша, 2-ая Гв. пѣх. дивизія еще днемъ 19-го февраля получила приказъ перейти въ Едвабно *). Туда она, однако, не дошла 3 версты, такъ какъ Гв. каз. бригада въ тотъ же вечеръ очистила этотъ пунктъ, при подходѣ германской пѣхоты. Вступившій въ мѣстечко батальонъ противника принялся за укрѣпленіе кладбища, превращая его за ночь въ опорный пунктъ. На 20-ое февраля генералъ Безобразовъ отдалъ приказъ о переходѣ въ наступленіе. 2-ая Гв. пѣх. дивизія должна была атаковать лѣвый флангъ противника съ первымъ объектомъ — Едвабно, а, къ сожалѣнію, остальныя войска участка должны были «перейти въ наступленіе лишь послѣ выясненія успѣха отъ атаки 2-ой Гв. пѣх. дивизіи».

До полудня 20-го февраля стоялъ сильный туманъ, сдѣлавшій невозможнымъ съ утра подготовить атаку. Вслѣдствіе этого и по другимъ причинамъ, общая атака была отложена. Лишь Л. Гв. Гренадерскій полкъ въ этотъ день атаковалъ м. Едвабно; поддержка была оказана атакою слѣва Л. Гв. Преображенскимъ и Семеновскимъ полками. Дальше на западъ противникъ перешелъ въ контръ-наступленіе.

Начиная съ отправки II-го и XV-го корпусовъ и полуторы дивизій Гвардіи въ Бѣлостокъ, вызванной опасеніями за участь линіи р. Бобра, злой рокъ преслѣдовалъ первоначальныя, важныя для будущаго, наши операціи на Ломжинскомъ направленіи.

Тѣмъ не менѣе, генералъ Плеве, въ исполненіе приказа по

---

*) Намъ остается невыясненнымъ, отчего 2-ая Гв. див. была направлена не прямо на Едвабно черезъ мостъ у Визны. Отъ такого движенія никакого риска не было, разъ д. Едвабно была занята Гв. Каз. бригадою съ батареею для наблюденія за флангомъ.

фронту, приказалъ наступать и 23-го февраля оставшимися слабыми силами арміи, каковое наступленіе совпадало съ переходомъ группы генерала фонъ Шольца къ активнымъ дѣйствіямъ противъ 1-ой Гв. пѣх. дивизіи.

День 20-го февраля былъ нами потерянъ, ибо наступала одна 2-ая Гв. дивизія, а къ вечеру этого дня прибыла въ Едвабно германская 5-ая рез. бригада и черезъ сутки или полторы могла вступить въ дѣло и 6-ая ландв. бригада.

Все же ясно было, что наступленію германцевъ на всемъ этомъ участкѣ послѣ прибытія изъ Новогрода 9-ой Сиб. дивизіи и 2-ой Гв. пѣх. дивизіи и Гв. стр. бригады изъ Бѣлостока былъ положенъ предѣлъ, но случай одержать крупный успѣхъ 19-го и 20-го февраля былъ упущенъ. Мы продолжали окапываться. Въ общемъ, Сипніевская позиція была сильно прижата къ р. Нареву, черезъ которую пока имѣлись лишь двѣ переправы на протяженіи пространства въ 40 верстъ.

Между тѣмъ, главная задача 12-ой арміи состояла въ оборонѣ фронта отъ линіи Щучинъ — Бѣлостокъ съ востока и до Рожанъ на западѣ, съ переходомъ въ наступленіе при первой возможности. Напряженное положеніе генерала Радкевича на Бобрѣ и XX-го корпуса въ Августовскомъ лѣсу подъ стѣнами крѣпости Гродны превратили эту «первую возможность» въ «необходимость» для разгрузки крайне тяжелаго положенія 10-ой арміи и привлеченія на себя возможно большихъ силъ врага.

Поэтому, генералъ Плеве, какъ съ самаго начала подхода къ Ломжѣ, продолжалъ настаивать на возможно болѣе энергичномъ наступленіи на участкѣ генерала Безобразова. Войска здѣсь были первоклассныя и въ равномъ числѣ дивизій съ противникомъ, но наша артиллерія числомъ батарей и калибровъ сильно уступала непріятельской. Къ тому же, наши орудія уже были сильно изношены, вслѣдствіе чего мѣткость была не прежняя. А главное, патроновъ было мало, такъ что въ предстоявшіе тяжелые бои случалось, что зарядные ящики возвращались изъ парковъ пустыми, вслѣдствіе неимѣнія въ оныхъ снарядовъ. Подготовка атакъ артиллеріею была далеко недостаточна, тѣмъ болѣе, что для навѣснаго огня мы на всемъ участкѣ располагали всего тремя батареями полевыхъ мортиръ. Кромѣ того, противникъ уже успѣлъ сильно окопаться и обнести свои линіи проволочными загражденіями. Въ то же время у насъ колючей проволоки было очень мало. Вся тяжесть боя поэтому легла на пѣхоту.

Въ то время какъ противникъ громилъ насъ тяжелыми снарядами, наша артиллерія была вынуждена молчать или вести слабый огонь даже въ критическія минуты. Тѣмъ болѣе чести для нашей пѣхоты, что она не только стойко переносила это неравное положеніе, но и энергично атаковала, когда этого требовала обстановка. Наши потери достигали огромныхъ цифръ, что было для насъ особенно тяжело, вслѣдствіе плохо налаженной и далеко не достигавшей цѣли системы укомплектованія и пополненія. Части войскъ мѣсяцами оставались неукомплектованными. Въ то же время у германцевъ это дѣло, какъ правило, было отлично налажено; пополненія убыли совершались почти автоматически. Бывали случаи, когда маршевыя части уже черезъ нѣсколько дней послѣ боя оказывались на мѣстѣ. Однако и у нихъ слышались жалобы, особенно въ 10-ой ихъ арміи въ эту операцію. Вотъ вкратцѣ тѣ условія, при которыхъ намъ въ эту эпоху приходилось сражаться. Почти единственная возможность до нѣкоторой степени уравнять положеніе и съ успѣхомъ использовать высокія качества нашей пѣхоты заключалась бы въ искусномъ маневрированіи передъ боемъ. Стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ передъ Ломжинскими боями этого не удалось, вслѣдствіе чего этотъ участокъ являлся раною, изъ которой обильно сочилась наша кровь.

Начатое 21-го февраля наступленіе было отбито противникомъ; оно было нескладно возобновлено въ послѣдующіе дни съ такимъ же результатомъ. Оно, по времени, совпадало съ неуспѣшнымъ наступленіемъ генерала Сиверса изъ Гродны съ цѣлью выручить нашъ XX-ый корпусъ въ Августовскомъ лѣсу.

Духъ, однако, снова значительно поднялся при полученіи 25-го февраля извѣстій о подходѣ 25-го и 26-го февраля въ Ломжу и Новогродъ V-го корпуса и за нимъ I-го корпуса. Высшіе Штабы, однако, давали себѣ отчетъ въ томъ, что и при такомъ усиленіи наступленіе все же обѣщало дать мало результатовъ. Число патроновъ въ артиллеріи упало до крайняго предѣла. Батарейные командиры въ нѣкоторыхъ частяхъ не смѣли безъ особаго разрѣшенія расходовать болѣе трехъ (3-хъ!) снарядовъ на орудіе въ день.

27-го февраля Штабъ арміи переѣхалъ изъ Острова въ Ломжу, чтобы поближе слѣдить за пульсомъ новаго наступательнаго боя, который предстоялъ 2-го марта.

I-ый корпусъ (22-ая и 24-ая дивизіи) въ составѣ трехбатальонныхъ полковъ (при всего 20-ти офицерахъ на полкъ), еще не бывшихъ подъ огнемъ молодыхъ солдатъ, прибылъ въ Ломжу

27-го февраля и былъ направленъ для атаки крайняго лѣваго фланга противника у р. Бобра. 22-ая пѣх. дивизія должна была смѣнить у Едвабно два полка 2-ой Гв. пѣх. дивизіи, которые послѣ очень крупныхъ потерь были оттянуты въ резервъ своей дивизіи. 24-ая же пѣх. дивизія образовала армейскій резервъ. Полторы див. III-го Кавк. корпуса должны были 2-го марта прибыть въ Визну (2 полка этой дивизіи усилили гарнизонъ крѣпости Осовца).

Одна дивизія, 7-ая, V-го корпуса 27-го февраля смѣнила 9-ую Сиб. дивизію, которая присоединилась къ своему корпусу, дѣйствовавшему на направленіи Остроленка — Мышинецъ.

Наступленіе 2-го марта началось въ ночь на это число 22-ою дивизіею на шестиверстномъ фронтѣ у Бобра. Эта атака была отбита. Въ ночь на 3-ье марта 24-ая дивизія повторила эту атаку. Она прорвала фронтъ и взяла двѣ деревни, но послѣ потери почти всѣхъ своихъ офицеровъ молодая дивизія растерялась. Кромѣ того, грунтъ слишкомъ промерзъ и быстро окопаться нельзя было безъ кирокъ и мотыгъ для пробитія мерзлой коры грунта. Резерва для закрѣпленія или развитія успѣха не оказалось. Противникъ подъ утро повелъ контръ-атаку и оттѣснилъ дивизію. Остатки этихъ двухъ дивизій, поддержанные двумя полками III-го Кавк. корпуса, въ ночь на 4-ое марта въ третій разъ атаковали, но опять безъ успѣха. Бой въ эти дни разыгрался по всему фронту.

Потери отъ трехдневнаго боя были опредѣлены: въ I-омъ корпусѣ въ 16.000 человѣкъ (67%), а въ Гвардіи за всѣ эти бои въ 5.000 человѣкъ. I-ый корпусъ былъ отведенъ назадъ въ резервъ и смѣненъ III-мъ Кав. корпусомъ.

Изъ полковъ Гвардіи больше всѣхъ пострадали въ эти дни Семеновскій, Московскій, а особенно Гренадерскій и Финляндскій полки. Послѣдній былъ сведенъ въ одинъ батальонъ. Гвардія занимала теперь фронтъ въ 22 версты, а резервы растаяли. Въ армейскомъ резервѣ оставался лишь сильно пострадавшій I-ый корпусъ, а въ участковомъ — 2 полка Гв. стр. бригады, т.-е. 6 батальоновъ.

Мы нарочно, въ общихъ чертахъ, остановились на краткомъ описаніи этой главной операціи на этомъ участкѣ, чтобы пояснить трудности нашего положенія, вслѣдствіе невозможности разрушенія полосы колючей проволоки и подготовки атаки сильныхъ укрѣпленныхъ линій безъ участія мощной артиллеріи, которой у насъ не было, а та что была не имѣла достаточно патроновъ. Прорывъ фронта противника, поэтому, намъ былъ не-

подъ силу, несмотря на всѣ жертвы пѣхоты. Штабъ фельдмаршала Гинденбурга, по признанію генерала Людендорфа, переживалъ тревожные дни изъ-за нашего наступленія на этомъ участкѣ и призналъ необходимымъ еще усилить этотъ участокъ своего фланга войсками, взятыми изъ состава своей 10-ой арміи.

Какъ выше сказано, въ двадцатыхъ числахъ февраля изъ этой арміи были переброшены по полку отъ эрзацъ-бригады Эзебека, 31-ой, 75-ой рез. и 16-ой ландв. дивизій. Въ началѣ марта сюда были переброшены вся 75-ая рез. дивизія, а временно и 76-ая рез. див. и 4-ая кавалерійская.

На остальномъ фронтѣ до Рожанъ наступленіе 12-ой арміи также не имѣло большого успѣха, вслѣдствіе сильно лѣсисто-болотистой мѣстности впереди р. Нарева и трудности развернуть наши силы. Прорвать лѣсные или открытые дефилэ черезъ болота было очень тяжело и трудно.

Противнику зато удалось вести оборону этого пространства съ рѣдкой сѣтью плохихъ дорогъ, сравнительно незначительными силами, широко примѣняя при этомъ укрѣпленныя позиціи въ дефилэ.

Какъ обстоятельства въ дѣйствительности на участкѣ 12-ой арміи сложились, можно сказать, что было трудно ожидать результата отъ наступленія тѣхъ же большихъ силъ, которыя, послѣ повторившихся смѣнъ корпусовъ назначенныхъ въ армію, лишь исподволь были включены въ этотъ участокъ фронта. Удерживать же наступленіе противника было бы возможно при сравнительно слабыхъ силахъ. Поэтому, можно только пожалѣть, что Главное Командованіе сѣв. зап. фронта, упустивъ 17-го февраля удобный моментъ для перехода въ наступленіе на этомъ участкѣ, затѣмъ не ограничилось обороною, обращая первоклассные сюда назначенные корпуса для использованія на Млавскомъ участкѣ, гдѣ ихъ наступательный порывъ могъ бы принести большіе плоды.

Но даже при образовавшейся невыгодной для насъ обстановкѣ на этомъ участкѣ фронта, генералъ Плеве, какъ мы видѣли выше, сумѣлъ, своими настойчивыми требованіями энергичнаго наступленія, привлечь на себя большія силы противника (кромѣ всей 8-ой арміи, 3 пѣх. и 1 кав. дивизій), облегчая въ значительной степени положеніе нашей 10-ой арміи на Бобрѣ. Въ то же время, онъ помѣшалъ германцамъ направить эти подкрѣпленія для участія въ Праснышской операціи, о которой будетъ рѣчь ниже.

Осовецъ.

Крѣпость Осовецъ на Бобрѣ также входила въ участокъ 12-ой арміи съ гарнизономъ, состоявшимъ изъ 3-хъ полковъ 57-ой дивизіи, выдвинутой въ январѣ на лѣвый флангъ 10-ой арміи къ Щучину и затѣмъ разбитой обходной колонной генерала Литцама 7-го и 8-го февраля на р. Писсеки и подъ Бялою. Дивизія при этомъ вслѣдствіе проявленнаго упорства, потеряла до 50% своего состава и 2 батареи; она отошла двумя полками черезъ Щучинъ на Осовецъ, а третьимъ полкомъ черезъ Ломжу туда же. Четвертый, «Ливенскій» полкъ этой дивизіи находился въ составѣ Вержболовской группы и въ началѣ операціи не могъ быть возвращенъ гарнизону *).

Вся тяжелая осадная артиллерія, бывшая подъ Летценомъ въ составѣ 10-ой арміи, успѣла быть отвезенною въ Осовецъ къ 10-му февраля, но потребовалось еще время и не мало работы по ея установкѣ въ крѣпости.

Комендантомъ состоялъ генералъ Бржозовскій, бывшій въ крѣпости Начальникомъ артиллеріи при первомъ наступленіи германцевъ осенью 1914-го года. Какъ мы видѣли, гарнизонъ крѣпости подъ начальствомъ генерала Омельяновича былъ выдвинутъ къ Граеву для атаки 14-го февраля войскъ генерала Литцмана, пытавшагося обойти лѣвый флангъ 10-ой арміи. Оттѣсненный 15-го февраля отъ Граевва отрядъ генерала Омельяновича, въ составѣ Землянскаго и Епифанскаго полковъ 57-ой дивизіи, одного запаснаго батальона и нѣсколькихъ ротъ ополченцевъ съ 8-ью сотнями казаковъ и 3-мя батареями, въ теченіе 15-го февраля находился подъ угрозою обхода обоихъ фланговъ, а потому ночью на 16-ое февраля отошелъ назадъ на передовую крѣпостную позицію Капице—Цемношіе—Бѣляшево—Климашенница по обѣ стороны желѣзной и шоссейной дорогъ Граево—Осовецъ, въ верстахъ 8-ми отъ крѣпости.

Войска дивизіи и казаки, бывшіе уже 10 дней безъ отдыха подъ крышей и регулярнаго питанія, растаяли въ бояхъ и передвиженіяхъ; остальныя войска также были сильно утомлены отъ работъ въ промерзломъ грунтѣ на позиціи длиною въ 10—12 верстъ. Почти непрерывно шелъ то дождь, то снѣгъ.

Попытка противника 17-го февраля оттѣснить наше сторо-

---

*) Вышедшій изъ боя подъ Іоганнисбургомъ въ составѣ всего 400 — 500 штыковъ Задонскій полкъ той же дивизіи, вмѣстѣ съ саперной ротой и съ ратниками ополченія, былъ оставленъ въ крѣпости для гарнизонной службы и производства работъ въ крѣпости.

жевое охраненіе увѣнчалась успѣхомъ, но всѣ попытки его дебушировать изъ лѣсовъ и селеній были отбиты огнемъ. Когда прибыло подкрѣпленіе изъ II-го арм. корпуса — 101-ый Пермскій полкъ трехбатальоннаго состава, что доводило численность всего отряда до 8.000 штыковъ, 24 орудій и 600 сабель, то уже на слѣдующій день одинъ батальонъ Епифаньевскаго полка, казаки и запасный батальонъ были направлены по другимъ назначеніямъ, между прочимъ для связи съ 10-ой арміей.

Въ ночь и утромъ 18-го февраля противникъ пытался прорвать центръ расположенія, но былъ отбитъ, также какъ и ночью на 19-ое февраля. Днемъ 19-го февраля подвезенная противникомъ тяжелая и многочисленная полевая артиллерія нѣсколько поколебали наше положеніе, но подъ вечеръ прибылъ изъ III-го Кавк. корпуса Ширванскій полкъ. 20-го февраля бой велся съ перемѣннымъ счастіемъ. 21-го февраля утомленіе и потери войскъ дошли до апогея, и лишь благодаря контръатакѣ Ширванцевъ удалось удержать положеніе. Желая еще на этотъ день удержать противника, Комендантъ крѣпости лично прибылъ на позицію для поддержанія духа войскъ, сильно страдавшихъ отъ огня противника. Вечеромъ удалось послѣднимъ участковымъ резервомъ отбить попытку нѣмцевъ занять Сосненскую позицію, находившуюся у насъ въ тылу въ 4-хъ верстахъ. Подъ прикрытіемъ Ширванцевъ отходъ на эту позицію по длинному открытому дефилэ черезъ болото совершался въ темнотѣ, незамѣтно для противника.

Энергичный Комендантъ, несмотря на усталость войскъ, настаивалъ на удержаніи Сосненской передовой позиціи, для сохраненія непосредственнаго соприкосновенія съ противникомъ и возможности на него воздѣйствовать. Линія же обложенія крѣпости этимъ отодвигалась, равно какъ и расположеніе осадной артиллеріи. Для непосредственной обороны позиціи были оставлены Ширванцы съ 2-мя ротами Епифанцевъ. Крѣпостная артиллерія имѣла возможность своимъ огнемъ оказывать имъ мощную поддержку для удержанія этой позиціи.

Съ прибытіемъ изъ III-го Кавк. корпуса Апшеронскаго полка гарнизонъ крѣпости значительно усилился, но зато пришлось перебросить части 57-ой пѣх. дивизіи къ д. Тростяны, гдѣ была обнаружена попытка противника переправиться черезъ р. Бобръ ниже крѣпости.

Въ теченіе 22-го—23-го февраля германцы пытались насъ сбить съ позиціи, но наши энергичныя контръ-атаки заставили ихъ держаться въ 1—2-хъ верстахъ отъ фронта, откуда они за-

тѣмъ приступили къ систематическому подходу саперными работами. Съ нашей стороны принимались соотвѣтствующія мѣры по усиленію и снабженію этой важной позиціи всѣмъ необходимымъ для упорнаго ея отстаиванія за собою. Активныя дѣйствія признавались основными для успѣшности обороны.

До 18-го февраля германское наступленіе велось 6-ою рез. бригадою, а затѣмъ лишь 11 ландв. дивизіей подъ начальствомъ генерала отъ Инфантеріи фонъ Фрейденберга. 6-ая рез. бригада была двинута на Щучинъ и Стависки, хотя еще не было захвачено удобной для установки осадной артиллеріи мѣстности. Другихъ свободныхъ силъ для замѣны ушедшей бригады не было. Поэтому спѣшнымъ порядкомъ были притянуты впередъ тяжелыя 21 см. гаубичныя батареи, находившіяся въ распоряженіи командующаго германской 8-ой арміей.

Оборона передовой позиціи крѣпости, по утвержденію противника, отличалась большимъ упорствомъ.

Бомбардировка Осовца началась 25-го февраля четырьмя 21 см. батальонами (по 2 бтр.) и Австр. 30,5 см. полевою мортирною батареею *).

27-го февраля всего участвовало въ обстрѣлѣ: десять 10 сент. и двѣ 15 сент. морскія пушки, 32 тяжелыя гаубицы, 32 мортиры, 4 австрійскія моторныя мортиры и три мортиры самаго большого калибра (28, 30,5 и 42 см.).

Противникъ былъ увѣренъ въ томъ, что весь III-ій Кавк. корпусъ находился въ крѣпости. Высота на лѣвомъ берегу р. Бобра, по сообщеніямъ его летчиковъ, была приспособлена къ оборонѣ. Этой мощной осадной артиллеріи противника крѣпость могла противопоставить всего 68 тяжелыхъ орудій (48-линейнаго и 6-ти дюймоваго калибра), изъ коихъ одно въ бронированной скрывающейся башнѣ. Для отраженія штурма имѣлась легкая и траншейная артиллерія, но зато изъ тяжелой артиллеріи далеко не всѣ орудія, по мѣсту своего расположенія, могли принимать участіе въ веденіи огня.

Наиболѣе интенсивная бомбардировка совпала съ наступленіемъ морозовъ, вновь сковавшихъ болота, рѣки, водяные рвы. Но не погасивъ огня нашей артиллеріи и не будучи въ силахъ сбить насъ съ Сосненской позиціи, получавшей артиллерійскую

---

*) Батальоны тяжелой артиллеріи въ германской арміи состояли изъ двухъ батарей.

поддержку изъ крѣпости, противникъ еще не рѣшался на штурмъ.

Борьба крѣпостной артиллеріи съ осадной затруднялась не столько малыми калибрами, сколько незначительною дальнобойностью нашей артиллеріи, вслѣдствіе чего чуть ли не половина осадной артиллеріи противника находилась внѣ досягаемости огня большей части артиллеріи крѣпости.

Одновременно съ орудійной бомбардировкой, противникомъ бросались бомбы и метталическія стрѣлы съ аэроплановъ.

Германцами за три дня было выпущено до 120.000 тяжелыхъ снарядовъ, а за три недѣли до 250.000, по расчетамъ Штаба артиллеріи крѣпости.

Сила обороны заключалась въ непоколебимой волѣ и твердости доблестнаго Коменданта, генерала Бржозовскаго и въ его вѣрѣ въ свои войска. Въ 12-ой арміи, естественно, были обезпокоены участью крѣпости и уже предпринимались энергичныя операціи вдоль праваго берега Бобра съ цѣлью выручки.

Послѣ трехъ дней особенно сильной бомбардировки Комендантъ въ 10 ч. утра 2-го марта посылаетъ рапортъ командующему 12-ой арміи, заканчивающійся слѣдующимъ заключеніемъ:

«Имѣя въ виду, что на флангахъ крѣпости спокойно, что верки крѣпости, артиллерія и гарнизонъ вполнѣ сохранили обороноспособность и что нами удерживается Сосненская позиція, прошу не приносить лишнихъ жертвъ для ускореннаго освобожденія крѣпости отъ осаждающаго ее непріятеля.»

Мужественныя слова, которыя пока, увы, не высѣчены золотыми буквами!

Въ началѣ марта гарнизонъ былъ ослабленъ на три первоочередные полка — Ширванскій, Апшеронскій и Пермскій, а позже еще и на два второочередные полка — Задонскій и Епифанскій, вмѣсто коихъ прибылъ Ливенскій полкъ той же 57-ой дивизіи.

Какъ мы уже видѣли, осада крѣпости была снята по причинѣ отказа фельдмаршала Гинденбурга отъ форсированія Бобра съ цѣлью выхода въ тылъ Наревскаго фронта. Онъ, поэтому, приказалъ снять осадную артиллерію послѣ 1-го марта.

Одновременно съ наступленіемъ противъ нашихъ 10-ой и 12-ой армій, германцы приводили въ исполненіе планъ наступленія армейскою группою генерала фонъ Гальвица противъ нижняго Нарева. Начало этого наступленія до вступленія въ дѣло I-го рез. корпуса нами уже описано раньше.

Командованіе нашего сѣв.-зап. фронта было очень озабочено этимъ наступленіемъ, но, какъ мы уже видѣли, его вниманіе еще въ большей степени было привлечено въ сторону Бобра и затѣмъ къ Ломжѣ. Для усиленія 1-ой арміи уже былъ переброшенъ съ лѣваго берега р. Вислы XIX-ый корпусъ и былъ образованъ армейскій резервъ — I-ый Сиб. корпусъ — во вниманіе къ усиленному ходатайству Командующаго 1-ой арміей о присылкѣ подкрѣпленій для наступленія въ Пруссію отъ Прасныша.

Только, когда генералъ Рузскій узналъ о появленіи германскаго 1-го рез. корпуса у Хоржеле и о подходѣ его къ Праснышу, онъ придалъ этому событію первенствующее значеніе. Въ этомъ онъ усматривалъ начало главнаго удара противника противъ Варшавы. По его мнѣнію, тутъ должны были разыграться важныя событія «рѣшающія исходъ всей войны». Тутъ онъ считался съ необходимостью добиться успѣха. Правый флангъ 1-ой арміи, поэтому былъ придвинутъ нѣсколько вправо къ Праснышу.

I-ый Сиб. корпусъ получилъ приказъ изъ Пултуска двинуться къ Праснышу, а II-ой Сиб. корпусъ съ лѣваго фланга 12-ой арміи долженъ былъ содѣйствовать этому наступленію. Затѣмъ онъ отдалъ распоряженіе о привлеченіи съ лѣваго берега Вислы еще и ½ XXIII-го корпуса и 3-ей Турк. стр. бригады, а равно и I-го корпуса. Но послѣдній попалъ въ 12-ую армію къ Ломжѣ. Эти части, однако, поступали лишь исподволь. Кромѣ того, онъ просилъ Ставку объ усиленіи фронта еще однимъ корпусомъ, такъ какъ онъ считалъ опаснымъ перебросить больше войскъ съ лѣваго берега Вислы, гдѣ недостатокъ въ снарядахъ и ужасающій некомплектъ въ людяхъ давалъ себя сильно чувствовать. Въ одной 2-ой арміи некомплектъ составлялъ 127.000 штыковъ, 70 орудій и 150 пулеметовъ.

Наступленію германскаго I-го рез. корпуса должна была содѣйствовать 1-ая Гв. рез. дивизія продвиженіемъ впередъ на востокъ къ Цѣханову. Для усиленія ослабленнаго этимъ назначеніемъ корпуса Дикхута, этотъ корпусъ былъ подкрѣпленъ при-

тянутыми къ 16-му февраля изъ 9-ой арміи 21-ою ландв. бригадою и австрійской 3-ею кавалерійской дивизіею.

Отъ расположенія 1-го Турк. корпуса нашъ фронтъ проходилъ далѣе на востокъ черезъ Праснышъ, укрѣпленный и занятый частью 63-й див. Далѣе, до р. Оржица были расположены Уссурійская конная бригада и Сводн. кав. див. генерала Химеца. Затѣмъ уже въ районѣ 12-ой арміи, между рр. Оржицемъ и Омулевымъ дѣйствовали 4-ая Кав. дивизія и 5-ая стр. бригада, а дальше на востокъ — IV-ый Сиб. корпусъ.

Германцы рѣшили направить свой ударъ въ стыкъ между 1-ою и 12-ою арміями на Праснышъ, гдѣ одинокое расположеніе 63-ей пѣх. дивизіи бросалось въ глаза. Но противнику нужно было еще обезпечить операцію со стороны Остроленки. Для этого, половинѣ 37-ой пѣх. дивизіи было приказано передвинуться черезъ р. Омулевъ къ р. Оржицу на Еднорожецъ. Въ помощь ей временно была придана еще 69-ая рез. бригада изъ 1-го рез. корпуса.

Съ 17-го февраля передовыя части I-го рез. корпуса на р. Улатовкѣ должны были прикрывать сосредоточеніе корпуса у Хоржеле.

Успѣхи за 17-ое и 18-ое февраля были незначительны. Авангардъ I-го рез. корпуса на 5 кил. не дошелъ до р. Улатовки. Части 37-ой пѣх. дивизіи дошли до Еднорожца. Захватить переправу имъ не удалось, вслѣдствіе сильнаго отпора русскихъ. Тѣмъ временемъ германская 41-ая пѣх. дивизія XX-го корпуса успѣла уже захватить Кольно и не мало пространства къ югу, а ландштурмъ XX-го корпуса продвинулся впередъ до Дембы.

17-го февраля русскіе изъ Цѣханова перешли въ наступленіе противъ 1-ой Гв. рез. дивизіи и сначала оттѣснили ее, но затѣмъ были вынуждены отойти назадъ съ большими потерями.

Принимая во вниманіе уже достигнутые 8-ою и 10-ою арміями большіе успѣхи, генералъ фонъ Гальвицъ считалъ, что данная ему задача охраны фланга ихъ наступленія уже выполнена, но что «на ближайшее время ему необходимо привлечь на себя возможно больше войскъ противника, чтобы такимъ образомъ помѣшать ему обратить эти силы противъ 8-ой и 10-ой армій.»

Недоумѣваешь скромности этой задачи послѣ того, какъ раньше была поставлена гораздо болѣе широкая цѣль — наступленіе на нижній Наревъ.

До 18-го февраля изъ показаній плѣнныхъ, перехваченныхъ радіо и воздушной развѣдки у германцевъ получилась слѣ-

дующая картина положенія на русской сторонѣ. Передъ фронтомъ корпуса Дикхута, главнымъ образомъ, кавалерія, но къ Плюнску подходятъ 76-ая и 77-ая пѣх. дивизіи. Мѣсто ихъ занялъ XIX-ый корпусъ. У Цѣханова по прежнему остался 1-ый Турк. корпусъ. Дорога Маковъ—Праснышъ—Хоржеле отъ русскихъ свободна. У Остроленки — IV-ый Сиб. корпусъ. Укрѣпленный Праснышъ сильно занятъ. Быстрое наступленіе, казалось, обѣщало успѣхъ.

Генералъ фонъ Гальвицъ хотѣлъ вести наступленіе I-го рез. корпуса западнѣе мимо Прасныша, во флангъ 1-му Турк. корпусу; Главнокомандующій же считалъ, что ударъ къ востоку отъ Прасныша, съ захватомъ этого пункта и съ ударомъ въ тылъ и во флангъ Туркестанцамъ, будетъ дѣйствительнѣе. Сомнѣнія фонъ Гальвица, не будетъ ли такая операція слишкомъ продолжительною и какъ бы русскіе за это время не успѣли подвезти подкрѣпленія, и тѣмъ поставить операцію въ очень рискованное положеніе — были оставлены безъ вниманія. Фельдмаршалъ настоялъ на движеніи къ востоку отъ Прасныша.

Весь германскій I-ый рез. корпусъ 19-го февраля долженъ былъ начать наступленіе. Лѣвая изъ дивизій корпуса Цастрова — дивизія генерала Верница была подчинена Командиру I-го рез. корпуса генералу фонъ Моргену, и получила задачу отвлечь вниманіе противника отъ направленнаго съ сѣвера удара во флангъ Туркестанцамъ. Половина 37-ой пѣх. дивизіи должна была прикрывать операцію со стороны Остроленки.

Вслѣдствіе наступленія оттепели, дороги оказались очень тяжелыми; всѣ передвиженія сильно опаздывали. Войска не достигали указанныхъ въ приказахъ линій, такъ что 19-го вечеромъ 1-ая рез. дивизія, лишь своимъ авангардомъ, дошла до Шла, а 36-ая рез. дивизія лишь до Еднорожца. Половина 37-ой пѣх. дивизіи, атакованная того же числа русскими у Кирчека, числомъ до 2-хъ дивизій (?), но со слабой артиллеріей, удержалась на мѣстѣ. Генералъ фонъ Гальвицъ приказалъ на 20-ое февраля продолжать наступленіе. Въ этотъ день, I-ый рез. корпусъ достигъ рубежа р. Муравки къ востоку и къ юго-востоку отъ Прасныша, и повернулъ фронтъ на западъ. 37-ая пѣх. дивизія имѣла успѣхъ у Кирчека, при чемъ оказались плѣнные отъ II-го и IV-го Сиб. корпусовъ.

Передвиженія противника въ предыдущіе дни не ускользнули отъ вниманія Штабовъ русскихъ армій, и намѣренія противника были правильно разгаданы. Штабъ 1-ой арміи быстро принялъ контръ-мѣры. Прибывшему къ этому времени въ Пул-

тускъ 1-му Сиб. корпусу было приказано наступать на Праснышъ, а 38-ая пѣх. дивизія (XIX-аго корп.) и 2-ой Турк. стр. полкъ, должны были атаковать правый флангъ 1-го рез. корпуса. Обращеніе о поддержкѣ къ 12-ой арміи была встрѣчено со всегдашнею готовностью генерала Плеве выручить сосѣда. Только что высадившемуся въ Островѣ II-му Сиб. корпусу было приказано направиться на Красносельце, куда онъ прибылъ 23-го февраля, и на слѣдующій день переправился черезъ р. Оржицъ. Одновременно 12-ая армія приняла мѣры къ окончательной ликвидаціи наступленія противника. 10-ая Сиб. стр. дивизія и 5-ая стр. бригада были двинуты для захвата пути Мышинецъ-Праснышъ, а западнѣе 4-ая кав. дивизія получила приказаніе двинуться впередъ между Омулевымъ и Оржицамъ для захвата пути отступленія на сѣверъ.

Между тѣмъ, германскій I-ый рез. корпусъ на 21-ое февраля получилъ приказаніе захватить Праснышъ съ тѣмъ, чтобы затѣмъ въ общемъ направленіи на Цѣхановъ выйти въ тылъ 1-му Турк. корпусу. Генералъ фонъ Моргенъ въ тотъ же день охватилъ Праснышъ съ юга и съ востока, при чемъ удалось выбить русскихъ изъ выдвинутыхъ впередъ позицій. Южнѣе, наступавшая на западъ 36-ая рез. дивизія западнѣе Муратовки, однако, наткнулась на сильное сопротивленіе. Хотя I-ый германскій рез. корпусъ и находился въ тылу Прасныша, но, вслѣдствіе встрѣченнаго упорства русскихъ, его шансы на успѣхъ сильно уменьшились. Дивизія генерала Верница 21-го февраля безъ особаго затрудненія дошла до большой дороги Праснышъ—Млава у Грудуска и восточнѣе, но здѣсь она была остановлена русскими. На фронтѣ германской 37-ой пѣх. дивизіи въ этотъ день было спокойно. Генералъ фонъ Гальвицъ питалъ надежду на успѣхъ. Отъ Главнокомандующаго было сообщено, что подкрѣпленія подходили: половина 3-ей пѣх. дивизіи изъ 9-ой арміи и 9-ая ландв. бригада изъ 8-ой арміи. Перехваченное наше радіо «XIX-му корпусу приступить къ движенію» было противникомъ истолковано въ томъ смыслѣ, что мы флангомъ и центромъ намѣрены отойти къ Нареву.

22-го февраля германцы имѣли дальнѣйшіе успѣхи. Однако, Праснышъ въ этотъ день не палъ, а упорно оборонялся. Дороги отъ продолжавшейся оттепели стали еще хуже. 70-ая рез. пѣх. бригада I-го корпуса достигла дороги Праснышъ—Цѣхановъ къ югу отъ Воли и преграждала пути защитникамъ Прасныша къ Цѣханову. 36-ая рез. див. занимала къ югу отъ Прасныша фронтъ въ 20 кил., имѣя два свои батальона для обороны пере-

правъ черезъ Оржицъ на фронтѣ въ 15 кил. Несмотря на сильное сопротивленіе русскихъ, 37-ая дивизія все же въ этотъ день дошла до линіи Рупинъ—Оржель.

Генералъ фонъ Гальвицъ еще 22-го февраля вечеромъ имѣлъ впечатлѣніе, что русскіе подъ прикрытіемъ сильныхъ ударовъ арьергардовъ отходятъ назадъ. Корпусу «Торнъ» (Дикхута) поэтому было приказано захватить дальнѣйшее пространство, не подвергая себя чувствительнымъ потерямъ. Въ корпусѣ Цастрова дивизія Брейтеля продвинулась впередъ, подравнивая свой фронтъ съ дивизіей фонъ Верница.

Въ теченіе 23-го февраля поступали указанія на то, что съ востока, юга и юго-запада русскія войска двигаются на выручку Прасныша. Къ вечеру положеніе измѣнилось настолько, что больше допускать мысль объ отходѣ русскихъ было нельзя. Дивизія фонъ Верница еще продвинулась нѣсколько впередъ, вступая въ связь съ I-мъ рез. корпусомъ у Воли, чѣмъ окончательно замкнулось кольцо окруженія Прасныша. Но правый флангъ той же дивизіи наткнулся на сильныя укрѣпленія и лишь медленно подходилъ, чтобы затѣмъ окончательно остановиться. Атака Прасныша въ этотъ день продвигалась для германцевъ успѣшно. Казармы у восточнаго входа въ городъ были взяты, равно какъ 2.000 плѣнныхъ и 3 орудія. Съ юга же удалось въ сумерки ворваться въ предмѣстье города. Къ вечеру 69-ая рез. бригада была притянута къ западному фронту города. Старшій начальникъ въ городѣ отклонилъ предложеніе о сдачѣ. Извѣстія изъ 36-ой рез. дивизіи въ то же время были угрожающаго характера. 70-ая рез. бригада съ трудомъ отбивала удары по обѣ стороны дороги отъ Цѣханова, а съ юго-востока, со стороны Макова появлялись все большія и большія колонны русскихъ войскъ. Къ востоку отъ Прасныша русскіе пытались форсировать переправы. Длинная колонна изъ войскъ подходила къ Красносельце. На востокѣ 37-ая пѣх. дивизія была въ крайне трудномъ положеніи. На счастіе германцевъ 9-ая ландв. бригада къ полудню подошла, хотя въ сильно утомленномъ видѣ, своими передовыми частями къ сѣверо-востоку отъ Прасныша, къ Шлѣ. Половина германской 3-ей дивизіи изъ Млавы, головою колонны, подошла къ Ключеву.

Положеніе кореннымъ образомъ измѣнилось. Русскіе объ отступленіи и не думали, какъ воображало германское командованіе.

Къ утру 24-го февраля изъ перехваченныхъ радіо германцамъ стало ясно, что наше наступленіе въ полномъ ходу I-ымъ

и II-ымъ Сиб. корпусами и 38-ой пѣх. дивизіею для выручки Прасныша. Быстрый захватъ этого города, поэтому, пріобрѣталъ еще большее значеніе. Со всего армейскаго фронта отъ Вислы до дивизіи Верница было приказано придвинуть все, что только возможно было изъ войскъ для сбора на угрожаемомъ флангѣ. Атака Прасныша продолжалась. 9-ая ландв. бригада была двинута на Красносельце, чтобы оттѣснить переправившіяся русскія войска.

Этимъ же временемъ, 36-ая рез. дивизія отбивала все болѣе и болѣе сильныя русскія атаки.

Къ вечеру этого дня Праснышъ былъ взятъ. Нѣмцы утверждаютъ, что они взяли 10.000 плѣнныхъ съ 36 орудіями и 14 пулеметами *). Вопросъ былъ только въ томъ, удастся ли удержать городъ. Со стороны Оржица положеніе съ каждымъ часомъ становилось болѣе опаснымъ. 9-ая ландв. бригада сдала, и ночью отошла подъ угрозою съ юга на Бобины-Рогово, въ то время какъ половина 3-ей пѣх. див. (6-ая пѣх. бр.) лишь вечеромъ подошла къ Бартникамъ. 70-ая рез. бригада и дивизія Верница до вечера удерживали свое расположеніе.

Освободившіяся послѣ взятія Прасныша части 69-ой рез. бригады еще вечеромъ были двинуты на правый флангъ 70-ой рез. бригады. 26-го февраля можно было ожидать высадки у Вилленберга 6-ой кав. дивизіи изъ 9-ой арміи.

Генералъ фонъ Гальвицъ былъ вынужденъ перейти къ оборонѣ. I-ый рез. корпусъ долженъ былъ занять позицію къ югу отъ Прасныша между двумя большими дорогами. Половина 3-ей пѣх. дивизіи, съ подчиненіемъ ей 9-ой ландв. бригады и батальоновъ ландштурма, должны были прикрывать съ востока.

Генералъ фонъ Моргенъ поручилъ 36-ой рез. дивизіи и дивизіи Верница оборону къ югу отъ Прасныша, оставляя 1-ую рез. дивизію въ Праснышѣ въ видѣ резерва. Подъ давленіемъ сильныхъ ударовъ I-го Сиб. корпуса, 36-ая рез. див. однако должна была отойти назадъ на 2 версты. 9-ая ландв. бригада была не въ состояніи противостоять атакамъ войскъ II-го Сиб. корпуса и была отброшена къ сѣверу отъ дороги Праснышъ—Красносельце. У Дембинъ наступленіе русскихъ было временно остановлено, но южнѣе — войска II-го Сиб. корпуса дошли до р. Венгерки.

Положеніе германцевъ стало серьезнымъ. Прежде всего,

---

*) Гарнизонъ открытаго съ горжи укрѣпленнаго города состоялъ изъ 4 бат. 63 пѣх. див. 1 бат. — 44 Сиб. стр. полка и 3 ротъ 41 Сиб. стр. полка и 63 арт. бриг. По русскимъ даннымъ, здѣсь попало въ плѣнъ 4000 чел., и 32 орудія были взяты противникомъ.

опасность стала угрожать съ сѣверо-востока. Вечеромъ, всѣ германскія войска отъ Оржица до дивизіи Верница, включительно, были подчинены генералу фонъ Моргену, который на 26-ое февраля приказалъ 36-ой рез. и 3-ей пѣх. дивизіямъ продолжать отбиваться съ юга и востока. 1-ая же рез. дивизія была отведена далеко на сѣверъ съ тѣмъ, чтобы ударить въ направленіи на юго-востокъ во флангъ нашимъ войскамъ, обходившимъ флангъ германцевъ.

26-го февраля бои продолжались безъ особаго измѣненія положенія. Генералъ Гальвицъ опасался, что ему предстоитъ считаться съ общимъ русскимъ наступленіемъ противъ его армейской группы. По наблюденіямъ летчиковъ, у Острова и по пути къ югу отъ города высаживались русскія войска. Свѣдѣнія съ фронта указывали на движеніе дальнѣйшихъ русскихъ силъ на Праснышъ. Ген. Гальвицъ могъ расчитывать, въ видѣ подкрѣпленія въ ближайшіе дни, кромѣ 6-ой кав. дивизіи, только на подходъ одного ландвернаго полка и 4-ой кав. дивизіи, шедшихъ походнымъ порядкомъ изъ 8-ой арміи.

Рѣшиться было необходимо въ зависимости отъ общаго положенія. А, между тѣмъ, 27-го февраля до обѣда нельзя было установить связь съ генераломъ Моргеномъ, который былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ.

Извѣстія стали все тревожнѣе. На западномъ берегу Оржица у Еднорожца появилась русская колонна изъ всѣхъ родовъ оружія, изъ чего можно было заключить, что обходное движеніе все продолжается. У генерала фонъ Штаабса можно было также ожидать сильныхъ новыхъ атакъ. Всѣ мѣры русскихъ приводились въ исполненіе.

Генералъ фонъ Гальвицъ понялъ, что положеніе у Прасныша больше не отвѣчаетъ обстановкѣ и, что нужно отступить на прежнія позиціи у границы на линіи Хоржеле—Яново.

Такъ какъ русскіе, вслѣдствіе распутицы, недостаточно быстро могли преслѣдовать, то отрывъ германцевъ удался. Послѣ полуночи съ 27-го на 28-ое февраля ихъ дивизіи отошли на 20 километровъ къ сѣверу отъ Прасныша за рубежъ р. Улатовки.

При обратномъ захватѣ Прасныша мы взяли 10.000 плѣнныхъ. Германскія войска, однако, были сильно утомлены и потрясены, вслѣдствіе чего даже твердый генералъ Моргенъ хотѣлъ отойти черезъ границу на подготовленную тамъ позицію. Этому, однако, воспротивился генералъ Гальвицъ, равно какъ и самъ Фельдмаршалъ. Германскія войска оставались въ полѣ,

несмотря на еще продолжавшееся русское наступленіе въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Ко 2-му марта русскіе заняли линію: Едвабно—Малы—Плоцкъ — Тетсери — Нагарки — Еднорожецъ — Свинари — Конопки—Недзборжъ—Крушеница—Старожебы—Выково.

Рѣдко благопріятный въ борьбѣ съ германцами случай добиться рѣшительной, не только исходомъ, но и послѣдствіями побѣды былъ нами упущенъ.

На остальныхъ участкахъ фронта положеніе мало измѣнилось. Въ конечномъ итогѣ, на правомъ флангѣ противникъ даже подвинулся впередъ на нѣсколько километровъ до Слупно.

Германцы утверждаютъ, что они взяли 10.000 плѣнныхъ, 36 орудій и 19 пулеметовъ. По нашимъ свѣдѣніямъ, 63-ья дивизія подъ Праснышемъ потеряла плѣнными 6 батальоновъ и 6 батарей. Потери германцевъ достигли 13.000 чел., 1 знамя, 3 орудій и нѣсколькихъ пулеметовъ.

Наши противники пишутъ, что, хотя Праснышская операція окончилась для нихъ отступленіемъ и чувствительными потерями, она все же повліяла благопріятно на общее положеніе на всемъ фронтѣ, привлекши на себя большія наши силы, которыя иначе могли бы имѣть рѣшающее вліяніе на исходъ боевъ у Гродны. Это разсужденіе отчасти вѣрно, но все же того, что ожидалось отъ наступленія армейской группы Гальвица, они не достигли.

Можно думать, что исходъ этой операціи явился для фельдмаршала Гинденбурга крупнымъ разочарованіемъ, которое, какъ мы уже вдѣли и изъ дальнѣйшаго увидимъ, рѣшающимъ образомъ повліяло на его образъ дѣйствія на всемъ Восточно-Прусскомъ фронтѣ.

Хотя мы, въ концѣ концовъ, одержали тактическую побѣду, намъ все же остается жалѣть о томъ, что Главнокомандующій генералъ Рузскій и на этомъ участкѣ фронта не сосредоточилъ крупныхъ силъ для дальнѣйшаго стратегическаго использованія побѣды въ самомъ опасномъ для противника направленіи. Случай тутъ былъ, несомнѣнно, упущенъ.

Недавно вышедшее изданіе «Міровая Война 1914—1918 г.» слѣдующимъ образомъ характеризуетъ настроеніе и впечатлѣнія фельдмаршала Гинденбурга за двадцатыя числа февраля:

«Несмотря на все усиливавшуюся переброску войскъ съ лѣваго берега Вислы на Наревскій фронтъ и на частную здѣсь неудачу для германскихъ войскъ, и несмотря на неудачи на Бобрѣ, фельдмаршалъ Гинденбургъ, все же, не отказывался отъ ос-

новной мысли операціи — прорыва рѣки Бобра у Гродны и Осовца съ выходомъ къ Бѣлостоку и во флангъ русской Наревской арміи, хотя онъ и сознавалъ всю опасность этой операціи въ случаѣ удара русскихъ со стороны Ковны-Олиты.

Первоначальный успѣхъ фонъ Гальвица у Прасныша временно еще усиливалъ его упорство. Но когда выяснилось, что противъ Прасныша двигаются значительныя силы, то фельдмаршалъ вывелъ заключеніе, что русскіе ведутъ болѣе широко задуманное наступленіе противъ Прасныша съ намѣреніемъ дальше прорвать германскій фронтъ и обрушиться на его сообщенія.

Одновременно XXI-ый корпусъ потерпѣлъ весьма чувствительную неудачу передъ Гродною, а форсированіе Бобра протекало подъ знакомъ продолжавшихся неудачъ. Изъ этого онъ заключилъ, что, безъ осадной артиллеріи въ большомъ количествѣ и противъ Осовца и противъ Бобрскихъ переправъ, форсированіе рѣки удастся не скоро. Но больше такой артиллеріи не было подъ рукой. Кромѣ того, возможность подвоза снарядовъ къ переправамъ на Бобрѣ признавалась сомнительною въ большихъ количествахъ. Изъ 9-ой арміи онъ не считалъ возможнымъ привлекать дальнѣйшія подкрѣпленія, такъ какъ эта армія, по расчетамъ Штаба, имѣла противъ себя 19 съ ½ дивизій. А отъ генерала Фалькенгайна нельзя было надѣяться на присылку новыхъ силъ, какъ послѣдній, впрочемъ, уже сообщилъ.

Фельдмаршалъ поэтому вывелъ, какъ общее заключеніе изъ положенія, что необходимо отказаться вовсе отъ операціи на Бѣлостокъ и рѣшиться оттянуть 10-ую армію назадъ на заранѣе подготовленную позицію для того, чтобы дать ей возможность отдохнуть и снабжать угрожаемый Наревскій фронтъ необходимыми подкрѣпленіями.

Отходомъ на тыловую позицію 10-ой арміи, онъ расчитывалъ на возвращеніе ей маневренной свободы на случай нашего наступленія значительными силами со стороны Нѣмана.

Осаду Осовца было рѣшено снять съ отходомъ осадной артиллеріи назадъ съ 1-го марта. 9-ая армія должна была путемъ наступательныхъ дѣйствій помѣшать русскимъ дальше перебрасывать подкрѣпленія на Наревъ.

Объ этомъ фельдмаршалъ Гинденбургъ 27-го февраля телеграфировалъ въ Главную Квартиру Императору Вильгельму:

«Наступленіе черезъ Бобръ прекращается, какъ не обѣщающее успѣха. Наступленіе русскихъ отбивается. Силы сосредоточиваются для перехода въ контръ-наступленіе на одномъ мѣстѣ. Гдѣ это мѣсто еще не выяснилось».

Съ тяжелымъ сердцемъ фельдмаршалъ Гинденбургъ заставилъ себя вернуть противнику съ большими жертвами захваченное пространство для пріобрѣтенія свободы маневрированія своимъ операціоннымъ флангомъ. Еще нельзя было предугадать, будетъ ли необходимо отойти дальше назадъ на строившуюся пограничную позицію на линіи Щучинъ — Райгродъ — Августовъ — Сувалки — Вижайны — Владиславовъ — Юрбургъ. Эта позиція должна была служить продолженіемъ на сѣверъ той системы укрѣпленныхъ позицій, надъ которой уже мѣсяцами работали на восточной границѣ Имперіи отъ Силезіи до Іоганнисбургскаго лѣса.

Кромѣ того, Древенцская позиція, полевой укрѣпленный районъ Летцена и Ангераппская позиція были усовершенствованы и расширены.

Можно утверждать, что въ концѣ февраля уже опредѣленно обозначился результатъ оперативныхъ замысловъ той и другой стороны партіею въ ничью. Ни мы, ни противникъ не достигли намѣченныхъ цѣлей. Но наша 10-ая армія потерпѣла весьма чувствительныя тактическія пораженія съ разстройствомъ III-го и XX-го корпусовъ и съ большими потерями, не говоря о матеріальныхъ утратахъ, доходившихъ въ этихъ двухъ корпусахъ до крупныхъ цифръ, и возстановить которыя въ ту пору войны еще было нельзя. Мы были вынуждены не только очистить то малое пространство непріятельской территоріи, которое мы занимали, но и отойти отъ Государственной границы за Бобръ и Нѣманъ.

———

ГЛАВА X.

Бои на Нѣманѣ и Наревѣ и около Прасныша в мартѣ и апрѣлѣ 1915-го года.

Схемы 6, 8, 9 и 10.

Съ прибытіемъ въ началѣ марта на Наревскій фронтъ II-го Кавк. и XXIII-го корпусовъ въ составѣ 1-ой и 12-ой армій закончилось развертываніе нашихъ войскъ на этомъ участкѣ фронта.

Всѣ три правобережныя арміи сѣв.-западнаго фронта должны были 2-го марта перейти въ общее наступленіе:

10-ая армія въ составѣ: 12 съ ½ пѣх. дивизій и 4 кав. див. (II-ой, III-ій, XV-ый, XX-ый, XXVI-ой, III-ій Сиб. корпуса, 56-ая пѣх. див. и отд. бригада XIII-го корпуса, 1-ая Гв., 2-ая Гв., 1-ая и 3-ья кав. див.) *) отъ Двуглы на Бобрѣ до Гродны и дальше по рѣкѣ Нѣманъ, внизъ по теченію. Задача: захватить Августовскій лѣсъ и, по возможности также и линію Кальварія — Сувалки — Августовъ, войдя въ возможную тѣсную связь съ 12-ой арміей.

12-ая армія — 12 съ ½ пѣх. дивизій и 3 кав. дивизіи (Гв. I-ый, V-ый, III-ій Кавк. и IV-ый Сиб. корпуса, 57-ая див., 5-ая стр. и 1-ая Кавк. стр. бригады и 2-ая и 4-ая кав. дивизіи. Гв. каз. бригада и 1-ая отд. кав. бригада) — съ фронта отъ р. Бобра до р. Оржица. Задача: наступать главными силами со стороны Ломжи на Щучинъ, охватывая лѣвый флангъ противника, отрѣзывая его отъ крѣпости Осовца и войскъ, находящихся къ востоку, и потѣснить къ западу.

*) Изъ этихъ войскъ, III-ій и XX-ый корпуса были лишь въ половинномъ составѣ, всего 3 съ ½ дивизій.

1-ая армія — 13 пѣх. и 6 съ ½ кав. дивизій. (XIX-ый, XXIII-ій, *) XXVII-ой, I-ый Турк., I-ый Сиб., II-ой Сиб. корпуса и гарнизонъ крѣпости Новогеоргіевскъ, 6-ая, 8-ая, 14-ая, 15-ая, Сводная генерала Химеца кав. и 4-ая Донская Казачья дивизіи и Уссурійская конная бригада — съ общаго фронта: Вышгородъ — Плонскъ — Цѣхановъ — Прасницъ. Задача: очистить пространство до Государственной границы.

По поводу поставленныхъ арміямъ задачъ полковникъ Незнамовъ пишетъ:

«Когда выяснилось отступленіе германцевъ, Ставка 2-го февраля дала генералу Рузскому болѣе опредѣленную директиву: «Его Высочество находитъ невозможнымъ ни по современному состоянію нашихъ армій, ни по наличію средствъ переходъ нами границъ и вторженія въ предѣлы Восточной Пруссіи, гдѣ мы снова подведемъ наши войска подъ неблагопріятное вліяніе прусскихъ желѣзныхъ дорогъ. Его Высочество находитъ, что задача войскъ сѣверо-западнаго фронта должна ограничиваться нанесеніемъ сильныхъ, но короткихъ ударовъ съ преслѣдованіемъ лишь до границы, послѣ чего арміи сѣверо-западнаго фронта должны занять положеніе, выгодное для активнаго прикрытія подступовъ къ Нѣману, Бобру и Нареву, удерживая въ то же время нынѣ находящійся въ нашей власти плацдармъ на лѣвомъ берегу Вислы. Дальнѣйшее ослабленіе здѣсь (переброскою войскъ съ лѣваго берега) тѣмъ болѣе нежелательно, что Вами предполагается проявленіе нѣкоторой активности на лѣвомъ берегу Вислы, что нельзя не привѣтствовать, и что, само по себѣ, можетъ воспрепятствовать усиленію нѣмцевъ на правомъ берегу Вислы за счетъ лѣваго. Не представляется ли цѣлесообразнымъ часть 4-ой арміи привлечь къ содѣйствію той задачѣ, которая поставлена 12-ой арміи, тѣмъ болѣе, что II-ой Сиб. корпусъ первоначально предполагалось придать 12-ой арміи».

Въ развитіе этой директивы генералъ Рузскій 2-го марта отдалъ приказъ для общаго наступленія. По мнѣнію Штаба сѣв.-западнаго фронта, обстановка обрисовывалась такъ:

10-ая армія, перейдя въ наступленіе, стремится очистить районъ Ястржембна — Липскъ — Сопоцкинъ отъ нѣмцевъ и, въ виду обнаруженнаго ихъ отхода къ сѣверу, своимъ наступле-

---

*) Корпусъ былъ въ резервѣ фронта и былъ переведенъ въ 12-ую армію 5-го марта, а затѣмъ вошелъ въ составъ I-ой арміи.

ніемъ разъединить ихъ силы. III-ій корпусъ *) этой арміи, совмѣстно съ двумя дивизіями Гв. конницы, наступаетъ со стороны Олиты на Симно-Серее.

Крѣпость Осовецъ выдерживаетъ бомбардированіе, и 12-ая армія въ районѣ Ломжи переходитъ своими главными силами въ наступленіе въ общемъ направленіи на Вонсошъ — Щучинъ — Бяла, съ охватомъ лѣваго фланга противника, дабы отрѣзать его войска дѣйствующія противъ Осовца и нашей 10-ой арміи, и отбросить его къ западу. Остальныя силы 12-ой арміи продолжаютъ выполненіе задачи по очищенію отъ германцевъ полосы между Вислою и Шкродою и по правому берегу Писсы, обезпечивая всю полосу мѣстности до Оржица. 1-ая армія съ утра 2-го марта переходитъ въ наступленіе тремя корпусами для развитія достигнутаго успѣха и овладѣнія района Млавы-Хоржеле и однимъ корпусомъ для овладѣнія райономъ Плоцкъ — Раціондзъ — Дробинъ. Одинъ изъ корпусовъ этой арміи остается въ армейскомъ резервѣ въ районѣ Росткова — Щепанка — Воля Вержболовская — Поляны **).

2-ая и 5-ая арміи занимаютъ укрѣпленное расположеніе на Бзурѣ и Равкѣ, переходя въ частичное наступленіе съ цѣлью наносить короткіе удары германцамъ.

XXIII-ій корпусъ остается въ моемъ распоряженіи.

2-го марта генералъ Янушкевичъ обращаетъ вниманіе генерала Рузскаго на необходимость особо тщательной развѣдки для заблаговременнаго выясненія вопроса, не вызванъ ли отходъ германцевъ (на ихъ лѣвомъ флангѣ) въ дѣйствительности стремленіемъ непріятеля произвести перегруппировку для удара въ какомъ-либо новомъ направленіи. «Верховный Главнокомандующій вновь подтверждаетъ свое повелѣніе о необходимости проявленія полнаго упорства въ случаѣ развитія нѣмцами новаго наступленія на лѣвомъ берегу Вислы. Е. И. В. указываетъ на необходимость соотвѣтственной подготовки желѣзныхъ дорогъ къ совершенію, если потребуется обстановкою, обратной массовой перевозки войскъ съ праваго берега Вислы на лѣвый».

2-го марта начинается общее наступленіе 10-ой, 12-ой и 1-ой армій. Ген. Рузскій того же дня телеграфируетъ генералу Янушкевичу свой общій планъ. — Если дѣйствія 12-ой и 1-ой армій будутъ развиваться успѣшно, то онѣ могутъ подойти къ пограничной линіи, не представляющей въ данный моментъ ни-

---

*) Бывшая Вержболовская группа.

**) Т.-е. примыкая къ Праснышу съ Ю.-З.

какого тактическаго рубежа. 10-ая армія, если будетъ имѣть большой успѣхъ, то можетъ выйти къ сѣверу отъ Августовскихъ лѣсовъ. Въ случаѣ, если сказанныя дѣйствія армій будутъ сопровождаться успѣхомъ, и въ группировкѣ противника не послѣдуетъ существенныхъ перемѣнъ, то, по моему мнѣнію, едва ли соотвѣтственно останавливаться передъ границею и не стараться развить дальнѣйшій успѣхъ, но при обязательномъ условіи избѣжаній риска подставлять части армій и корпусовъ подъ угрозы отдѣльныхъ, между собою несогласованныхъ боевъ. Я не считаю возможнымъ задаваться въ данное время широкою задачею захватить всю Восточную Пруссію, но я считаю безусловно необходимымъ, если будетъ успѣхъ, въ особенности 12-ой арміи, использовать его для овладѣнія южной частью Мазурскихъ озеръ. Занятіе этого района принесетъ большія выгоды для будущихъ нашихъ дѣйствій, въ какомъ бы районѣ они ни развивались и какую бы цѣль они ни преслѣдовали. Въ случаѣ нашего перехода къ вынужденной оборонѣ, обладаніе этимъ плацдармомъ сузитъ общій фронтъ и поставитъ войска въ выгодное общее оборонительное положеніе, вслѣдствіе чего количество силъ, для этого назначенныхъ, можетъ быть сокращено, что, въ свою очередь, позволитъ усиленіе войскъ въ другомъ, болѣе важномъ направленіи и дастъ общей оборонѣ активный характеръ.

Въ случаѣ, если будетъ рѣшено перейти въ наступленіе на лѣвомъ берегу Вислы, занятіе хотя бы южной части Мазурскихъ озеръ чрезвычайно облегчитъ выполненіе этого наступленія, такъ какъ, оставивъ сравнительно незначительныя силы для прочнаго удержанія ихъ на линіи Августовъ — Сувалки, можно будетъ не такъ опасаться за наши сообщенія. Вполнѣ сознаю, что веденіе наступательныхъ боевъ съ цѣлью овладѣнія южнымъ райономъ Мазурскихъ озеръ требуетъ большого напряженія и большихъ жертвъ. Но я высказываю мнѣніе о необходимости этихъ боевъ только въ томъ случаѣ, если общія дружныя усилія нашихъ трехъ армій въ теченіе ближайшихъ дней въ предѣлахъ нашей территоріи будутъ завершены такимъ успѣхомъ, что дальнѣйшее его развитіе естественно приведетъ къ боямъ на непріятельской территоріи, обѣщающихъ дать существенныя по результатамъ послѣдствія. Несомнѣнно, операціи въ восточной Пруссіи будутъ происходить въ болѣе трудныхъ условіяхъ, чѣмъ въ нашихъ предѣлахъ. Съ наличіемъ желѣзныхъ дорогъ и съ заблаговременною инженерною подготовкою придется считаться. Но эти обстоятельства, сами по себѣ, не должны имѣть послѣдствіемъ отказъ отъ активныхъ дѣйствій, въ случаѣ если

общая обстановка будетъ для насъ благопріятной. Означенные факторы въ одинаковой степени существовали и раньше, однако, они не препятствовали разработкѣ и подготовкѣ къ предполагавшемуся наступленію въ началѣ февраля арміи генерала Плеве въ составѣ всего четырехъ корпусовъ въ направленіи на Нейденбургъ-Ортельсбургъ. Дѣятельность противника, взявшаго инициативу въ свои руки, помѣшала осуществленію этого предположенія, но если тогда вторженіе въ Пруссію считалось возможнымъ, то теперь, съ сосредоточеніемъ несравненно большихъ нашихъ силъ и съ обнаруженной разбросанностью силъ нѣмцевъ, такое вторженіе, преслѣдующее частичную здачу — овладѣніе южной частью Мазурскихъ озеръ, можетъ быть, если обстановка текущихъ дней сложится благопріятно, произойдетъ въ условіяхъ, болѣе выгодныхъ и болѣе обѣщающихъ успѣхъ.

Въ случаѣ, если мое мнѣніе о желательности при благопріятныхъ условіяхъ дѣйствій армій въ сторону Мазурскихъ озеръ не будетъ принято во вниманіе и арміямъ фронта на правомъ берегу Вислы будетъ поставлена оборонительная задача, то я считаю возможнымъ не безъ риска отдѣльныхъ пораженій, а, можетъ быть, и катастрофы, выполнить эту задачу, располагая армію впереди р. Нарева, и особенно Бобра, представляющихъ въ весеннее половодье трудно преодолимую преграду. Развернуть арміи, имѣющія впереди ихъ фронта германскую рельсовую сѣть, позади болотистыя долины рѣкъ, а въ районѣ расположенія армій бѣдность путей сообщеній и почти полнаго отсутствія поперечныхъ дорогъ, что равносильно занятію такого невыгоднаго стратегическаго и тактическаго положенія, которыя могутъ не пройти безнаказано. Единственное рѣшеніе — активная оборона, а не прикрытіе подступовъ къ нимъ.

Заключая свою мотивировку указаніями на силу и расположеніе войскъ, онъ проситъ свободу дѣйствія и разрѣшеніе захватить Мазурскія озера въ южной ихъ части.

3-го марта генералъ Янушкевичъ телеграфируетъ ген. Рузскому, что указаніе о непереходѣ границы не имѣло въ виду стѣсненія въ развитіи наступательныхъ дѣйствій на фронтѣ между Нѣманомъ и Вислою. Е. И. В. имѣлъ въ виду только указать на неподготовленность къ широкому вторженію въ предѣлы Восточной Пруссіи изъ-за недостатка укомплектованія и снабженія патронами, и Великій Князь повелѣлъ увѣдомить, что «онъ предоставляетъ Вамъ свободу дѣйствій», но одновременно сооб-

щаетъ о необходимости въ ближайшемъ будущемъ переброски одного корпуса съ сѣверо-западнаго фронта на юго-западный».

Распоряженіе Верховнаго Главнокомандующаго, собственно говоря, являлось лишь подтвержденіемъ уже существовавшаго факта отказа отъ вторженія въ Восточную Пруссію.

Уже 17-го февраля мы были преисполнены мыслью, какъ бы лишь удержать фронтъ на Наревѣ. Мы ни разу за всю операцію не сумѣли захватить и удержать иниціативу дѣйствій въ своихъ рукахъ. Въ то же время, Верховный Главнокомандующій принялъ новое рѣшеніе — впредь обращать главное вниманіе на развитіе широкихъ наступательныхъ операцій противъ Австро-Венгріи.

Одновременно вести наступленіе и противъ Германіи, и противъ Австріи было признано намъ не по силамъ, а потому сѣверо-западный фронтъ долженъ былъ ограничиться оборонительною задачею.

Вслѣдствіе этого, бои, веденные въ теченіе марта мѣсяца, преслѣдовали лишь достиженіе задачъ чисто мѣстнаго значенія по улучшенію линіи фронта, или носили характеръ встрѣчныхъ дѣйствій. Эти бои въ теченіе марта велись съ перемѣннымъ счастіемъ, съ немалымъ упорствомъ и съ огромными потерями.

Какъ мы уже видѣли, наступленіе на одномъ Ломжинскомъ направленіи стоило 1-му корпусу потери въ 16.000 человѣкъ, т. е. до 70%; Гвардія потеряла 5.000 человѣкъ.

Борьба продолжалась въ теченіе болѣе мѣсяца, расподаясь на цѣлую серію отдѣльныхъ, въ общемъ безцѣльныхъ, боевъ, разрозненныхъ по пространству въ силу лѣсисто-болотистой, въ перемѣшку съ открытыми болотами, мѣстности.

Веденные до конца марта бои, по отзыву Незнамова, велись безъ существеннаго результата: кромѣ упорства въ удержаніи или захвата такого то пункта и «вернуть» другой — опредѣленной цѣли не видно.

Извѣстное объединеніе дѣйствій наступило лишь послѣ запроса Ставки генералу Рузскому, который 16-го марта опредѣлилъ задачу армій — прочно утвердиться на указанныхъ имъ позиціяхъ.

Тогда же, приказомъ, XXIII-ій корпусъ былъ окончательно переданъ изъ 12-ой въ 1-ую армію; 1-ой арміи приказано передать 1-ый Сиб. корпусъ въ резервъ фронта у Сероцка. Въ арміяхъ, кромѣ того, было приказано образовать армейскіе резервы, силою не менѣе корпуса.

Эта определенная директива сразу внесла нѣкоторую упорядоченность въ наши ««короткіе удары».

Эти бои мало кому извѣстны и еще никѣмъ подробно не описаны. Поэтому ниже приводятся лишь общія свѣдѣнія о нихъ, въ связи съ тѣми оперативными стремленіями сторонъ, которыя продолжались, или которыми вновь задавались противники до окончательнаго установленія въ апрѣлѣ 1915-го года равновѣсія силъ и окончательнаго перехода къ позиціонной войнѣ.

Генералъ Рузскій пока сохранилъ въ резервѣ XXIII-ій корпусъ (3-ья Гв. и 62-ая пѣх. дивизія) въ Варшавѣ и въ Бѣлостокѣ. Онъ считалъ положеніе благопріятнымъ для насъ.

5-го марта генералъ фонъ Фалькенгайнъ сообщилъ фельдмаршалу Гинденбургу, что намѣченныя имъ въ письмѣ отъ 19-го февраля переброски войскъ съ восточнаго фронта на западный пока, т. е. въ теченіе марта, не состоятся. Когда же 9-го марта былъ затребованъ, какъ можно скорѣе, докладъ о положеніи на восточномъ фронтѣ, каковой докладъ долженъ былъ служить основаніемъ для дальнѣйшихъ рѣшеній, — Главнокомандующій вывелъ заключеніе, что генералъ Фалькенгайнъ имѣетъ въ виду въ будущемъ все же ослабить его фронтъ. Фельдмаршалъ, поэтому, въ тотъ же день въ своемъ отвѣтѣ подчеркнулъ невозможность провести такую мѣру, такъ какъ «Русскія силы на правомъ берегу Вислы настолько значительны, что ослабленіе противостоявшихъ имъ трехъ германскихъ армій невозможно безъ отказа отъ выгодъ, достигнутыхъ послѣдними боевыми дѣйствіями. Собственныя задачи фронта заключаются въ возможномъ ослабленіи противника, гдѣ возможно, наступательными дѣйствіями».

Намѣреніе «вести наступленіе въ одномъ какомъ-нибудь направленіи», такимъ образомъ, отпало. Восточный германскій фронтъ все болѣе и болѣе долженъ былъ ограничиваться обороною, но эту оборону Главнокомандующій хотѣлъ вести наступательными дѣйствіями. Въ своемъ конкретномъ приложеніи, это рѣшеніе привело къ предпріятіямъ мѣстнаго характера съ ограниченными цѣлями, и, главнымъ образомъ, на участкѣ 8-ой арміи и въ арміи генерала Гальвица, противъ которыхъ, въ особенности, были направлены усилія русскихъ войскъ.

Бои на участкѣ 10-ой арміи въ мартѣ и апрѣлѣ 1915-го года.

Послѣ полученія приказанія о прекращеніи наступательныхъ дѣйствій, генералъ Эйхорнъ 28-го февраля незамѣтно для русскихъ отвелъ XXI-ый корпусъ съ приданною половиной 2-ой

пѣх. дивизіи на линію Рыгаловка — Голынка — Сопоцкинъ. Войска, такимъ образомъ, вышли изъ сферы огня крѣпостныхъ верковъ.

По прежнему, справа отъ XXI-го корпуса вдоль Бобра примыкалъ XL корпусъ, а слѣва — XXXIX-ый рез. корпусъ вдоль Нѣмана до Друскеникъ. Дальше къ сѣверу группа генерала Копшъ, съ 1-ой кав. дивизіею, 5-ою Гв. пѣх. бригадою и 16-ою ланд. дивизіею, охраняла до Юрбурга на нижнемъ теченіи Нѣмана. Еще далѣе до Балтійскаго моря находились слабые отряды категоріи «пограничной охраны» на правомъ берегу рѣки.

1-го марта Штабъ арміи увѣдомилъ, что войска вскорѣ будутъ отведены на линію Августовъ — Краснополь — Лодзее. 5-ая Гв. пѣх. бригада была изъята изъ фронта для отправки въ армію Гальвица.

Тѣмъ временемъ наши атаки на Бобрѣ продолжались. Намъ 1-го марта удалось ворваться въ стыкъ между 2-ою пѣх. дивизіею и 80-ою рез. дивизіею у Липска, но 4-го марта, контръ-атаками противника мы были вынуждены отойти на лѣвый берегъ. 2-го марта мы вновь переправились на правый берегъ Бобра у Острова, но удержаться не могли. А 4-го марта къ сѣверу отъ Гродны, у устья Августовскаго канала нами была предпринята попытка стать твердою ногою на противоположномъ берегу.

На среднемъ Нѣманѣ, со стороны Олиты и Ковны, мы также наступали съ цѣлью выяснить расположеніе войскъ противника. Наше наступленіе тутъ совпало со смѣною Гв. пѣх. бригады германцевъ. Мелкіе бои разыгрались у Серее, Симна, Даукше и Маріамполя. Большого значенія они не имѣли.

7-го марта бывшій у Гродны XV-ый корпусъ былъ оттянутъ въ резервъ Верховнаго Главнокомандующаго, а послѣ 8-го марта этотъ корпусъ былъ переданъ въ 12-ую армію.

Отходъ противника начался 6-го марта.

Основною оперативною мыслью германцевъ для отхода отъ Бобра послужило стремленіе снова выиграть оперативную свободу, которая до этихъ поръ была скована какъ водными болотистыми теченіями, такъ и крѣпостью Гродною.

Генералъ Эйхорнъ надѣялся, что, въ случаѣ нашего неосмотрительнаго преслѣдованія, ему удастся обрушиться на нашъ правый флангъ. Строившаяся позиція: Августовскій каналъ — г. Августовъ — оз. Выгры должна была быть занята XL корпусомъ и половиной 2-ой пѣх. дивизіей, а XXI-ый и XXXIX-ый резервный корпуса должны были занимать маневренное расположеніе къ сѣверу отъ Сувалокъ, лѣвымъ флангомъ у Кальва-

ріи. Отходъ долженъ былъ прикрываться отъ наступленія со средняго Нѣмана и отъ развѣдки русскихъ группою генерала Коша.

Отходъ германской арміи совершался планомѣрно и безъ помѣхъ съ русской стороны. XL корпусъ занялъ позицію, имѣя за лѣвымъ флангомъ половину 2-ой див. у Сувалокъ. 42-ая пѣх. дивизія XXI-го корпуса 7-го марта переходила на линію оз. Выгры — Краснополь — Новиники для обороны; 31-ая пѣх. дивизія дошла въ этотъ день до Пунска. Уступомъ же впередъ расположился XXXIX-ый корпусъ вдоль дороги Сейны — Кальварія, имѣя 77-ую див. у Пелеле и 78-ую див. у Макова. Послѣднія три дивизіи и являлись маневреннымъ крыломъ расположенія генерала Эйхорна.

Сильнѣе всего былъ нажимъ уже 7-го марта на XL-ый рез. корпусъ, противъ котораго наступалъ III-ій Сиб. и XXVI-ой корпуса черезъ Августовскій лѣсъ на западъ. На слѣдующій день атака III-го Сиб. корпуса была столь настойчива, что противнику пришлось вернуть для отраженія атаки уже выступившую на Сувалки половину 2-ой пѣх. див. На остальномъ же фронтѣ русскія войска 8-го марта слѣдовали за противникомъ лишь очень осторожно, не подставляя въ этотъ день своего фланга.

Перехваченное противникомъ наше радіо дало ему точное указаніе о наступленіи нашего II-го корпуса, двумя колоннами отъ Сопоцкина на Копціево и черезъ Калеты на Гибы. Воздушною развѣдкою было установлено наше наступленіе широкимъ фронтомъ тремя полками также отъ Серее къ югу отъ оз. Дусъ. Далѣе къ сѣверу отъ Сейны 1-ая германская кав. дивизія наткнулась на русскую конницу.

На основаніи этихъ данныхъ генералъ Эйхорнъ 9-го марта рѣшилъ наступать своимъ сѣвернымъ флангомъ. Командиру XXI-го корпуса было дано указаніе—дать подойти противнику къ сѣверу отъ Краснополя и, при выгодной обстановкѣ, самому перейти въ наступленіе, для чего ему была придана 77-ая рез. дивизія. Главный же ударъ былъ возложенъ на командира XXXIX-го корпуса (31-ая пѣх. див., 78-ая рез. див. и 1-ая кав. див.) въ направленіи по обоимъ берегамъ верхняго теченія р. Кирзна, съ сѣвера на югъ. Для этого пришлось сперва двинуть обѣ пѣх. дивизіи въ направленіи къ Симно. 1-ая кав. дивизія у сѣвернаго конца оз. Галадусъ должна была служить связью съ XXI-мъ корпусомъ.

Въ сильную стужу въ ночь на 9-ое марта совершилось пере-

движеніе XXXIX-го корпуса Лауэнштейна. 9-го числа у Лодзее 31-ая див. противника опрокинула часть нашей 73-ей пѣх. дивизіи, а 10-го марта 78-ая рез. дивизія продолжала дальнѣйшій обходъ по восточному берегу озера Галадуса на Берзники, 77-ая рез. дивизія и 31-ая пѣх. див. наступали по западной сторонѣ озера Галадусъ на Сейны; 11-го марта 42-ая пѣх. дивизія также должна была принять участіе въ наступленіи. Однако, изъ перехваченнаго нашего радіо противникъ узналъ, что мы уже наканунѣ вечеромъ отдали приказъ войскамъ объ отходѣ въ сѣверную часть Августовскаго лѣса.

Сдѣланное противникомъ предположеніе о нашемъ отходѣ на Гродну подтвердилось воздушной развѣдкой. Продолженіе наступленія было русскими задержано арьергардами. Нѣмцы дошли до линіи Гибы — Зельва, а кавалерія до Копціова.

На лѣвомъ нашемъ флангѣ III-ій Сиб. корпусъ успѣшно велъ атаки и 10-го марта онъ даже ворвался въ позицію противника въ направленіи Кольница — Бялобржеги. Съ отходомъ нашихъ правофланговыхъ войскъ на Гродну, флангъ XXVI-го и III-го Сиб. корпусовъ, однако, былъ обнаженъ и поставленъ въ опасное положеніе. Генералъ Эйхорнъ, поэтому, на 12-ое марта намѣревался воспользоваться положеніемъ и наступать въ направленіи Францки и на Махарцы, и питалъ даже надежду, въ случаѣ удачи, переправиться на нашихъ плечахъ черезъ Бобръ. Но мы во время сумѣли уклониться отъ удара, и лѣвымъ флангомъ ушли за Бобръ.

Противникъ не считалъ возможнымъ оставаться въ занятомъ имъ положеніи, какъ вслѣдствіе возможнаго удара во флангъ со стороны средняго Нѣмана, такъ и вслѣдствіе необходимости дать отдыхъ своимъ сильно утомленнымъ войскамъ. Онъ, поэтому, нѣсколько отвелъ свои войска на сѣверо-западъ, имѣя конницу впереди лѣваго фланга у Копціова. Но въ ближайшіе затѣмъ дни было приказано выдѣлить для отправки въ группу генерала Гальвица половину 2-ой пѣх. дивизіи, 2 полка 78-ой рез. дивизіи, а въ 8-ую армію — одинъ полкъ 31-ой пѣх. дивизіи. При такомъ ослабленіи силъ арміи генералъ Эйхорнъ рѣшилъ отодвинуть еще дальше назадъ свою ударную группу. XXI-ый корпусъ былъ расположенъ около Кальваріи, а бывшая у Серее часть 16-ой ландв. дивизіи была отодвинута къ Лодзее. Мы лишь медленно снова подходили.

21-го марта мы вновь повели наступленіе на Сейны, откуда 1-ая кав. дивизія противника должна была отойти на Пунскъ.

Генералъ Эйхорнъ на сей разъ хотѣлъ заманить насъ воз-

можно глубже и, поэтому, отъ Тартака отвелъ расположеніе 77-ой рез. дивизіи въ направленіи на Рудку — Тартакъ у верховьевъ р. Шешупы. Подъ угломъ отъ Рудка — Тартакъ и впереди послѣдней рѣки была расположена 1-ая кав. дивизія для связи съ XXI-мъ корпусомъ, находившимся около Кальваріи, фронтомъ на югъ. Лѣвый флангъ прикрывался частями 16-ой ландв. дивизіи со стороны Нѣмана у Маріамполя у Людвинова. Это положеніе было принято къ 24-му марта.

Наши войска перешли въ наступленіе противъ фронта Августовскій каналъ — Сувалки III-имъ Сиб. и XXVI-мъ корпусами и 1-ой кав. дивизіей; II-мъ корпусомъ черезъ Сейны на Лишніакъ; 73-ею пѣх. дивизіею и отд. бригадою XIII-го корпуса на Лодзее съ перемѣною направленія на сѣверъ и сѣверо-западъ, западнѣе озера Дусъ; 3-ья кав. и 2-ая Гв. кав. дивизіи двинулись впередъ въ направленіи на Любово. 56-ая пѣх. дивизія наступала на Симно и заняла озерное дефилэ. На самомъ правомъ флангѣ слѣдовала 1-ая Гв. кав. дивизія.

24-го марта мы продвинулись впередъ одною бригадою отъ Красна до Людвинова.

Послѣ прибытія въ Людвиново двухъ бригадъ германской 4-ой кав. дивизіи генералъ Эйхорнъ рѣшилъ перейти въ наступленіе, которое въ ближайшіе дни увѣнчалось успѣхомъ. 31-ая пѣх. дивизія двинулась изъ Кальваріи на Красно и далѣе на югъ; къ востоку отъ нея слѣдовала 4-ая кав. дивизія, а отъ Кальваріи на Маковъ и Пунскъ наступала 42-ая пѣх. дивизія. Общее направленіе далѣе было дано на Лодзее.

27-го марта XL рез. корпусъ долженъ былъ произвести сильный ударъ на перерѣзъ путей отступленія русскихъ съ южной стороны оз. Выгры, а 77-ая рез. дивизія отъ Тартака на Краснополь.

Главнокомандующій фельдмаршалъ Гинденбургъ приказалъ изъ 8-ой арміи перебросить 76-ую рез. дивизію на подкрѣпленіе. XXI-му корпусу было указано наступать русскимъ во флангъ и въ тылъ. Результатовъ, однако, отъ этого общаго наступленія, противъ всякаго ожиданія, не получилось. По всему фронту отъ оз. Выгры до оз. Дусъ съ перемѣннымъ успѣхомъ разыгрались упорные фронтальные бои. Наши войска цѣпко удерживали захваченное пространство, а при удобныхъ условіяхъ переходили въ контръ-наступленіе. Этимъ путемъ постепенно образовался, не въ пользу германцевъ, фронтъ, проходившій къ востоку отъ Краснополя и Пунска, а далѣе, въ восточномъ направленіи до озера Дусъ и Симна.

31-ая пѣх. дивизія 30-го марта снова перешла въ наступленіе къ западу отъ озера Дуса, но она была остановлена, вслѣдствіе полученнаго въ Штабѣ арміи извѣстія о выгрузкѣ русскими войскъ у Олиты. Несмотря на то, что воздушная развѣдка не подтвердила этого свѣдѣнія, Командующій арміи настаивалъ на прекращеніи наступленія. Генералъ Эйхорнъ, вслѣдствіе распутицы и очевидной усталости войскъ, пришелъ къ убѣжденію, что нельзя было расчитывать на рѣшительную побѣду. Поэтому онъ приказалъ разбросанному на пространствѣ въ 30 километровъ XXI-му корпусу начать отходъ.

Во второй половинѣ марта противникъ былъ захваченъ врасплохъ вторженіемъ нашихъ слабыхъ отрядовъ на германскую территорію у Мемеля и Таурогена. 17-го марта 4.000 ополченцевъ съ батареею и 10 пулеметами подъ начальствомъ генерала Потапова захватили Мемель. На слѣдующій день бригада 68-ой пѣх. дивизіи перешла въ наступленіе отъ Таурогена и 20-го марта заняла Лаузаргенъ. Противникъ принялъ спѣшныя мѣры для сбора войскъ, откуда только было возможно. Было собрано 6 батальоновъ, 2½ бтр. и часть 4-ой и 6-ой кав. дивизій, надъ которыми принялъ начальство самъ комендантъ крѣпости Кенигсберга. Уже 21-го марта противнику удалось снова занять Мемель; мы отошли на сѣверъ подъ напоромъ противника, но остановились у Полунгянъ. Нѣсколькими днями позже, 29-го марта, мы были вынуждены очистить Таурогенъ подъ давленіемъ бригады фонъ Эзебека (6 бат. 3 бтр. и сильныя части 6-ой кав. дивизіи). Вскорѣ въ этотъ районъ прибыла вся германская 6-ая кав. дивизія.

Распредѣленіе германскихъ войскъ къ 1-му апрѣля было почти то же, что и 24-го марта: XL-ый рез. корпусъ въ окопахъ по обѣ стороны Августова; въ центрѣ XXXIX-ый корпусъ между озеръ Выгры и д. Сидоры; 42-ая пѣх. дивизія XXI-го корпуса у Вижайны за общимъ фронтомъ; 1-ая кав. дивизія у Любова и 31-ая пѣх. дивизія у Кальваріи.

Наши войска медленно наступали. Когда 3-го апрѣля они подходили къ дугѣ р. Шешупы къ югу отъ Людвинова, генералъ Эйхорнъ согласился на еще одно наступленіе XXI-ымъ корпусомъ.

4-го апрѣля 42-ая пѣх. дивизія была придвинута къ Кальваріи. Предпринятое на слѣдующій день наступленіе не дало положительныхъ результатовъ; противнику не удалось отбросить насъ съ лѣваго берега на правый. Бездорожье продолжалось. и вмѣстѣ съ тѣмъ росло и утомленіе германскихъ войскъ. По-

этому, генералъ Эйхорнъ 7-го апрѣля остановилъ предпринятое наступленіе и приказалъ лишь сохранить занятое положеніе.

До конца апрѣля наступило полное затишье. Германцы отошли на свою отстроенную укрѣпленную позицію. Вслѣдствіе утомленія XXI-го корпуса, онъ помѣнялся участкомъ съ XL-мъ рез. корпусомъ. Къ 26-му апрѣля было сдѣлано нижеслѣдующее распредѣленіе войскъ по участкамъ позиціи:

XXI-ый корпусъ (безъ 65-ой пѣх. бригады) — отъ восточнаго берега Райгородскаго озера до южнаго берега оз. Выгры.

76-ая и 77-ая рез. дивизіи — по рѣкѣ Выгра.

1-ая кав. дивизія — на р. Шешупѣ до Юргежіоры.

XL-ый рез. корпусъ съ 65-ой пѣх. бригадою и 4-ая кав. дивизія — нѣсколько сѣвернѣе Людвинова.

16-ая ландв. дивизія (Кенигсбергъ) безъ своихъ 2-хъ полковъ — до Нѣмана.

На Нѣманѣ до Шмелленинкена съ особою задачею собрались: Штабъ XXXIX-го рез. корпуса съ ⅔ 78-ой рез. дивизіи, прибывшія съ западнаго фронта 3-ья и Баварская кав. дивизіи; генералъ фонъ Эзебекъ съ 11-ью батальонами эрзацъ- и ландштурм. частей, нѣсколько эскадроновъ и батарей. Тамъ же была выгружена присланная изъ 9-ой арміи 6-ая рез. дивизія, которая затѣмъ была направлена на усиленіе 6-ой кав. дивизіи на границѣ отъ Мемеля до Коадютена.

На Нѣманѣ до Шмалленинкена съ особою задачею собраны 3 пѣх. и 3 кав. дивизіи подъ начальствомъ командира XXXIX-го корпуса, генерала Лауенштейна.

Съ русской стороны, расположеніе войскъ было слѣдующее, съ юга на сѣверъ:

Части XX-го корпуса съ половиной 1-ой кав. дивизіи — отъ Бобра до Августова и сѣвернѣе до оз. Выгры.

XXVI-ой корпусъ дальше къ сѣверу до дороги Сувалки — Сейны включительно.

II ой корпусъ съ бригадою 2-ой Кубанской Казачьей див. дальше къ сѣверу до верховьевъ р. Шешупы.

III-ій Сиб. корпусъ съ 3-ей кав. див. далѣе по теченію р. Шешупы до Кальваріи и далѣе до Людвинова, захватывая дугу р. Шешупы.

Бригада XIII-го а. корпуса съ 1 Гв. кав. дивизіей и половиной 2-ой Гв. кав. див. далѣе къ Маріамполю.

Ковенскій отрядъ: части 56-ой и 68-ой пѣх. дивизій отъ Маріамполя къ сѣверу по обѣ стороны желѣзной дороги Вержболово — Ковна.

Въ резервѣ впереди Олиты были половина 2-ой Гв. кав. дивизіи и 73-ья пѣх. дивизія.

Всего 11 пѣхотныхъ и 4½ кав. дивизіи.

На Шавельскомъ направленіи, несмотря на значительное усиленіе германцевъ, по прежнему оставались лишь половина 68-ой пѣх. дивизіи и нѣсколько слабыхъ ополченческихъ частей на фронтѣ р. Юры впереди Шкадвиле, съ мелкимъ отрядомъ противъ Шмаленнинкена.

Мартовскими и апрѣльскими боями заканчивалась тяжелая борьба въ углу рѣкъ Нѣмана и Бобра.

Сколько тяжелыхъ для насъ въ февралѣ испытаній и сколько для противника обманутыхъ стратегическихъ надеждъ!

Неожиданно, наша 10-ая армія снова воспряла, образуя твердый оплотъ противъ дальнѣйшаго наступленія германцевъ. Борьба въ мартѣ и апрѣлѣ проходила подъ тяжелымъ для противника знакомъ — отхода назадъ отъ теченія рѣкъ на заранѣе подготовленную позицію въ одномъ, полутора переходахъ впереди Государственной границы, съ уступкою захваченной территоріи.

Эта операція совершалась противникомъ мастерски, планомѣрно и съ развитіемъ активности; но германцы, тѣмъ не менѣе, неуклонно должны были отходить назадъ до потери маневренной свободы. Давленіе русскихъ войскъ не прекращалось, а силы противника чрезмѣрно ослабѣвали отъ подачи помощи на другіе участки армейскаго фронта. Съ нашей стороны, новый командующій 10-ой арміею, генералъ Радкевичъ, искусно маневрируя, ни разу не подставилъ своихъ войскъ подъ готовившіеся противникомъ опасные удары и, въ свою очередь, систематически и неуклонно оттѣснялъ противника.

Бои на участкѣ 12-ой арміи въ мартѣ и апрѣлѣ 1915-го года.

Въ концѣ февраля германская 8-ая армія получила приказаніе Главнокомандующаго прекратить наступленіе на Осовецъ и Ломжу. Это рѣшеніе было вызвано тяжелымъ положеніемъ на этомъ участкѣ и, прежде всего, сильными боями подъ Прас-

нышемъ въ группѣ Гальвица. Послѣ состоявшагося 27-го февраля отступленія отъ Прасныша, нужно было все же считаться съ возобновленіемъ атакъ русскихъ противъ лѣваго фланга армейской группы и противъ праваго фланга 8-ой арміи. Все усиливаясь, германцы вели и дальше активную оборону. Изъятые изъ состава 10-ой арміи XXXVIII рез. корпусъ и 4-ая кав. дивизія были направлены къ правому флангу 8-ой арміи, кромѣ уже посланныхъ четырехъ полковъ разныхъ дивизій.

Командующій арміей, генералъ Отто фонъ Беловъ, считаясь съ русскимъ наступленіемъ со стороны Ломжи, намѣревался самъ наступать между рр. Шквою и Шкродою одною изъ дивизій XXXVIII-го корпуса и 4-ой кав. див.; онъ оставался при этомъ своемъ рѣшеніи, даже послѣ того какъ Главнокомандующій передалъ ⅔-ти 76-ой рез. дивизіи въ армейскую группу Гальвица. Когда 75-ая рез. див. и 4-ая кав. див. тронулись изъ Кольно, корпусъ Шольцъ былъ вынужденъ нашимъ V-мъ корпусомъ уступить нѣсколько деревень по обѣимъ сторонамъ р. Шквы.

Генералъ фонъ Беловъ свелъ къ западу отъ р. Шкроды находившіяся 75-ую рез. дивизію, 5-ую пѣх. бригаду, эрзацъ-бригаду Кенигсбергъ, 4-ую кав. дивизію и ландштурмъ (пограничную охрану) въ корпусъ генерала фонъ Марвица, съ ближайшею задачею, при содѣйствіи праваго фланга корпуса фонъ Шольца, отбросить насъ между рѣками Шквою и Шкродою и занять переправу у Новогрода.

Въ теченіе ближайшихъ дней корпусъ Марвица захватилъ уступленныя ранѣе деревни, но дальнѣйшаго успѣха не имѣлъ.

6-го марта генералъ фонъ Беловъ, въ виду превосходства нашихъ силъ, рѣшилъ остановить наступленіе своего праваго фланга. 7-го марта наше сильное контръ-наступленіе, веденное отъ Давія-Серафинъ вглубь позиціи 75-ой рез. див., было, въ концѣ концовъ, отбито послѣ горячаго боя.

На участкѣ корпуса Шольца 4-го и 5-го марта происходилъ сильный бой съ перемѣннымъ успѣхомъ на внутреннихъ флангахъ 41-ой пѣх. и 1-ой ландв. дивизій къ западу отъ дороги Стависки — Ломжа.

Противъ усиленной германской 3-ей рез. дивизіи 2-го марта нами было ведено уже выше описанное въ IX-ой главѣ наступленіе противъ 6-ой рез. бригады у Бобра и къ западу отъ нея находившейся 5-ой рез. бригады. Это наступленіе, подготовленное сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ и доведенное кое-гдѣ до 50 м. отъ германскихъ окоповъ, въ концѣ концовъ, было отбито. Также безрезультатными оказались веденныя въ теченіе всей

первой недѣли марта повторныя русскія атаки. Противникъ находился въ тревогѣ отъ нашихъ дѣйствій и считалъ необходимымъ усилить здѣсь дѣйствовавшія войска.

Наступленіе 11-ой ландв. дивизіи противъ Осовца было вовсе остановлено 6-го марта, какъ мы уже видѣли выше.

Дальнѣйшія ожидавшіяся наши дѣйствія противъ 3-ей рез. дивизіи, не состоялись *).

Послѣ 9-го марта наступило спокойствіе, прерываемое коегдѣ лишь мѣстными предпріятіями съ ограниченными цѣлями. Благодаря наступившему затишью, корпусъ Марвицъ повторно оказывалъ сильную поддержку своему западному сосѣду при отраженіи сильнаго наступленія нашего противъ армейской группы фонъ Гальвица.

17-го марта наше наступленіе расширилось противъ корпуса Марвица. Когда въ послѣднюю треть марта 10-ая германская армія предприняла свое новое наступленіе, таковое исподволь было усилено 4-ою кав. дивизіею и 5-ью батальонами, ранѣе взятыми изъ состава 10-ой арміи.

28-го марта корпусъ Марвица (безъ 75-ой рез. див.) былъ переведенъ въ Карпаты. 75-ая рез. див. и 10-ая ландв. дивизія сдѣлались самостоятельными. Въ началѣ апрѣля нѣсколько батальоновъ, взятыхъ изъ германской 10-ой арміи, были возвращены. Въ теченіе мѣсяца, постепенно установилось полное затишье въ операціяхъ.

Дѣйствія 1-ой арміи на Праснышскомъ участкѣ въ мартѣ и апрѣлѣ 1915-го года.

Армейская группа Гальвица къ концу февраля имѣла на фронтѣ отъ Вислы на сѣверо-востокъ: корпусъ Торнъ съ 21-ой ландв. бригадою и съ Австро-Венгерской 3-ей кав. дивизіей; вновь сформированный корпусъ Рихтгофенъ (1 Гв. рез. дивизія и 2-ая кав. див.) и правый флангъ корпуса Цастрова (бригада Пфейля и дивизія Брейгеля). Эти войска занимали прежнюю линію отъ Вислы у Плоцка до восточной окраины Млавы.

Группа генерала Моргена (Див. Верница корпуса Цастрова, 1-ый рез. корпусъ, 6-ая пѣх. бригада, 9-ая ландв. бригада и 6-ая кав. дивизія) послѣ пораженія у Прасныша ночью на 28-ое февраля были оттянуты за Бржзово и за рубежъ Улатовки къ югу

*) До 9-го марта наши потери къ сѣверу отъ Ломжи достигли 35.000 чел.; изъ нихъ 10.000 въ одномъ Гвард. корпусѣ.

отъ границы. Дальше къ востоку флангъ этой группы прикрывался между среднимъ теченіемъ Оржица до Шквы группою Штаабса (половина 37-ой пѣх. див., 39-ая кав. бригада и нѣсколько батальоновъ ландвера и ландштурма).

1-го марта генералъ Гальвицъ имѣлъ слѣдующія свѣдѣнія о группировкѣ русскихъ войскъ:

Противъ корпуса Цастрова находились 1-ый Сибирскій и XIX-ый корпуса; противъ 1-го рез. корпуса—II-ой Сиб. корпусъ, а затѣмъ въ тылу у Рожанъ — I-ый корпусъ. Около Прасныша были сгруппированы массы, якобы, въ 5 дивизій. Части этихъ войскъ были въ движеніи къ западу, другія противъ лѣваго фланга группы Моргена и противъ праваго фланга группы Штаабса.

Генералъ Моргенъ считалъ, что его войскамъ былъ нуженъ отдыхъ, и желалъ дальше отойти назадъ для занятія позиціи на границѣ. Имѣя въ виду положеніе на сосѣднихъ участкахъ, ни генералъ Гальвицъ, ни Главнокомандующій не считали возможнымъ согласиться на такой шагъ. Отодвинутое назадъ положеніе группы Моргена и безъ того означало серьезный отходъ назадъ отъ общей линіи фронта, приведшій даже къ разрыву связи на верхнемъ Оржицѣ между группою Моргена и корпусомъ Цастрова. Отстаиваніе своего положенія, несмотря на всѣ усилія противника, считалось германскимъ командованіемъ единственнымъ правильнымъ рѣшеніемъ, пока ожидаемыя подкрѣпленія не дадутъ возможности снова перейти въ наступленіе.

Первымъ подкрѣпленіемъ явилась 11-ая ландв. бригада изъ 9-ой арміи. Дальнѣйшія подкрѣпленія ожидались въ ближайшіе дни.

1-го марта положеніе ухудшилось. Русскіе оттѣснили 6-ую кав. дивизію съ нижняго теченія р. Улатовки, но ожидавшееся въ ближайшіе дни общее русское наступленіе не состоялось. Послѣдовали лишь частныя мѣропріятія противъ корпуса Цастрова и группы Штаабса. Группѣ же Моргена пришлось выдержать менѣе сильный напоръ.

Проходившая за фронтомъ на присоединеніе къ своей дивизіи (37-ой) 75-ая пѣх. бригада должна была выдѣлить одинъ полкъ въ корпусъ Цастрова, а прибывшая изъ 10-ой арміи 5-ая Гв. пѣх. бригада отдала одинъ полкъ въ тотъ же корпусъ, второй же полкъ бригады былъ назначенъ въ корпусъ Моргена. Подвозившаяся изъ 9-ой арміи 3-ья пѣх. бригада была направлена въ группу Штаабса.

Продолжительное пребываніе въ такомъ положеніи угрожа-

ло опасностью для корпуса Цастрова быть оттѣсненнымъ назадъ давленіемъ русскихъ на его лѣвый флангъ. Генералъ Гальвицъ поэтому уже 7-го марта хотѣлъ перейти въ наступленіе для выручки корпуса Цастрова и для выправленія линіи фронта, тѣмъ болѣе что русскіе 6-го и 7-го марта вели сильныя атаки противъ фронта и фланга этого корпуса. Наступленіе генерала Моргена, однако, могло состояться лишь 8-го марта, центральною группою его войскъ, въ видѣ ударной массы — 1-ою рез. див. съ полкомъ 11-ой рез. бригады, 6-ью полевыми и 6-ью тяжелыми батареями. Позади слѣдовали, резервомъ, только что прибывшія изъ 8-ой арміи ⅔ 76-ой рез. дивизіи съ приданнымъ еще однимъ полкомъ. Фланги группы должны были поддерживать это наступленіе, а группа Штаабса должна была съ востока ударить намъ во флангъ. Это наступленіе 8-го марта въ снѣжную бурю продвигалось лишь медленно впередъ до Улатовки и Краево.

9-го марта лѣвый флангъ корпуса Цастрова (дивизія Верницъ и 75-ая пѣх. бригада) также перешелъ въ наступленіе. Къ вечеру 10-го марта русскіе были оттѣснены, но остановились въ 5-ти верстахъ къ сѣверу отъ Прасныша. Противникъ выправилъ свою линію фронта.

Это наше медленное отступленіе имѣло цѣлью задержать противника до подхода нашихъ подкрѣпленій.

Вечеромъ 10-го марта мы приняли слѣдующія контръ-мѣры:

Командующій 1-ой арміи приказалъ:— II-му Сиб. корпусу, имѣя слѣва I-ый Сиб. корпусъ, оборонять Праснышъ съ сѣвера. I-му Туркестанскому корп. фронтомъ на сѣверъ, продолжить эту линію. XIX-му корпусу сосредоточиться къ югу-западу и къ югу отъ Прасныша; Кав. корпусу Орановскаго (3½ див.) поддерживать связь между лѣвымъ флангомъ 1-ой арміи и правымъ 12-ой арміи.

Командующій 12-ой арміи приказалъ: 4-ой кав. дивизіи задержать наступленіе противника на югъ по лѣвому берегу р. Оржицъ. XXIII-му корпусу *) съ утра 11-го марта наступать отъ Остроленки до Красносельце съ цѣлью ударить въ лѣвый флангъ противника въ случаѣ его попытокъ обойти правый флангъ 1-ой арміи. III-му Кавк. корпусу въ ночь

*) Этотъ корпусъ 5-го марта генераломъ Рузскимъ былъ переданъ въ 12-ую армію изъ резерва фронта.

на 11-ое марта смѣнить 9-ую Сиб. дивизію и примыкавшія части Гвардіи. 9-ой Сиб. дивизіи присоединиться къ 10-ой Сиб. дивизіи. V-му корпусу съ 3-ею Турк. стр. бригадою и съ 2-ою кав. дивизіею и 1-ою отд. кав. бригадою продолжать уже начатое наступленіе на сѣверъ съ цѣлью охватить правый флангъ противника, дѣйствующаго съ сѣвера противъ Ломжи.

Германцы слѣдовали осторожно за Сибирскими и Туркестанскимъ корпусами, которые медленно отходили, ожидая подхода подкрѣпленій. 13-го марта бой разыгрался по всей линіи по обѣимъ сторонамъ Оржица. Мы перешли въ наступленіе.

XIX-ый корпусъ выдвинулся на сѣверъ на правый флангъ II-го Сиб. корпуса. XXIII-ій корпусъ переправился черезъ Оржицъ у Еднорожца и атаковалъ лѣвый флангъ противника. Переведенный изъ 10-ой арміи XV-ый корпусъ наступалъ къ сѣверу отъ Остроленки между Омулевымъ и Оржицемъ съ цѣлью прикрывать правый флангъ XXIII-го корпуса.

16-го марта сильно уставшій II-ой Сиб. корпусъ былъ смѣненъ въ первой линіи II-мъ Кавк. корпусомъ, притянутымъ 8-го марта съ лѣваго берега Вислы и включеннымъ 12-го марта въ составъ I-ой арміи. Опасность миновала, но сильные бои продолжались еще дней десять. Мы несли большія потери при прохожденіи по болотамъ въ атаку противъ окопавшагося противника.

Наступленіе на фронтъ существенныхъ результатовъ не дало. Зато у Еднорожца мы имѣли успѣхъ. Незамѣтнымъ для противника выходомъ въ тылъ мы захватили этотъ пунктъ и взяли болѣе 1.000 плѣнныхъ и 16 орудій.

Съ 13-го по 25-ое марта бои продолжались, но разрозненно, противъ всего германскаго фронта, безъ видимой идейной связи. Генералъ Гальвицъ за это время насчиталъ 45 серьезныхъ боевыхъ дѣйствій противъ своего фронта. Не мало въ томъ числѣ было ночныхъ атакъ.

Германцы пишутъ, что они, якобы, уже 11-го марта достигли исполненія своего плана — выправленія линіи фронта. Таковой взглядъ генерала Гальвица былъ одобренъ фельдмаршаломъ Гинденбургомъ, который приказалъ ограничиваться въ ближайшіе дни чисто оборонительною задачею, а потому приказалъ теперь же приступить къ возведенію сильно укрѣпленной линіи.

За періодъ 10—23 марта укрѣпленіе позицій было закончено вплоть до обнесенія колючею проволокою, а потому германское командованіе считало, что опасность прорыва миновала въ районѣ центра и праваго фланга.

Въ серединѣ марта генералъ Рузскій понялъ безцѣльность дальнѣйшихъ атакъ. 16-го марта, послѣ запроса Ставкою, каковы конечныя цѣли достиженія на сѣверо-западномъ фронтѣ, онъ издалъ новое указаніе.

Въ общемъ, наступленіе должно было быть прекращено; было приказано 10-ой арміи держаться впереди средняго Нѣмана и на линіи Сопоцкинъ — Липскъ — Штабинъ — Двуглы устроиться для упорной обороны, организуя ее такъ, чтобы при удобномъ случаѣ снова перейти въ наступленіе и достигнуть линіи Маріамполь — Сувалки — Августовъ — Райгродъ.

12-ая армія должна была ограничиться активною обороною мѣстности впереди Нарева, а лѣвымъ флангомъ стараться дойти до линіи Круча — Липники — Вахъ — Завади. Она должна была оттянуть 3 корпуса (одинъ — въ распоряженіе Ставки, одинъ — въ резервъ фронта и отдать XXIII-ій корпусъ въ 1-ую армію).

1-ая армія получила приказъ еще разъ правымъ флангомъ перейти въ короткое наступленіе, а послѣ этого также перейти къ оборонѣ, по возможности, на линіи Еднорожецъ — Праснышъ — Цѣхановъ — Плонскъ — Вышгородъ на Вислѣ. И эта армія должна была выдѣлить корпусъ въ резервъ фронта, а другой — въ армейскій резервъ.

2-ая и 5-ая арміи должны были удержать свои позиціи.

Вслѣдствіе этихъ распоряженій, бои къ востоку отъ Оржица и по обѣ стороны Омулева возобновились снова 27-го марта, когда III-ій Кавк. корпусъ атаковалъ позицію 37-ой пѣх. дивизіи около Ваха, прорвалъ ее и заставилъ противника отойти назадъ. Но послѣ подхода подкрѣпленій и тутъ наступило затишье.

Послѣ этихъ событій противникъ постепенно оттянулъ изъ арміи фонъ Гальвица ⅔ 76-ой рез. дивизіи, ⅔ 78-ой рез. дивизіи, 11-ую рез. бригаду, а затѣмъ въ концѣ апрѣля и началѣ мая весь I-ый рез. корпусъ, т. е. большую часть тѣхъ подкѣпленій, которыя разновременно были привлечены изъ другихъ армій его фронта. Мало по малу части возвращались по принадлежности къ своимъ дивизіямъ и корпусамъ. За это время совершалась реорганизація пѣхотныхъ дивизій изъ четырехполкового до трехполкового состава. Изъ четвертыхъ полковъ были сформированы новыя дивизіи.

Въ серединѣ апрѣля XXXVIII-ой корпусъ и 75-ая рез. дивизія были отправлены въ Карпаты, гдѣ готовилось новое серьезное наступленіе. Въ связи съ этимъ, фельдмаршалъ Гинденбургъ получилъ указаніе привлечь на себя возможно большое количество русскихъ войскъ. Достиженіе цѣли указаннымъ путемъ представлялось Гинденбургу несбыточнымъ. Онъ, скорѣе, склонялся достигнуть цѣли путемъ наступленія на своемъ сѣверномъ флангѣ. Первая мысль о таковомъ дѣйствіи исходила изъ Главной Квартиры, которая уже 25-го марта запросила, можетъ ли восточный фронтъ выдѣлить одинъ корпусъ въ Карпаты для возстановленія здѣсь поколебленнаго положенія Австрійцевъ. Взамѣнъ этого было предложено перевести на востокъ двѣ спеціально снаряженныя кавалерійскія дивизіи для рейда южнѣе или сѣвернѣе Ковны черезъ Нѣманъ въ направленіи на Вильну и дальше противъ желѣзно-дорожной линіи Варшава — Полоцкъ съ цѣлью ея разрушенія.

О цѣлесообразности такого предпріятія запрашивалось мнѣніе Фельдмаршала. Въ своемъ отвѣтѣ послѣдній призналъ это предпріятіе обѣщающимъ успѣхъ, считая, что русскіе врядъ ли успѣютъ своевременно помѣшать его исполненію.

Прибывшія затѣмъ съ западнаго фронта 3-ья и Баварская кав. дивизіи были высажены въ Вержболовѣ — Вильковишкахъ — Владиславовѣ. Командующимъ этой кавалерійской группою былъ назначенъ генералъ Рихтгофенъ. Однако, вслѣдствіе дурного состоянія дорогъ, обѣ дивизіи долго простояли въ этихъ пунктахъ. Еще 12-го апрѣля, командованіе восточнаго фронта, на запросъ генерала Фалькенгайна о возможности приступить къ рейду, отвѣтило: «что состояніе дорогъ все еще не позволяло быстро дѣйствовать. Приступить къ исполненію возможно будетъ лишь при лучшей погодѣ. Назначить срокъ, поэтому, было нельзя. Обстановка теперь благопріятна, но нельзя предвидѣть впередъ, въ какомъ видѣ она представится ко времени наступленія сухой погоды».

19-го марта Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ генерала Рузскаго о необходимости отнынѣ перейти къ чисто оборонительнымъ дѣйствіямъ на сѣверо-западномъ фронтѣ, такъ какъ юго-западному фронту предназначается главнѣйшая задача будущей части кампаніи въ борьбѣ противъ Австріи, и что надо считаться съ необходимостью выдѣлить подкрѣпленія для борьбы на югѣ.

26-го марта генералъ Рузскій подалъ прошеніе объ освобожденіи отъ должности по болѣзни. Генералъ Алексѣевъ, быв-

шій до того времени Начальникомъ Штаба юго-западнаго фронта, на слѣдующій день былъ назначенъ на его мѣсто *). Начальникъ Штаба сѣверо-западнаго фронта Г. Л. Гулевичъ остался въ таковой своей должности.

Некомплектъ до штатнаго состава на фронтѣ въ 54 съ ½ дивизіи достигалъ 320.000 человѣкъ.

Въ серединѣ апрѣля III-ій Кавк. корпусъ былъ переведенъ на юго-западный фронтъ. Дальнѣйшія подкрѣпленія считались генераломъ Алексѣевымъ недопустимыми, въ виду слабаго состава частей. Удержаніе фронта могло бы въ противномъ случаѣ оказаться подъ сомнѣніемъ.

---

*) Въ офиціальной германской исторіи «Міровая Война» говорится, что заслуженный генералъ Плеве, имѣвшій старшинство въ чинѣ передъ генераломъ Алексѣевымъ, не былъ назначенъ Главнокомандующимъ вмѣсто генерала Рузскаго по причинѣ своего нѣмецкаго происхожденія. Это утвержденіе безусловно не вѣрно, ибо въ концѣ 1915 года онъ былъ назначенъ именно на эту же должность, которую ему по причинѣ серьезной болѣзни въ началѣ 1916 г. пришлось оставить. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого онъ скончался.

ГЛАВА XI.

Послѣсловіе.

Сравнивая боевую готовность русской арміи къ началу Міровой войны съ германскою, нельзя не признать, что мы въ этомъ отношеніи уступали нашему сосѣду. Германія много лѣтъ готовилась къ предупредительной войнѣ. Россія же, состоя въ оборонительномъ союзѣ съ Франціей, войны съ Германіею не искала. Германія была въ полной готовности «до послѣдней пуговицы», и съ весны 1914 года искала повода къ войнѣ. Ея промышленность къ этому времени уже была мобилизована, и мѣры были приняты по налаженію вопросовъ питанія арміи и населенія на первое время войны. Шпіонажъ заграницею задолго до того былъ прекрасно организованъ.

Россія же находилась еще въ періодѣ подготовки какъ развитія военной системы, такъ и въ промышленномъ отношеніи и, вообще, въ техническомъ. Рѣдкая рельсовая и дорожная сѣти и громадныя разстоянія затрудняли развитіе желательной скорости не только при мобилизаціи и сосредоточеніи арміи, но и при веденіи военныхъ операцій. Въ случаѣ войны, морскія сношенія Россіи съ внѣшнимъ міромъ и съ союзниками были крайне затруднительны. Это обстоятельство сильно отзывалось на возможности полученія изъ нейтральныхъ странъ боевыхъ припасовъ, мирный запасъ которыхъ хваталъ всего лишь на первые пять-шесть мѣсяцевъ войны. Въ первое время американскихъ поставокъ огнестрѣльныхъ припасовъ таковыя систематически уничтожались особою германскою агентурою въ портахъ Америки.

Мы видѣли выше, въ какомъ положеніи русская армія оказалась въ отношеніи укомплектованія и снабженія патронами послѣ пяти мѣсяцевъ войны. Ближайшіе помощники Верховнаго Главнокомандующаго на совѣщаніи въ Сѣдлецѣ 29 ноября

1914 г. не скрывали своего пессимизма при обсужденіи плановъ на будущія оперативныя возможности.

Операціи на правомъ флангѣ С. З. Фронта зимою 1915 г. начались при такихъ крайне невыгодныхъ для насъ условіяхъ. Оказалось, что всѣ расчеты Военнаго Министра на необходимыя въ случаѣ войны количества укомплектованія и огнестрѣльныхъ припасовъ не отвѣчали требованіямъ и напряженію современной войны. Наша армія послѣ 5-ти мѣсяцевъ борьбы оставалась въ некомплектѣ на 40% до штатовъ. Возимый запасъ артиллерійскихъ снарядовъ до конца февраля еще не былъ пополненъ. Пѣхотные патроны были на исходѣ; винтовокъ не хватало для обученія въ запасныхъ батальонахъ; маршевыя части прибывали въ армію безъ винтовокъ. Частичное улучшеніе ожидалось въ концѣ февраля мѣсяца, а болѣе значительное — лишь къ концу 1915-го года. Наша прекрасная артиллерія почти не могла бороться съ гораздо болѣе многочисленной и обильно снабженной снарядами артиллеріей германцевъ; въ то же время, нѣмцы значительно превосходили насъ количествомъ тяжелыхъ батарей. Тяжесть боевыхъ столкновеній, вслѣдствіе этого неравенства, ложилась, главнымъ образомъ, на нашу пѣхоту, которая, однако, стойко держалась, и нерѣдко при наступленіи добивалась блестящихъ успѣховъ. Само собой разумѣется, что въ этихъ условіяхъ она несла огромныя потери, доходившія иногда до 50 и болѣе процентовъ.

Недостатокъ боевыхъ запасовъ оказался не только въ русской арміи, но и въ другихъ воющихъ арміяхъ, не исключая германской, и приблизительно къ одному и тому же времени. Изъ подобранныхъ съ убитыхъ германскихъ солдатъ писемъ—авторъ узналъ, что у нихъ уже до Новаго Года 1915 былъ недостатокъ такихъ запасовъ въ арміи. Но съ февраля 1915 года у нихъ уже было изобиліе. Изъ книги бывшаго англійскаго военно-морского агента въ Скандинавскихъ странахъ, Адмирала Консетта «Тріумфъ невооруженныхъ силъ», изданной лѣтъ 15 послѣ войны, узнаемъ секретъ этого оригинальнаго явленія, имѣвшаго мѣсто, несмотря на существованіе англійской блокады германскихъ береговъ. Ведя войну противъ Германіи, англичане одновременно усиленно торговали съ Германіей черезъ посредство подставныхъ лицъ въ нейтральныхъ, главнымъ образомъ, Скандинавскихъ странахъ. Англія въ теченіе 30 первыхъ мѣсяцевъ войны поставляла уголь нейтральнымъ фабрикамъ, выполнявшимъ германскіе заказы. Нейтральные торговые флоты, на англійскій уголь, подвозили въ Германію все необходимое

какъ для питанія населенія, такъ и для промышленности, не исключая военной, удобреніе, керосинъ, бензинъ, мазутъ, всѣ растительныя и животныя масла и вообще все потребное для производства глицерина, необходимаго для выработки взрывчатыхъ веществъ. Адмиралъ Консеттъ пишетъ: «Нуженъ былъ бы большой томъ, чтобы перечислить всѣ способы мошенничества, примѣнявшіеся для переотправки смазочныхъ маселъ». Эти масла шли, главнымъ образомъ черезъ Данію, а английская дипломатическая Миссія бездѣйствовала, несмотря на всѣ донесенія. Правительство въ Англіи знало и одобряло эту торговлю съ Германіей. Министръ снабженій Lloyd George цинично сказалъ Denis Cochin — представителю Франціи по блокадѣ: «Англія можетъ держаться только, когда имѣетъ возможность торговать».

Лишь подъ давленіемъ С. А. Штатовъ Англія была вынуждена нормировать вывозъ жировъ, считаясь съ цифрами 1911 — 1913 гг. Только послѣ этого, блокада стала дѣйствительною, и Германія начала нуждаться. По словамъ адмирала Консетта, «Дѣйствительная блокада, совмѣстно съ наложеніемъ эмбарго на британскій экспортъ 1915 — 1916, раздавили бы Германію до развала Россіи и до вступленія въ войну Румыніи». Комментаріи къ такому способу вести войну союзникомъ-Англіею излишни. Пусть читатель самъ судитъ.

Наше затруднительное положеніе еще усугублялось тѣмъ, что наши союзники перешли къ оборонѣ, добиваясь выигрыша времени для переустройства. Для возобновленія военныхъ дѣйствій въ большомъ масштабѣ Франціи пришлось больше считаться съ техническими требованіями современной войны, въ частности, по вооруженію тяжелою артиллеріею и считаться съ колоссальнымъ расходомъ снарядовъ. Англія-же поняла, что для выигрыша войны ей нужно выставить милліонную армію, что, однако, требовало не мало времени. Пока что, Франція, почти одна, должна была отстаивать положеніе на западномъ фронтѣ, протяженіемъ въ 600 км. Она умоляла и требовала продолженія энергичныхъ дѣйствій со стороны Россіи для отвлеченія съ западнаго фронта возможно больше германскихъ силъ. Какъ русское Правительство, такъ и Верховный Главнокомандующій союзникамъ въ этомъ не отказали, и честно исполняли свои союзническія обязательства, хотя наступательныя операціи превосходили наши силы и возможности. Съ переходомъ къ окопной войнѣ на западномъ фронтѣ германцы получили возможность усилить свой восточный фронтъ значительными подкрѣпленіями. Сильно развитая германская рельсовая сѣть мо-

гла, когда нужно было, перевозить эти войска съ молніеносной быстротой. Въ то же время мы могли образовать такіе резервы лишь выхватываніемъ войскъ изъ фронта. Неожиданное появленіе германскихъ стратегическихъ резервовъ могло коренным образомъ измѣнить бывшее до того времени соотношеніе силъ и образовать совершенно новую, невыгодную для насъ стратегическую обстановку, быстро разобраться въ которой бывало далеко не легко.

Что же касается чисто военной подготовки германской арміи, то она уже давно проводилась по тщательно разработанной программѣ и касалась не только мирнаго состава арміи, но и всего запаса чиновъ. Уже въ мирное время считались съ необходимостью, въ случаѣ войны, довести призывъ военно-обязанныхъ до 15% всего населенія страны. Новыя формированія предусматривались и были тщательно подготовлены. Чинопроизводство въ арміи производилось строго по заслугамъ и пригодности для занятія высшихъ, отвѣтственныхъ должностей.

Въ арміи была проведена одна общая, тщательно разработанная Германскимъ Генеральнымъ Штабомъ военная доктрина. Такъ сказать, начальники на всѣхъ инстанціяхъ въ военныхъ вопросахъ говорили общимъ языкомъ и другъ друга понимали съ полслова. Для характеристики приводимъ лишь нѣкоторыя ея положенія. Согласно германской военной доктринѣ огневой силѣ удѣлялось первостепенное значеніе. Только послѣ достиженія превосходства въ огнѣ считалось возможнымъ довести дѣло до штыковой атаки. Поэтому, пѣхота была богато снабжена пулеметами и новыми средствами для веденія войны. Артиллерія дивизій была весьма многочисленна, и послѣ опыта Японской войны снабжена батареями крупнаго калибра. Развѣдкѣ и связи удѣлялось громадное значеніе. Всѣ средства современной техники были использованы для богатаго снабженія матеріальной частью не только войскъ всѣхъ частей, но и различныхъ командъ таковой спеціальности. Воздухоплаваніе и радіотелеграфированіе уже до войны были прекрасно поставлены. Телефонная сѣть въ Восточной Пруссіи была проведена по подземнымъ проводамъ. Тактика войскъ опредѣленно проводила преимущество наступательныхъ дѣйствій передъ обороною. Маневру придавалось важнѣйшее значеніе, какъ весьма дѣйствительное средство для вступленія въ бой при возможно выгодныхъ для себя и опасныхъ для противника условіяхъ. Особенно обращалось вниманіе на быстроту исполненія. Не исключалась и возможность маневрированія съ отходомъ назадъ, если обстановка

болѣе не отвѣчала образовавшемуся положенію. Въ такихъ случаяхъ, однако, рекомендовалось при первой возможности перейти въ новое наступленіе послѣ достиженія болѣе выгоднаго исходнаго положенія.

Въ бытность Начальникомъ Генеральнаго Штаба генерала графа ф. Шлифена военная доктрина особенно тщательно пересматривалась. Дѣтищемъ его былъ маневръ съ обходомъ фланга или обоихъ фланговъ противника. Онъ противопоставилъ такія дѣйствія «движенію на выстрѣлы», которыя рутинно практиковались генералами старой школы въ войнахъ 1866 и 1870 — 1871 годовъ, когда эта рутина примѣнялась даже въ случаяхъ, что возможность была для выигрыша фланга или даже тыла противника.

Коротко говоря, германская военная доктрина, въ общемъ, сводилась къ нѣсколько забытому въ русской арміи завѣту Суворова «глазомѣръ, быстрота и натискъ».

Какъ видно, врагъ былъ опасный, и съ нимъ было не легко мѣриться силами, ибо обстановка часто мѣнялась съ такою быстротою, что при нашихъ скудныхъ средствахъ для оріентированія бывало трудно за нею услѣдить.

Недостатокъ въ русской арміи современныхъ техническихъ средствъ развѣдки и связи чрезвычайно затруднялъ управленіе войсками, а слѣдовательно, и маневрированіе и веденіе боя. Мы могли пользоваться почти исключительно лишь свѣдѣніями, добываемыми войсками. Противникъ владѣлъ воздухомъ и былъ въ немъ полнымъ хозяиномъ.

Вслѣдствіе малаго умѣнія и опытности въ пользованіи техническими средствами, какъ результатъ слишкомъ бережливаго въ мирное время отношенія къ матеріальной части, естественно, хромала и связь между войсками и ихъ начальниками на всѣхъ инстанціяхъ.

Грустно думать о томъ, что, какъ пишетъ нашъ бывшій Министръ Финансовъ Графъ Коковцовъ въ своемъ трудѣ «Изъ моего прошлаго», въ рукахъ Военнаго Министра оставалось въ послѣдніе два года передъ войной свыше 250 милліоновъ рублей, которые онъ не могъ своевременно израсходовать изъ-за совершенной неготовности всей организаціи къ исполненію массовыхъ заказовъ новаго вооруженія.

Въ то же время онъ откладывалъ уже рѣшенное въ 1914 г. формированіе новыхъ корпусовъ и кавалерійскихъ полковъ къ 1915 году.

Необходимо отмѣтить еще одно обстоятельство, о существо-

ваніи котораго мы долго не подозрѣвали, но которое часто имѣло рѣшающее значеніе въ пользу противника при операціяхъ и маневрахъ. Тайна передачи нашихъ оперативныхъ распоряженій, а равно и сношеній между командными инстанціями не была достаточно обезпечена. Значеніе этого обстоятельства весьма вѣрно оцѣнивается генераломъ Людендорфомъ въ его «Военныхъ Воспоминаніяхъ», гдѣ онъ пишетъ:

«Чрезвычайно трудно получать точныя свѣдѣнія о противникѣ, а въ особенности, своевременно; иначе было бы не такъ ужъ трудно дѣйствовать, даже при болѣе слабыхъ силахъ. При Танненбергѣ намъ повезло».

Бывшій его сотрудникъ по Штабу, генералъ Гофманъ въ своихъ «Запискахъ» признаетъ, что это «счастіе» продолжалось и дальше. Исторія Германскаго Государственнаго Архива «Міровая Война 1914 — 1918 г.» даетъ частыя ссылки на содержаніе перехваченныхъ нашихъ радіотелеграммъ. Мощная радіостанція въ Кенигсбергѣ перехватывала наши радіотелеграммы, которыя расшифровывались двумя спеціалистами Министерства Иностранныхъ Дѣлъ при Штабѣ. У насъ подобной организаціи не было. Точно также, Германская тайная развѣдка внутри Россіи существовала уже давно и была богато снабжена деньгами, въ то время какъ наша развѣдка и контръ-развѣдка были сорганизованы незадолго до войны при совершенно недостаточныхъ денежныхъ средствахъ. Безъ словъ понятно, какое преимущество противникъ имѣлъ для своего освѣдомленія передъ нами, и насколько притакихъ условіяхъ наше положеніе было тяжелымъ, чтобы не сказать трагическимъ *).

Послѣ Японской войны въ русской арміи была прекрасно понята отсталость всей нашей военной системы и доктрины. Назначенный послѣ войны 1904—1905 г. военнымъ министромъ даровитый генералъ Редигеръ сразу приступилъ къ кореннымъ реформамъ и пригласилъ авторитетныхъ, способныхъ сотрудниковъ.

Тѣ способы, которыми генералъ Редигеръ пытался провести необходимыя реформы и достигнуть выработки и распространенія въ арміи одной общей военной доктрины, а равно его мѣры для подбора подходящихъ лицъ для старшихъ командныхъ должностей, къ сожалѣнію, не нашли сочувствія его замѣстителя, генерала Сухомлинова, несмотря на горячее желаніе мыслящихъ элементовъ въ арміи. Но жажда знанія осталась и само-

*) Секретъ успѣха многихъ Наполеоновскихъ войнъ и операцій крылся въ удачной организаціи тайной развѣдки. То же самое повторилось и на Западномъ фронтѣ въ пользу союзниковъ въ послѣдній годъ Міровой войны.

стоятельно пробилась въ рядахъ нашей арміи. Поэтому и получилось, что къ началу Міровой войны войска, въ общемъ, были прекрасно подготовлены, за то управленіе ими часто было не на должной высотѣ. Подготовка многихъ старшихъ начальниковъ къ началу войны была недостаточна, и назначенія на старшія должности носили случайный характеръ.

Конечно, болѣе чѣмъ трудно въ мирное время судить о военныхъ дарованіяхъ и волевыхъ качествахъ того или другого начальника. Но можно и нужно въ мирное время провѣрять ихъ знанія, чтобы судить о степени опытности и пониманія военнаго дѣла и насколько они слѣдятъ за его развитіемъ. Генералъ Лееръ всегда твердилъ своимъ ученикамъ, что шагъ отъ знанія къ умѣнію меньше, чѣмъ отъ незнанія къ умѣнію. Война, затѣмъ, уже является новою, хотя не безошибочною переоцѣнкою ихъ пригодности къ дѣлу.

Вопросъ о продвиженіи подходящихъ лицъ на должности старшихъ начальниковъ былъ рѣшенъ не вполнѣ удовлетворительно не только у насъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ арміяхъ. Такъ, во Франціи, Главнокомандующій генералъ Жоффръ особенно круто принялся за «чистку» арміи отъ неподходящихъ элементовъ. Послѣ перваго мѣсяца войны онъ удалилъ изъ арміи 60 генераловъ съ назначеніемъ имъ до конца войны безвыѣзднаго жительства въ г. Лиможѣ.

Изложенныя въ настоящемъ трудѣ операціи на С. З. фронтѣ состоялись для насъ при тяжелыхъ и грозныхъ условіяхъ. Вышеизложенныя обстоятельства общаго характера, поэтому, при оцѣнкѣ рѣшеній и дѣйствій, должны служить краеугольнымъ камнемъ при сужденіяхъ о не всегда удачныхъ операціяхъ, которыя нами разсматривались выше, преимущественно съ чисто оперативной точки зрѣнія.

Для полученія болѣе полной картины намъ нужно еще сопоставить наши способы дѣйствія и операціи съ германскими и удѣлить нѣсколько больше вниманія стратегическимъ вопросамъ этого періода борьбы.

Изслѣдуя операціи зимняго періода 1915 года на С.-Зап. фронтѣ, естественно возникаетъ вопросъ, въ чемъ же заключается главная причина нашего неуспѣха, связаннаго, кромѣ того, со столь крупными потерями для нашихъ прекрасныхъ войскъ? Не задумываясь, можно отвѣтить: въ недостаточности нашего маневра и въ несознаніи нѣкоторыми начальниками важности этого могучаго средства для достиженія цѣли. Нѣмецкіе начальники отлично понимали нашу слабость въ этомъ отношеніи и

часто позволяли себѣ рискованныя дѣйствія, расчитывая на нашу пассивность, или какъ они выражались «тяжеловѣсность».

Для примѣра, разсмотримъ сперва нѣсколько глубже образовавшуюся къ концу января 1915 года обстановку на С.-Зап. фронтѣ, въ частности на Восточно-Прусскомъ участкѣ.

За время сильныхъ осеннихъ боевъ на лѣвомъ берегу Вислы, обѣ воюющія стороны привлекали изъ Восточной Пруссіи всѣ тѣ войска, безъ которыхъ, по мѣстной обстановкѣ, считалось возможнымъ обойтись.

Въ результатѣ получилось, что какъ съ германской, такъ и съ русской стороны, на Восточно-Прусскомъ участкѣ борьбы число войскъ было значительно ослаблено. Здѣсь у обоихъ противниковъ, фланги расположенія являлись слабыми мѣстами въ случаѣ наступленія противника въ достаточныхъ силахъ для использованія положенія.

На этой чувствительности фланговъ противника, обѣ стороны построили свои планы. Однако, нашъ планъ дѣйствій былъ расчитанъ на приведеніи въ исполненіе лишь во второй половинѣ февраля. Въ то же время, германцы имѣли возможность предупредить насъ наступленіемъ двумя недѣлями раньше, съ соблюденіемъ скрытности подвоза подкрѣпленій. Но уже раньше состоялась сильная демонстрація противъ Варшавы для отвлеченія нашего вниманія отъ совершающагося въ Восточной Пруссіи сосредоточенія подкрѣпленій, въ размѣрѣ 9½ пѣх. и 1 кав. дивизій, противъ нашей 10-ой арміи, не говоря о 2-хъ дивизіяхъ для прикрытія праваго фланга. Такимъ образомъ, противникъ успѣлъ раньше насъ добиться нужнаго превосходства силъ для приступа къ маневру обхода обоихъ фланговъ. При наличіи въ составѣ нашей 10-ой арміи 17 дивизій, какъ было въ октябрѣ и въ ноябрѣ, еще можно было считать выдвинутое впередъ положеніе 10-ой арміи вполнѣ обезпечивающимъ флангъ и сообщенія армій С.-Зап. фронта, но съ ослабленіемъ этой арміи до 11 дивизій, положеніе измѣнилось. Шаткость положенія вытекала еще изъ того обстоятельства, что изъ 11 ея дивизій — три являлись гарнизонами крѣпостей Ковны и Осовца и, вдобавокъ, были расположены на флангахъ арміи, несмотря на то, что ихъ маневренная возможность была ограничена необходимостью, во всякомъ случаѣ, успѣть вернуться въ районы своихъ крѣпостей и ни въ коемъ случаѣ, не быть отрѣзанными отъ нихъ, такъ какъ главная оборонительная линія для охраны нашихъ сообщеній С.-Зап. фронта и безъ того была слабо и даже вовсе не занята войсками.

Въ Гроднѣ и въ Олитѣ не было гарнизоновъ, о которыхъ стоило бы говорить. Казалось бы, что 10-ая армія была обязана снабдить и эти крѣпости гарнизонами. При такихъ условіяхъ, въ случаѣ нашего отступленія, маневренная сила 10-ой арміи вѣрнее опредѣлялась числомъ не 11 дивизій, а всего только 5—6-ти.

Верхи нашего командованія фронта были твердо увѣрены въ томъ, что главное вниманіе германцевъ обращено на Варшаву и со стороны лѣваго берега Вислы. Демонстрація противъ Варшавы именно съ этой стороны рѣки еще болѣе укрѣпляла такое ихъ убѣжденіе. Особенно опасаться наступленія со стороны Млавы не приходилось. На этотъ случай у насъ около Варшавы было сгруппировано столько войскъ, что быстрый отпоръ могъ считаться вполнѣ возможнымъ. Въ концѣ концовъ, значеніе Варшавы было лишь условное.

Другое было бы дѣло, если германцамъ неожиданнымъ наступленіемъ превосходными силами удалось бы на голову разбить или даже окружить нашу 10-ую армію, съ выходомъ затѣмъ на Бѣлостокъ противъ нашихъ сообщеній. Такой успѣхъ противника могъ бы заставить насъ отвести назадъ весь нашъ фронтъ. Поэтому, такой ударъ угрожалъ серьезными стратегическими послѣдствіями, передъ которыми значеніе Варшавы блѣднѣло. Его слѣдовало особенно опасаться и нужно было серьезно считаться именно съ такою возможностью.

Для этого, казалось, было бы необходимымъ еще до сосредоточенія 12-ой арміи имѣть на готовѣ, какъ бы въ роли «дежурной части», выведенные скрыто въ резервъ нѣсколько корпусовъ для быстрой перевозки и контръ-удара во флангъ противника, въ случаѣ такого опаснаго для сообщеній наступленія. Во всякомъ случаѣ, опредѣленно можно было сказать, что, до сосредоточенія арміи со стороны Ломжи, нельзя было рисковать боеспособностью и цѣлостью 10-ой арміи. Въ случаѣ угрожающей опасности, нужно было бы возможно скорѣе отвести 10-ую армію назадъ, дабы не потерять возможности выполнить основную ея задачу — служить живою силою для обороны укрѣпленныхъ крѣпостями линій рѣкъ Нѣмана и Бобра и затѣмъ, совмѣстно съ 12-ой арміей, перейти въ общее наступленіе. Вѣдь стоило бы только подумать о томъ, что всѣ крѣпости этихъ линій были вовсе безъ гарнизоновъ. Нѣсколько только что сформированныхъ дружинъ и запасныхъ ротъ не могутъ считаться гарнизонами важныхъ крѣпостей.

Или генералъ Сиверсъ не сознавалъ этого положенія, или онъ не сумѣлъ съ достаточной убѣдительностью отстоять эту точку

зрѣнія. Онъ лишь высказалъ свои опасенія, какъ бы арміи не быть обойденною и разбитою, какъ это случилось въ самомъ началѣ войны съ арміями генераловъ Самсонова и Ренненкампфа. Какъ мы видѣли, это его опасеніе было оставлено безъ вниманія и отвѣта.

Германское наступленіе въ обходъ фланговъ ясно обозначилось уже 8-го февраля. Составъ обходившихъ армію германскихъ войскъ уже было точно установлено нашею войсковой развѣдкою. По оперативнымъ соображеніямъ быстрый отходъ всею арміею являлся единственнымъ правильнымъ рѣшеніемъ. Такой образъ дѣйствія въ еще большей степени требовался по стратегическимъ соображеніямъ, такъ какъ во что бы то ни стало нужно было не дать противнику возможности двинуться на Бѣлостокъ. Быстрымъ отходомъ на Нѣманъ 10-ая армія угрожала бы всѣми 11 дивизіями флангу такого наступленія. Германскій планъ операціи превратился бы въ ударъ по воздуху, пока его командованіе не разобралось въ новой сложившейся обстановкѣ. Кромѣ того, сообщенія германской ударной группы удлинились бы на лишнія 100 верстъ и являлись бы благодарнымъ объектомъ, какъ для дѣйствій 12-ой арміи такъ и другого возможнаго наступленія на Хоржеле съ цѣлью обрушиться на сообщенія противника въ глубокомъ тылу.

Вмѣсто быстраго рѣшенія отвести 10-ую армію на Нѣманъ, мы видимъ ,какъ генералы Рузскій и Сиверсъ руководствовались не стратегическими и оперативными соображеніями, а лишь желаніемъ во что бы то ни стало задержать темпъ отхода, т.-е. по причинамъ второстепенной важности, которыя никакъ не могутъ служить оправданіемъ весьма серьезнаго пораженія цѣлой арміи съ массою человѣческихъ и матеріальныхъ жертвъ. Эти требованія отходить не иначе какъ съ боями съ позиціи на позицію даже сильно напоминали Куропаткинскую тактику въ Японскую войну. Выходитъ, что отходъ назадъ, даже вполнѣ мотивированный, у насъ еще считался не маневромъ, а чуть ли не постыднымъ актомъ. Другого объясненія нѣтъ тому суровому осужденію, которому подвергся весьма испытанный въ военномъ дѣлѣ генералъ Епанчинъ за свой самостоятельно произведенный отходъ. Отходъ съ боями, конечно, оправдывается во многихъ случаяхъ, но только не при сильной угрозѣ глубокаго обхода фланга.

Припомнимъ еще одинъ эпизодъ ошибочнаго вожденія арміи при отходѣ. Когда 11-го февраля генералъ Рузскій согласился на предоставленіе 10-ой арміи свободы дѣйствовать по обста-

новкѣ, генералъ Сиверсъ воспользовался этимъ лишь для отхода на востокъ XX-мъ корпусомъ, а группа генерала Радкевича была оставлена еще на два дня около Лыка въ горячихъ схваткахъ съ противникомъ. Такое отстаиванiе Лыка никакъ не оправдывалось ни стратегическими, ни оперативными соображенiями. Съ точки зрѣнiя этихъ соображенiй, удержанiе Лыка еще два дня являлось ошибкой, которая причинила разрывъ общаго фронта армiи, и на два дня задержала появленiе группы Радкевича у Августова. Вмѣсто 15-го февраля, она была бы на мѣстѣ 13-го числа. Принимая во вниманiе, что XX-ый корпусъ одновременно 13-го февраля былъ около Сувалокъ и что германская 10-ая армiя въ этотъ день лишь медленно подходила къ дорогѣ Сувалки—Сейны, за исключенiемъ 1 роты и 2 эскадроновъ, высланныхъ форсированнымъ маршемъ въ Сейны — ясно, что вся наша 10-ая армiя имѣла бы съ лихвою время и безъ боевъ, не только 13-го февраля начать отходъ за Бобръ, но и форсированнымъ маршемъ занять Сопоцкинъ уже 14-го февраля войсками, назначенными для составленiя гарнизона крѣпости Гродно.

Совокупность всѣхъ распоряженiй командованiя нашей 10-ой армiей, какъ-то: задержка съ началомъ отхода, разсматриванiе обхода праваго фланга какъ демонстрацiя, упорство непремѣнно отходить на Нѣманъ вмѣсто уклоненiя XX-го корпуса на юго-востокъ, задержка группы Радкевича лишнiе два дня около Лыка, и въ концѣ концовъ данное XX-му корпусу направленiе для отхода на Сопоцкинъ — служили причиною массы безцѣльныхъ боевъ и катастрофы, безъ которыхъ, какъ мы видѣли, можно было бы вовсе обойтись. Генералъ Сиверсъ, очевидно, не далъ себѣ отчета въ томъ, что при маневрированiи назадъ нужны планомѣрность движенiя и быстрота во имя избѣжанiя боевъ и достиженiя того новаго положенiя, которое даетъ возможность перегруппироваться, пока не сложится та новая обстановка, во имя которой мы временно отказались отъ сопротивленiя. Отходъ 10-ой армiи совершался съ нарушенiемъ планомѣрности движенiя. Войска поэтому сильно утомлялись; обозы терялись; войска голодали... Поэтому было и большое количество отсталыхъ, даже больше, чѣмъ отъ потерь въ бояхъ.

Возможно что ошибаемся, но упорное утвержденiе генерала Сиверса, что обходъ праваго фланга является лишь демонстрацiей, и его же весьма странное заявленiе генералу Булгакову, что XX корпусъ къ сѣверу отъ Сувалокъ имѣетъ шансъ разбить противника, который еще въ теченiи двухъ дней слабѣе XX-го корпуса — наводитъ на мысль, не попалось-ли командованiе 10-ой

арміей въ сѣти германской тайной организаціи по распространенію ложныхъ свѣдѣній *), такъ какъ полк. Мясоѣдовъ состоялъ въ 10-ой арміи, то это весьма возможно. Вѣдь до конца процесса по дѣлу послѣдняго, онъ такъ и не объяснилъ содержаній той условной переписки съ лицами въ пограничныхъ пунктахъ, которая у него была найдена.

О дѣйствіяхъ генерала Булгакова все уже сказано выше. Яркою звѣздою выступаетъ личность генерала Радкевича, который образцово велъ свою группу въ эту операцію, выявляя полное сознаніе важности маневра, а главное умѣлъ маневрировать.

Несмотря на все вышеизложенное, 10-ой арміи все-же удалось избѣжать намѣченнаго противникомъ окруженія у Августова и Сувалокъ.

Окруженіе нашей 10-ой арміи противникомъ можно считать технически неудавшимся по двумъ главнымъ причинамъ. Во-первыхъ, вслѣдствіе первоначальнаго разстоянія между обходившими группами въ 180 верстъ нѣмцамъ не удалось согласовать дѣйствія своихъ двухъ армій для достиженія смычки кольца окруженія. Мы же имѣли достаточное пространство и, слѣдовательно, и время уклониться отъ ударовъ обходившаго насъ противника. Во-вторыхъ, изъ-за даннаго Штабомъ Гинденбурга повторнаго указанія командующимъ арміей о важности добиваться тактическихъ успѣховъ, не увлекаясь стратегически важными, но дальними обходами. Кромѣ того, путь для обхода черезъ Тайно вслѣдствіе оттепели оказался непроходимымъ для крупныхъ частей войскъ.

Между тѣмъ, трудность согласовать смычку кольца окруженія, скорѣе всего, требовала-бы какъ разъ обратнаго со стороны Командующаго германской 10-ой арміей. Положеніе у насъ въ тылу было бы крайне опаснымъ, если къ 15-му февраля двѣ или три лѣво-фланговыя дивизіи этой арміи, двинутыя вѣеромъ черезъ Августовскій лѣсъ, успѣли-бы преградить отходъ III Сиб. и XXVI Корпусовъ, отходившихъ черезъ Августовъ и южнѣе, черезъ каналъ.

Вмѣсто этого, двѣ трети германской 10-ой арміи и все вниманіе сосредоточились противъ нашего XX-го корпуса у Сувалокъ, такъ сказать, въ одну точку. Своевременный уходъ нашего XX-го корпуса ночью на 15-ое февраля не далъ противнику на-

---

*) Въ воспоминаніяхъ генерала Людендорфа упоминается о существованіи такой организаціи, которая по отзыву генерала «хорошо поработала» въ эту операцію.

мѣченнаго тактическаго успѣха, а главное, время было потеряно для окруженія прочихъ нашихъ корпусовъ. Маневръ окруженія всей нашей 10-ой арміи, поэтому, кончился неуспѣхомъ для противника. Нельзя забывать и того, что обѣ германскія арміи, какъ-то съ 15-го февраля пріостановили свои операціи въ крупномъ масштабѣ противъ насъ. Нами высказано мнѣніе, что причина крылась въ опасеніяхъ, внушаемыхъ извѣстіями о сосредоточеніи нашихъ войскъ на Ломжинскомъ направленіи и около Олиты.

Въ концѣ концовъ, только вслѣдствіе бездѣятельности генерала Сиверса послѣ 14-го февраля и необдуманнаго движенія нашего XX-го корпуса на Сопоцкинъ, а равно неожиданно удачной для нѣмцевъ отправки 31-ой дивизіи для занятія Сопоцкинской позиціи, нѣмцамъ удалось преградить подходъ нашего XX Корп. къ Нѣману и къ Гроднѣ и приступить къ новому плану для его окруженія.

Хотя гибель XX-го корпуса явилась глубоко печальнымъ событіемъ, но онъ принялъ на себя весь ударъ 10-ой германской арміи, которая потеряла значительное время (почти недѣлю) для выполненія главной поставленной задачи — форсированіе рѣки Бобра съ выходомъ къ Бѣлостоку. За это время мы успѣли организовать оборону рѣки и принять контръ-мѣры противъ праваго фланга противника. Критическій моментъ лишь отчасти разрѣшился въ нашу пользу. Искупительной жертвой являлся XX-ый корпусъ.

Хотя окруженіе, оперативно говоря, не удалось, вся эта операція, тѣмъ не менѣе, по своимъ стратегическимъ послѣдствіямъ, привела къ весьма важнымъ результатамъ. Мы были вынуждены отойти за линіи рѣкъ Нѣмана и Бобра, а крѣпость Гродна оказалась въ опасности быть захваченною. Вержболовская и Щучинская группа были разбиты, а XX-ый корпусъ погибъ. Морально и матеріально мы очень пострадали. Кредитъ и престижъ Германіи еще возросъ. Сильно преувеличенныя сообщенія и захватъ въ плѣнъ, якобы, всей 10-ой арміи, были разосланы во всѣ страны.

Нельзя не признать наступленіе фельдмаршала Гинденбурга противъ нашей 10-ой арміи, съ намѣреніемъ ее окружить, неслыханною смѣлостью. Вѣдь, эта операція удлинила слабо охраняемый его правый флангъ и сообщенія еще на добрые 4 перехода. Она совершалась при наличія около Варшавы громаднаго количества русскихъ войскъ, значительная часть которыхъ могла быть брошена противъ растянутаго и пока слабо охра-

няемаго его праваго фланга, и поставить германцевъ въ очень опасное положеніе. Рискованность германскаго наступленія увеличивалась по мѣрѣ ухода дальше на востокъ. Кромѣ того, для доведенія окруженія до конца нужно было, по меньшей мѣрѣ, 7—8 дней времени. За такой срокъ русскіе имѣли-бы возможность, при своевременномъ установленіи преслѣдуемой противникомъ цѣли, уклониться отъ удара. Дальше, нельзя было впередъ учесть погоды, состоянія дорогъ, болотъ и озеръ, крѣпости льда на рѣкахъ и прочихъ случайностей, которыя въ неблагопріятномъ смыслѣ могли бы оказывать вліяніе на успѣхъ этого сложнаго маневра окруженія.

Несмотря на весь этотъ рискъ противникъ, тѣмъ не менѣе, рѣшился на эту операцію, расчитывая на «тяжеловѣсность» русскихъ. Надо полагать, что онъ въ это понятіе «тяжеловѣсность» вкладывалъ всѣ наши дефекты по развѣдкѣ и связи, отсутствіе годнаго воздушнаго флота и дивизіонной и корпусной конницы и, въ концѣ концовъ, слабое развитіе желѣзно-дорожной сѣти для быстрыхъ перевозокъ подкрѣпленій. Фельдмаршалъ не сомнѣвался въ успѣхѣ своего наступленія. Если онъ расчитывалъ и на моральный эффектъ отъ быстраго появленія его войскъ у береговъ Нѣмана и Бобра, то онъ былъ правъ.

Растерявшееся командованіе 10-ой арміи не сумѣло къ концу дня 16-го февраля освѣдомить Штабъ Фронта о возможности отойти за Бобръ. Генералъ Рузскій получилъ впечатлѣніе, что положеніе арміи было даже «безнадежнымъ». Имѣя въ виду уже раньше выявившееся неудовлетворительное освѣдомленіе командованія 10-ой арміи, можетъ быть, было бы умѣстнымъ тутъ потребовать принятія энергичныхъ мѣръ для болѣе точнаго и обоснованнаго выясненія обстановки въ собственныхъ войскахъ. Въ самомъ дѣлѣ, день 16-го февраля являлся окончательнымъ переломомъ къ лучшему для 10-ой арміи.

Какъ мы видѣли выше, наше положеніе у Августова и южнѣе, на каналѣ было вполнѣ прочно: III Сиб. корпусъ въ этотъ день переправлялся у Штабина за Бобръ. Полная возможность существовала для XXVI-го корпуса ночью на 17-ое февраля слѣдовать за III Сибирскимъ корпусомъ. XX-ый корпусъ, оторвавшись 15-го февраля отъ противника около Сувалокъ, 16-го февраля успѣшно у деревни Махарцы съ боемъ открылъ себѣ путь на Горчицу, послѣ того какъ стало яснымъ, что продолжать движеніе на Сопоцкинъ черезъ Гиби было бы неразумно. Поздно вечеромъ того же дня этотъ корпусъ выступилъ для переправы черезъ Августовскій каналъ у Горчицы съ

тѣмъ, чтобы свернуть на Сопоцкинъ. Далѣе, извѣстно было, что 16—17-го февраля въ Гродну прибываетъ изъ Вержболовской группы Сводный полкъ 27 дивизіи, 1 полкъ 57 дивизіи, а 1 и 3 кавалерійск. дивизіи изъ Олиты. Вмѣстѣ съ Сводной бригадой генерала Россійскаго и бригадою 28-ой дивизіи, такимъ образомъ въ районѣ Новаго Двора—Липска собиралось 23 батальона изъ коихъ 11 батальоновъ 28-ой дивизіи.

Тревожнымъ событіемъ 16-го февраля несомнѣнно являлось занятіе противникомъ Сопоцкинской сильно укрѣпленной передовой позиціи крѣпости Гродны, которая все еще кромѣ 4—6 батальоновъ ополченія и запасныхъ, гарнизона не имѣла. Другою причиною тревоги являлось отсутствіе отвѣта со стороны XX-го корпуса на вызовы армейской радіо-станціи, а корпусъ другими способами ничего не далъ знать о своихъ дѣйствіяхъ послѣ полуночи съ 14-го на 15-ое февраля, когда онъ сообщилъ въ штабы арміи и XXVI корпуса о своемъ движеніи 15-го февраля на Махарцы—Гибы—Сопоцкинъ.

При такихъ обстоятельствахъ уже ночью на 16-ое февраля при извѣстіи о занятіи Сопоцкина противникомъ, какъ было по телеграфу не приказать III-му Сибирскому корпусу немедленно выслать офицерскій разъѣздъ по пути слѣдованія XX-го корпуса для сообщенія ему столь важнаго свѣдѣнія, съ приказаніемъ спѣшно свернуть на переправу у Каменной для перехода на лѣвый берегъ Бобра. Установивъ, такимъ образомъ связь съ XX-мъ корпусомъ, генералъ Сиверсъ могъ бы уже 17-го февраля включить всю группу въ 23 батальона у Липска—Нов. Двора въ составъ гарнизона крѣпости Гродны.

Мы умышленно привели всѣ эти детали въ доказательство того, что не было основаній 16-го февраля къ тревогѣ за положеніе 10-ой арміи. Была бы лишь энергія у генерала Сиверса и все было бы сорганизовано 17-го февраля собственными силами 10-ой арміи, какъ для обороны рѣки Бобра, такъ и для защиты крѣпости Гродно.

Ничего подобнаго не случилось. На основаніи казавшагося «безнадежнымъ» положенія 10-ой арміи было рѣшено 17-го февраля собрать старшихъ начальниковъ для совѣщанія въ Сѣдлецѣ. Въ основаніе обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ были положены эти, еще не провѣренныя тревожныя свѣдѣнія о собственныхъ войскахъ. Поэтому, принятыя рѣшенія уже вечеромъ того-же дня не отвѣчали дѣйствительной обстановкѣ, такъ какъ выяснилось, что въ этотъ же день для обороны рѣки Бобра на участкѣ отъ Гродны до Двуглы собралось 6 дивизій, что можно

было считать вполнѣ достаточнымъ при существовавшей оттепели. Однако, мѣстопребываніе XX-го корпуса еще не выяснилось, а крѣпость Гродна все еще оставалась безъ гарнизона.

Утвержденное на совѣщаніи рѣшеніе о сосредоточеніи особой арміи въ 7 корпусовъ у Бѣлостока и Соколки само собою отпало. Было оставлено въ силѣ лишь распоряженіе о перевозкѣ II и XV корпусовъ не на Ломжинскій фронтъ, а въ Бѣлостокъ и Гродну, съ назначеніемъ этихъ корпусовъ для обороны Гродны. Полторы дивизіи Гвардіи были повернуты обратно съ пути слѣдованія — на Ломжинскій участокъ, но 12-ая армія все еще оставалась въ слабомъ составѣ вслѣдствіе даннаго II и XV корпусамъ новаго назначенія.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ доклада генерала Рузскаго о «безнадежномъ» положеніи 10-ой арміи 16-го февраля, въ Ставкѣ сложилось впечатлѣніе о непосредственной опасности для сообщеній армій фронта, вслѣдствіе чего, она потребовала принятія спѣшныхъ мѣръ для ихъ охраны. Однако, рѣшенныя на Сѣдлецкомъ совѣщаніи мѣры являлись чисто поссивно-оборонительнаго характера и являлись отказомъ отъ контръ-маневра во флангъ противника для выпрямленія положенія. Между тѣмъ, уже принятыя генераломъ Рузскимъ мѣры по сосредоточенію 12-ой арміи на Ломжинскомъ участкѣ дали бы возможность уже 17-го февраля наступать 10½ дивизіями противъ фланга и сообщеній противника. Подъ вліяніемъ такого удара противникъ и думать не могъ о продолженіи своей операціи противъ Гродны и для форсированія Бобра ранѣе ликвидаціи нашего наступленія, противъ котораго пришлось бы выдѣлить не мало войскъ изъ ударной противъ Бобра группы. Нашей 10-ой арміи была бы возвращена свобода дѣйствій, а, главное, иниціатива перешла-бы въ наши руки. Предложенная генераломъ Рузскимъ грандіозная переброска войскъ съ лѣваго берега на правый дала бы намъ, кромѣ того, возможность черезъ нѣсколько дней послѣ начала наступленія 12-ой арміи образовать сильный резервъ и усилить I-ую армію четырьмя корпусами для наступленія противъ Хорҗеле, съ цѣлью, между прочимъ, открыть дорогу для вторженія на сообщенія противника нашихъ кавалерійскихъ массъ.

Такія, энергично веденныя наступательныя дѣйствія, при которыхъ дѣйствія противника лишь учитываются, дали бы непосредственные для насъ результаты. Они принудили бы германцевъ отойти отъ Нѣмана и Бобра на западъ, и ближайшая цѣль была бы достигнута, разсѣявъ всѣ страхи за наши собст-

венныя сообщенія. Возможность явилась бы поставить вполнѣ конкретныя задачи нашимъ арміямъ, оставаясь въ рамкахъ стратегической обороны. Обязательно нужно было оттѣснить противника обратно въ собственные предѣлы и образовать для 10-ой арміи новый фронтъ, который былъ бы обезпеченъ отъ внезапнаго обхода, въ родѣ только что совершеннаго противникомъ.

Вмѣсто такого образа дѣйствій, мы сперва рѣшили задачу за противника и только въ зависимости отъ его дѣйствій принимали наши рѣшенія. Недопустимость такого мышленія, къ сожалѣнію, въ эту операцію выявилась особенно рельефно и пагубно, и стоила намъ много напрасно пролитой крови. Такой методъ покоится на весьма зыбкомъ основаніи — что сдѣлаетъ противникъ. Нормальное явленіе на войнѣ, что объ этомъ узнаемъ послѣ событій, а что до того можно только догадываться.

Послѣдствія отъ неудачныхъ рѣшеній Сѣдлецкаго совѣщанія сказались весьма быстро.

Хотя 10-ая армія смогла отойти за Бобръ, XX-ый корпусъ все-же оставался на правомъ берегу. На этотъ корпусъ обрушилась почти вся германская 10-ая армія. По словамъ германской «Исторіи Міровой Войны 1914—1918 г.» — «Послѣ геройской обороны этотъ корпусъ 21-го февраля погибъ». Противникъ, кромѣ того, имѣлъ возможность оставить свою 10-ую армію противъ Гродны и Бобра въ теченіе еще 2-хъ недѣль съ лишнимъ, за какое время онъ успѣлъ подготовить укрѣпленную позицію отъ Бобра въ общемъ направленіи впереди линіи Августовъ—Сувалки—Кальварія—Маріамполь.

На Ломжинскомъ участкѣ противникъ получилъ возможность упрочить свое положеніе противъ слабо занятой нами Сипніевской позиціи. Несмотря на возвращеніе съ пути 1½ грардейскихъ дивизій, на прибытіе взамѣнъ взятыхъ корпусовъ двухъ другихъ и на послѣдовательное затѣмъ усиленіе 12-ой арміи еще 3-мя корпусами, оказалось слишкомъ поздно, чтобы тутъ добиться успѣха.

Но печальнѣе всего было то, что изъ-за напраснаго страха за Бѣлостокъ, 17-го февраля были израсходованы всѣ тѣ подкрѣпленія, которыя успѣли быть притянуты отъ Варшавы, за исключеніемъ I-го и II-го Сиб. корпусовъ, и произошла задержка въ перевозкѣ прочихъ намѣченныхъ подкрѣпленій. Когда затѣмъ обозначилось наступленіе германскаго 1-го Р. корпуса противъ Прасныша, гдѣ по мнѣнію генерала Рузскаго должна была рѣшиться «участь всей войны», то онъ, въ рѣшительную минуту могъ располагать лишь этими послѣдними двумя корпусами для

усиленія 1-ой арміи. Наши войска у Прасныша добились успѣха, но до конца мѣсяца, за неимѣніемъ на готовѣ резервовъ, не могли развить наступленія. Затѣмъ было уже поздно. Противникъ успѣлъ принять контръ-мѣры. Мы потеряли время и дальнѣйшему нашему наступленію былъ положенъ предѣлъ, такъ же какъ на остальномъ фронтѣ. Вотъ, результатъ неправильнаго оперативнаго метода мышленія. Какъ видно, наша стратегія въ данномъ случаѣ не сумѣла поставить наши арміи въ выгодныя для наступленія условія.

Все говоритъ за то, что нѣмцы понимали опасность своего положенія. Какъ только выяснился неблагопріятный исходъ Праснышской операціи, Фельдмаршалъ Гинденбургъ 27-го февраля отдалъ приказъ пріостановить форсированіе Бобра, и наступленіе на Гродну, и указывалъ на предстоявшій отходъ на тыловую позицію. Ни утомленіе войскъ, ни трудности операціи, ни невозможность подвезти крупнокалиберную артиллерію къ Бобру и прочія обстоятельства не играли тутъ роли; важнѣйшею причиною являлась необходимость быть на готовѣ и выдѣлить подкрѣпленія, а, можетъ быть, и совсѣмъ отвести на западъ 10-ую армію на случай нашего успѣха противъ растянутаго фланга. Вѣдь, приказъ фельдмаршала былъ отданъ въ день выяснившейся полной неудачи 27-го февраля Праснышской операціи, за исходомъ которой фельдмаршалъ слѣдилъ съ тревогою.

Въ дальнѣйшихъ операціяхъ можно установить, какое значеніе противникъ придавалъ именно Млавскому направленію. Такъ, къ 20-мъ числамъ марта, соотношеніе силъ на общемъ фронтѣ выразилось слѣдующими цифрами, по числу дивизій:

Русскія Арміи впереди Варшавы:		**Германскія Арміи впереди Варшавы:**	
2-я и 5-ая Армія	**15 дивизій**	**Гер. 9-ая Армія**	**10 дивизій**
На правомъ берегу Вислы:		**На правомъ берегу Вислы:**	
1-ая армія	**16 дивизій**	**Ар. ген. Гальвица**	**15 дивизій**
12 ая армія	**15 „**	**8-ая армія**	**6½ „**
10-ая армія	**12½ „**	**10-ая армія**	**7 „**
	58½ див.		**38½ див.**

Изъ этихъ цифръ видно, что противникъ числомъ дивизій былъ въ одинаковыхъ съ нами силахъ на Млавскомъ участкѣ, но онъ обладалъ почти вдвое сильнѣйшей артиллеріей, съ большимъ количествомъ орудій крупнаго калибра.

Эта таблица интересна и въ отношеніи нѣкоторыхъ другихъ выводовъ.

Генералъ Головинъ, принимая во вниманіе огневую силу артиллеріи, числа пулеметовъ и ружей, опредѣляетъ боевую силу германской дивизіи въ началѣ войны въ полтора раза больше русской, хотя въ послѣдней число винтовокъ по штату преобладало на одну треть. Правильность этого опредѣленія вполнѣ подтверждается вышеприведенною таблицею: 38½ Германскихъ дивизій держали фронтъ противъ 58½ русскихъ дивизій съ сильнымъ некомплектомъ.

Особенно обращаетъ на себя вниманіе фактъ, что на Ломжинскомъ участкѣ у германцевъ 6½ дивизій съ успѣхомъ отражали атаки нашихъ 15 дивизій.

Объясненіе этого факта можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

Быстро обнесенные проволокою германскіе окопы оборонялись сильнѣйшимъ фронтальнымъ огнемъ изъ орудій, многочисленныхъ пулеметовъ, бомбометовъ и огнеметовъ, которые при атакахъ косили наши ряды. Значительное превосходство нѣмецкой артиллеріи, особенно тяжелой, каковой у насъ почти не было, не давало намъ возможности разрушить огнемъ пулеметныя гнѣзда и полосы колючей проволоки; приходилось для рѣзки проволоки пользоваться ножницами, въ которыхъ также чувствовался недохватъ. Ослабивъ такимъ образомъ наступающаго, пѣхота противника переходила въ контръ-атаки, направляя удары преимущественно на наши фланги. Все это приводило къ огромнымъ потерямъ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется, что германскимъ, даже второлинейнымъ пѣхотнымъ частямъ, удавалось съ успѣхомъ отражать стремительныя атаки нашихъ лучшихъ пѣхотныхъ частей. Будь это сказано къ чести погибавшей передъ проволокою пѣхоты, но съ грустью при мысли о нашей технической отсталости въ то время.

Нельзя не повторить, что духъ нашихъ войскъ, ихъ подготовка и наступательный порывъ были выше всякой похвалы. Какъ примѣръ ихъ отваги, можно привести слѣдующій случай. При наступленіи на Праснышъ одинъ изъ нашихъ полковъ временно долженъ былъ пріостановить свое наступленіе, что дало возможность противнику точнѣе пристрѣляться и вести ураганный огонь тяжелыми бомбами. Наши потери приняли угрожающій размѣръ. Рѣшеніе командира полка было слѣдующее: «Оставаясь на мѣстѣ, полкъ несетъ тяжелыя потери и притомъ безъ всякой пользы. Продолжать атаку». Къ вечеру Праснышъ

былъ взятъ штурмомъ. Подобныхъ случаевъ можно было бы привести множество.

Тѣмъ болѣе надо жалѣть о томъ, что наступленіе 17-го февраля 12-ою арміею не состоялось, когда противникъ только подходилъ къ Сипніевской позиціи. Генералъ Плеве прекрасно понималъ все значеніе для насъ безостановочности и энергіи наступленія и маневрированія въ цѣляхъ, не давать противнику времени усилиться и для обнесенія окоповъ колючей проволокою. Численно мы были сильнѣе противника, но далеко не всѣ начальники умѣли, когда случай представлялся, пользоваться этимъ нашимъ, почти единственнымъ преимуществомъ противъ нѣмцевъ.

Неумѣстное упорство, проявленное генераломъ Рузскимъ на Ломжинскомъ участкѣ, привело къ тому, что направленные сюда, одинъ за другимъ, три корпуса (I-ый, V-ый и III-ій Кавказскій корпусъ) безъ пользы понесли большія потери.

Рѣшеніе фельдмаршала Гинденбурга отойти отъ Бобра и Гродны на строившуюся позицію впереди Государственной границы, съ разницею всего въ нѣсколько дней, совпало съ рѣшеніемъ нашего Верховнаго Главнокомандующаго окончательно перейти къ оборонѣ. Наша Ставка теперь уже нѣсколько успокоилась; было рѣшено вести оборону активно, что и привело къ цѣлому ряду отдѣльныхъ столкновеній, часто безцѣльныхъ, для улучшенія своего положенія и для прочнаго закрѣпленія за собою мѣстности.

Эти частныя дѣйствія велись съ большимъ упорствомъ въ теченіе большей части марта и, стоили много крови, пока въ началѣ апрѣля не установилось полное затишье.

Бывшій генералъ-квартирмейстеръ Ставки, генералъ Даниловъ, въ своемъ трудѣ «Россія въ Міровой Войнѣ» вѣрно опредѣляетъ значеніе въ то время участковъ обоихъ нашихъ фланговъ.

«Ударъ изъ за Карпатъ могъ стать для насъ угрожающимъ лишь въ смыслѣ владѣнія Галичиною, тогда какъ ударъ изъ Восточной Пруссіи, въ случаѣ его развитія, могъ угрожать намъ гораздо большими потрясеніями.»

Къ сожалѣнію, при закрѣпленіи за собою для обороны Восточно-Прусскаго участка театра военныхъ дѣйствій, на Риго-Шавельское направленіе не было обращено должнаго вниманія. Мы перенесли главныя операція на юго-западный фронтъ, оставивъ такимъ образомъ дверь вглубь Россіи открытою на сѣв.-зап. фронтѣ, за что пришлось дорого поплатиться еще въ теченіе весны и лѣта 1915 года.

Кромѣ того, нами было упущено важное значеніе заблаговременно возведенныхъ въ тылу всего фронта укрѣпленныхъ линій для задержанія на нихъ противника въ случаѣ вынужденнаго нашего отхода.

Убѣдившись въ неуспѣхѣ операцій Сѣверо-Западнаго фронта на Восточно-Прусскомъ участкѣ, нашъ Верховный Главнокомандующій уже въ началѣ марта предупредилъ генерала Рузскаго, что онъ отнынѣ намѣренъ употребить всѣ свободныя силы и матеріальныя средства для наступленія черезъ Карпаты, и что, въ виду этого, нужно было считаться съ необходимостью перебросить войска на Юго-Западный фронтъ, какъ только окажется возможнымъ выдѣлить таковыя изъ передовыхъ линій.

Такимъ образомъ, къ веснѣ 1915-го года, фельдмаршалъ Гинденбургъ хотя и далеко не достигъ тѣхъ цѣлей, которыя онъ себѣ поставилъ, но все-же ему удалось окончательно вытѣснить насъ изъ Восточной Пруссіи и перейти на 1½—2 перехода за Государственную границу. Назначенныя въ распоряженіе фельдмаршала силы были слишкомъ слабы для его широкихъ плановъ. А начальникъ германскаго генеральнаго штаба, генералъ Фалькенгайнъ, умышленно не шелъ ему на встрѣчу при просьбѣ о назначеніи большого количества войскъ, такъ какъ онъ считалъ возможнымъ на второстепенныхъ театрахъ ограничиваться лишь тѣмъ количествомъ войскъ, которыя были нужны для достиженія ограниченныхъ цѣлей съ изматываніемъ силъ и средствъ противника.

Морально и матеріально мы сильно пострадали, и противникъ грозною тучею повисъ надъ правымъ флангомъ нашего общаго фронта, что давало ему выгодное исходное положеніе для развитія еще въ 1915-мъ году дальнѣйшихъ операцій, но еще въ большемъ масштабѣ, противъ Русской Арміи, уже израсходовавшей всѣ свои довоенныя матеріальныя средства для борьбы, о чемъ противнику, несомнѣнно, было извѣстно.

КОНЕЦЪ.

Приложеніе 1.

СОСТАВЪ

Русскихъ войскъ на Сѣв. Зап. Фронтѣ къ 8-му февраля 1915 г.

(54 пѣх. див., 16½ кав. див.).

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ: Генералъ-Адъютантъ, Генералъ отъ Инф. РУЗСКІЙ.

НАЧАЛЬНИКЪ ШТАБА: Генералъ-Лейтенантъ ГУЛЕВИЧЪ.

10-ая АРМІЯ.

(11½ пѣх., 2½ кав. дивизіи).

Командующій: Генералъ отъ Инф. СИВЕРСЪ.

Нач. Штаба: Ген.-Маіоръ Баронъ БУДБЕРГЪ.

Армейская Конница: Ген.-Лейт. ЛЕОНТОВИЧЪ.

1-ая Кав. див.: Ген.-Маіоръ Бар. МАЙДЕЛЬ (24 эск. 2 кон. бат.).
3-ья Кав. див.: Ген.-Лейт. ЛЕОНТОВИЧЪ (18 эск. 2 кон. бат.).

ВЕРЖБОЛОВСКАЯ ГРУППА.

Начальникъ Группы: Генералъ отъ Инф. ЕПАНЧИНЪ.
27-ая пѣх. дивизія: *) Ген.-Лейт. ДЖОНСОНЪ (16 бат. 6 бтр.).
56-ая пѣх. дивизія: Ген.-Маіоръ ІОЗЕФОВИЧЪ (16 бат., 6 бтр.).
73-ья пѣх. дивизія: Ген.-Маіоръ ЛЕВИЦКІЙ (16 бат., 6 бтр.).

Приданныя группѣ войска:

3-ій др. Новороссійскій полкъ, 34-ый Донской каз. п., 19-ая Донская каз. сотня, 3-ій мортирный арт. дивизіонъ, 2-ой дивизіонъ Ковенской

---

*) Дивизія 9-го февраля была включена въ составъ XX-го корпуса; въ Вержболовской группѣ остались 107. Троицкій п. и 2 бат. 105 Оренбургскаго полка.

осадной арт., 1-ая бтр. 1-го морт. дивизіона 3-ей Сиб. стр. арт. бригады, ½ 3-го Саперн. бат-на, 28-я отд. саперн. роты, 2 сотни пограничной стражи, нѣсколько сотень ополченія.

XX КОРПУСЪ.

Командиръ Корпуса: Генералъ отъ Артиллеріи БУЛГАКОВЪ.

Нач. Штаба: Ген.-Маіоръ ШЕМЯКИНЪ.

28-ая пѣх. дивизія: *) Ген.-Лейт. ЛАШКЕВИЧЪ (16 бат. 6 бтр.).

29-я пѣх. дивизія: Г.-Л. РОЗЕНШИЛЬДЪ-ПАУЛИНЪ (16 бат. 6 бтр.).

53-я пѣх. дивизія: Г.-Л. ФЕДОРОВЪ (16 бат. 6 бтр).

Приданныя Корпусу войска:

4-ый Сиб. каз. полкъ, (4 сотни), 25-ая Отд. каз. сотня, 20-ый Мортирный Арт. дивизіонъ, 20-ый саперн. бат., 1 рота 3-го Сап. бат., 2-ая Отд. сап. рота, 1-ый Мортирный дивизіонъ 3-ей Сиб. арт. бриг. (безъ 1-й батареи).

XXVI КОРПУСЪ.

Командиръ Корпуса: Генералъ отъ Инф. ГЕРНГРОССЪ.

Нач. Штаба: Ген.-Маіоръ ДОБРЫШИНЪ.

64-ая пѣх. дивизія: Ген.-Маіоръ ЖДАНКО (16 бат. 6 бтр.).
84-ая пѣх. дивизія: Ген.-Маіоръ КОЗЛОВЪ (16 бат. 6 бтр.).
Приданныя корпусу войска: **)

---

*) Изъ дивизіи былъ сформированъ сводный полкъ для отправки 9-го февраля въ составѣ III Сиб. Корпуса. Второй сводный полкъ былъ сформированъ въ 53 пѣх. дивизіи въ составѣ 2-хъ батальоновъ отъ 210-го полка и по батальону отъ 211 и 212 полковъ. Съ приданными 2-мя батареями 28-ой арт. бригады эти части образовали сводную бригаду ген.-маіора РОССІЙСКАГО для включенія въ составъ III Сиб. Корпуса. 1/14 февраля изъ Сувалокъ было отправлено въ составъ III Сиб. корпуса еще 7 бат. и 2 бтр. (28-ой Дивизіи).

Въ XX корпусѣ отъ 28-ой дивизіи остались лишь 2 бат. 110 п. и 3 бат. 112 п. при 2-хъ бтр.

**) Распредѣлены по дивизіямъ и отрядамъ.

2 сотни 44 Донск. каз. полка, 24-я Отд. Донск. каз. сотня, 27-ой Морт. арт. дивизіонъ, 2-ой дивизіонъ 1-ой тяжелой арт. бригады, 1-я, 16-я и 24-я отд. саперн. роты, телеграфная рота 4-го Сиб. саперн. бат.

III-ІЙ СИБИРСКІЙ КОРПУСЪ.

Командиръ корпуса: Генералъ отъ Арт. РАДКЕВИЧЪ.

Нач. Штаба: Ген.-Маіоръ БРАТАНОВЪ.

7-ая Сиб. стр. дивизія: Ген.-Лейт. ТРОФИМОВЪ (16 бат., 6 бтр.).

8-ая Сиб. стр. дивизія: Ген.-Маіоръ РЕДЬКО (16 бат., 6 бтр.).

Приданныя корпусу войска:

44-ый Донск. каз. п. (безъ 2-хъ сот. при XXVI Корп.), 3-ій Сиб. Мортирн. арт. дивизіонъ, 1 морт. дивизіонъ 68 пѣх. дивизіи.

2-ая Бриг. 68-ой пѣх. див. противъ Тильзита: Ген.-Маіоръ АПУХТИНЪ.

(8 бат. 3 бтр.), 1-ая бригада временно входила въ составъ Минскаго Воен. Округа.

Гарнизонъ кр. Осовца: 57-ая пѣх. дивизія. Ген.-Маіоръ ОМЕЛЬЯНОВИЧЪ-ПАВЛЕНКО.

(Временно при III Сиб. Корп. — 12 бат. 6 бтр. Временно при Вержболовской Группѣ—4 бат.).

1-ая Отдѣльная Кав. бригада: Ген.-Маіоръ БЕНДЕРЕВЪ (12 эск. 1 кон. бтр.).

Крѣпость Ковно: Комендантъ Ген. отъ Кав. ГРИГОРЬЕВЪ. Нач. Штаба Ген.-Маіоръ БУРКОВСКІЙ.

Крѣпость Гродно: Комендантъ Ген. отъ Инф. КАЙГОРОДОВЪ.

Нач. Штаба Ген.-Маіоръ ЛАЩИНИНЪ.

Тетъ-де-понъ Олита:

Кромѣ 6 отдѣльныхъ Оренбургскихъ сотенъ, двухъ ополченскихъ бригадъ № 8 и № 14, гарнизоновъ не было, не говоря о мелкихъ техническихъ частяхъ. Воздухоплавательныхъ частей было всего 2: Осовецкая воздухоплавательная рота въ Гроднѣ и «Добровольческій авіаціонный отрядъ крѣпостного типа».

12-ая АРМІЯ.

(Въ періодѣ формированія).

(3 пѣх. 6½ кав. див.).

Командующій Арміи: Ген. отъ Кав. ПЛЕВЕ.

Нач. Штаба: Ген.-Лейт. МИЛЛЕРЪ.

1-ый Турк. Корпусъ: Ген. отъ Кав. ШЕЙДЕМАНЪ (11-ая Сиб. стр. дивизія, 63-я див. и 1-я и 2-я Турк. стр. бр.).

1-ый Кав. Корпусъ: Ген. отъ Кав. ОРАНОВСКІЙ (6-я, 8-я и 15-я кав. див.).

Кав. Группа: Ген.-Лейт. ЭРДЕЛИ (14-ая Кав. див., 4-я Донская каз. див.).

Св. Кав. Див. Ген.-Лейт. ХИМЕЦЪ.

Уссурійская кон. бригада.

Крѣпость Новогеоргіевскъ: Комендантъ: Ген. отъ Инф. БОБЫРЬ.

Нач. Штаба: Ген.-Маіоръ ГЛОБАЧЕВЪ.

Гарнизонъ: ½ 2-ой пѣх. и ½ 79-ой пѣх. дивизій.

1-ая АРМІЯ.

(13 пѣх. и 2 кав. дивизіи).

Командующій: Ген. отъ Кав. ЛИТВИНОВЪ.

2-ая АРМІЯ.

(13 пѣх. и 2 кав. дивизіи).

Командующій: Ген. отъ Инф. СМИРНОВЪ.

5-ая АРМІЯ.

(9 пѣх. и 1 кав. дивизія).

Командующій: Ген. отъ Инф. ЧУРИНЪ.

Резервъ Сѣв.-Зап. фронта:

XXVII. Корп. и IV. Сиб. Корп. (4½ пѣх. и ½ кав. див.).

Примѣчаніе: 1) 9 февраля Ген.-Адъютантъ РУЗСКІЙ приказалъ: изъ 1-й арміи направить 1-ую Кавк. стр. бригаду къ Ломжѣ, 5-ую стр. бригаду къ Остроленкѣ; изъ Блоне направить

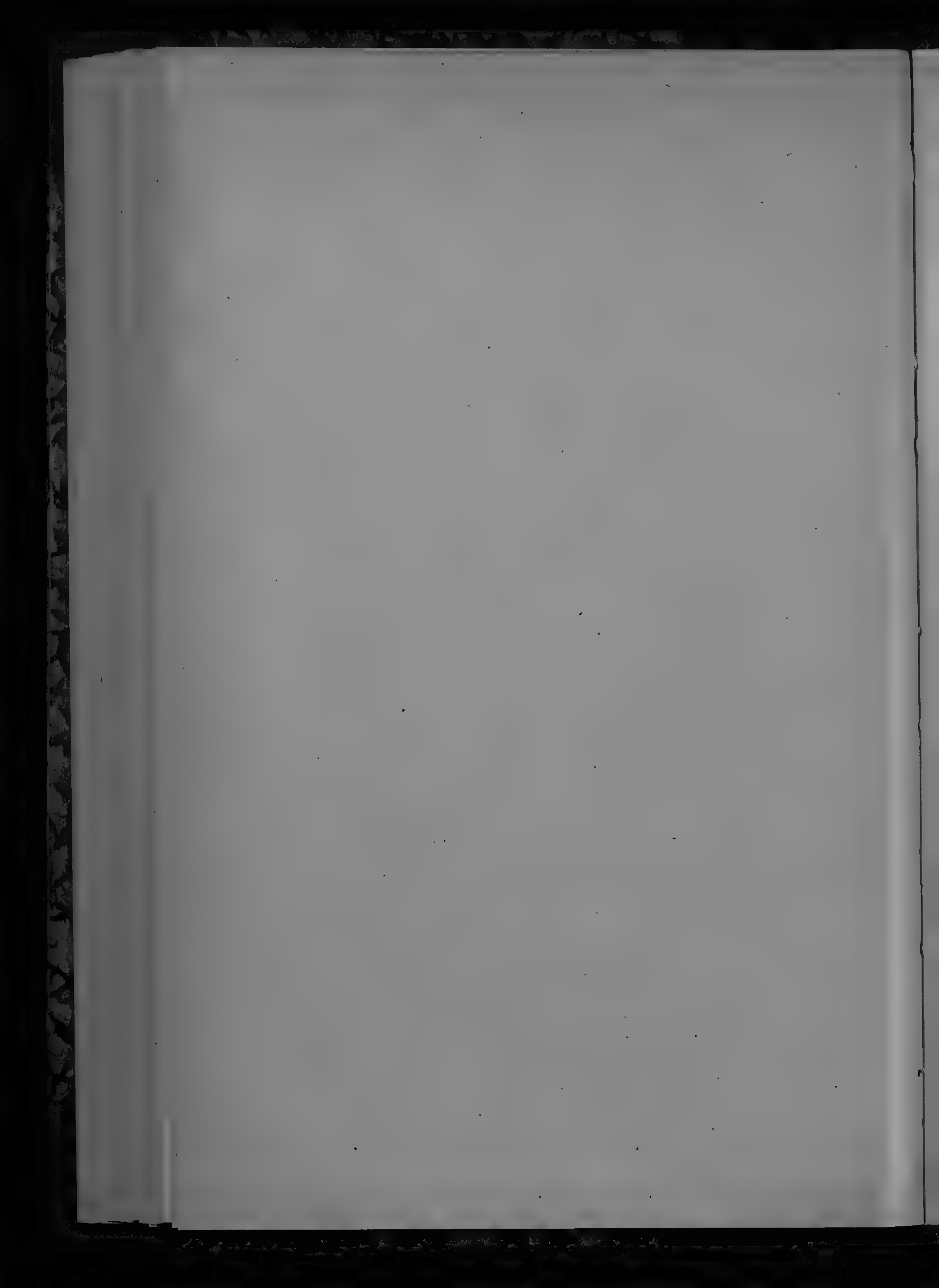
через Новогеоргіевскъ къ Праснышу XXVII К. (76 и 77 див.), а 2-ую кав. дивизію въ районъ Пултуска. Кромѣ того, Ком. Арміи было приказано спѣшно вывести въ резервъ II-ой Корпусъ.

Того-же 9-го февраля, Ком. 5-ой Арміи было приказано отвести въ резервъ XIX Корп. 10-го февраля было приказано перевести II-ой Корпусъ въ районъ Остроленки, а Гвардейскій Корпусъ въ районъ Ломжи.

Всѣ эти части должны были войти въ составъ 12-ой Арміи.

11-го февраля формировавшійся въ Гомелѣ XV Корпусъ было приказано перевести по дивизіямъ въ Гродно и Соколку въ составъ 10-ой Арміи; II Корпусъ въ Бѣлостокъ, а вмѣстѣ него къ Остроленкѣ былъ направленъ IV Сиб. Корпусъ.

14-го февраля Ставка, по ходатайству Ген. РУЗСКАГО, дала распоряженіе Юго-Западному фронту объ отправкѣ III-го Кавк. Корпуса къ Оранамъ.

СПИСОКЪ

Начальниковъ частей XX Армейскаго Корпуса.

Командиръ Корпуса: Ген. отъ арт. БУЛГАКОВЪ.

Нач. Штаба: Ген.-Маіоръ ШЕМЯКИНЪ.

Инспекторъ артиллеріи: Ген.-Лейт. ШРЕЙДЕРЪ.
К-ръ 20 Морт. арт. дивизіона: Полк. ГЕТЛИХЪ.
Ко-щій 4 Сибирск. каз. п.: Войск. Старшина ВЛАСОВЪ.
К-ръ 20 Саперннаго бат.: Полк. РУСТАНОВИЧЪ.

27-ая ПѢХ. ДИВИЗІЯ.

Начальникъ Дивизіи: Ген.-Лейт. ДЖОНСОНЪ.

Нач. Штаба: Полк. ДРЕЙЕРЪ.

Командиръ Бригады: Ген.-Маіоръ БЕЙМЕЛЬБУРГЪ.

К-ръ 105 Оренбургскаго п.: Полк. РАНХНЕРЪ.
К-ръ 106 Уфимскаго п.: Полк. ОТРЫГАНЬЕВЪ.
К-ръ 107 Троицкаго п.: Полк. БОРЗИНСКІЙ.
К-ръ 108 Саратовскаго п.: Полк. БѢЛОЛИПЕЦКІЙ.
Командиръ 27-ой арт. бриг. Ген.-Маіоръ ФОЛИМОНОВЪ.
К-ръ 1-го дивизіона: Полк. ИЛЬЯСЕВИЧЪ.
К-ръ 2-го дивизіона: Подполк. БѢЛОНОГОВЪ.

28-ая ПѢХ. ДИВИЗІЯ.

Начальникъ Дивизіи: Ген.-Лейт. ЛАШКЕВИЧЪ.

Командиръ Бригады: Ген.-Маіоръ РОССІЙСКІЙ.

К-ръ 109 Волжскаго п.: Полк. КАРПОВЪ.
К-ръ 110 Камскаго п.: Полк. РЯБЕНКО.
К-ръ 111 Донского п.: Полк. СѢКИРСКІЙ.

К-ръ 112 Уральскаго п.: Полк. ГРЖИБОВСКІЙ.

Ком-щій 28-ою Арт. Бригадою: Полк. НАСѢКИНЪ.

К-ръ 1-го дивизіона: Полк. БУРХАНОВСКІЙ.

К-ръ 2-го дивизіона: Полк. Баронъ ШТАКЕЛЬБЕРГЪ.

29-ая ПѢХ. ДИВИЗІЯ.

Начальникъ Дивизіи: Ген.-Лейт. РОЗЕНШИЛЬДЪ-ПАУЛИНЪ

Нач. Штаба: Полк. ФЕШОТЪ.

Командиръ Бригады: Ген.-Маіоръ ЧИЖОВЪ.

К-ръ 113 Старорусскаго п.: Полк. ОЛЬДЕРОГГЕ.
К-ръ 114 Новоторжскаго п.: Полк. ИВАНОВЪ.
К-ръ 115 Вяземскаго п.: Полк. ВОЙЦЕХОВСКІЙ.
К-ръ 116 Малоярославскаго п.: Полк. ВИЦНУДА.

Командиръ 29-ой Арт. Бригады: Ген.-Маіоръ САВИЧЪ.

К-ръ 1-го дивизіона: Полк. КЕТЛЕРЪ.
К-ръ 2-го дивизіона: Полк. ЛЕНЧЕВСКІЙ.

53-ья ПѢХ. ДИВИЗІЯ.

Начальникъ Дивизіи: Генералъ-Лейт. ФЕДОРОВЪ.

Нач. Штаба: Полк. ШИФРИНЪ.

Командиръ Бригады: Ген.-Маіоръ ХОЛЬМСЕНЪ.

К-ръ 209 Богородскаго п.: Полк. МИГЛЕВСКІЙ.
К-ръ 210 Бронницкаго п.: Полк. ИВАНОВЪ.
К-ръ 211 Никольскаго п.: Полк. ШЕБУРАНОВЪ.
К-ръ 212 Романовскаго п.: Полк. ЕРОФѢЕВЪ.

К-щій 53-ей Арт. Бригадой: Полк. КИСЛЯКОВЪ.

К-ръ 1-го дивизіона: Подп. ЯНОВИЧЪ.
К-ръ 2-го дивизіона: Кап. КЛИМОНТОВИЧЪ.

Командиръ 1-го мортирнаго дивизіона 3-ей Сибирской арт. бригады: Полк. СЕРБИНЪ, (вр. Подп. ПОПОВЪ).

Приложеніе 3.

ТАБЛИЦА

Состава XX-го Армейскаго Корпуса 14-го февраля вечеромъ 1915 г

Части войскъ.	Батальоновъ.	Пулеметовъ.	Батарей		Сотенъ.	Примѣчанія.
			полев.	морт.		
При Штабѣ Корпуса						
4 Сиб. Каз. полка	—	—	—	—	1	
25-ая Отд. Каз. Сотня	—	—	—	—	1	
20-ый Саперный Бат.	—	—	—	—	—	
7-ая Отд. телеграфная рота	—	—	—	—	—	
27 пѣх. дивизія.						
105 Оренбургскій полкъ	2	4	—	—	—	6 бат. откомандированы въ составъ Вержболовской группы.
106 Уфимскій „	4	8	6	1, 20-го морт. дивизіона.	—	
108 Саратовскій „	4	8	—		—	
4 Сиб. Каз. „	—	—	—		2	
28 пѣх. дивизія.						
110 Камскій полкъ	2	4	2		—	26 янв. откомандированы въ III Сиб. Корп. 4 бат. и туда же 1-го февраля 7 бат., 4 бтр. и 1 сотня.
112 Уральскій „	3	6	—	—	—	
29 пѣх. дивизія.						
113 Стародубовскій полкъ	4	8	—	—	—	
114 Новоторжскій „	3	6	—	1, 20-го морт. дивизіона.	—	1бат. при III Сиб.Корпусѣ.
115 Вяземскій „	4	8	6		—	
116 Малоярославскій „	4	8	—		—	
53 пѣх. дивизія.						
209 Богородскій полкъ	4	8	—		—	26 янв. 4 бат. выдѣлены въ III Сибирск. Корпусъ. Тогда-же I батарея Сиб. морт. дивизіона выдѣлена въ Вержболовск. группу.
210 Броницкій „	2	2	—		—	
211 Никольскій „	3	3	6	2	1	
212 Романовскій „	3	6	—	—	—	
2-ая Отд. Саперная рота	—	—	—	—	—	
Итого	42	79	20	4	5	

При выступленіи съ Ангерапской позиціи роты были далеко не въ комплектѣ. Замаскированіе отходовъ и бои, конечно, были связаны съ потерями, особенно въ 105, 106 и 115 полкахъ, но число отсталыхъ отъ болѣзни и утомительныхъ ночныхъ и непрерывныхъ маршей было велико, такъ что можно было считать въ корпусѣ къ 14-му февраля не болѣе 22.000 штыковъ.

По даннымъ М. П. Каменскаго («Гибель XX-го Корпуса», стр. 184), число штыковъ въ корпусѣ къ утру 19 февраля составляло 11.600.

ТАБЛИЦА
Потерь Русской 10-ой арміи въ Восточной Пруссіи.

Названіе частей	Бывшій составъ 7-го февраля 1915 года.	Потери до 22-го февраля 1915 года.	Боевой составъ 22-го февраля 1915 г.
XX Корпусъ	64 б. 29. бтр. (46.000 ч. 174 ор.[1])	34.000 ч. 146 ор.	29 б. 5. бтр. (12.000 ч. 28 ор.[7])
III "	32 б. 17. бтр. (23.000 ч. 102 ор.[1])	5.000 ч. 17 ор.	30 б. 13. бтр. (18.000 ч. 94 ор.[8])
XXVI "	32 б. 17. бтр. (23.000 ч. 102 ор.[1])	4.000 ч. 18 ор.[5])	31 б. 14. бтр. (19.000 ч. 84 ор.[9])
III Сиб. "	32 б. 17. бтр. (23.000 ч. 102 ор.[1])	8.000 ч. —	32 б. 17. бтр. (15.000 ч. 102 ор.).
57-ая пѣх. дивизія	16 б. 6. бтр. (11.000 ч. 36 ор.[1])	5.000 ч. 18 ор.[6])	16 б. 4. бтр. (6.000 ч. 23 ор.)
ИТОГО:	175[2]) б. 86. бтр. (126.000 ч. 516 ор.[3])	56.000 ч.[10]) 185 ор.	138 б. 53. бтр. (70.000 ч. 331 ор.)

Общія примѣчанія. Потери показаны по числу убитыхъ, раненыхъ, безъ вѣсти пропавшихъ, отсталыхъ и въ плѣнъ попав-

шихъ; числовыя данныя по категоріямъ не имѣются.
Примѣчанія:

1. Наличный составъ исчисленъ изъ 30% некомплекта къ 7-му февраля.
2. 68-ая див. въ расчетъ не принята, такъ какъ она участія въ дѣлахъ за этотъ періодъ не принимала. Одинъ артиллерійскій дивизіонъ (мортирный) однако былъ при III Сиб. Корпусѣ.
3. Незапряженныя полковыя орудія стараго образца, присланныя изъ крѣпостей и распредѣленныя по корпусамъ, примѣрно въ числѣ 3—4-хъ бтр. на каждый, не упомянуты въ этой таблицѣ. При отступленіи полагалось ихъ бросить.
5. По даннымъ «Der Weltkrieg 1914—1918». Томъ 7.
6. По даннымъ Буняковскаго.
7. 6 б. 27-ой див. были при III А. К.; 11 б. и 4 бтр. 28-ой пѣх. див. былъ при III Сиб. К., а 7 б. прошли изъ Млынека въ Гродну ночью съ 7-го на 8-ое февраля; 4 б. 53-ей пѣх. див. были при III Сиб. К., а 1 морт. бтр. при III А. К.
8. 2 б. и 1 бтр. были окружены у Энцунена 10-го февраля.
9. 1 б. Ирбитскаго полка и 1 бтр. 84 пѣх. див. были окружены вмѣстѣ съ XX корпусомъ.
10. Противникъ опредѣляетъ число своихъ отсталыхъ въ пути въ 10-ой Арміи въ 33%. Исходя изъ этой цифры, можно сказать, что добрая половина нашихъ потерь падала на отсталыхъ, которые, конечно, попали въ плѣнъ.

Въ недавно изданной VII части «Der Weltkrieg 1914—1918» сообщается, что за тотъ-же срокъ наши потери германцами были исчислены въ 92.000 плѣнныхъ и 295 орудій. Если въ это число включены лишь раненые, отсталые и попавшіе въ плѣнъ, то слѣдовало-бы еще добавить количество убитыхъ для опредѣленія общей нашей потери круглою цифрою въ 100.000 человѣкъ.

Однако, послѣдовавшіе нѣсколько дней послѣ 8/21 февраля событія все-же показали, что оставшіяся части нашей 10-ой арміи еще были боеспособны, въ чемъ наши противники убѣдились на Бобрѣ, у Гродно и на Осовецко—Граевскомъ направленіи.

Мало вѣроятно, чтобы тѣми 26.000 чел., которые по Германскому подсчету остались отъ нашей 10-ой арміи, можно было

успѣшно дѣйствовать въ поименованныхъ трехъ направленіяхъ нѣсколько дней послѣ отрыва отъ противника. Поэтому полагаемъ, что данныя вышеприведенной нами таблицы, вѣроятно, ближе къ дѣйствительности.

Сообщаемая Людендорфомъ цифра въ 110.000 плѣнныхъ, очевидно, сильно преувеличена.

Что-же касается количества оудій, то оно почти сходится съ данными таблицы, съ прибавленіемъ брошенныхъ нами при отходѣ отъ Даркеменской позиціи незапряженныхъ полевыхъ орудій стараго образца.

Общей цифры германскихъ потерь въ книгѣ «Der Weltkrieg 1914—1918» не приводится. Говорится лишь о потеряхъ германскаго XXI-го Корпуса въ послѣдніе дни до окруженія XX-го Корпуса. Общая потеря германскаго XXI корпуса опредѣляется въ 120 офиц. и 5.600 чел. На одну 59 бригаду 42-ой див. этого корпуса приходилось 60 оф. и 2.000 чел.

Болѣзни и холодъ сильно ослабили, на 33% германскіе XXXVIII и XXXIX корпуса, которые въ бояхъ потеряли всего лишь около 3-хъ % своего состава. Но надо полагать, что эта ничтожная потеря въ бояхъ исчислена до 21-го февраля, ибо съ 21-го до 27-го эти части понесли громадныя потери, какъ о томъ свидѣтельствуетъ изданіе «Der Weltkrieg 1914—1818», и «Die Oberste Herresleitung» 1914—1918.

Описанiе поруч. Фищенко боя XX корпуса

21 февраля 1915 г.

Одинъ изъ участниковъ послѣдняго боя и очевидецъ гибели XX корпуса, избѣгнувшiй плѣна поручикъ ФИЩЕНКО (2-ой батареи, 29-ой артиллерiйской бригады) въ слѣдующихъ выраженiяхъ изображаетъ жуткiе моменты послѣдняго боя корпуса:

«8-го февраля съ разсвѣтомъ завязался у насъ послѣднiй отчаянный бой. Вся пѣхота прошла впередъ пробиваться штыками; батареямъ-же приказано было выкатиться на открытыя позицiи, дабы оказать возможно большую помощь своей пѣхотѣ. И вотъ, на нашемъ участкѣ выкатились на опушку кустарника: 1-ая батарея влѣво и 2-ая, разбитая по взводамъ, вправо. Сзади батарей, на небольшомъ участкѣ расположились: батарейные передки, увязавшiеся за батареями парки и даже часть обоза.

Въ скоромъ времени уже выяснилось тяжелое положенiе отряда. Загремѣла непрiятельская артиллерiя въ отвѣтъ на нашу и начала засыпать снарядами нашъ небольшой участокъ со всѣхъ сторонъ. Снаряды летѣли спереди, сзади, слѣва и справа, и все это сыпалось въ середину, въ самую, такъ сказать, гущу, гдѣ были собраны передки и парки. Лошади падали, раздавался стонъ людской, и некому было перевязывать раненыхъ.

Но батареи, не смотря на губительный огонь непрiятеля, такъ какъ онѣ были на совершенно открытой позицiи, геройски работали. Начались сильныя потери. Въ первой и нашей второй батареяхъ были подбиты нѣкоторыя орудiя; зарядные ящики со шрапнелями загорѣлись отъ непрiятельскихъ снарядовъ. Мы потеряли уже половину номеровъ, лучшiй подпрапорщикъ былъ убитъ; на одномъ взводѣ былъ раненъ командующiй взводомъ штабсъ-капитанъ КОХЪ, на другомъ былъ раненъ я. Въ 1-ой батареѣ ранены командиръ и старшiй офицеръ.

Но батареи продолжали непрерывно стрѣлять во исполненiе своей послѣдней важной задачи. Мы, такъ сказать, отдавались своей пѣхотѣ, желая помочь ей во что-бы то ни стало пробиться

сквозь третій слой непріятельскаго загражденія. Наконецъ къ полудню всѣ патроны были разстрѣляны, ружейной стрѣльбы какъ-то не стало слышно; только у насъ все лопались непріятельскія шрапнели и со страшнымъ ревомъ разрывались непріятельскія бомбы, унося все новыя и новыя жертвы. Доблестной смертью погибали наши славныя батареи... Оставшихся въ живыхъ и раненыхъ номеровъ отвели назадъ, немного ихъ осталось... Съ горечью покинули мы свои пушки. Не было уже у нихъ патроновъ и имъ пришлось замолчать. Печальную картину представляли батареи; нѣкоторыя пушки лежали подбитыя на боку, а подлѣ нихъ — груды мертвыхъ героевъ. Сразу не хотѣли мы портить уцѣлѣвшія пушки — слишкомъ больно было. Мы все надѣялись, что можетъ быть еще подоспѣетъ помощь, и тогда снова воскреснутъ батареи на страхъ врагамъ и на новые подвиги.

Затрещали винтовки, но уже не своей пѣхоты; это нѣмцы со всѣхъ сторонъ властно выходили на опушку нашей маленькой безоружной теперь крѣпости, чтобы забирать трофеи, и тогда только мы безмолвно кинулись и сдѣлали послѣднее — самое тяжелое — испортили свои дорогія, такъ долго служившія съ нами пушки. Но вотъ послѣднее сдѣлано, и мы рѣшили ни за что не сдаваться въ плѣнъ,а бѣжать кто какъ можетъ, чтобы затѣмъ снова начать войну...»

СОСТАВЪ

Войскъ Сѣв.-Зап. фронта на правомъ берегу Вислы въ концѣ марта 1915 года.

(42¾ пѣх. див., 13½ кав. див.).

10-ая АРМIЯ.

(11¾ пѣх. див., 4 кав. див.).

Командующiй Армiи: Генералъ отъ отъ Инф. РАДКЕВИЧЪ.

Нач. Штаба: Ген.-Маiоръ ПОПОВЪ.

68-ая пѣх. дивизiя: Ген.-Маiоръ АПУХТИНЪ.

III-iй К.: Ген. отъ Инф. ЗЕГЕЛОВЪ (56-я, 73-я пѣх. див., отд. бриг. XIII К.).

II ой К.: Ген. отъ Арт. СЛЮСАРЕНКО (26-ая и 43-ья пѣх. див.).

XXVI-ой К.: Ген. отъ Инф. ГЕРНГРОССЪ (¾ 28-ой пѣх. див., 64 и 84-ыя п. д.).

III Сиб. К.: Ген.-Лейт. ТРОФИМОВЪ (7-я и 8-я Сиб. див., ¼ 27-ой, ½ 29-ой и ¼ 53-ей пѣх. див.).

1-ая Гв. Кав. див. (16 эск., 2 кон. бат.). Ген.-Маiоръ СКОРОПАДСКIЙ.

2-ая Гв. Кав. див. (24 эск., 2 кон. бат.). Ген.-Маiоръ ГИЛЛЕНШМИДТЪ.

1-ая Кав. Див. (24 эск., 2 кон. бат.). Ген.-Маiоръ Бар. МАЙДЕЛЬ.

3-ья Кав. див. (24 эск., 2 кон. бат.). Ген.-Лейт. ЛЕОНТОВИЧЪ.

12-ая АРМIЯ.

(15 пѣх. див., 3 кав. див.).

Командующiй Армiи: Генералъ отъ Кавалерiи ПЛЕВЕ.

Нач. Штаба: Ген.-Лейт. МИЛЛЕРЪ.

57-ая пѣх. див. Ген.-Маiоръ ОМЕЛЬЯНОВИЧЪ.

Гв. Корп.: Ген. отъ Кав. БЕЗОБРАЗОВЪ (1 и 2-ая Гв. пѣх. див., Гв. стр. бригада и Гвард. Каз. Бригада).

1-ый Корп.: Ген.-Лейт. ДУШКЕВИЧЪ (22 и 24-ыя пѣх. див., 1-я Кавк. стр. бригада).

V Корп.: Ген. отъ Инф. БАЛУЕВЪ (7 и 10-ыя пѣх. див., 3-я Турк. стр. бригада).

III Кавк. К.: Ген. отъ Инф. ИРМАНОВЪ (21-ая и 52-ая пѣх. див.).

IV Сиб. Корп.: Ген. отъ Инф. САВИЧЪ (9 и 10-ыя Сиб. стр. див., 5-ая стр. бригада).

XV-ый Корп.: Ген. отъ Инф. ТОРКЛУСЪ (6-ая и 8-ая пѣх. див.).

2-ая Кав. див.: Ген.-Лейт. Князь ТРУБЕЦКОЙ (24 эск. 2 кон. батарея).

4-ая Кав. див.: Ген.-Лейт. ВАННОВСКІЙ (24 эск. 2 кон. бат.).

1-ая Отд. Кав. бригада: Ген.-Маіоръ БЕНДЕРЕВЪ (12 эск. 1 кон. батарея).

1-ая АРМІЯ.

(16 пѣх. див. и 6½ кав. див.).

Командующій Арміи: Генералъ отъ Кавалеріи ЛИТВИНОВЪ.

Начальникъ Штаба: Ген.-Лейт. ОДИШЕЛИДЗЕ.

XXIII Корп.: Ген. отъ Инф. ОЛОХОВЪ (3-ья Гв. пѣх. див. и 62-ая пѣх. див.).

1-ый Сиб. Корп.: Ген. отъ Инф. ПЛѢШКОВЪ (1-я и 2-я Сиб. стр. дивизіи).

II-й Сиб. Корп.: Ген.-Лейт. СЫЧЕВСКІЙ (4-я и 5-я Сиб. стр. дивизіи).

XIX Корп.: Ген. отъ Инф. ГОРБАТОВСКІЙ (17-я и 38-я пѣх. дивизіи).

II Кавк. Корп.: Ген. отъ Арт. МЕХМАНДАРОВЪ (Кавк. Гр. и 51-я пѣх. дивизія).

1-ый Турк. К.: Ген. отъ Кав. ШЕЙДЕМАНЪ (11-я Сиб. див., 1-я и 2-я Турк. стр. бригады).

XXVII Корп.: Ген.-Лейт. БАЛАНИНЪ (76-я, 77-я и 63-ья пѣх. дивизіи).

Гарнизонъ крѣп, Н.-Георгіевскъ: (½ 2-ой и ½ 79-ой пѣх. див.).

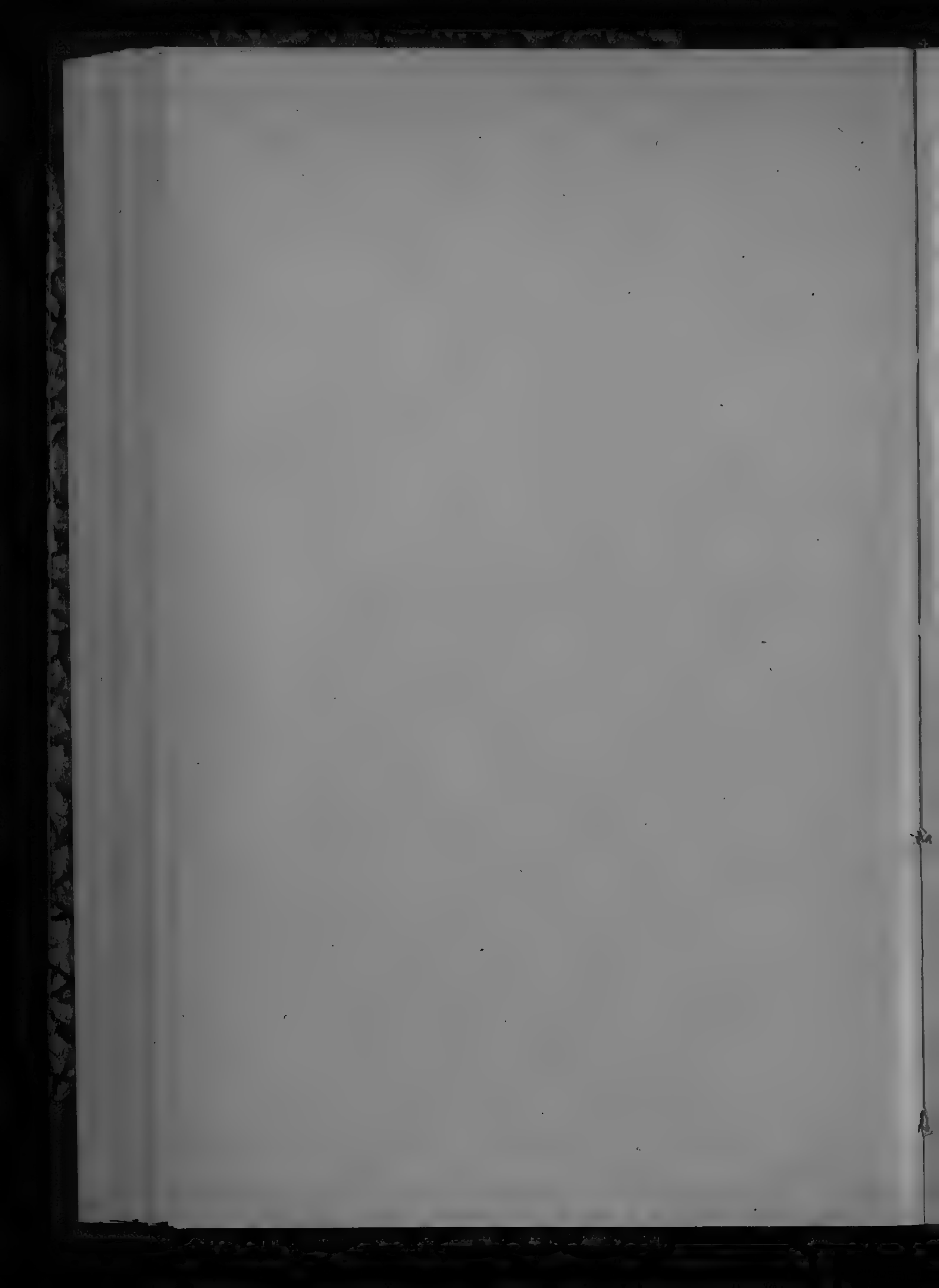
1-ый Кав. Корп.: Ген. отъ Кав. ОРАНОВСКІЙ (6-ая Кав. див. Ген.-Лейт. РОППЪ, 8-ая Кав. див. Ген.-Лейт. МОРИЦЪ, 15-ая Кав. див. Ген.-Лейт. ЛЮБОМИРОВЪ), 72 эск. 6 кон. бат.

14-ая Кав. див.: Ген.-Лейт. ЭРДЕЛИ (24 эск. 2 кон. бат.).

Св. Кав. дивизія: Ген.-Лейт. ХИМЕЦЪ (24 эск., 2 кон. бат.).

4-ая Донск. Каз. Див.: Ген.-Лейт. графъ ГРАББЕ (24 сотни, 2 кон. бат.),

Уссурійская Конная бригада: (12 сот. 1 кон. бат.).

СОСТАВЪ

ВОЙСКЪ ГЕРМАНСКАГО ВОСТОЧНАГО ФРОНТА
къ 8 февраля 1915 г.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ ФРОНТА: Генералъ-Фельдмаршалъ фонъ ГИНДЕНБУРГЪ.

Начальникъ Штаба: Генералъ-Лейтенантъ ЛЮДЕНДОРФЪ.

10-ая АРМІЯ.

(8 пѣх. див., 1 кав. див.).

Командующій Арміи: Генералъ-Полковникъ фонъ ЭЙХОРНЪ.

Начальникъ Штаба: Полк. ХЕЛЛЬ.

Армейскія Войска: 4 бтр. — 21 снт. мортиръ. Отд. летчиковъ.
20 отд. лдш. бат.: — гарнизонами Лётцена и тетъ-де-поновъ Даркемена и Немерсдорфа и для этаповъ.

Войсковая Команда Тильзитъ: — Полк. ГОФМАНЪ (4 бат., 3 эск., 4½ тяж. бтр.).

Усил. 5-я Гв. пѣх. бригада — Ген.-Маіоръ фонъ БЕЛОВЪ (6 бат., 2 эск., 6 пол. и 2 тяж. бр., 2 піонерн. роты).

Усил. 1-я Кав. Див.: — Ген.-Лейт. фонъ БРЕХТЪ (1½ бат., 27 эск., 3 кон. бтр., 1 піон. рота).

16-я Ландв. Дивизія: — Ген.-Маіоръ ЗОММЕРЪ (12 бат., 2½ эск. 6 пол. и 5 тяж. бтр., 2 піон. роты).
XXI-ый Арм. Корпусъ: *) Генералъ отъ Инф. фонъ БЕЛОВЪ (Фрицъ).
31 пѣх. див.: (12 бат., 2 эск., 12 пол. бтр., 2 піон. роты).
42 пѣх. див.: (12 бат., 2 эск., 12 пол. бтр., 2 піон. роты).
3 тяж. бтр., 4—10 снт. ор. бтр. и отдѣленіе лётчиковъ.

---

*) Эльзасскій изъ мѣстныхъ уроженцевъ.

XXXVIII-ый Рез. Корпусъ: Генералъ отъ Кав. фонъ МАРВИЦЪ.
75-я Рез. Див.: (9¼ бат., 1 эск., 12 бтр., 1 піон. рота) Полки №№ 249, 250, 251.

76-я Рез. Див.: (9¼ бат., 1 эск., 12 бтр., піон. роты). Полки №№ 252, 253, 254.

XXXIX-ый Рез. Корпусъ: Ген.-Лейт. ЛАУЭНШТЕЙНЪ.
77-я Рез. Див.: (9¼ бат., 1 эск., 12 бтр., 1 піон. рота).
78-я Рез. Див.: (9¼ бат., 1 эск., 12 бтр., 1 піон. рота).
3 эск., 3 тяж. бтр., отдѣленіе летчиковъ.

Эрзацъ-Бригада фонъ ЭЗЕБЕКЪ **): (6 бат., 1 эск., 1 гауб. бтр.) Лыжный бат. № 2.

8-ая АРМІЯ.

(7½ пѣх. Див., ½ Кав. Див.).

Командующій Арміи: Ген. отъ Инф. фонъ БЕЛОВЪ (Отто).

Начальникъ Штаба: Ген.-Маіоръ фонъ БЕКМАНЪ.

Армейскія войска: (4—10 см., 4—21 см. и 2 австр. 30,5 см. морт. бтр., 2 піонерн. роты и 2 отдѣленія летчиковъ).

10-я Ландв. Дивизія: Ген.-Лейт. КЛАУЗІУСЪ: 9-я Ландв. Бр. и Эрзацъ-Бриг. Кенигсбергъ.
(12 бат., 4 эск., 7 пол., 2½ пол. тяж. гаубицъ, 1—10 см. бтр. и 3 піон. роты).

3-ья Рез. Див.: Ген. отъ Инф. КОЛЕВЕ: 5-ая рез. бриг. и 6-ая р. бригада.
(12 бат. 3 эск., 6 пол. и 3½ пол. гауб. бтр., 1 піон. рота).

1-я Ландв. Див.: Ген. отъ Инф. фонъ ЯКОБИ: 6 Ландв. бриг., 34 Л. бр. и 5 пѣх. бригада.
(18 бат., 4 эск., 6 пол. и 3½ пол. тяж. бтр.).

1-ый Арм. Корпусъ: Ген.-Лейт. КОШЪ.

2-ая пѣх. Див.: Ген.-Лейт. фонъ ФАЛЬКЪ. (12 бат., 4 эск., 12 пол. и 3½ пол. тяж. бтр., 3 піон. роты).

11-я Ландв. Див.: Ген. отъ Инф. фонъ ФРЕЙДЕНБЕРГЪ: 33 Ландв. Бригада и 70 Ландв. Бригада.
12 бат., 4 эск., 12 пол. и 3½ тяж. бтр., 1 піон. рота).

**) Ей подчинилась и войсковая команда Тильзитъ.

XL-ый Рез. Корпусъ: Ген. отъ Инф. ЛИТЦМАНЪ.

79 Рез. Див.: Ген.-Маіоръ БОЕССЪ (9¼ бат., 1 эск., 12 пол. и 3 бтр. тяж. пол. гауб., 1 піон. рота). Полки №№ 261, 262 и 263.

80 Рез. Див.: Ген.-Маіоръ БЕКМАНЪ (9¼ бат., 1 эск., 12 пол. и 3½ бтр. пол. тяж. гауб. 2 піон. роты). Полки №№ 264, 275, 266. Отдѣленіе Летчиковъ.

3-ья Кав. Бригада: (8 эск., 1 бтр.).

Отрядъ Ландштурма Пограничной Стражи: Полк. БАКМЕЙСТЕРЪ (3½ бат. лдш., 1 эск., 2 бтр.).

Съ 9-го февраля

4-ая Кав. Див. (1 бат. 19 эск. (позже 24 эск.), 2 кон. бтр.).

Съ 13 февраля

41-ая пѣх. Дивизія.

АРМЕЙСКАЯ ГРУППА ГАЛЬВИЦА *).

(7½ пѣх. див., 1⅔ кав. див.).

Командующій: Генералъ отъ Арт. фонъ ГАЛЬВИЦЪ.

Нач. Штаба: Подполковникъ фонъ РЕДЕРНЪ.

Группа ШОЛЬЦЪ **): Ген. отъ Арт. фонъ ШОЛЬЦЪ.

37-ая пѣх. див.: Ген.-Лейт. фонъ ШТААБСЪ (8½ бат., 2½ Ланд. бат., 12 эск., 6 пол. и 3 тяж. бтр., 1 піон. рота).

41-ая пѣх. Див.: Ген.-Лейт. ШМИДТЪ фонъ КНОБЕЛЬСДОРФЪ 12 бат., 4 эск., 12 пол. и 3 тяж. бтр.).

Ландш. группа ГОЗЛИХЪ: (3 бат., 2 эск., 1¼ бтр.).

Корпусъ ЦАСТРОВЪ (Гауденцъ): Ген.-Лейт. СУРЕНЪ.

---

*) Арм. группа была усилена въ февралѣ изъ прочихъ армій: 1 Р Корп., 21-й Св. Ландв. бриг., 3-й пѣх. див. (безъ 5 пѣх. бриг. и 3 бтр.), 4-мъ Ланд. п. съ 3-мя бтр., 9 Лдв. бриг. и кромѣ того 3 пол., 2 тяж. и 2 морт. 30 см. бтр., Австро-Венг. 3 Кав. Див., 6-ою Кав. Див., итого: 3¾ Див. и 2 Кав. Див. Въ мартѣ группа усилилась 11-й п. Рез. Бриг., ½ 2-ой пѣх. Див., 5 Гв. пѣх. Бриг., 76-й Р. Див. (безъ 1 полка), 78 Р. Див. (безъ 1 полка), 26 пѣх. Див. и кромѣ того 2 морт. и 3 тяж. бтр., 8 Кав. Бригадой, итого 4½ Див. и 1 кав. бр. Всего въ Арм. Группѣ къ концу марта состояло 15 пѣх. див. и 1½ кав. д.

**) 13-го февраля расформирована съ причисленіемъ 41-ой пѣх. див. къ 8-ой Арміи на Ломжинскій участокъ.

Див. ВЕРНИЦЪ: (11¼ бат., 3 эск., 6 пол. и 4 тяж. бтр., 1 піон. рота).

Див. БРЕЙГЕЛЬ: (14½ бат., 2 эск., 3 пол. и 5 тяж. бтр., 2 піон. роты).

Бригада ПФЕЙЛЬ: (5 бат., 4 эск., 3 пол. и 1 тяж. бтр., 2 піон. роты). Отдѣленіе летчиковъ.

2-ая Кав. Див.: (1 егерск. и 8 ландш. бат., 31 эск., 3 кон. и 6—10 см. бтр.).

1-ая Гв. Рез. Див.: Ген.-Маіоръ АЛЬБРЕХТЪ. (13 бат., 3 эск., 9 пол. и 2 тяж. бтр., 2 піон. роты. Отдѣленіе летчиковъ).

Корпусъ ДИКХУТЪ (Торнъ): (17 бат., 3 эск., 6 пол. и 5 тяж. бтр.). 75-ая пѣх. бр., *), 15-ая Рез. пѣх. бриг., Бригада ГРИПЕНКЕРЛЬ.

9-ая АРМІЯ.

(17½ пѣх. Див., 4 Кав. Див.).

Командующій Арміи: Генералъ-Полковникъ фонъ МАКЕНЗЕНЪ.

Нач. Штаба: Ген.-Маіоръ ГРЮНЕРТЪ.

---

*) Изъ состава 37 пѣх. див.

РУССКІЕ ИСТОЧНИКИ.

1. Генералъ Буняковскій — «Краткій очеркъ обороны крѣпости Осовца» (изъ воспоминаній участника обороны). «Военный Сборникъ». Кн. 5, Бѣлградъ. 1925 г.
2. Н. Н. Головинъ....... — Изъ исторіи Кампаніи 1914 г. на Русскомъ фронтѣ. Начало войны и операціи въ Восточной Пруссіи. Прага. Изд. Пламя.
3. Ген. Ю. Н. Даниловъ — «Россія въ Міровой Войнѣ 1914—1918». Книгоиздательство «Слово». Берлинъ. 1924 г.
4. М. П. Каменскій .... — «Гибель XX Корпуса» 8/21-го февраля 1915 года. (По архивнымъ матеріаламъ Штаба 10-ой Арміи). Государственное Издательство. Петербургъ. 1921 г.
5. А. Незнамовъ .... — Стратегическій обзоръ войны 1914—1918 г. Москва. 1922 г.
6. Ген.-Лейт. Розеншильдъ фонъ Паулинъ .... — «Гибель XX Армейскаго Корпуса въ Августовскихъ лѣсахъ». «Военный Сборникъ». Кн. 5. Бѣлградъ. 1925 г.
7. А. А. Успенскій .... — «На войнѣ». Изд. автора. Литва. Каунасъ. 1932 г.
8. .... — Записки офицеровъ нѣкоторыхъ полковъ, участвовавшихъ въ операціяхъ.

ИНОСТРАННЫЕ ИСТОЧНИКИ.

Col. Aublet .... Revue Militaire Française. 1931.

Général Buat .... „Hindenburg et Ludendorff Stratèges". Berger-Levrault. Etiteurs. Paris 1923.

Erich v. Falkenhayn .. „Die Oberste Heeresleitung 1914—1916". Berlin 1920. E. S. Mittler und Sohn.

Wolfgang Foerster .... Graf Schliffen und der Weltkrieg. Berlin 1921. Verlag von E. S. Mittler und Sohn.

Generalmajor Max Hoffmann .... „Aufzeichnungen". Berlin 1929.

Sir Alfred Knox ...... „With the Russian Army 1914—1917". Vol. 1. Hutchinson & Co. London 1921.

Admiral Konsett ...... „Triumph of unarmed forces".

Erich Ludendorff .... „Meine Kriegeserinnerungen 1914—1918". E. S. Mittler und Sohn. Berlin 1919.

Curt v. Morgen ...... „Meiner Truppen Heldenkämpfe". Verlag von E. S. Mittel und Sohn. Berlin 1920.

Hans Neumann ...... Hindenburgs Wirterschlacht in Mazuren. Berlin, 1915. E. S. Mittler und Sohn.

Reichsarchiv.......... Der Weltkrieg 1914—1918. Siebend. Band. Berlin 1931. „Die Operationen des Jahres 1915".

V. Redern............ „Der Grosse Krieg in Einzeldarstellungen". Herausgegeben im Auftrage des Generalstabe des Feldheres; Heft 20. V. Redern. „Die Winterschlacht in Mazuren".

Ein Generalstäbler .... (H. Ritter). „Kritik des Weltkrieges". 1921. Berlin. Verlag K. F. Koehler.

Исторіи нѣкоторыхъ германскихъ полковъ и батальоновъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Боевое расписаніе русскихъ войскъ на Сѣв.-Зап. фронтѣ къ 8-му февраля 1915 г.
2. Списокъ начальниковъ частей русскаго XX-го Армейскаго Корпуса.
3. Боевое расписаніе состава русскаго XX-го Армейскаго Корпуса 1-го февраля 1915 г.
4. Таблица потерь русской 10-ой Арміи въ Восточной Пруссіи.
5. Описаніе поручика Фищенко боя XX-го Корпуса 21-го февраля 1915 г.
6. Боевое расписаніе русскихъ войскъ на правомъ берегу Вислы въ концѣ марта 1915 г.
7. Боевое расписаніе войскъ Германскаго Восточнаго фронта къ 8-му февраля 1915 г.

СХЕМЫ.

1. Общее положеніе на Сѣв.-Зап. фронтѣ въ январѣ 1915 г.
2. Отступленіе русской 10-ой Арміи съ 8-го по 17-ое февраля 1915 г.
3. Расположеніе войскъ 10-ой, 12-ой, и 1-ой Армій Сѣв.-Зап. фронта вечеромъ 16-го февраля 1915 г.
4. Дѣйствія 10-ой Арміи 8/21-го февраля 1915 г.
5. Наступленіе русской 10-ой Арміи 8—21 марта 1915 г.
6. Отчетная карточка Ломжинскаго участка.
7. 1-ая Праснышская операція 18—25 февраля 1915 г.
8. Наступленіе русской 10-ой Арміи 23—27 марта 1915 г.
9. 2-ая Праснышская операція въ мартѣ 1915 г.
10. Расположеніе войскъ Сѣв.-Зап. фронта къ концу апрѣля 1915 г.

КРОКИ.

11. Сопоцкинскія позиціи.

ПРИМѢЧАНІЕ: При составленіи схемъ и картъ авторъ для обозначенія расположенія и передвиженій германскихъ войскъ пользовался схемами и картами, приложенными къ изданію Германскаго государственнаго архива «Міровая война 1914 — 1918».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе 1

Глава І-ая.

Состояніе нашихъ войскъ на западномъ фронтѣ послѣ 5 мѣсяцевъ наступательной войны. Планы дѣйствій — наши и нашихъ противниковъ. Расположеніе нашихъ и германскихъ войскъ на сѣв.-зап. фронтѣ къ серединѣ января 1915 г. Оцѣнка силъ и возможностей русской 10-ой арміи въ предстоявшей борьбѣ. Инженерная подготовка района дѣйствій на Восточно-Прусскомъ театрѣ. Схемы 1 и 2 5

Глава ІІ-ая.

Начало формированія 12-ой арміи и дѣйствія нашей кавалеріи на Торнскомъ направленіи. Наша попытка захватить Ласдененское лѣсное пространство съ цѣлью продвинуть нашу кавалерію впередъ къ р. Инстеръ. Развертываніе 8-ой и 10-ой германскихъ армій противъ нашей 10-ой арміи и планъ операцій. Демонстрація 9-ой германской арміи противъ Варшавы. Переходъ германской 8-ой арміи въ наступленіе съ обходомъ лѣваго фланга нашей 10-ой арміи. Мѣры противодѣйствія ІІІ-го Сиб. корпуса по 10-ое февраля. Наступленіе германской 10-ой арміи противъ Вержболовской группы и въ обходъ праваго фланга. Дѣйствія Вержболовской группы по 10-ое февраля. Рѣшеніе командующаго нашей 10-ой арміей начать 10-го февраля вечеромъ отходъ центромъ арміи. Разсмотрѣніе этихъ событій. Схемы 2 и 3. 43

Глава ІІІ-ья.

Отходъ XX-го корпуса 10-го февраля вечеромъ на линію Тольминкеменъ-Думбельнъ-Гольдапъ-Радзавенъ. Тревожныя свѣдѣнія изъ Вержболовской группы. Рѣшеніе Командующаго 10-ой арміи продолжать отходъ 11-го февраля до Государственной границы. Приказъ Главнокомандующаго — остановить наступленіе противника на линіи Козлова-Руда—Маріамполь, и далѣе назадъ не отходить. Переговоры по телеграфу генерала Сиверса по этому поводу со Штабомъ фронта и заключительная телеграмма генерала Рузскаго отъ 11-го февраля Занятіе 27-ой дивизіею линіи отъ Нассавена до Выштинецкаго

озера для обезпеченія отхода прочихъ войскъ XX-го корпуса. Бой 27-ой дивизіи 12-го февраля и его результаты. Бой 29-ой дивизіи около Рудки Тартака 13-го февраля. Отходъ всѣхъ частей XX-го корпуса къ Сувалкамъ 13-го февраля. Директивная телеграмма генерала Рузскаго отъ 13-го февраля и указаніе Штаба фронта — спѣшить съ отходомъ. Разсмотрѣніе обстоятельствъ отхода XX-го корпуса. Схема 2 75

Глава IV-ая.

Лыкскіе бои группы генерала Радкевича: дѣйствія сторонъ 11—13 февраля. Отходъ отъ Лыка. Приказаніе Командующаго 10-ой арміи о переходѣ въ наступленіе. Привлеченіе противникомъ изъ центра 2-хъ дивизій съ сѣвера къ Августову. Надежда германцевъ обойти нашъ крайній лѣвый флангъ черезъ Тайно. Нашъ ударъ во флангъ германцевъ частью гарнизона крѣпости Осовца. Полная неудача попытокъ нѣмцевъ отрѣзать группу генерала Радкевича отъ Августова. Изложеніе операцій 8-ой германской арміи съ 7-го по 15-ое февраля согласно германской «Исторіи Міровой Войны 1914—1918 гг.» Схема 2 99

Глава V-ая.

Подходъ германской 10-ой арміи 13-го февраля къ линіи Сувалки-Сейны и захватъ Сейнъ. Обсужденіе обстановки въ Штабѣ XX-го корпуса 13-го февраля вечеромъ. Телеграмма ген. Булгакова въ Штабъ арміи. Приказъ XX-му корпусу оборонять Сувалки. Рекомендація Генерала Сиверса о переходѣ въ наступленіе. Приказъ генерала Сиверса объ уходѣ изъ Сувалокъ ночью съ 14-го на 15-ое февраля. Занятіе позиціи Плюцезно-Поддубовекъ. Значеніе этой позиціи. Отходъ праваго арьергарда 15-го февраля. Бой лѣваго арьергарда. Бой III-го Донскаго полка на шоссе около Махарцы. Продвиженіе бригады 42-ой германской пѣх. дивизіи на Августово. Рѣшеніе генерала Булгакова 16-го февраля захватить Махарцы. Бой у Сѣрскаго Ляса. Дѣйствія бокового авангарда генерала Чижова 15-го февраля. Дѣйствія германской 10-ой арміи съ 12-го по 16-ое февраля около Сувалокъ и Сейнъ въ изложеніи германской «Исторіи Міровой Войны 1914—1918 гг.» Схема 2 111

Глава VI-ая.

Событія въ группѣ генерала Радкевича 15-го, 16-го и 17-го февраля. Сложившаяся новая обстановка для дальнѣйшихъ дѣйствій германцевъ. Рѣшеніе Фельдмаршала Гинденбурга и поставленныя имъ новыя задачи арміямъ. Дѣйствія XX-го корпуса 17-го февраля. Рѣшеніе генерала Булгакова отойти за Августовскій каналъ для дальнѣйшаго движенія на Сопоцкинъ. Общая обстановка на сѣв. зап. фронтѣ въ освѣщеніи Штаба фронта и Ставки. Схемы 2 и 3.......................... 145

Глава VII-ая.

Организація движенія XX-го корпуса къ Сопоцкину. Дѣйствія авангарда генерала Чижова 16-го и 17-го февраля. Установленіе факта занятія противникомъ передовой позиціи крѣпости Гродно впереди Сопоцкина. Мысли о возможности для XX-го корпуса 18-го февраля пройти въ Гродну въ стыкъ между Старожинцы и Липскомъ. Общія условія походнаго движенія корпуса. Подходъ 18-го февраля 27-ой дивизіи къ р. Волкушка и неудачная попытка форсировать переправу 18-го февраля. Схемы 2 и 11 171

Глава VIII-ая.

Бои для прорыва XX-го корпуса 19-го и 21-го февраля подъ крѣпостью Гродна. Попытка генерала Сиверса выручить XX-ый корпусъ переходомъ въ наступленіе 21-го февраля всѣми войсками 10-ой арміи. Схемы 4 и 11 183

Глава IX-ая.

Февральскіе бои у Гродны, Ломжи, Осовца и Прасныша. Отходъ германцевъ отъ Бобра и Нѣмана. Схемы 5, 6 и 7 211

Глава X-ая.

Бои на Нѣманѣ, Наревѣ и около Прасныша въ мартѣ и апрѣлѣ 1915-го года. Схемы 6, 8. 9 и 10 246

Глава XI-ая.

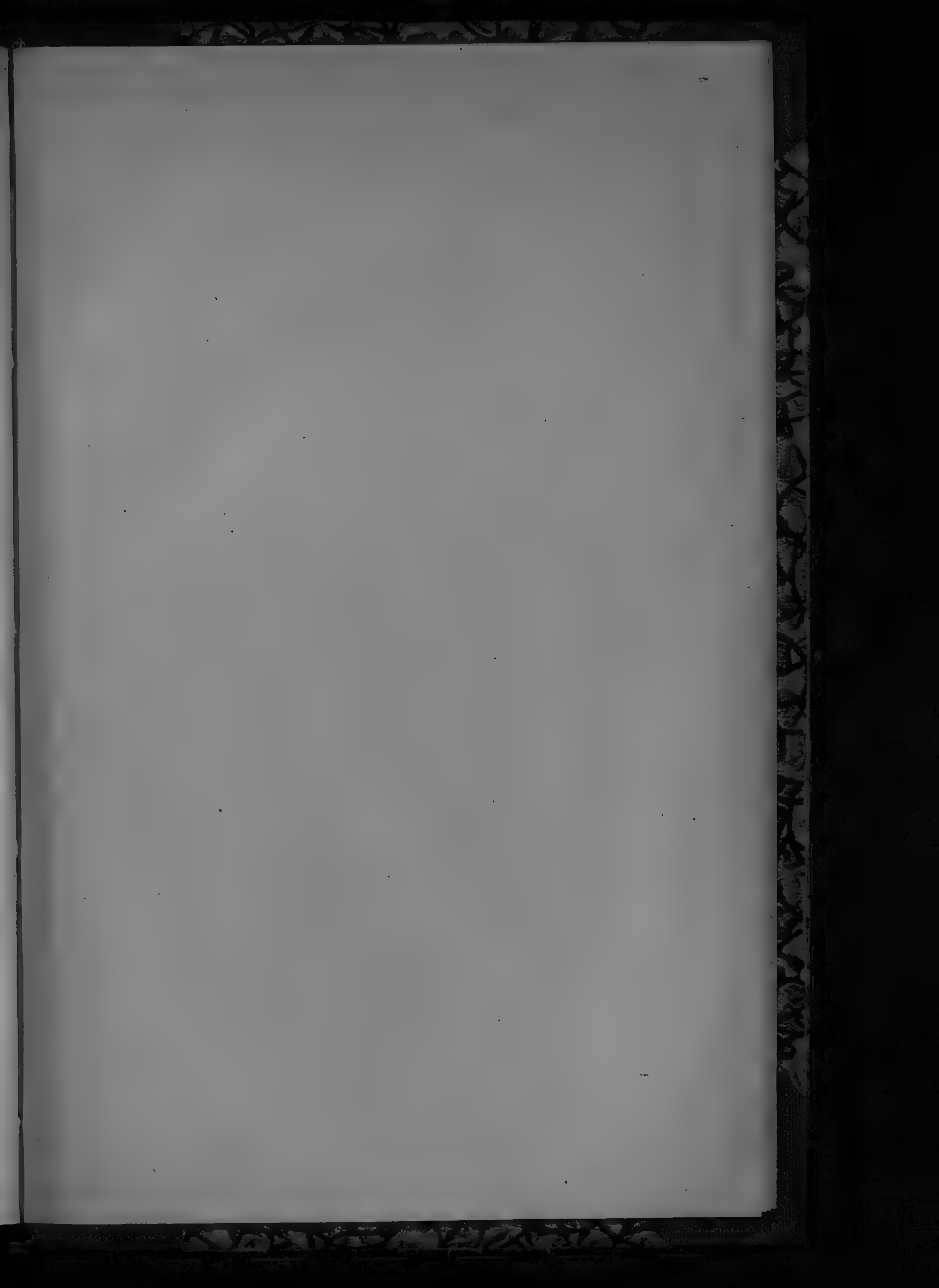
Послѣсловіе 268

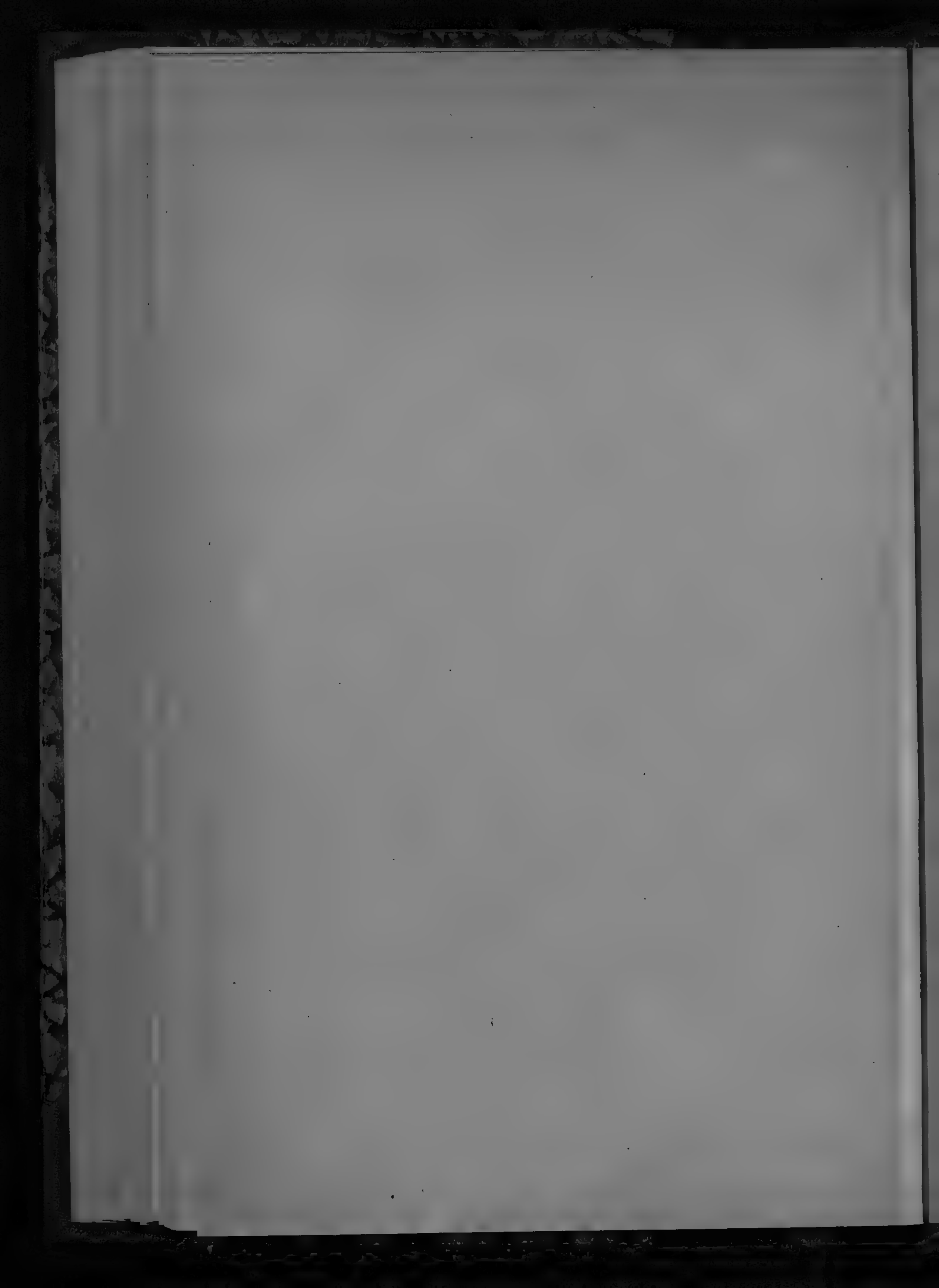
Замѣченныя опечатки:

На схемѣ № 2:

Начало боевъ у Грабницка и Вошеллена

указано:	слѣдуетъ читать:
7/II	9/II

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ Estonia, Tallinn, Harju tän. № 39
магаз. „РУССКАЯ КНИГА"

